

АНАТОЛІЙ МАРТЫНОВСКІЙ,

АРХІЕПИСКОПЪ МОГИЛЕВСКІЙ,

И

ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ.

∞∞ -----

Съ портретомъ Высокопреосвященнаго и художественными прило-
женіями.

М. Едминскаго.

К І Е В Ъ.

Типографія Р. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4

1889.

Апатолий, бывший арх. Могилевский и Мстиславский.

Изъ журнала Труды Кіевской дух. Академіи, за 1885—1889 гг.

1.

Характеристическія черты личности преосвященнаго Анатолія.—Матеріалы для его біографіи.—Его отрочество, воспитаніе въ училищѣ, семинаріи, учительство; женитьба, священство; вдовство, призваніе къ монашеству и припадіе его.—Поступленіе въ Кіевскую академію, занятія въ ней, поэтическія упражненія, тревога изъ-за ученой степени по окончаніи курса.—Анатолій—бакалавръ академіи; ректоръ курской или бѣлгородской семинаріи, ректоръ новгородской семинаріи; труды и испытанія. Заступничество со стороны м. Серафима, немилость, потомъ благоволеніе со стороны м. Филарета.

Въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ текущаго столѣтія въ нашей духовной литературѣ замѣтно выдавался своими трудами высокопреосвященный Анатолій Мартыновскій, архіепископъ Могилевскій. Почившій іерархъ былъ плодовитъ и разностороненъ въ своихъ трудахъ. Какъ историкъ, онъ извѣстевъ сочиненіемъ „объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквямъ и ко всему человѣческому роду“; какъ богословъ—сочиненіемъ (выдержавшимъ пять изданій) „Вѣра, надежда и любовь“; какъ проповѣдникъ—обширнымъ сборникомъ (пять частей) въ высокой степени назидательныхъ проповѣдей; какъ художникъ - живописецъ—„брошюрою объ иконописаніи“; какъ публицистъ—рядомъ серьезныхъ статей, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ. Но не одною только плодовитостію и разносторонностію своего ума памятенъ этотъ іерархъ: на ряду съ такими качествами ума въ немъ

Анатолій Мартыновскій. 1

соединялись и рѣдкія качества сердца: доброта, мягкость, смиреніе и др. Особенно замѣчательна его доброта, не отказывавшая въ помощи никому изъ тѣхъ, кто только имѣлъ случай обратиться къ архипастырю съ какою-либо просьбою. Оказанныя имъ благодѣвія живо еще чувствуются всѣми, испытавшими на себѣ ихъ дѣйствіе. Въ бытность въ моголевской епархіи намъ лично приходилось не разъ выслушивать рассказы объ Анатоліѣ разныхъ облагодѣлительствованныхъ имъ лицъ,—особенно вдовъ и сиротъ духовнаго званія, и отрадно было видѣть, съ какою неподдѣльною благодарностію вспоминали они объ этомъ незабвенномъ іерархѣ. Будучи сыномъ сельскаго священника, выросшимъ среди невзгодъ и лишеній, онъ постоянно питалъ въ себѣ горячую любовь къ духовенству: на всѣ нужды послѣдняго онъ отзывался со свойственнымъ ему искреннимъ участіемъ. Его одинаково интересовали какъ матеріальное положеніе духовенства, такъ умственное состоявіе и нравственный уровень послѣдняго. Сжималось отъ боли любящее сердце архипастыря, когда онъ видѣлъ униженіе нашего духовенства сравнительно, напр., съ латинскимъ и протестантскимъ, и перѣдко овладѣвавшую имъ въ этихъ случаяхъ скорбь онъ откровенно изливалъ въ статьяхъ и письмахъ къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Съ рѣдкими качествами ума и сердца въ преосвященномъ Анатоліѣ соединялась глубокая преданность интересамъ церкви. Это былъ образецъ неутомимаго борца за православіе со всѣми врагами его (главн. образомъ латинянами). Въ теченіе своей многолѣтней (свыше 30 лѣтъ) архипастырской дѣятельности въ западномъ краѣ онъ неустанно боролся съ послѣдними всѣми силами своего ума и своей воли. Въ большинствѣ своихъ сочиненій онъ старался поразить враговъ православія несокрушимымъ оружіемъ правды вѣры и здраваго разума, а въ своей практической дѣятельности стремился на дѣлѣ дать торжество православію надъ иновѣріемъ. Къ этой послѣдней цѣли были направлены

многія административныя распоряженія преосвященнаго, а также его частыя сношенія съ Св. Синодомъ по поводу тѣхъ или другихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны латинявъ. Никакія скорби и огорченія, которыя ему пришлось испытать во время этой многотрудной борьбы, не останавливали его на пути къ разѣ намѣченной цѣли. Твердыми шагами и неустрасимо шелъ онъ впередъ, — высоко предъ собою держа знамя православія. Таковъ въ общихъ чертахъ образъ преосвященнаго Анатолія¹⁾.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ нами статей и замѣтокъ о преосвященномъ Анатоліѣ только послѣднія четыре (Кіев. Стар. и Труды Кіев. Академія) представляютъ болѣе или менѣе значительный біографическій интересъ, остальные же маловажны. Помимо печатнаго матеріала мы пользовались при писаніи біографіи разными, оставшимися по смерти

¹⁾ Матеріалами для біографіи преосвященнаго Анатолія служили для насъ прежде всего собственныя сочиненія Анатолія (главнымъ образомъ его публицистическія статьи, въ которыхъ по частямъ разсѣяны разныя біографическія черты), а затѣмъ помѣщавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи и замѣтки о немъ, хронологическій перечень которыхъ здѣсь и приводимъ: некрологъ преосв. Анатолія, — Уарова, помѣщенный въ Кишиневскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1872 г. (№ 16) и перепечатанный въ журналѣ Странникъ за тотъ же годъ (т. 3-й), краткія извѣстія объ Анатоліѣ въ сочиненіи Юрія Толстаго „списки архіереевъ“ (СПБ. 1872 г.), некрологъ и списокъ его сочиненій, составленный Г. Н. Геннадіемъ въ Русскомъ Архивѣ (1874 г., кн. 2-я, стр. 1095), замѣтки объ Анатоліѣ, заключающіяся въ воспоминаніяхъ о московскомъ святителѣ Филаретѣ преосв. Никодима Казанцева (Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ 1877 г. апрѣль — іюнь, кн. 2-я), краткая замѣтка объ Анатоліѣ Д. С. Мацѣевича (Подольскія Епарх. вѣдом. за 1878 г. № 21), статья подъ заглавіемъ: „Архіерейскія печали“, помѣщенная въ „Кіевской Старинѣ“ К. Березю (1882 г. май), небольшая замѣтка объ Анатоліѣ въ томъ же журналѣ д-ра Пирожкова (1883 г. іюль), „матеріалы и замѣтки къ біографіи архіепископа Анатолія“ Д. С. Мацѣевича, печатавшіяся въ Трудахъ Кіевской Академіи 1883 г. ноябрь, и наконецъ матеріалы къ біографіи архіепископа Анатолія, появившіяся въ недавнее время на страницахъ Кіевской Старини подъ заглавіемъ: „Изъ посмертныхъ бумагъ Могилевскаго Архіепископа Анатолія Мартыновскаго“ (Кіевская Старина 1884 г. іюнь), сообщ. К. Береза.

преосвященнаго, рукописями, (болѣе цѣнныя изъ нихъ составляютъ пріобрѣтеніе Церковно-Археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи), а также изустными свѣдѣніями о жизни и дѣятельности преосвященнаго, собранными нами въ бытность въ могилевской епархіи.

О первыхъ годахъ жизни преосвященнаго Анатолія мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній¹⁾. Знаемъ однакоже слѣдующее: Анатолій родился въ 1793 г. въ мѣстечкѣ Мясновкѣ, подольской губ., ольгопольскаго уѣзда, и крещенъ съ именемъ Августина. Отецъ Августина, Василій Мартыновскій былъ малороссъ, а мать молдованка. Отецъ былъ священникъ изъ униатовъ, но въ 1793 г. въ числѣ другихъ онъ присоединился къ православію²⁾. Вскорѣ же по присоединеніи къ православію онъ перемѣстился съ родины Августина—села Мисновки въ село Хрустову, ольгопольскаго уѣзда, принадлежавшее въ ту пору графу Ягушинскому³⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствуются нами частію изъ послужнаго списка арх. могилевскаго Анатолія, но главнымъ образомъ изъ автобіографической записки самаго Анатолія. Последняя составлена въ 1823 г. скоро послѣ поступленія автора, бывшаго уже іеромонахомъ, въ студенты Кіев. дух. Акад. Изъ черноваго подлинника ея (на латинскомъ языкѣ) не видно повода, по которому написана эта записка, какъ равно и то, для кого писалъ ее іеромонахъ Анатолій. Она существуетъ въ 2-хъ редакціяхъ. Въ первоначальной редакціи авторъ думалъ было говорить о себѣ прямо — въ первомъ лицѣ, — но въ окончательной нашелъ болѣе соответствующимъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ и только къ концу перейти въ первое. Вообще послѣдняя редакція носитъ на себѣ слѣды риторическихъ украшеній. Рукопись Церк.-Археол. Музея при Кіев. дух. Академіи № 305 и вариантъ ея № 390.

²⁾ Свѣдѣнія о годѣ и мѣстѣ рожденія Августина заимствованы изъ послужнаго списка Анатолія, а извѣстія о родителѣхъ сообщены въ „Чтеніяхъ въ Императ. Общ. Исторія“ 1877 г. кн. 2-я.

³⁾ Село Хрустова расположено въ глубокой каменистой ложбинѣ между двумя рѣчками (одна изъ нихъ впадаетъ въ Днѣстръ), дѣлящими село на двѣ половины. По преданію народа, село получило свое названіе отъ крестообразно расположенныхъ здѣсь горъ, отчего и называютъ его Христова. Но съ большею вѣроятностію можно полагать, что въ древности по окружающимъ село горамъ, росъ въ изобиліи тонкій лѣсъ—хворостъ, по польски *chrust*, отчего и село могло называться Хрустова. Съ этимъ селомъ у Августина связываются чуть не первыя

Каковы были родители Августина по складу своего ума и характера—намъ ничего неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, какова была та жизненная обстановка, среди которой Августинъ провелъ первые годы своего дѣтства. Принимая однакожъ во вниманіе обычную бѣдность сельскихъ священниковъ въ концѣ прошлаго вѣка, можно думать, что обстановка эта была далеко непривлекательна, чтобы не сказать, убога. Предположеніе наше оправдывается въ нѣкоторой степени и тѣмъ отзывомъ Августина (впослѣдствіи Анатолія), который онъ даетъ о первоначальныхъ годахъ своей жизни. Вотъ что въ началѣ своей автобіографической записки говоритъ о себѣ Августинъ: „Если тотъ праведникъ, который во всѣхъ искушеніяхъ, постигшихъ его по допущенію Верховнаго Промысла, ничтоже согрѣши устама своимъ (Іова, 7, 22), если онъ назвалъ жизнь человѣка на землѣ войною, а дни его—якоже дни наемника повседневнаго (Іова, 7, 1),—то насколько болѣе я, призванный къ участию въ этомъ несчастномъ послѣдствіи, могу по всей справедливости сказать о себѣ такъ же, какъ говорилъ другой высочайшей добродѣтели патриархъ: дне пришельствія моего на земли были малы и горьки“ (Быт. 27, 9). „Это какъ разъ идетъ мнѣ вмѣсто приступа, когда я хочу изображать мою измѣчивую и неславную жизнь.¹⁾“ Выразительны и слѣдующія слова автобіографической записки объ отрочествѣ Августина: „итакъ отрочество сего Августина—та пора, которую иныя обыкновенно называютъ золотымъ возрастомъ, пропелось вѣподобіе скоропреходящаго сна, коего событія имѣютъ такое маловажное и

воспоминанія дѣтства; свою привязанность къ нему онъ впослѣдствіи выказалъ, сдѣлавъ не мало цѣнныхъ приношеній въ мѣстную церковь. Это же село или точнѣе, приходъ порешло по преемству отъ отца Августина Васалія Мартыновскаго къ брату его о. Николаю, стараніемъ котораго была заложена нынѣшняя каменная церковь (1839 г.). Подол. Епарх. вѣд. 1862 г. № 16 (отд. неофиц.).

¹⁾ Рукопись Цер.-Арх. Муз. при Кіев. дух. Акад. № 305. Писано правильно латинскою рѣчью.

ничтожное значеніе, что отъ нихъ даже и слѣда какого-либо не должно оставаться въ памяти¹⁾). На основаніи самаго Августина можно, такимъ образомъ, предполагать, что онъ не былъ избалованъ судьбою и въ то время, которое иные называютъ „золотымъ возрастомъ“. Не долго, какъ видно изъ собственнаго его признанія, пользовался онъ и тою свободою, которая составляетъ отраду дѣтской поры. Ранѣе 8 лѣтъ онъ уже познакомился съ серьезною стороною жизни—обученіемъ грамотѣ. Первые начатки чтенія и письма на отечественномъ языкѣ, а также основанія латыни получилъ онъ отъ своего отца. Будучи такимъ образомъ нѣсколько подготовленъ, онъ на 8 или на 9 году своего возраста отданъ былъ въ духовное училище, находившееся въ мѣстечкѣ Шаргородѣ, подольской губ., ямпольскаго уѣзда, и здѣсь усердно занимался изученіемъ правилъ грамматики и поэзіи російскаго и латинскаго языковъ²⁾). Шаргородское духовное училище было довольно хорошо устроено, помѣщаясь въ громадномъ зданіи базилианской постройки и покровительствуемое тогдашнимъ архипастыремъ подольскимъ Іоанникіемъ Полонскимъ. Въ бытность свою въ шаргородскомъ училищѣ Августинъ Мартыновскій, по отъѣзду его товарища Ф. Т. Прибыльскаго, заявилъ себя особеннымъ даромъ памяти, краснорѣчіемъ и искусствомъ рисованія³⁾). Между сотоварищами, которые видѣли въ немъ

¹⁾ Рукопись Церк.-Арх. Муз. при Кіев. дух. Акад. № 305. Въ первоначальной редакціи сказано: „наподобіе сна, игривыхъ явленій котораго память не можетъ собрать въ одно цѣлое“.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Во время пребыванія Августина Мартыновскаго въ шаргородскомъ училищѣ (во 2-мъ классѣ) съ нимъ произошелъ одинъ случай, едва не кончившійся для него весьма печально. Такъ рассказываетъ объ этомъ случаѣ товарищъ Августина по школѣ, Феликсъ Тимофеевичъ Прибыльскій: разъ идя изъ класса чрезъ площадь, мальчикъ Августинъ остановился и смотреть, какъ польская бричка ѣдетъ съ кавальеромъ паномъ. Но польская бричка, увидѣвъ его, также остановилась... спрашивать его: не хочетъ ли онъ съ ними ѣхать? Надо знать, что тогда мало было грамотныхъ мальчиковъ, особенно знающихъ порусски. Они видя, что это ученикъ, и хотѣли его себѣ завербовать.—Поѣду! сказалъ

своего первенца, Августинъ пользовался большимъ почетомъ¹⁾. По окончаніи обученія въ шаргородскомъ духовномъ училищѣ (въ 1806 г.) Августинъ Мартыновскій перешелъ въ Каменецкую духовную семинарію, въ которой до самого 1812 г. прошелъ обычные курсы риторики, философіи и богословія, прочно усвоилъ латынь, довольно ознакомился съ языкомъ греческимъ и нѣмецкимъ, начатками математики, продолжалъ упражняться и въ искусствѣ рисованія²⁾. Къ концу означеннаго года, состоя еще слушателемъ богословскихъ наукъ, онъ, по желанію архіепископа подольскаго Іоанникія³⁾, весьма много ему покровительствовавшего, былъ опредѣленъ сначала учителемъ рисованія, а въ слѣдующемъ году (1813), съ утвержденія того же архіепископа, учителемъ класса инфимы, какъ тогда называли; изъ года въ годъ переходя въ должности учителя въ выс-

Августинъ, понятно, еще мальчишекъ... Садись!—сказалъ наконецъ,—и поѣхали. Завезъ онъ его къ себѣ въ вѣвскую губернію и, разумеется, отдалъ въ экономію, —онъ тамъ долженъ былъ посѣдѣ и служить. Начали его приставлять къ разной работѣ. Начали помыкать. Не хорошо, мальчишекъ одумался. Случилось, что ему нужно было посѣщать домъ одного тамошняго мужичка. Бывало, придетъ туда и расплатится. Хозяйка стала спрашивать: кто ты и откуда? Тотъ наконецъ и рассказалъ свою исторію. Хозяйка сжалилась надъ мальчишкой, увезеннымъ отъ родителей, и начала докучать мужу, чтобы тотъ отвезъ его тайно домой. Трудно было мужичку, отказывался онъ сначала, но наконецъ не устоялъ предъ мольбами жены. Взялъ мальчишка, по рассказамъ его составилъ себѣ маршрутъ и привезъ его къ родителям. Тогда родители нашли третьяго мальчишка и послали его вмѣстѣ съ своими двумя—Августиномъ (героемъ разсказа) и Иваномъ (братомъ его), чтобы тотъ наблюдалъ за ними. Труды Киев. Акад. 1883 г. ноябрь, стр. 509.

¹⁾ Въ числѣ товарищей А. Мартыновскаго былъ и Гречулевичъ, отецъ бывшаго редактора „Страница“, нынѣ преосв. епископа моголевскаго Виталія. Дружескія отношенія, установившіяся между Августиномъ и отцомъ Гречулевичемъ еще со школьной скамьи, перешли и на сына посѣдняго, съ которымъ Августинъ былъ въ дружбѣ. Восп. объ Анатоліѣ Ф. Т. Прибыльскаго. Труды Киевской дух. Акад. 1883 г. ноябрь, стр. 509.

²⁾ Рукопись Церк.-Арх. Муз. при Киев. дух. Акад. № 305, Послуж. списокъ арх. Анатолія.

³⁾ Іоанникій Подонскій былъ епископомъ, потомъ архіепископомъ подольскимъ въ 1795—1819 гг.

шій классъ, онъ такимъ образомъ дошелъ до класса синтаксисы¹⁾. Исполняя обязанности учителя и предавший имъ всей душой, Августинъ Мартыновскій заботился въ тоже время и о собственномъ развитіи. Съ этою цѣлю свободные отъ занятій часы онъ посвящалъ на изученіе языковъ нѣмецкаго и греческаго, которые тогда слабо изучались въ нашихъ школахъ; кромѣ того Августинъ любилъ упражняться и въ нѣкоторыхъ благородныхъ искусствахъ, какъ-то—живописи, поэзій, краснорѣчій и др. По его собственному сознанію, онъ всегда горѣлъ страстью не только къ ученію, но и къ усовершенствованію себя благородными искусствами²⁾. Въ занятіяхъ по должности учителя и въ заботахъ о самообразованіи тихо и безмятежно протекала жизнь Августина Мартыновскаго. Но этой безмятежной жизни юности не суждено было долго длиться. Время отъ времени родители Августина начинаютъ настаивать, чтобы онъ, идя по слѣдамъ предковъ, вступилъ въ священническое званіе. Съ другой стороны, какъ бы въ противовѣсъ этимъ настояніямъ, онъ слышитъ тихія увѣщанія любимаго имъ архипастыря, приглашавшаго поступить въ монашеское званіе. Въ юномъ Августинѣ начинается борьба взаимно противоположныхъ влеченій. Рисуя себѣ по обычаю молодыхъ людей счастливую будущность, и чистыя мечты принимая за склонность природы, онъ думалъ (по собственному признанію), что настало время, когда пора ему освободиться отъ учительскаго труда; а такъ какъ въ возрастѣ Августина голосъ чувствъ, особенно подкрѣпляемый силою молодости, имѣеть большее вліяніе, чѣмъ всякій спасительный совѣтъ, то, распрощавшись со школою и науками, нашъ

¹⁾ Въ 1815 г. онъ былъ учителемъ средняго граммат. класса, арифметики, рисовальнаго искусства и польскаго языка, а въ слѣдующемъ году былъ переведенъ изъ каменецкаго въ шаргородское отдѣленіе Семинаріи учителемъ высшаго грамматическаго класса и рисовальнаго искусства. Послужн. спис. Рв. Муз. Кіев. дух. Академіи.

²⁾ Рукопись Музея при Кіевской дух. Академіи № 305.

Августинъ въ 1817 г. женился (на 25 году своей жизни)¹⁾. Поступивъ въ концѣ 1817 г. во священника къ Николаевской церкви мѣстечка Гранова, гайсинскаго уѣзда, онъ началъ вести жизнь сельскую, неся обязанности то служителя Евангелія, то семьянина. Надежды и ожиданія Августина Мартыновскаго такимъ образомъ сбывались: жизнь тихую и полную чистыхъ удовольствій доставилъ ему семейный очагъ. Радость и понятный восторгъ всецѣло наполняли его существо въ виду новаго счастья—быть отцомъ. Но въ то время, когда, повидимому, все предвѣщало о. Августину счастливую будущность, въ его жизни случилось одно обстоятельство, сильно повліявшее на него. Скоро послѣ женитьбы о. Августина—такъ какъ еще не прошелъ второй годъ со времени ея—жена его распрощалась со свѣтомъ: рожденіе сына было причиною ея смерти...

„Увы! восклицаетъ по сему случаю самъ Августинъ, какъ часто этотъ плотской, но несчастный человекъ (о себѣ говоритъ) взывалъ вмѣстѣ съ Іонаеаномъ: „вкушая вкусихъ мало меду и се азъ умираю“ (1 Царствъ XIV, 43)²⁾. Преслѣдуемый воспоминаніями, онъ обвинялъ себя въ томъ, что отвергъ спасительные совѣты благодѣтеля-архипастыря. Размышляя о суетѣ всего земнаго, о. Августинъ поступилъ въ Каменецъ-Подольскій первоклассный монастырь, съ намѣреніемъ постричься въ монахи; но голосъ природы, именно — несчастнѣйшее состояніе сиротки, удер-

¹⁾ „Не вѣдалъ несчастій, говорить по сему случаю самъ Августинъ, что ему совѣтъ не соответствуетъ состояніе, которое могло сломить и силы и спокойствіе его духа необычайною скорбію, тѣмъ болѣе, что и вышеупомянутый всякой памяти достойный архипастырь, какъбы въ пророческомъ духѣ, часто побуждалъ его къ избранію жизни монашеской, которая, какъ научили его опасности, была предвазначена ему самымъ Промысломъ“. Автобіогр. Анатолія. Рукопись Муз. Кіев. дух. Академіи № 305.

²⁾ „Ah! quam hic carnalis homo caeterum miser cum Jonatha clamabat: gustans gustavi paululum mellis et ecce morior“. Нельзя не подивиться умѣнью Августина Мартыновскаго кратко и въ тоже время сильно выразить свое душевное состояніе. Рукопись Церк.-Арх. Муз. при Кіев. дух. Академіи № 305.

жалъ его отъ поступленія въ монашество съ тѣмъ, чтобы имѣть попеченіе о младенцѣ, страдавшемъ слабымъ здоровьемъ. Послѣ двухгодичнаго пребыванія въ монастырѣ онъ въ сентябрѣ 1821 г. получилъ въ Каменцѣ мѣсто учителя въ старшемъ классѣ уѣзднаго училища, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года комиссіею духовныхъ училищъ определенъ въ подольскую семинарію учителемъ польскаго языка. Здѣсь въ маѣ 1822 г., на 31 году жизни, Августинъ принялъ давно желанную схиму подъ именемъ Анатолія ¹⁾).

Нѣкоторую связь съ міромъ онъ, правда, сохранилъ въ лицѣ сиротки-младенца, воспитаніе котораго поручилъ своей сестрѣ; но и тутъ новая неудача и огорченія постигли іеромонаха Анатолія. Оставивъ младенца на попеченіе своей сестры, Анатолій вѣрилъ (да и сама она клялась), что его сестра будетъ беречь малютку, какъ зѣницу ока. Но вышедши замужъ за кого-то, занявшаго священническое мѣсто А. Мартыновскаго, она, говоритъ послѣдній, „отринула малютку съ безчеловѣчною жестокостію, оставила его въ пренебреженіи и такимъ образомъ, свободная отъ клятвы, которой Анатолію не давала ²⁾, она ускорила смерть младенца, послѣдовавшую въ началѣ этого года, втораго, какъ я живу монахомъ“ ³⁾. Въ повторявшихся такъ часто жизненныхъ огорченіяхъ и неудачахъ А. Мартыновскій усмотрѣлъ мудрое попеченіе о немъ Промысла, предназначающаго ему болѣе высокую цѣль жизни, чѣмъ какую онъ предполагилъ самъ, и вотъ—подъ вліяніемъ такихъ мыслей—онъ рѣшилъ всецѣло посвятить себя Христу, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ его автобіографической записки. „Отринутый міромъ съ помощію даже самаго міра,

¹⁾ Постриженъ въ монашество въ домовой Преображенской церкви подольскаго архієпископа 5 мая 1822 г. Послужной списокъ Анатолія. Рукопись Муз. при Кіев. дух. Академіи.

²⁾ Клятва была дана ею Августину, а не Анатолію. Иронія въ устахъ Анатолія. Рукоп. Церк.-Арх. Муз. при Кіев. дух. Академіи, № 305.

³⁾ Въ началѣ 1823.

освобожденный отъ всѣхъ узъ, которыя еще привязывали меня къ нему, убѣдившись на собственномъ опытѣ, что все на землѣ—суета, я, говоритъ Анатолій, забывая все, что позади, искреннѣйше, насколько есть во мнѣ силы, рѣшился посвятить себя Христу, предать себя Его волѣ и съ благоговѣйнѣйшимъ цѣлованіемъ и любовію моего духа—принять на себя иго Его благое съ бременемъ легкимъ. Въ этой мысли,—поелику тѣ должности, которыя я до тѣхъ поръ проходилъ, представлялись мнѣ, хотя я и безпрестанно занятъ былъ ими, путемъ пространнымъ и дверью широкою, то, желая имѣть ихъ болѣе тѣсными и кромѣ того горя страстію напоить себя свѣтомъ вѣры, какъ единственною надеждою спасенія, — я рѣшился поступить въ Академію, и съ тою цѣлію послалъ ея знаменитѣйшему начальству мое, изложенное на бумагѣ, прошеніе. Когда же недавно желанія души моей исполнились и, оставивши Каменецъ, я положилъ конецъ моей прежней жизни, то ничего теперь мнѣ не остается, какъ умолять Верховный промыслъ, да обновитъ силы духа моего къ воспринятію наукъ, которыя, я не сомнѣваюсь, будутъ непогрѣшительнымъ путемъ къ вѣчному спасенію. О, влеки меня за Собою, Спаситель, и удостой обрѣсти милость въ глазахъ достопочтеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ начальства моего⁴⁾.

Не смотря на то, что спустя двѣ недѣли по постриженіи въ монашество іеромонаху Анатолію предоставлена была должность намѣстника каменецкаго монастыря, съ сохраненіемъ наставпической должности, а спустя четыре мѣсяца пожалована первая духовная награда—набедренникъ, его тянуло къ высшему образованію. Какъ мы уже упомянули равнше, онъ рѣшился поступить въ Кіевскую духовную Академію. На поданное имъ прошеніе о дозволеніи поступить въ эту Академію со стороны началь-

⁴⁾ Рукопись Церк.-Арх. Муз. при Кіев. дух. Акад., № 305.

ства послѣдней послѣдовало согласіе. И вотъ іеромонахъ Анатолій, бывшій учитель подольской духовной семинаріи, имѣя отъ роду слишкомъ тридцать лѣтъ, въ 1823 г. поступаетъ прямо въ старшій курсъ Кіевской Академіи¹⁾. Здѣсь со свойственнымъ ему усердіемъ и любовью къ дѣлу онъ посвятилъ себя изученію преподававшихся въ ту пору богословскихъ наукъ²⁾. Но нельзя сказать, чтобы усвоеніе этихъ наукъ было дѣломъ легкимъ для Анатолія; напротивъ, какъ видно изъ одного его письма къ архіепископу подольскому, Ксенофонту Троспольскому, академическая наука стоила ему большихъ трудовъ и усилий. Такъ, выражая признательность упомянутому архипастырю за тѣ благословенія, коими послѣдній снабдилъ его при отправленіи въ Кіевъ и благодаря которымъ онъ счастливо провелъ два года въ Академіи³⁾, Анатолій говоритъ: „въ противномъ случаѣ (т. е. безъ твоихъ благословеній) — обязываюсь открыто сознаться предъ Богомъ и людьми—я не могъ бы

¹⁾ Въ то и ближайшее послѣдующее время монашествующіе могли освобождаться отъ слушанія наукъ общеобразовательнаго курса, т. е. словесности, философіи, исторіи и математики и поступали прямо въ такъ называемый богословскій курсъ академіи.

²⁾ Въ описываемое намъ время (1823 г.) богословскія науки читались на латинскомъ языкѣ (исключеніе составляли догматич. богословіе и изясненіе Св. Писанія, преподававшіяся на русскомъ языкѣ) примѣнительно къ слѣдующимъ руководствамъ: Св. Писаніе—по руководству митроп. Амвросія; богословіе истолковательное—по руков. Рамбахія; богословіе обличительное—Ириней Фальковского; догматическое и дѣятельное—преосв. Теофилакта Переяславскаго, бесѣдовательное—по руководству къ церковному краснорѣчію. Но придерживаясь упомянутыхъ руководствъ, рекомендованныхъ Высочайше утвержденною комиссіею дух. училищъ, наставники академіи въ то же время, по собственному усмотрѣнію, расширяли и видоизмѣняли чтенія богосл. наукъ. Это можно сказать особенно относительно преподаванія гомилетики, (благодаря самостоятельности наставниковъ принявшей видъ чисто русской православной науки), а также обличительнаго богословія, нарочито расширеннаго въ виду господствовавшего въ ту пору иллюминатизма.

³⁾ Въ другомъ варианти этого письма вмѣсто академіи поставлено: „въ этой печи“ (in hac fornace). См. черновое письмо къ подольскому Архіепис. Ксенофонту. Рукоп. Церк.-Арх. Муз. Кіев. дух. Академіи.

самъ собою выдержать въ высшей степени трудныхъ академическихъ занятій, превышавшихъ мои слабыя силы, тѣмъ болѣе, что, будучи выставленъ для всѣхъ на позоръ и смѣхъ, я былъ здѣсь сначала посмѣшищемъ и какъ бы притчею въ устахъ моихъ товарищей“¹⁾). Приведенный отрывокъ изъ письма іеромонаха Анатолія къ преосвященному Ксенофонту даетъ нѣкоторое понятіе о томъ тяжеломъ, а подчасъ и безотрадномъ положеніи, въ какомъ чувствовалъ себя свыше 30-лѣтній студентъ іеромонахъ; но онъ не поддавался овладѣвавшему имъ по временамъ духу унынія и въ концѣ концовъ вышелъ побѣдителемъ изъ окружавшихъ его трудностей и несприятностей. „И вотъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ тому же архипастырю Ксенофонту, при помощи Божіей всѣ трудности и несприятности развѣялись, какъ дымъ“²⁾). Такому счастливому исходу дѣла онъ безъ сомнѣнія обязанъ самому себѣ, своей самодѣятельности и эвергіи. Сама Академія была для него превосходной школой не только въ учебномъ, но и практически-жизнейскомъ смыслѣ: она содѣйствовала выработкѣ въ немъ терпѣнія и стойкости въ достиженіи разъ намѣченной цѣли.

На ряду съ успѣхами въ изученіи богословскихъ наукъ іеромонахъ Анатолій зарекомендовалъ себя въ Академіи способностію и охотою къ писательству. Нужно замѣтить, впрочемъ, что это писательство было тогда выраженіемъ скорѣе живыхъ его чувствованій, нежели чего-нибудь систематическаго. Однажды бакалавръ церковной исторіи Орловъ,

¹⁾ Вотъ въ подлинникѣ послѣднія слова этого важнаго мѣста: „ostentui et ridiculo omnibus expositus, pro ludibrio et quasi fabula in sodalium meorum ore hic fuerim“. Что было причиною насмѣшливаго отношенія къ нему студентовъ, трудно съ достовѣрностію сказать. Для нѣкоторыхъ изъ болѣе грубыхъ товарищей могло быть поводомъ къ тому и самое монашеское званіе Анатолія, хотя онъ и не былъ единственнымъ монахомъ, какъ это утверждаетъ Л. С. Мацѣвичъ въ своихъ замѣткахъ объ Анатоліѣ (Тр. К. Ак. 1883 г. ноябрь). Другимъ монахомъ былъ товарищъ Анатолія Александръ Демченко. Ист. Б. Акад. Аскочевскаго, стр. 103.

²⁾ Чернов. письмо къ арх. под. Ксенофонту. Рукон. Муз. Киев. дух. Акад.

говоря о ересяхъ, сказалъ что-то, показавшееся Анатолію не совсѣмъ согласнымъ съ ученіемъ православія; это до того возбудило пылкую душу Анатолія, что онъ написалъ горячее опроверженіе на взглядъ своего наставника. Послѣдній, конечно, возсталъ на студента, тѣмъ же менѣе іеромонахъ Анатолій прославился между всею академическою корпораціей¹⁾. Въ своихъ письменныхъ работахъ онъ придерживался схоластико-риторическихъ приемовъ, какіе тогда все еще были въ ходу. А латинскимъ языкомъ, на которомъ большею частію писались студенческія сочиненія, Анатолій владѣлъ въ совершенствѣ²⁾. Свои студенческія сочиненія и проповѣди Анатолій берегъ тщательно и только посылалъ ихъ иногда старику отцу, желавшему утѣшиться академическими успѣхами своего сына³⁾. Упражненіемъ въ писательствѣ служили для Анатолія и письма его къ нѣкоторымъ іерархамъ русской церкви (большею частію къ подольскому архіепископу), писанныя по преимуществу къ праздникамъ и наполненныя риторическими украшеніями. Риторическій тонъ его писемъ можетъ быть объясненъ отчасти и поэтически настроеннымъ воображеніемъ писателя, а также весьма естественнымъ благоговѣніемъ его предъ лицами, стоявшими неизмѣримо выше по своему іерархическому положенію, а къ тому же благодѣтельствовавшими ему (какъ, напр., подольскій архіепископъ Ксенофонтъ). Какъ на студенческія произведенія Анатолія и въ то же время на первые плоды его поэтическаго дарованія можно указать на двѣ оды его, писанныя *in folio*, на польскомъ языкѣ. Оды эти, написанныя стихами (четверостишіями), посвящены: одна — кіевскому митрополиту Евгенію Волховитинову, а другая — подоль-

¹⁾ Этотъ случай изъ студенческой жизни Анатолія рассказанъ его товарищемъ по академіи, кафедральнымъ протоіереемъ въ Кишиневѣ о. Пуршкевичемъ (умеръ въ 1882 г.). Кишинев. Епарх. Вѣд. № 16.

²⁾ Всѣ письма Анатолія, относящіяся къ этому періоду его жизни, за малыми исключеніями, писаны на латинскомъ языкѣ.

³⁾ Труды Кіевской дух. Академіи ноябрь 1883 г., стр. 522.

своему архіепископу Ксенофонту Троспольскому. Приемы изложенія мыслей, сравненія, обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ обѣихъ одахъ, весьма схожи между собою—по мѣстамъ до тождественности. Считаемо не лишнимъ передать содержаніе одной изъ этихъ одъ, болѣе удачной по нашему мнѣнію,—это ода въ честь митрополита Евгенія. Въ началѣ оды поэтически настроенное воображеніе іеромонаха Анатолія рисуетъ картину ночи въ Кіевѣ приблизительно такими красками ¹⁾.

Уже угасли вечерніе лучи солнца,
Землю, лѣсъ и воды ночь одѣла въ тѣни;
Только сіяніе звѣздъ временами освѣщало тучи

И Днѣпръ серебрило.

Временами еще церкви Божіи

Во мракѣ отражали свои позлащенные верхи.

Сонъ одолѣлъ смертныхъ, за день измученныхъ,

Въ надеждѣ уснувшихъ.

Никакой легкой шумъ, ни голосъ не прерывалъ ночной тиши;

Вдругъ разъяснилось облако, что покрывало гору,

Гору славную изъ за своего святаго Апостола (Авдрея),

Также Архангела (Михаила) ²⁾.

Надъ златолитыми щитами славнаго монастыря

Вождь заступниковъ небесныхъ сталъ среди своего хора;

Неисчислимыя воинства его окружали,

Разказовъ ожидали.

Онъ, обождавъ немного, такъ началъ говорить...

Здѣсь благочестиво настроенное воображеніе автора всецѣло переносится въ область горняго міра. Вождь небесныхъ воинствъ разказываетъ собравшимся небожителямъ о томъ, какъ святые (остатки которыхъ въ Кіевѣ почива-

¹⁾ Говоримъ приблизительно потому, что вся прелесть этой картины, а равно — и всей оды можетъ быть понята только въ подлинникѣ на польскомъ языкѣ, а не въ нашемъ перифразѣ на русскомъ языкѣ.

²⁾ Составитель оды имѣлъ въ виду гору, на которой стоятъ церкви св. ап. Авдрея и Михайловскаго монастыря.

ють), предстоя у трона Всевышняго, возносили за людей молитвы и отъ имени послѣднихъ говорили:

Боже благій, въ милости неисчислимый!
Для чего насъ оставилъ возлюбленный пастырь ¹⁾,
Что будемъ дѣлать, овцы бѣдныя, въ несчастной долѣ
Предоставленные самимъ себѣ?...

Онъ насъ водилъ на жизненную пажить Христа,
Молокомъ правды наполяъ, когда насъ насъ вблизи;
А теперь, принимая пищу, мы отъ страха дрожимъ,
Звѣря боимся.

Онъ для насъ сиротокъ былъ, какъ трогательная мать,—
О добръ нашемъ заботился не хуже попечительнаго отца,
Кто же теперь въ злой долѣ пещись будетъ надъ нами
И надъ сиротами!...

Подъ его покровительствомъ процвѣтали и возрастали
науки,
Сама зависть не могла отнять у него этой чести;
Теперь науки увядаютъ, какъ безъ солнца цвѣты.
На что большей утраты!

Далѣ осиротѣвшая паства просить Всевышняго (уста-ми святыхъ) простить ей грѣхи ради Христа, и въ знакъ примиренія возвратить Архипастыря. По поводу этой просьбы вождь воляствъ небесныхъ представляется у автора размышляющимъ о суетности и непостоянствѣ людей въ такихъ приблизительно словахъ:

Люди всегда остаются людьми:
Ихъ просьбы, желанія даже добра
Заключаютъ въ себѣ нѣчто грѣховное;
Отсюда они позвають несчастія.

Нетерпѣливы, хотъ знаютъ, что отъ злаго бережетъ ихъ
Тотъ самый, который держитъ въ своей длани цѣлый свѣтъ,

¹⁾ Подъ оставленіемъ разумѣется здѣсь долгое отсутствіе Евгенія, который, бывъ вызванъ въ С.Петербургъ, пробылъ тамъ съ декабря 1824 года до сентября 1826 года.

Боторый одѣваетъ кедръ, растить кустики

И кормить червячковъ;

Кому одному принадлежитъ всецѣлая доброта;

Который полную свою милость людямъ явилъ,

Когда изъ ада освободилъ.

Но не помнитъ этого всегда недовольный тотъ родъ людской;

Все хотѣлъ бы выслѣдить и т. д.

Охарактеризовавъ такимъ образомъ людской родъ, авторъ снова возвращается къ личности митрополита Евгенія, котораго устами небеснаго Вождя изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ:

Евгеній—изъ тѣхъ людей (число ихъ весьма не велико),

Которыхъ Провидѣніе хранить на великіе случаи;

Вѣка пройдутъ, подобныя не скоро явятся,

Ибо Богъ на нихъ скупится.

А когда для людей подобныя посылаются,

То всегда они отмѣчены бывають знакомъ мудрости;

Въ ихъ чрезвычайномъ служеніи Богъ явно показываетъ,

Что Онъ людьми управляетъ.

Воздавъ такую похвалу Евгенію, тотъ же вождь, обращаясь къ окружавшему его лику небожителей, проситъ ихъ принять на себя опеку надъ здѣшними краями (Кіевъ и прилегающія мѣстности).

Вы, говоритъ онъ, услаждаете несчастную долю этихъ людей;

Пускай она терпѣливо переносятъ разлуку съ Евгеніемъ.

Впайте въ нихъ ту мысль, какъ теперь вѣра должна быть
осторожна,

Утѣшайте ихъ, какъ можно.

Указавъ затѣмъ, что изъ всѣхъ странъ для него въ особенности дорога эта святыня Божія (Кіевъ съ мощами святыхъ), что изъ всѣхъ людей народъ этой земли ему въ особенности милъ, вождь небесный въ заключеніе говоритъ:

А теперь объявите ему (народу) всеобщую радость!

Сегодня годовщина именинъ ихъ Архипастыря,

Пусть молятся Богу.

Этими словами вождя небснаго и заканчивается описаніе горняго видѣнія.

На этомъ исчезло видѣніе, говоритъ авторъ (Wtem znikło widawisko)...

Восходъ розоваго солнца привесъ этотъ радостный день,
Давно желанный:

Всѣ съ какою-то надеждою въ храмы спѣшили,

Въ нихъ такъ молились:

Боже, Отецъ добрый, во вѣки милостивый!

Укрась главу Архипастыря новымъ вѣнцомъ славы!

Дай намъ взглянуть на него, пусть насъ порадуешь,

Пусть къ намъ поспѣшить!

Пусть долго еще гоститъ межъ родомъ людскимъ;

Пусть никогда не знаетъ жала адской зависти;

Пусть имя его слыветъ на границахъ свѣта

Хотя бы вѣчная лѣта!

Дни его пусть процвѣтаютъ въ ясной радости!

Въ той мѣрѣ, какъ онъ прославился науками, добродѣ-
телями,

Боже, для славы Своей храни Архипастыря!

Просимъ Тебя, Господа!

Таково содержаніе оды, переданное нами въ выраже-
ніяхъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ оригиналу.

При всей своей незначительности это поэтическое про-
изведеніе іеромонаха Анатолія все-таки свидѣтельствуетъ о
поэтическихъ дарованіяхъ автора. Изъ него отчасти можно
видѣть, какимъ богатствомъ фантазіи и какимъ умѣніемъ
рисовать поэтическіе образы обладалъ іеромонахъ Анатолій.
Такъ напр., чтобы выставить въ большемъ свѣтѣ заслуги
митрополита Евгенія, Анатолій изображаетъ печальное по-
ложеніе оставшейся безъ руководителя и осиротѣлой его
наствы; отмѣчая затѣмъ слабости и недостатки прочихъ
людей, о немъ отзываясь, какъ о традномъ исключеніи изъ
числа обыкновенныхъ смертныхъ, какъ о посланникѣ Божі-
емъ, — и все это авторъ высказываетъ устами вождя воинствъ

небесныхъ (можетъ быть архангела Михаила). Не придавая серьезнаго значенія этому студенческому упражненію Анатолія въ его поэтическихъ дарованіяхъ, мы все-таки склонны усматривать и въ этомъ мелкомъ произведеніи его задатки будущей литературной его дѣятельности ¹⁾.

Въ занятіяхъ богословскими науками и въ письменныхъ упражненіяхъ незамѣтно уходило все время студенческой жизни Анатолія. Къ концу академическаго 1825 года, когда Анатолій предвдушалъ уже понятное удовольствіе—покончить съ учебными занятіями—на него вдругъ, по его собственному выраженію, нагрянуло несчастье ²⁾. Бывшая комиссія духовныхъ училищъ, по нѣкоторымъ соображе-

¹⁾ Ода въ честь подоляскаго архипастыря Ксенофонта Троспольскаго замѣчательна по намекамъ на положеніе православной церкви и православнаго духовенства въ Подоліи, отражавшемъ слѣды бывшаго преобладанія латинопольскихъ прелатовъ и пановъ. Авторъ призываетъ уроженцевъ плодородной Подоліи возносить благодарные молебны и хвалы Богу въ настоящій день радости, счастья и духовнаго возрожденія ихъ. Всемогущій, съ высоты небесъ взирая на малую подоляскую землю и посылая дары Своей благодати, воззрѣвъ и на то, какъ чада Его церкви въ этомъ край страдаютъ отъ застарѣлой злобы, и въ гнѣвѣ Своемъ сказалъ: „когда же наконецъ люди избудутъ слѣпоты, доколы они, въ злостномъ духѣ, будутъ глузиться надъ Моими правами? Только на время допустилъ Я безбожность на землѣ, чтобы уничтожить предрассудки Запада и сквозь мрачныя тучи дать проникнуть свѣтлу съ Востока. И вотъ Мой Ангелъ, Сѣверный Богатырь, воздвигъ главу того (восточнаго) исповѣданія; а слѣпцы, хотя и обезсиленные, еще не убѣдились (въ своей слѣпотѣ). Потому раздѣлилъ Я эти края, ибо не могъ терпѣть жестокой муки Моихъ избранныхъ и страданій бѣднаго народа, влекомаго на костры. Даже и теперь іереи Моихъ святыхъ храмовъ, униженные ими (панами), едва влачатъ жизнь, явно и тайно преслѣдуемые за Мое имя. Завидуютъ они (павы) вѣрнымъ Моимъ въ кускѣ земли, забывая, что и сами сгнѣтъ въ землѣ. А бѣдный народъ Мой въ непосѣрной работѣ подъ зноемъ забылъ и о Моихъ заповѣдяхъ (имеетъ на тяжесть барщины у польскихъ пановъ). „Но Я уже не пошлю Моихъ громовъ на эту землю; пошлю ей образъ всѣхъ святыхъ добродѣтелей, а съ нимъ радость всѣмъ убогимъ и угнетеннымъ“⁴. Далѣе говорится, что этотъ образъ добродѣтелей и радость Богъ послалъ Подоліи въ лицѣ архипастыря Ксенофонта, и затѣмъ изображаются его добродѣтели и его благодѣянія Подоліи, въ частности дѣла его отеческаго попеченія о духовенствѣ и паствѣ, а въ заключеніе возносится отъ послѣдней молитва о своемъ архипастырѣ, его многолѣтніи и проч.

²⁾ Черноное письмо къ подоляскому архіеп. Ксенофонту Троспольскому. Рукопись Церк.-Арх. Мз. при Кіев. дух. Академіи.

німъ, нашла полезнымъ возвысити требованія при удостое-
ній студентовъ ученыхъ степеней, особливо магистерской
степени; изъ кіевскихъ студентовъ II курса (1821—1825 г.),
къ которому принадлежалъ и Анатолій, никто не получилъ
степени магистра, и отъ нихъ потребовали для сего новыхъ
сочиненій. Въ силу такого распоряженія вмѣстѣ съ сочи-
неніями другихъ студентовъ (написанными до половины сент.
1825 г.) были отосланы въ Петербургъ и слѣдующія сочи-
ненія Анатолія: „о воздыханіи твари“, объ „апостольствѣ
Церкви“ и о „праздничныхъ дняхъ“. Все время, пока не
выяснилось положеніе іеромонаха Анатолія и его товари-
щей по присужденію ученыхъ степеней, онъ испытывалъ
крайне тревожное и безпокойное состояніе. „Сначала (послѣ
отсылки въ Петербургъ сочиненій), говоритъ онъ въ письмѣ
къ подолюскому архіепископу Ксенофону, мы (я съ товари-
щами), услаждали себя предположеніемъ—и намъ улыбалась
даже надежда,—что дѣло наше затянется не долѣе одного
мѣсяца. Но сверхъ чаянія случилось, что, со дня на день
ожидая рѣшенія своей участи, мы до сихъ поръ сидимъ
сложая руки, и начинаемъ уже терять вѣру, чтобы наше
дѣло кончилось счастливо, или по крайней мѣрѣ скоро.
Ибо всѣ запасы нашей, такъ называемой новой учености,
вывѣтрились¹⁾; наши студенты почти вездѣ вели себя свое-
вольнѣе, чѣмъ было прилично, такъ что не только началь-
ство, но даже само милосердіе Божіе могло оскорбиться. И
вотъ на нашу долю досталось теперь то, что говорится въ
извѣстномъ изреченіи: отцы ядоша терпкое, зубомъ же чадъ
ихъ оскомины быша²⁾). Неопредѣленное положеніе іеромо-

¹⁾ Т. е. этимъ указывается на легковѣсное достоинство посланныхъ въ комиссію дух. учил. сочиненій, писанныхъ наскоро—уже по окончаніи курса, и не пророчавшихъ поэтому ничего добраго для своихъ авторовъ.

²⁾ Указывается на поведеніе въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторыхъ студентовъ перваго курса Кіев. Акад., предшественниковъ Анатолія, бывше для втораго курса не особенно счастливымъ прецедентомъ. По опредѣленію комиссіи дух. учил. 5 магистровъ 1-го курса уволены скоро отъ службы. Труды Кіев. Акад. 1893 г. 11-я кн. 519 стр. примѣч. Д. Мацѣвича.

наха Анатолія зтягнулось однако не особенно надолго. Въ 1827 г. комиссія духов. училищъ присудила ему вмѣстѣ съ другими товарищами степень магистра, и онъ имѣлъ радость получить золотой магистерскій крестъ, какъ-бы въ замѣну тѣхъ тяжкихъ крестовъ, которые пришлось ему испытать, какъ въ жизни, такъ и въ школѣ¹⁾. Окончивъ кіевскую Академію съ правомъ магистра (по счету 3-мъ изъ 12 магистрантовъ), іеромонахъ Анатолій, какъ одинъ изъ лучшихъ питомцевъ ея, былъ оставленъ при Академіи. Здѣсь въ званіи бакалавра, какъ назывались въ ту пору доценты академій, онъ послѣдовательно (съ 1825 по 1829 г.) читалъ студентамъ разные предметы академическаго курса. Такъ, когда въ 1825 г. при Кіевской Академіи—согласно Высочайшему повелѣнію — открытъ былъ классъ языка польскаго (какъ сосѣдняго, а частью и мѣстнаго), то первымъ бакалавромъ его назначенъ былъ іеромонахъ Анатолій²⁾. Въ то же время конференціей Академіи ему было временно поручено читать сверхъ польскаго языка еще изъясненіе священнаго Писанія. Чтеніе Анатоліемъ указанныхъ предметовъ академическаго курса продолжалось до начала 1827 г., когда Совѣтъ Академіи уволилъ его отъ преподаванія польскаго языка и предоставилъ ему преподаваніе одной изъ важнѣйшихъ академическихъ наукъ—священнаго Писанія. Въ званіи бакалавра богословскихъ наукъ іеромонахъ Анатолій и оставался въ Кіевской Академіи до самаго назначенія его на должность ректора Курской семинаріи (въ 1829 г.).

¹⁾ Въ письмѣ 1827 г., начинающемся словами: „*Appropinquatur solemne festum Christo nato dicatum*“, въгь что въ Р. С-мѣ пишетъ Анатолій: „между кіевскими повостями наиболее любопытною казется то, что павысшее управление нашихъ школъ удостоило степени магистра меня и моихъ товарищей. Скоро намъ напишуть дипломы, а меня сверхъ того украсять и крестомъ. Вотъ вмѣсто тѣхъ самыхъ тяжкихъ крестовъ, которые я перенесъ, провидѣніе пошлаетъ мнѣ золотой“. Черн. письмо къ архіеп. под. Ксенофонту.

²⁾ Въ этой должности онъ былъ утвержденъ 11 декабря 1825 г.

Но кромѣ чтенія разныхъ предметовъ академическаго преподаванія, іеромонахъ Анатолій въ теченіе своей 4-хъ годичной службы въ Кіевской Академіи занималъ еще нѣкоторые частныя должности. Такъ изъ одного письма его къ подольскому архіепископу Ксенофонту видно, что въ 1827 г., по распоряженію академическаго Совѣта, онъ временно читалъ богословіе въ Кіевской семинаріи¹⁾; а изъ послужнаго списка его видно и то, что іеромонахъ Анатолій числился бібліотекаремъ Академіи²⁾. Что касается характера учебной и учевой дѣятельности Анатолія при Кіевской Академіи, то за неимѣніемъ обстоятельныхъ свѣдѣній трудно сказать что-нибудь положительное. На основаніи нѣкоторыхъ (бывшихъ у насъ подъ руками) лекцій Анатолія мы можемъ составить себѣ только приблизительное понятіе о преподавательской дѣятельности Анатолія. При чтеніи академическихъ лекцій Анатолія обращаетъ на себя невольно вниманіе тщательная обработка ихъ, какъ со стороны содержанія, такъ и формы.

Считая излишнимъ излагать довольно разнообразное содержаніе этихъ лекцій (большею частію богословскаго характера), мы отмѣтимъ только ту особенность ихъ, что онѣ по содержанію и приемамъ изложенія близко подходятъ къ схоластическимъ разсужденіямъ и трактатамъ того времени. Для образца мы приведемъ схему одной изъ богослов-

¹⁾ Въ письмѣ, начинающемся словами: „Appropinquatur solemne festum“, Анатолій въ числѣ новостей кіевскихъ упоминаетъ и слѣдующую: „архимандритъ Смарагдъ отправился, по приказанію комиссіи духовныхъ училищъ, въ г. Орелъ для производствъ какого-то разслѣдованія въ орловской семинаріи. Посему, до его возвращенія, вмѣсто него совѣтъ нашей академіи поручилъ преподаваніе богословія въ семинаріи мѣ“. Черное письмо (на латинскомъ языкѣ) къ архіеп. подольскому. Рукопись Муз. Кіев. дух. Акад.

²⁾ Послужн. спис. архим. Анатолія. Рукопись Муз. Кіев. дух. Акад. Мы имѣемъ подъ руками даже выписку изъ журнала Виучреннаго академическаго Правленія отъ 9 января 1829 г., коимъ отъ бібліотекера Академіи іеромонаха Анатолія требуется представить въ академическое правленіе росписки студентовъ въ полученіи ими классическихъ книгъ. Рукопись Церковно-Археологическаго Музея при Кіев. дух. Акад.

скихъ лекцій Анатолія, озаглавливающейся такъ: „Prolegomena ad Theologiam“. Вотъ общая схема этой лекціи: 1) Notio religionis in genere; 2) necessitas religionis, 3) religionis origo, 4) notio religionis naturalis, ejus insufficientia, 5) notio religionis revelatae, 6) necessitas investigandae, 7) verae revelationis caractires. a) illorum divisio, b) notio criteriorum internorum, criterium I, criterium II, III, IV, V и т. д.

Такою же приблизительно пунктуальностію и такимъ же дѣленіемъ на рубрики отличаются и всѣ другія лекціи Анатолія. Всѣ онѣ писаны или на латинскомъ, или на польскомъ языкахъ и только незначительная ихъ часть—на русскомъ (большею частію лекціи по Св. Писанію). Для большаго ознакомленія съ характеромъ академическихъ чтеній Анатолія, мы приведемъ въ извлеченіи конспектъ чтеній его по науцѣ Св. Писанія (библіологіи). Послѣдній заключаетъ въ себѣ пять отдѣловъ со слѣдующими наименованіями:

1-й отд. Содержаніе Св. Евангелія. 2-й. Все ли требуетъ истолкованія, что содержится въ Евангеліи. 3-й. Образъ истолкованія для тѣхъ мѣстъ, кои требуютъ истолкованія. 4-й. Образъ истолкованія у Теофилакта о пяти хлѣбахъ, Самарянкѣ, четверодневномъ Лазарѣ, о вшествіи І. Христа во Іерусалимъ. 5-й. Способъ познавать въ Евангеліи событіе и притчу.

Послѣ общаго заглавія слѣдуетъ частнѣйшее раскрытіе отдѣловъ, точное обозначеніе содержанія ихъ.

Отдѣлъ 1-й. А) *Содержаніе Евангелія.*

Евангеліе содержитъ въ себѣ двѣ части:

- 1) Исторію жизни І. Христа и
- 2) Рѣчи и ученіе Его.

(При семъ приводятся примѣры для обѣихъ частей).

Отдѣлъ 2-й. *Все ли требуетъ истолкованія, что содержится въ Евангеліи.*

Тутъ указываются различныя по своей ясности и смыслу мѣста Св. Писанія: 1) ясныя, 2) скрытыя, 3) изложенныя въ притчахъ и подобіяхъ, 4) служащія заповѣдію, 5) наставленіями, 6) обѣтованіями и утѣшеніями, 7) обличитель-

ныя и заключающія угрозы и 8) пророческія. На каждое изъ указанныхъ подраздѣленій составителемъ конспекта приведено достаточное количество примѣровъ.

Отдѣлъ 3-й. *Какой образъ истолкованія для тѣхъ мѣстъ Евангелія, которыя требуютъ истолкованія.*

Смысль божественнаго писанія двоякій:

1) буквальный и 2, духовный,—мистическій.

Послѣдній въ свою очередь подраздѣляется на:

1) аллегорическій—соотвѣт. Вѣрѣ.

2) анагогическій „ Надеждѣ.

3) тропологическій „ Любви.

При семъ дается точное понятіе о всѣхъ перечисленныхъ способахъ толкованія Св. Писанія. Какъ на примѣръ всѣхъ четырехъ способовъ толкованія указывается на слово Иерусалимъ (буквально—городъ въ Палестинѣ; аллегорически или иносказательно означаетъ церковь воющую; анагогически—торжествующую на небесахъ; тропологически или правоучительно—душу человѣческую на земли...). Въ заключеніе этого отдѣла приведено богословское сравненіе указанныхъ смысловъ Св. Писанія съ пиршествомъ.

Первая трапеза (смыслъ историческій или повѣствовательный)—для необразованныхъ.

Вторая (аллегорическій и анагогическій)—для образованныхъ и мудрыхъ учителей и

Третья (тропологическій)—есть общая для всѣхъ, какъ для ученыхъ, такъ и для неученыхъ.

На первой трапезѣ—пища густая, жирная.

на второй „ жидкая.

на третьей „ весьма вкусная и т. д.

Отдѣлъ 4 й. *Какой образъ истолкованія находится въ Благовѣстникѣ о пяти хлѣбахъ, самарянкѣ, четверодневномъ Лазарѣ и шествиіи Христовомъ въ Иерусалимѣ.* Приводится толкованіе перечисленныхъ событій евангельскихъ Теофилактомъ.

Отдѣлъ 5-й. Способъ узнавать въ Евангеліи событіе и притчу.

Признаки для разграниченія событія и притчи указываются слѣдующіе: изображеніе событія начинается словами „во время оно“, а притчи—„рече Господь притчу сію“. Приведены примѣры.

Успѣхи Анатолія въ ученыхъ и учебныхъ занятіяхъ обратили на него вниманіе высшаго начальства и подвигли его на еще высшую ступень служенія церкви и отечеству. 4 Мая 1829 г. бакалавръ Анатолій былъ посвященъ въ архимандриты и назначенъ ректоромъ Курской семинаріи, находившейся тогда въ г. Бѣлгородѣ.

Съ назначеніемъ архимандрита Анатолія ректоромъ въ Курскую семинарію начался новый періодъ его учебно-воспитательной дѣятельности. Сдѣлавшись начальникомъ цѣлаго заведенія, Анатолій получилъ возможность шире примѣнить къ дѣлу пріобрѣтенные имъ ранѣ педагогическій опытъ и знанія.

Службу свою въ званіи ректора Курской или точнѣе Бѣлгородской семинаріи онъ началъ, правда, при не совсемъ благопріятныхъ условіяхъ. Въ этой семинаріи еще до пріѣзда въ нее Анатолія происходили внутреннія неурядицы. Нѣкоторые изъ г. наставниковъ семинаріи (Лукинъ, Богомоловъ и Маляревскій) вели упорную борьбу противъ эконома семинаріи, протоіерея Запольскаго¹⁾. На долю новаго ректора выпала нелегкая задача — быть примирителемъ двухъ враждующихъ сторонъ. При всемъ искреннемъ желаніи Анатолія уладить дѣло миромъ, ему все-таки не удалось достигнуть этого. Разныя придирки къ эконому со стороны указавныхъ лицъ²⁾ нерѣдко причиняли Анатолію сильное

¹⁾ Борьба пачата первоначально г. Маляревскимъ—по поводу пропачи въ квартиру его вещей на сумму 660 руб. ассигн., уворованныхъ въ отсутствіе его и въ казенномъ домѣ будто бы по недосмотру эконома. См. копію донесенія Анатолія слѣдственной комиссіи. Рукоп. Муз. Кіев. дух. Акад.

²⁾ Выражавшіяся въ томъ, напр., что эти лица въ качествѣ членовъ Правленія условлялись отъ освидѣтельствованія покупаемыхъ о. экономомъ вещей. Ibidem.

огорченіе, какъ самъ онъ объ этомъ свидѣтельствуесть, отвѣчая на обращенныя къ нему слѣдственной комиссіей запросныя пункты. „Я совѣтовалъ, пишетъ онъ, эконому терпѣть, терпѣлъ и самъ, не входя въ правленіе, какъ слѣдовало, записками по сему дѣлу; во первыхъ потому, что мнѣ вѣрно было (бывшимъ незадолго предъ тѣмъ ревизоромъ) ¹⁾ поступать съ гг. наставниками братски; во вторыхъ, изъ опасенія, чтобы гг. наставники, пришедши въ большее раздраженіе и слѣдуя своему образу мыслей, не обезпокоили изъ-за какихъ-либо пустяковъ высшаго начальства; въ третьихъ, что кромѣ другихъ дѣлъ, я тогда крайне былъ занятъ слѣдствіями по дѣлу объ ученикахъ здѣшней семинаріи, отправленныхъ въ институтъ; преимущественно же потому, что еще пыталъ себя надеждою, что гг. наставники когда-нибудь утихнутъ“.

Но послѣдней надеждѣ не суждено было осуществиться: по поводу жалобы эконома на гг. наставниковъ была назначена слѣдственная комиссія, на запросныя пункты которой Анатолію и пришлось дать обстоятельныя показанія ²⁾). Тяжело было все это для Анатолія. Поставленный межъ враждующихъ сторонъ, онъ долженъ былъ дѣйствовать въ пользу мира со всякою осмотрительностію и благоразуміемъ, и не его, конечно, вива, если при всѣхъ стараніяхъ ему не удалось уладить это дѣло миромъ.

Что касается вліянія Анатолія на ходъ учебно-воспитательнаго дѣла въ Бѣлгородской семинаріи, то о немъ мы можемъ составить себѣ только приблизительное понятіе.

¹⁾ Разслѣдованіемъ обоюдныхъ жалобъ—наставниковъ семинаріи и эконома занимался и инспекторъ Московской дух. Акад. архимандритъ Евлампій, посланный ревизоромъ въ эту семинарію въ сент. 1829 г. Къ огорченію нашего Анатолія этотъ ревизоръ въ спорѣ эконома съ наставниками семинаріи принялъ сторону послѣднихъ.

²⁾ Копія этого показанія передана въ Музей Кіев. Акад. Л. С. Мацѣвичемъ. Сущность показанія Анатолія сводится къ обвиненію гг. наставниковъ семинаріи въ несправедливостяхъ и придряхахъ къ о. эконому.

На основаніи въкоторыхъ, оставшихся послѣ Анатолія, рукописей можемъ заключить, что онъ усердно старался поднять богословское образованіе воспитанниковъ семинаріи. Такъ, въ одномъ письмѣ (пис. позже изъ Новгорода) онъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Со времени моей ректуры, пишетъ Анатолій Тимоеевъ, еп. Санктпетербургскому, я не находилъ такой догматики, которая вполнѣ соответствовала бы потребностямъ семинариста, какъ будущаго пастыря церкви, и потому еще въ Бѣлгородѣ я составилъ на латинскомъ языкѣ краткую компіляцію догматики изъ десяти разныхъ авторовъ; въ составленіи ея старался преимущественно о ясности и краткости, я слѣдовалъ методу диалектическому“¹⁾. Затѣмъ основаніемъ для сужденія о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ Курской семинаріи со времени Анатолія можетъ служить и еще одинъ, относящійся къ этому времени, документъ.

Послѣдній представляетъ собою соображенія правленія Курской семинаріи относительно лучшихъ способовъ преподаванія предметовъ семинарскаго курса²⁾. Само собою разумѣется, что это заключеніе наше о педагогической дѣятельности Анатолія на столько имѣетъ силу, на сколько

¹⁾ Подлинникъ этого письма вмѣстѣ съ другими бумагами Анатолія переданъ въ недавнее время Музею Кіев. дух. Акад. Л. С. Мацѣвичемъ.

²⁾ Указанная нами соображенія Правленія семинаріи, долженствовавшія поступить на разсмотрѣніе Правленія Кіевской Академіи, тщательно редактированы самимъ Анатоліемъ, дѣлавшимъ въ нихъ собственноручныя поправки и замѣтки. Сущность семинарскаго предмета сводится къ тому, чтобы преподаваніе богословскихъ предметовъ сдѣлать по возможности обстоятельнымъ. Съ этою цѣлію предполагалось, напр., чтобы наставники словесности преподавали общія понятія о богодуховности, подлинности, дѣлости и языкѣ Св. Писанія, наставники философіи—краткое обзорніе книгъ Ветх. Зав. и т. д., однимъ словомъ, Правленіе семинаріи стремилось къ тому, чтобы въ полный курсъ семинарскаго ученія безъ обремененія наставниковъ и ущерба времени для главнаго предмета были разсмотрѣны всѣ книги Св. Писанія. Относительно преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ были также высказаны полезныя соображенія. Предполагалось, напр., чтеніе философіи по книгѣ Баумейстера замѣнить чтеніемъ по запискамъ, чтенію словесности придать болѣе практическій характеръ. Рукоп. Муз. Кіев. дух. Акад.

вообще простирается вліяніе ректора на ходъ семинарскаго образованія и на сколько важно мѣнѣе его въ составленіи какихъ бы то ни было проектовъ.

Вмѣстѣ съ должностію ректора семинаріи и профессора Богословія архимандритъ Анатолій соединялъ и нѣсколько другихъ должностей. Такъ, по указу Святѣйшаго Правит. Синода отъ 7-го іюня 1829 г. онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ Николаевскаго третьекласснаго монастыря, а резолюціею преосвящ. Владиміра Курскаго и Бѣлоградскаго опредѣленъ присутствующимъ въ Курскую духовную Консисторію, благочиннымъ монастырей и цензоромъ проповѣдей¹⁾.

Свое служеніе въ курской епархіи во всѣхъ перечисленныхъ нами должностяхъ Анатолій проходилъ, впрочемъ, недолго—около 3-хъ лѣтъ (съ мая 1829 г. по апрѣль 1832 г.).

14-го Апрѣля 1832 г. по опредѣленію комиссіи духовныхъ училищъ Анатолій былъ переведенъ изъ курской семинаріи въ Новгородскую на ту же должность ректора и профессора богословія. На новомъ мѣстѣ службы ему было поручено исправленіе такихъ же обязанностей, какіи лежали на немъ и прежде. Такъ, по Указу Свят. Правит. Синода отъ 29-го апрѣля 1832 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Антонія Римлянина второкласснаго монастыря, а по предложенію Высокопреосв. Серафима, митрополита Новгородскаго и Санкт-Петербургскаго, опредѣленъ членомъ Новгородской д. Консисторіи, благочиннымъ ближайшимъ въ Новгороду монастырей и цензоромъ проповѣдей (съ 22-го іюня 1832 г.). Кроме того, по распоряженію Св. Синода, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для священнослуженія и проповѣди Слова Божія, гдѣ и находился съ 3-го генваря 1839 г. по 10-е марта, 1840 г.²⁾.

Укрѣпленный опытомъ, Анатолій вазелъ широкое примѣненіе своихъ силъ въ исполненіи обязанностей по

¹⁾ См. послужной списокъ Анатолія, присланный въ послѣднее время Музею Ав. Д. С. Мацѣвичемъ.

²⁾ Тамъ же.

должности ректора семинаріи, настоятеля монастыря и т. д. При разсмотрѣніи разныхъ бумагъ, относящихся къ этому періоду жизни Анатолія, можно видѣть, какъ много хлопотъ причиняло ему управленіе Антоіевымъ монастыремъ, (монастырь этотъ былъ бѣденъ, худо обстроенъ, худо поддержанъ). Разныя монастырскія постройки, живописныя и другія работы требовали личнаго его наблюденія и надзора за всѣмъ. Не мало заботъ доставляла ему и сама семинарія, которая была къ тому ветхая, невзрачная, тѣсная¹⁾). Среди своихъ разнообразныхъ занятій по разнымъ должностямъ архимандрита Анатолій находилъ время и для самообразованія и литературной дѣятельности. Правда, условія для теоретической дѣятельности Анатолія были не особенно благоприятны. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно заключить, что въ Новгородѣ весьма замѣтно ощущалась скудость научно-образовательныхъ средствъ. Въ одномъ письмѣ изъ Новгорода Анатолій, выражая признательность нѣкому лицу за присланныя имъ сочиненія, жалуется при этомъ на отсутствіе въ Новгородѣ не только „чтенія назидательнаго, но и вообще всего, относящагося къ литературной категоріи“. Изъ собственныхъ литературныхъ произведеній Анатолія за этотъ періодъ можно указать лишь на его проповѣди, весьма часто произносимыя имъ въ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ²⁾).

Вообще же дѣятельность Анатолія въ бытность его въ Новгородѣ носитъ на себѣ по преимуществу церковно-практическій характеръ. Весьма естественно, что при дѣятельности этого рода онъ не разъ имѣлъ столкновенія съ разными лицами и учрежденіями, причинявшими ему скорби и горести, на которыя такъ часто жалуется въ своихъ пись-

¹⁾ Такой отзывъ о семинаріи данъ митрополитомъ Филаретомъ. См. „воспоминанія“ о немъ Никодима Казанцева, еп. Красноярскаго. Чтенія въ Импер. Общ. исторіи и древн. Росс. 1877 г. апрѣль—іюнь кн. 2.

²⁾ Большая часть этихъ проповѣдей отпечатана и вошла въ сборникъ, состоящій изъ 5 т.

махъ. Объятый сильной тоской по поводу многихъ неприятностей, Анатолий такъ писалъ одному высокопоставленному іерарху.

„Тысячу разъ принимался за перо, писать Анатолий, и не могъ писать: отъ непрерывныхъ смущеній убитому скорбями и перо кажется свинцовою гирей. Какъ страдающему одышкою, такъ мнѣ захватываютъ духъ напасти и скорби. А между тѣмъ необходимо трудиться, и тружусь, какъ извозничья лошадь, до упаду... Въ Новгородѣ почти нѣтъ ничего новаго; а если и есть, то про это нужно бы много писать, но не стоитъ того... До того я дошелъ, что завидую состоянію монаховъ моей обители. Какая мирная и беззаботная жизнь: церковь, трапеза и келлія—вотъ и вся сфера заботливости, а отвѣтственности никакой. Вотъ пѣснь, которую я съ переселенія моего въ Новгородъ доселѣ пою, и пою хоть визгливымъ, но часъ отъ часу вышшимъ голосомъ, потому что часъ отъ часу болѣе дпекаетъ“¹⁾...

Впечатлительный отъ природы, Анатолий не могъ, очевидно, мириться съ тѣми условіями жизни, какія встрѣтили его въ Новгородѣ. А что условія эти сложились неблагопріятно для Анатолія, такъ это доказываютъ, между прочимъ, и вятянутыя отношенія, существовавшія между нимъ и его ближайшимъ сослуживцемъ—инспекторомъ той же семинаріи іеромонахомъ Никодимомъ Казанцевымъ (впослѣдствіи еп. Красноярскимъ и Евсейскимъ). Памятникомъ недружелюбныхъ отношеній этихъ двухъ лицъ служатъ собственныя замѣтки объ Анатоліѣ Никодима Казанцева, заключающіяся въ его „воспоминаніяхъ о Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ“²⁾. Эти замѣтки объ Анатоліѣ его сослуживца Никодима Казанцева выставляютъ личность Анатолія въ весьма

¹⁾ Статьи объ Анатоліѣ „архіерейскія печали“ въ Кіевской Старинѣ за 1882 г. май, стр. 228—9.

²⁾ См. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1877 г. апрѣль—іюнь, отд. отеч. матер.

непривлекательныхъ чертахъ, но именно въ видахъ безпристрастія мы считаемъ нужнымъ привести и этотъ отзывъ объ Анатоліѣ (*audiatur et altera pars*).

Разсказывая (въ XII гл. воспоминаній о Филаретѣ) о своемъ пріѣздѣ въ Новгородъ, Никодимъ Казанцевъ описываетъ, какъ свою встрѣчу съ ректоромъ Анатоліемъ Мартиновскимъ, такъ и дальнѣйшія отношенія къ нему. „Когда я пріѣхалъ (недѣлей или 10-ю днями позже Анатолія), передаетъ онъ, меня съ отверстыми объятіями привалъ новый ректоръ, и провелъ прямо къ себѣ. У него были гости—все учителя семинаріи (тройцынъ день), и я тутъ же познкомленъ былъ со всеми моими сотоварищами“. Сказавши далѣе о томъ, кто былъ Анатолій по своему происхожденію, онъ продолжаетъ. „Я не видывалъ доселѣ близко малороссовъ и не умѣлъ понимать ихъ. Но мнѣ скоро довелось выносить тяжкіе уроки отъ о. ректора. Почитая меня себѣ врагомъ, ищущимъ его погубленія, съ надеждою занять его мѣсто, вооружился на меня неизвѣстными дотошъ мнѣ интригами наушничества, коварства и лицедействъ. Все это росло и возрастало быстро до того, что дошло дѣло до бумажныхъ протестовъ противъ меня и самыхъ эксцентрическихъ жалобъ“. Послѣднія, какъ видно изъ разсказа того же Казанцева, состояли въ запискѣ съ 9-ю пунктами обвиненія, подавшой Анатоліемъ сперва правленію семинаріи, затѣмъ преосв. Викарію Новгородскому, Тимошеею и, наконецъ, преосвящ. Смарагду, Викарію С.-Петербургскому. „Въ это же время, передаетъ іеромонахъ Никодимъ, о. Анатолій валялся въ ногахъ у меня, прося прощенія за нанесенное имъ мнѣ оскорбленіе жалобою на меня въ правленіе семинаріи и Викарію Новгородскому“. Считаю себя обиженнымъ о. Анатоліемъ, іером. Никодимъ рѣшился искать защиты и милости у митрополита С.-петербургскаго и Новгородскаго Серафима и съ этою цѣлію отправился въ Петербургъ. Здѣсь между Его Высокопреосвященствомъ митрополитомъ Серафимомъ и іеромонахомъ Никодимомъ про-

изошелъ весьма интересный разговоръ, въ которомъ преосвященный Серафимъ высказалъ Никодиму не мало горькихъ для него мыслей и въ тоже время весьма лестно отзывался объ Анатоліѣ¹⁾). Послѣ суроваго и, какъ самъ Никодимъ говорить, безжалостнаго приѣма, оказаннаго ему митроп. Серафимомъ, онъ рѣшился искать защиты и покровительства у митрополита Московскаго, Филарета (Дроздова). Послѣдній обошелся съ плачущимъ Никодимомъ весьма ласково, какъ „мудрый и сердобольный отецъ“, по словамъ Никодима. Для облегченія же горькой доли іеромонаха Его Высокопреосвященство, митр. Моск. не нашелъ нужнымъ что бы ни было предпринимать, а предложилъ почти тоже, что и митроп. Серафимъ: „ѣхать обратно въ Новгородъ и стараться угождать ректору въ чемъ можно, безъ оскорбленія

¹⁾ Въ виду интереса, а также важности этого разговора для характеристики, какъ іером. Никодима, такъ и арх. Анатолія мы приведемъ часть изъ этого разговора.

Митрополитъ. Хорошо ли ты живешь въ Новгородѣ?

Никодимъ. Отецъ ректоръ считаетъ меня неспособнымъ, но я, съ своей стороны, употребляю все раченіе угодить ему и его приказанія по возможности исполняю.

Митрополитъ. Лжешь ты: противъ него возмущаешь семинаристовъ, поворачиваешь ихъ шалостями, заступаешься за бездѣльниковъ и чрезъ то отнимаешь руки у ректора. „Ты хочешь выслужиться предъ семинаристами, привлечь ихъ къ себѣ и вооружить противъ ректора, который стремится къ истребленію бездѣльничества. Погачка рождаетъ безстрашіе: а гдѣ безстрашіе, тамъ гибель общества. Ты хочешь величаться своимъ милосердіемъ на счетъ чести ректора, помрачить его собою съ тѣмъ, чтобы низринуть его и занять его мѣсто: кто ты такой? Мальчишъ, котораго никто не знаетъ. А твой ректоръ человѣкъ уже съ заслугами, испытанный. Я его выпросилъ себѣ у Курскаго архіерея (Иліодора Чистякова), какъ милость. А ты кто? Если я услышу о тебѣ еще одно нехорошее слово, я тебя сошлю въ монастырь, куда не записилъ воронъ костей, и тамъ брошу на братскую порцію. Да не думай, что когда-нибудь воскреснешь: тамъ и сгнешь“. Въ заключеніе же разговора митрополитъ такъ сказалъ: „вотъ тебѣ сюзка: незваннаго гостя въ первый день дарятъ золотомъ, во второй серебромъ, въ третій уже оловомъ. А въ четвертый, если онъ самъ не догадается, укажутъ двери. Ступай!“ Съ этими словами митрополитъ Серафимъ отпустилъ отъ себя разобиженнаго іеромонаха.

См. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древн. Росс. 1877 г. кн. 2 стр. 21 (Огеч. матер.).

совѣсти“, добавивъ при этомъ—„я не думаю, чтобы онъ (ректоръ) сталъ продолжать притѣсненія“. Въ случаѣ же притѣсненій со стороны ректора общалъ устроить переводъ іером. Никодима въ другое мѣсто. Успокоенный благосклоннымъ пріемомъ митроп. Филарета, Никодимъ восклицаетъ: „Итакъ вотъ на сценѣ два митрополита, истязующіе одного монаха за одно дѣло! Вся честь доброты душевной, вся слава разумнаго снисхожденія, вся честь проницательности и правомѣрія принадлежитъ Филарету. Онъ быстро принялъ и обнялъ все дѣло: малороссъ-старикъ (Анатолій), объятый ласками Серафима, встрѣтился съ русскимъ монахомъ, молодымъ, но кое-что понимающимъ, изъ зависти и досады захотѣлъ раздавить его. Филаретъ почелъ справедливымъ и человѣколюбивымъ прикрыть молодого монаха и ободрить“.

Обхожденіе же съ нимъ митр. Серафима Никодимъ считаетъ и несправедливымъ и непристойнымъ для такой высокой особы, какъ митрополитъ.

При обсужденіи неблагопріятныхъ для Анатолія отзывовъ іером. Никодима мы должны принять во вниманіе только что приведенное нами отношеніе послѣдняго къ обоимъ святителямъ. Справедливый по отношенію къ митрополиту Филарету іером. Никодимъ былъ, очевидно, несправедливъ по отношенію къ митр. Серафиму, говорилъ о немъ подъ влияніемъ личнаго недовольства на маститаго святителя, заступавшагося за ректора Анатолія. Трудно повѣрять отзывамъ Никодима и объ Анатоліѣ. Съ первыхъ словъ разказа Никодима объ отношеніяхъ къ нему ректора Анатолія весьма замѣтно проглядываетъ антагонизмъ его къ послѣднему, какъ малороссу. Не сталкиваясь ранѣе съ малороссами и не зная ихъ вовсе, какъ это утверждаетъ самъ Никодимъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ предубѣжденъ противъ Анатолія, какъ малоросса. Но въ столкновеніи Никодима съ Анатоліемъ имѣли значеніе и чисто личныя качества перваго.

Для лучшаго знакомства съ личностью Никодима Казацева считаемъ не лишнимъ привести и слѣдующій отзывъ о немъ архимандрита Григорія (издаваемаго въ свѣтъ воспоминанія Никодима о святителѣ Филаретѣ съ предисловіемъ и примѣчаніями).

„Не смотря на преданность Филарету, благодѣтелю своему,—такъ замѣчаетъ о Никодимѣ архим. Григорій—онъ позволяетъ себѣ изрѣдка неосторожные отзывы о немъ, подъ предлогомъ, конечно, безпристрастія и свободы въ сужденіяхъ. Рѣзко и съ нескрываемою досадою пишетъ онъ о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ, не исключая высоко стоявшихъ въ церковной іерархіи, не исключая и бывшихъ товарищей по Академіи, что производитъ прискорбные впечатлѣніе. Въ объясненіе этого замѣтимъ, что и ему самому другіе дѣлали поперекъ, и вообще—служба преосвященнаго была не слишкомъ завидная (дважды былъ инспекторомъ Тульской семинаріи, 20 почти лѣтъ служилъ ректоромъ въ другихъ городахъ, съ 1861 г. управлялъ отдаленною епископскою епархіей). Причины неблестящаго положенія его заключались, надо полагать, въ немъ самомъ, въ томъ именно, что при кажущейся простотѣ и ангельской добротѣ своей онъ какъ-то не сходился, не уживался съ людьми, вслѣдствіе, должно быть, неосторожности, неподатливости и неустойчивости характера, каковыя недостатки и самъ преосвященный признаетъ за собою. Отсюда недовольство собой, особенно при мучительномъ ревматизмѣ; а избытокъ собственнаго неудовольствія разливался на другихъ: этимъ какъ бы вымещалось на другихъ чувство скорби и досады на себя¹⁾).

Такой отзывъ о Никодимѣ со стороны достопочтеннаго архимандрита Григорія обязываетъ насъ къ довѣрію тѣмъ болѣе, что онъ же находитъ не мало и симпатичныхъ чертъ

¹⁾ Предисл. арх. Григорія къ воспоминаніямъ о Филаретѣ Никодима Казацева. Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс. 1877 г. кн. 2 Отеч. матер. стр. 5.

въ жизни и дѣятельности преосвящ. Никодима. А такой отзывъ въ значительной степени убѣждаетъ насъ въ томъ, что сообщенное объ Анатоліѣ іером. Никодимомъ далеко не можетъ быть признано безпристрастнымъ. Не безвиннымъ могъ быть, конечно, и ректоръ Анатолій въ своихъ отношеніяхъ къ инспектору. Будучи человѣкомъ пылкаго, горячаго темперамента, онъ могъ иногда и оскорбить іером. Никодима. Но позволительно не довѣрять послѣднему, когда онъ обвиняетъ ректора въ наущничествѣ, коварствѣ, визкопклонничествѣ и другихъ неблаговидныхъ качествахъ.

Какъ бы съ цѣлію еще болѣе узрѣть личность ректора Анатолія, іеромонахъ Никодимъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ описываетъ жесткій пріемъ, оказанный Анатолію митрополитомъ Филаретомъ въ бытность послѣдняго проѣздомъ въ Новгородѣ. Не считая возможнымъ передавать въ подробностяхъ разговоръ, происходившій между митр. Филаретомъ и Анатоліемъ, мы отмѣтимъ только существенную часть этого разговора. Послѣдній, главнымъ образомъ, вращался въ области слѣдующихъ вопросовъ, предложенныхъ Анатолію Филаретомъ: онъ ли (Анатолій) писалъ возраженіе на ревизію архимандрита Евлампія, посланнаго изъ Московской Академіи въ Бѣлгородскую семинарію въ 1829 г. (въ бытность тамъ ректоромъ Анатолія); затѣмъ—какихъ отцевъ онъ почитаетъ главными и преимущественно нужными для богословія и, наконецъ, каково состояніе Новгородской семинаріи и бібліотеки?

Когда Анатолій на первый, предложенный ему митрополитомъ вопросъ, далъ отрицательный отвѣтъ (т. е. что не онъ писалъ возраженіе на ревизію о. Евлампія), то митрополитъ, по словамъ Никодима, сардонически улыбнулся, видя полную побѣду надъ кознію. Сказалъ однако: „кажется, писалъ ты. Вѣдь, ты въ это время былъ тамъ ректоромъ“?... Потомъ, обратясь къ викарію, владыка сталъ говорить: „завосчивый и безпокойшій человѣкъ“!

„Ревизоръ донесъ, что нашелъ. Ректоръ хотѣлъ вернуться. Безчестилъ и заподозривалъ ревизора, наставилъ разныхъ крючковъ, и только себя привелъ еще въ большія подозрѣвія. Мнѣ показывалъ эти кляузы преосв. Владиміръ (Курскій, бывшій тогда въ Петербургѣ). Я прочиталъ съ презрѣніемъ къ доносчику“. Такъ Филаретъ унизилъ и потопталъ ректора; онъ показалъ Анатолію, кто онъ, замѣчаетъ по поводу этой бесѣды іер. Никодимъ. .

На предложенный затѣмъ о. Анатолію вопросъ: „Какихъ отцевъ вы почитаете главными и преимущественно нужными для богословія“, послѣдній отвѣчалъ: „Василія Вел., Августина, Оригена“. И на сей разъ, какъ прежде, Филаретъ разошелся во мнѣніи съ Анатоліемъ: онъ призналъ главными отцами церкви: Василія Вел., Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Такимъ образомъ, обычно заключаетъ свой рассказъ о. Никодимъ, ректоръ опять остался пристыженнымъ. Точно также разошелся Анатолій съ митрополитомъ и въ разговорѣ о состояніи семинаріи и библіотеки. На высказанное м. Филаретомъ замѣчаніе о томъ, что Новгородская семинарія, а также Антоніевъ монастырь плохо обставлены, ректоръ старался защищать и монастырь и семинарію. Не вѣря словалъ Анатолія, м. Филаретъ обращается тогда къ инспектору съ такимъ вопросомъ: „инспекторъ! ты намъ скажи правду: вѣдь плохая семинарія“? Послѣдній не замедлилъ подтвердить слова высокопреосвященнаго, добавивши только, что комнаты сухи. А когда въ разговорѣ коснулись семинарской библіотеки, то ректоръ высказалъ сожалѣніе, что библіотека Новгородской семинаріи отобрана въ Петербургскую духовную Академію. Филаретъ, усмотрѣвши въ этихъ словахъ Анатолія личную обиду, гнѣвно воскликнулъ: „погоди клеветать на другихъ: исправся самъ!“ Затѣмъ, обратясь къ викарію, владыка началъ подробно рассказывать относящуюся къ сему предмету исторію, въ которой личность его

высокопреосвященства занимала видное мѣсто ¹⁾). Ректоръ и на этотъ разъ, комментируетъ по обыкновенію о. Никодимъ, былъ пристыженъ.

Трудно ожидать безпристрастія и строгой правды въ разсказѣ іером. Никодима. Естественно предположить, что и та рѣзкость тона, какая замѣтно проглядываетъ въ бесѣдѣ высокопреосв. Филарета съ Анатоліемъ, въ дѣйствительности значительно сглаживалась, если вовсе не отсутствовала. Но если даже признать долю правды въ разсказѣ о. Никодима, то и тогда, при обсужденіи неблагопріятныхъ для Анатолія отзывовъ митр. Филарета, можно представить нѣкоторыя оправдывающія перваго обстоятельства. Ранѣе встрѣчи съ ректоромъ Анатоліемъ преосвящ. Филаретъ былъ уже неблагопріятно настроенъ въ отношеніи его самимъ инспекторомъ Никодимомъ, о чемъ упоминаетъ послѣдній ²⁾). Нѣкоторое, поясняющее дѣло, значеніе имѣютъ и слѣдующія выраженія высшаго посѣтителя при распросахъ о семинаріи у ректора и инспектора: „ты (ректоръ) все хвалишь; я тебѣ не вѣрю. Инспекторъ! ты намъ, скажи правду: вѣдь плохая семинарія“?

Для болѣе обстоятельной повѣрки разсказа іером. Никодима мы не имѣемъ данныхъ; за то съ удовольствіемъ можемъ присовокупить, что высокопреосв. Филаретъ, уз-

¹⁾ Митрополитъ С.-петербургскій Гавріиль въ концѣ прошедшаго стол. перевелъ С.-петербург. семинарію въ Новгородъ. Туда же пошла и бібліотека. Митр. Амвросій опять возстановилъ въ С.-Петербургѣ семинарію, даже открылъ и академію. Когда потребована была изъ Новгорода обратно С.-петербургская бібліотека, то по небрежности, а отчасти и за отсутствіемъ каталога не всѣ книги петербургской семинаріи были высланы въ нее: часть книгъ осталась въ Новгородѣ. И вотъ уже высокопр. Филаретъ въ бытность ректоромъ С.-петербургской академіи озаботился привести дѣло къ концу и возвратитъ петербург. семинаріи книги, взятыя у нея изъ новгородскую семинарію. Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс. 1877 г. кн. 2, стр. 30, Отч. матер.

²⁾ „Проѣзжая чрезъ Новгородъ въ С.-Петербургъ, митрополитъ, говоритъ Никодимъ, нарочно избѣгалъ встрѣчи и свиданія съ ректоромъ, которое предполагалось, и я не нахожу другой причины, кромѣ нашей исторіи съ ректоромъ“. Тамъ же стр. 27.

навши ближе архим. Анатолія во время частыхъ поѣздокъ послѣдняго въ Петербургъ, измѣнилъ свое мнѣніе о немъ къ лучшему. По крайней мѣрѣ между ними установились нѣкоторыя литературныя сношенія, побуждавшія Московскаго Святителя присылать Анатолію свои сочиненія¹⁾. Надлежитъ думать, что и въ новгородской семинаріи водворился наконецъ миръ, благодаря, какъ наставленіямъ архипастырей, такъ и миролюбію Анатолія. Совѣты умеренности и миролюбія онъ преподаетъ и смотрителю Боровичскаго училища (протоіерею N), ему подначальному и вмѣстѣ съ тѣмъ дружному съ нимъ. Изъ Новгорода Анатолій поддерживалъ сношенія и съ Кіевомъ, съ готовностью оказывать добрыя услуги своимъ академическимъ друзьямъ²⁾.

Въ теченіи своей 8-ми лѣтней службы въ Новгородѣ архим. Анатолій дважды удостоенъ былъ особеннаго вниманія высшаго начальства. Въ 1834 г. (24 февраля) онъ соприсчисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени, а въ 1839 г. (апр. 23) награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, Императорскою короною украшеннымъ. Наконецъ послѣ довольно продолжительной ректуры въ Новгородѣ Анатолій получилъ высшее назначеніе.

¹⁾ Въ письмѣ изъ Петербурга къ викарію новгородскому Анатолій сообщаетъ, между прочимъ, о присланнѣ ему преосвящ. Фазаретомъ катихизиса послѣдняго изданія. Письмо на латинск. языкѣ хранится въ Музеѣ Кіев. Акад.

²⁾ Письмо Анатолія къ смотрителю боровичскаго дух. училища въ Трудахъ Кіев. дух. Акад. ноябрь 1883, стр. 522—533.

II.

Анатолій—епископъ екатеринбургскій, викарій пермской епархіи; встрѣча съ расколомъ и дѣйствія противъ него. Анатолій—епископъ острожскій, викарій Волынской епархіи; грустный взглядъ его на состояніе православія въ краѣ, на общее положеніе православной церкви и на успѣхи р.-католической церкви; начатки дѣятельности въ защиту православія и въ борьбѣ съ латинствомъ; стѣсненность положенія, недуги и простота образа жизни.

Высочайшимъ указомъ отъ 29-го іюня 1840 г. архимандриту Анатолію повелѣно быть епископомъ екатеринбургскимъ, викаріемъ пермской епархіи¹⁾. Хиротонія его совершилась въ С.-Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ, 4-го августа 1840 г. Съ епископствомъ начался для Анатолія новый періодъ служебной дѣятельности—болѣе широкой и разнообразной, чѣмъ въ предыдущее время. На новомъ мѣстѣ своего служенія, въ Перми, Анатолій встрѣтился съ давнишнимъ недугомъ въ церкви—расколомъ. И вотъ, будучи горячо преданъ православію, онъ всецѣло посвятилъ себя дѣлу обращенія раскольниковъ, во множествѣ населявшихъ пермскую губернію. Въ обращеніи послѣднихъ епископъ Анатолій дѣйствовалъ, главн. обр., мѣрами увѣщанія и наставленія заблудшихъ сыновъ Церкви, хотя въ нѣкоторыхъ слу-

¹⁾ См. Труды Кіев. дух. Акад. апрѣль, 1885 г.

²⁾ Извѣстіе о своемъ назначеніи въ Пермь—предѣлы сибирскихъ стужъ Анатолій встрѣтилъ съ тревогою: „ахъ, далеко мнѣ ѣхать, жалуетса онъ въ письмѣ въ одному іерарху, далеко!“.. „Какъ я доѣду и что со мною будетъ, Богъ вѣсть!“ Кіевская Старина. 1882 г. май, 229 стр.

чаяхъ прибѣгалъ къ содѣйствию и гражданской власти. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ рассказываетъ онъ самъ въ письмахъ къ архіепископу Пермскому, Аркадію Ѳедорову ¹⁾. Съ нескрываемою радостію (выраженною словами: побѣда, побѣда!) сообщаетъ онъ упомянутому іерарху о томъ, что старая баба-плутовка (*anus illa veteratrix*), извѣстная подъ именемъ Кадниковой, схвачена Земляничнымъ, смотрителемъ ревдинскаго горнаго завода ²⁾, и вмѣстѣ съ письмомъ отослана имъ (Анатоліемъ) къ горному губернатору, Владиміру Андреевичу. Извѣщая объ этомъ, Анатолій старается увѣрить преосвященнаго въ томъ, что всю отвѣтственность за послѣдствія дѣла, начатаго еще его предшественникомъ ³⁾, онъ принимаетъ на себя. Но дѣло это, какъ можно видѣть изъ другаго письма Анатолія къ тому же преосвященному, окончилось въ нежелательной для Анатолія формѣ: плутовку Кадникову не захотѣлъ принять горный губернаторъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто противъ нея употреблено насиліе. Пообщавъ подвергнуть Кадникову заслуженному наказанію, онъ въ тоже время совѣтовалъ Анатолію отпустить ее на свободу, что послѣдній не замедлилъ и сдѣлать. По поводу такого исхода дѣла Анатолій замѣчаетъ: „изо всего явствуетъ, что онъ (горный губернаторъ) весьма недоволенъ тѣмъ, что въ обращеніи раскольниковъ (*schismaticorum*) другой вырвалъ у него пальму первенства,

¹⁾ Отрывки изъ этихъ писемъ (пис. на латинскомъ языкѣ), важныхъ для исторіи раскола въ Уральскомъ краѣ, напечатаны въ ноябрьской книгѣ Труд. Кіев. дух. Акад. за 1883 г.

²⁾ Ревдинскій заводъ—мѣди и чугуново-плавильный, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ., при рѣкѣ Ревдѣ, впад. въ Чусовую. Осн. въ 1734 г. А. Демидовымъ. Вмѣстѣ съ Маринскимъ и Бисертскимъ заводами составляетъ Ревдинскій округъ. Труд. Кіев. Акад. Ноября 1883 г. стр. 523, примѣч. Л. С. Мацѣвича.

³⁾ Преосвящ. Евламій Питвицкій, викарій Екатеринбургскій съ 1834 по 1840, впослѣд. архіепископъ Тобольскій, умеръ на покоѣ въ 1862 г. Тамъ же стр. 524., примѣч. Л. С. Мацѣвича.

—этого онъ не можетъ переносить безъ великаго огорченія¹⁾; Надо полагать, что равнодушіе или даже противодѣйствіе мѣстной гражданской администраціи усиліямъ архипастыря сдержать своеволіе учителей и учительницъ раскола послужило поводомъ къ такому отзыву его; отзывъ этотъ даетъ впрочемъ понять, что и кроткій Анатолій, изъ ревности о благѣ церкви, способенъ былъ увлечься до поущенія мѣръ насилія по отношенію къ упорнымъ раскольникамъ. Что касается того, на сколько велики были плоды просвѣтительной дѣятельности Анатолія въ кругу раскольниковъ, то тутъ —за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ — мы не можемъ сказать что нибудь положительное. Принимая во вниманіе кратковременное пребываніе еп. Анатолія въ пермской епархіи (одинъ годъ), можно думать, что просвѣтительная дѣятельность его едва ли сопровождалась замѣтными плодами; но она была для него прекрасной подготовкой къ послѣдующей дѣятельности его въ этомъ направленіи. Вращаясь среди самаго гнѣзда раскольниковъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ ними, еп. Анатолій чрезъ живое и непосредственное общеніе съ ними пріобрѣталъ опытъ и навыкъ въ обращеніи ихъ. Благодаря, безъ сомнѣнія, своей практикѣ по обращенію раскола въ пермскомъ краѣ, епископъ Анатолій и могъ умѣло и съ большимъ тактомъ повести это дѣло въ бытность его впоследствии епископомъ могилевскимъ.

Пребываніе Анатолія въ Перми пришлось далеко не по душѣ ему и, не смотря на свою кратковременность, оставило въ немъ глубокій слѣдъ непріятныхъ воспоминаній. Помимо своихъ сибирскихъ стужъ Пермь повѣяла на него и своимъ внутреннимъ холодомъ: здѣсь поразило его нѣчто ужасное. „Въ пермскомъ краѣ, пишетъ Анатолій впоследствии одному іерарху, управляющіе онымъ думаютъ, что всего удобнѣе управлять людьми, если они будутъ чѣмъ

¹⁾ Тамъ же стр. 524.

нибудь запятнаны, опорочены. Вслѣдствіе такого мнѣнія тамъ непрерывныя господствуютъ ябеды, лживые доносы и притомъ по настроенію свыше¹⁾. Можно теперь представить себѣ, съ какою радостію встрѣтилъ Анатолій извѣстіе о переводѣ его изъ Екатеринбургъ въ Почаевскую лавру викаріемъ волынской епархіи съ званіемъ епископа острожскаго²⁾. Юго-западный край, въ которомъ онъ родился и воспитался, особенности и нужды котораго были такъ хорошо извѣстны ему, давно уже привлекалъ его къ себѣ. И теперь, послѣ двѣнадцатилѣтней тяжелой разлуки съ нимъ Анатолію *суждено* снова жить и дѣйствовать въ немъ...

Со времени назначенія Анатолія Мартыновскаго викаріемъ волынской епархіи и до самой смерти его центромъ жизнедѣятельности преосвященнаго неизмѣнно служилъ юго-западный край. Съ этимъ краемъ неразрывно связана самая лучшая и самая видная пора жизнедѣятельности Анатолія Мартыновскаго. Имѣя въ виду какъ можно обстоятельнѣе представить эту дѣятельность преосв. Анатолія, мы считаемъ не бесполезнымъ указать въ общихъ чертахъ современное ему религіозно-политическое положеніе юго-западнаго края.

Въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ текущаго столѣтія юго-западный край Россіи еще испытывалъ на себѣ послѣдствія польско-католическаго господства. Въ то время, какъ въ правящихъ сферахъ подготавливалось освобожденіе русскихъ крестьянъ, польскіе паны-помѣщики старались заглушить въ народѣ толки о близкомъ освобожденіи, а между тѣмъ готовились къ извѣстному въ исторіи польскому мятежу 1863 г. Еще со времени польскаго возстанія въ 1831 году поляки-помѣщики западныхъ губерній стали особенно

¹⁾ Письмо помѣщено въ Киевской Стар. за май 1882 г., 229 стр.

²⁾ Указъ о переводѣ Анатолія на Волынь послѣдовалъ іюня 23 дня, 1841 г. Послужн. спис. Анатолія, присланный въ музей Киев. дух. Акад. Л. С. Мацѣвичемъ.

тѣснить русскихъ крестьянъ, насильственно стали отъ нихъ выжимать деньги и пріобрѣтать продажею хлѣбныхъ продуктовъ капиталы для образованія денежнаго фонда—съ цѣлю произвести затѣянный ими еще тогда послѣдній (1863 г.) бунтъ.

Одновременно съ притѣсненіями крестьянъ помѣщики преслѣдовали всячески и православное духовенство. Съ цѣлю разъединить послѣднее съ народомъ—они придумывали всевозможныя клеветы, порицанія и насмѣшки, называя священниковъ корыстолюбцами и грабителями. Для возбужденія въ крестьянахъ ненависти къ священникамъ, экономамъ помѣщиковъ, вызывая крестьянъ на обработку священническаго участка (въ силу Высочайшаго положенія объ обезпеченіи правосл. священниковъ въ зап. губ.), при этомъ кричали: „ступайте скорѣе на поповскую павципу! Теперь попы стали вашими папами“¹⁾.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію религіознаго состоянія русскаго народа въ юго-западномъ краѣ, мы должны отмѣтить и здѣсь неутѣшительныя явленія.

Послѣдовавшее въ 1839 г. воссоединеніе униатовъ съ православною церковію (сперва священниковъ, а потомъ крестьянъ и мѣщанъ) еще не изгладило слѣдовъ бывшей уни и латино-польской пропаганды. Много труда и заботъ предстояло, поэтому, православному духовенству для полнаго сліянія бывшихъ униатовъ съ православными. Между тѣмъ на пути къ осуществленію этой задачи оно встрѣтило сильную преграду со стороны враговъ православія—латинянъ. Въ разсматриваемое нами время (50-е и 60-е г.г.) латино-польская пропаганда возымѣла старыя затѣи, дѣй-

¹⁾ Свѣдѣнія о полит. состояніи Русскаго народа за указанный періодъ заимствованы нами изъ многихъ статей по этому вопросу Вѣстника Юго Зап. и Зап. Россіи за 60-е годы и, между прочимъ, изъ статьи самого Анатолія, озаглавл. такъ: „Старческія воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ въ Зап. Россіи и въ царствѣ Польскомъ съ 1793 г. по настоящее время“.

ствуя въ частности чрезъ распространеніе книжекъ и брошюръ въ папистическомъ духѣ. Важными пособниками ея являлись поляки-помѣщики¹⁾.

Такое религіозно-политическое положеніе юго-западнаго края требовало отъ православнаго пастыря большой опытности и умѣнья въ управленіи пасомыми. Въ своемъ служеніи русскому епископу приходилось считаться съ важной общественной силой—съ одной стороны—поляками-помѣщиками, а съ другой—съ поляками-ксендзами. Нужно было парализовать одинаково вредное вліяніе на русскую жизнь и народность какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Преосв. Анатолій отлично понималъ и надлежаще оцѣнилъ современное ему положеніе юго-западнаго края. Сознывая всю серьезность этого положенія, онъ въ тоже время видѣлъ и всю трудность борьбы съ нимъ. Епископъ Анатолій ясно представлялъ себѣ съ одной стороны—стройность и независимость римско-католической церкви (съ внѣшней, разумѣется, стороны), самостоятельность и могущество ея іерархіи, а съ другой—затруднительное состояніе въ краѣ нашей церкви и духовенства. Мысль о превосходствѣ внѣшняго положенія римско-католической церкви сравнительно съ нашею была доведена Анатоліемъ даже до крайности: подъ вліяніемъ ея у Анатолія слагается грустный взглядъ на состояніе русской церкви. Памятникомъ горькихъ думъ преосв. Анатолія о современномъ ему положеніи православной церкви сравнительно съ римско-католическою служатъ два письма его, написанныя имъ во время пребыванія на Волыни къ преосвященному Смарагду, епископу орловскому²⁾.

¹⁾ При изложеніи религіоз. состоянія юго-зап. край мы держались, главн. обр., сочиненія самого Анатолія: „Объ отнош. Римск. Церк. къ др. христ. церк. и ко всему человѣч. роду“. См. Введеніе въ книгу, III и IV стр.

²⁾ Письма Анатолія къ Смарагду писаны изъ Житомира, одно—отъ 25 февраля 1844 г., а другое—апрѣля (день не означенъ) 1844 г. Письма эти по

Въ письмѣ къ пресов. Смарагду отъ 25 февраля 1844 г. Анатолий старается увѣрить послѣдняго въ томъ, что нынѣшняя генерація доживетъ до вселенскихъ соборовъ, на которыхъ католицизмъ будетъ провозглашенъ исключительно истиннымъ христіанствомъ. Къ этому гадавію Анатолий пришелъ путемъ сравненія пашей церкви съ латинскою и слѣдующаго изъ него вывода о безспорныхъ преимуществахъ послѣдней надъ первою. Обращаясь къ догматическимъ богословіямъ обѣихъ церквей, Анатолий находитъ у католиковъ поразительное единство и согласіе относительно догматовъ. „Книги, заключающія въ себѣ такого рода ученіе, въ какомъ бы вѣкѣ и гдѣ бы ни были изданы, говоритъ онъ, всегда содержатъ въ себѣ одно и то же. У насъ же нѣсколько догматическихъ богословій, изданныхъ въ прошедшемъ столѣтіи, сами себѣ противорѣчатъ. Одни изъ нихъ почти лютеранскія--и такихъ больше, другія почти католицкія“. При этомъ Анатолий жалуется на отсутствіе у насъ учебниковъ по Догматическому Богословію, когда уже существуютъ четыре духовныя академіи. Причину этого обстоятельства онъ видитъ въ томъ, что „одни прельстились сатанинскими глубинами, приводящими въ ужасъ и смущеніе въ простотѣ сердца вѣрующихъ догматическимъ истинамъ, а другіе и написали бы, какъ слѣдуетъ, сообразно съ потребностію церкви, но пусть попробуютъ: злословіе, рвеніе и мстительность предадутъ ихъ на распятіе¹⁾“. Сдѣлавъ такое невыгодное для православія сопоставленіе той и другой церкви со стороны догматическихъ истинъ, Анатолий продолжаетъ сравненіе далѣе. „Отъ единства догматическаго ученія въ книгахъ, говоритъ онъ, удивительное единство дѣйствія, стремящагося къ одной цѣли,

своему объему изумительны, носятъ характеръ посланій. Одно вмѣщаетъ въ себѣ 12 страницъ (in folio), а другое—15-ть. Переданы въ музей Акад. протоіер. о. Флоринскимъ.

¹⁾ Указываетъ на не привлекательныя стороны богословской критики.

потому что читаетъ книги. У нашихъ же нѣтъ слова, потому что нѣтъ ума, а ума нѣтъ, потому что свѣтлѣннѣ не можетъ горѣть, если не подливать въ лампаду елѣя“. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ необразованности нашихъ пастырей является, по мнѣнію Анатолія, печальное состояніе паствы: тѣма и мракъ низшаго сословія и отторженіе отъ церкви высшаго. Послѣднему обстоятельству, по его словамъ, не мало содѣйствовала французская и журнальная русская литература. „Люди высшаго сословія, говоритъ онъ, не понимаютъ даже церковнаго языка, многіе изъ нихъ не имѣли и не возьмутъ въ руки молитвенника; да и какъ имъ брать въ руки молитвенники, печатанные варварскимъ шрифтомъ, съ полнѣпашами хуже лубочныхъ картинъ, имѣя въ рукахъ французскія и на другихъ языкахъ книги, изданныя со всею типографскою роскошью“.

Въ данномъ случаѣ, какъ и многіхъ другихъ, сказывается, по Анатолію, громадное преимущество римско-католической церкви предъ напею. Римскіе іерархи и духовенство составили нѣчто въ родѣ литературныхъ обществъ въ римской области, во Франціи, въ Австріи, въ Баваріи, въ Бельгіи, даже въ Англіи. „Эти общества, говоритъ Анатолій, неутомимо, неусыпно, пламенно, ревностно пишутъ, печатаютъ, издають и всѣми средствами распространяють всевозможныхъ величинъ въ духѣ своей церкви сочиненія, особенно въ видѣ альманаховъ, брошюркъ, молитвенниковъ, большею частію, крошечныхъ, уютныхъ, величиною въ дюймъ, и все это такъ ловко, искусно, сообразно, повидимому, съ потребностію челоуѣка, что нельзя не удивляться. Кромѣ того тѣми же обществами издаются несочтѣнные милліоны картинокъ, большихъ и малыхъ, украшаются релігіозныя книжечки самыми изящными гравюрами, раскрашенными на удивленіе“. Съ этою печатною дѣятельностію римско-католической іерархіи Анатолій ставитъ въ связь и самые успѣхи католической пропаганды въ государствѣ

вахъ западной Европы (въ Бельгiи, Швейцарiи, въ самой Германiи и Англiи) и Россiи ¹⁾. При этомъ онъ выражаетъ свое удивленiе по поводу того, съ какимъ искусствомъ римляне умѣютъ въ формѣ молитвъ излагать свои догматы и обязанности предписываемой ихъ церковiю дѣятельности. Важную особенность ихъ молитвенниковъ составляетъ то, что они приспособлены къ сердцу, обстоятельствамъ и даже слабостямъ женщинъ. Отсюда не удивительно, по мнѣнiю Анатолиа, что всякая католичка проникнута фанатизмомъ и думаетъ, что въ римской церкви нѣтъ спасенiя. Отсюда же, по нему, понятно и то, что женщины въ рукахъ духовенства римско-католическаго составляютъ важное орудiе для католической пропаганды. Другимъ сильнымъ орудiемъ служитъ монашество, фанатическое, гибкое, ловкое, лицемерное, изъ коего папа для цѣлей пропаганды ежегодно вербуетъ легiоны миссионеровъ.

¹⁾ Дѣйствiя католиковъ для цѣлей пропаганды Анатолиі остроумно описываетъ съ поступкомъ жида въ слѣдующемъ анекдотѣ, рассказанномъ имъ въ началѣ другаго письма къ преосв. Смарагду (отъ апрѣля 1844 г.). „Нѣкоторый, какъ говорится въ анекдотахъ, нѣкоторый волынской или подольской мужикъ, угруженный путемъ, зашелъ по здѣшнему обычаю въ корчму; арендаторъ-жидъ предложилъ ему, по обычаю, не угодно ли съ дороги выпить горѣлки, и поднесъ ему порядочную чару туманной микстуры, отъ которой мужикъ повалился на скамью. Когда онъ сталъ засыпать, жидъ, усѣвшись возлѣ него, болѣе четверти часа твердилъ въ ухо мужику слово: вѣсьмъ, вѣсьмъ! На другой день, когда мужикъ собрался въ дорогу, жидъ потребовалъ у него платы за восемь рюмокъ водки. Мужикъ началъ-было отпѣкиваться, утверждая, что онъ выпилъ только одну рюмку. Но жидъ возразилъ: вспомни хорошенько! вѣдь я съ тобою еще вчера при людяхъ рассчитывался, говорилъ, что ты выпилъ восемь рюмокъ водки, и ты не противорѣчилъ. Мужику съ просонковъ при неясномъ воспоминанiи, что кто-то повторялъ ему с вечера слово восемь, показались слова жида истинными и онъ заплатилъ за восемь рюмокъ водки“. Подобно этому жиду вводить въ обманъ православныхъ и католиковъ—путемъ распространения разныхъ обольстительныхъ книгъ и книжечекъ религіознаго содержанiя,—такова мораль приведеннаго анекдота Анатолиа.

При такихъ могучихъ средствахъ католической пропаганды чего ожидать бѣдному православію, вопрошаетъ Анатолій?

Всѣ, приведенныя нами, сужденія Анатолія о положеніи нашей церкви и духовенства, направлены къ тому, чтобы разъяснить поставленный имъ въ началѣ письма вопросъ „о вселенскомъ соборѣ“. Вопросъ этотъ преосвященный рѣшаетъ такимъ образомъ.

„Если латинство неотразимо проникаетъ всюду, беретъ насильно въ плѣнь людей высшаго сословія: то того и ожидать, что православные храмы опустѣютъ, образованныя сословія перейдутъ безотчетно въ латинство, а намъ оставить на нѣкоторое еще время мѣщанъ и крестьянъ, назовутъ, какъ въ началѣ униі, православіе холопскою вѣрою, потомъ составятъ родъ вселенскаго собора, пригласятъ въ оный нѣкоторыхъ нашихъ іерарховъ и дѣло кончатъ за однимъ, повидимому, разомъ“.

Къ такимъ-то неутѣшительнымъ выводамъ о будущности нашей церкви привело Анатолія сравненіе послѣдней съ римско-католическою. Нѣтъ нужды и говорить о томъ, что это крайніе выводы, плоды пессимистическаго настроенія преосвященнаго. По всему видно, что, пиша это письмо, Анатолій глубоко скорбѣлъ по поводу нѣкоторыхъ—дѣйствительно печальныхъ явленій въ нашей церкви и что сильная скорбь помѣшала ему безпристрастно отнестись къ этимъ явленіямъ¹⁾. Но какъ бы преувеличены ни были выводы и взгляды Анатолія по многимъ церковнымъ вопросамъ, мы все же не можемъ отказать ему въ пониманіи трудности тогдашняго положенія нашей церкви, равно какъ—искреннемъ участіи къ судьбѣ ея.

¹⁾ Въ заключеніе своего письма къ преосв. Смарагду Анатолій такъ пишетъ: простите мнѣ, благодѣтельныйшіи архиастырь, за многослаголаніе мое! Боюсь, не предъ кѣмъ и слова премолювить искренно. А больно душѣ моей, очень больно!

Познакомившись со взглядомъ Анатолія на современное ему положеніе югозападнаго края, мы рассмотримъ теперь что предпринималъ онъ на пользу роднаго края и на сколько успѣшны были его дѣйствія. Дѣятельность его въ этомъ направленіи была двоякаго рода: теоретическая, и практическая. Къ первой относятся сочиненія его въ защиту православія и противъ латинянъ, ко второй—практическія мѣропріятія преосвященнаго, имѣющія въ виду благо православной церкви.

Та и другая дѣятельности Анатолія во всей своей силѣ сказались въ періодъ пребыванія его въ могилевской епархіи; въ бытность же его викаріемъ волынскимъ мы встрѣчаемъ только зачатки ихъ.

Выступая въ защиту православія противъ враговъ его —латинянъ, преосв. Анатолій пришелъ къ той мысли, что для успѣха въ борьбѣ необходимо дѣйствовать равнымъ оружіемъ. Въ виду этого—въ противовѣсъ во множествѣ распространеннымъ на юго-западѣ книжечкамъ въ папистическомъ духѣ—Анатолій сталъ печатать брошюры въ строго православномъ духѣ. Цѣлью изданія послѣднихъ, по собственному признанію его, было то, чтобы раздавать ихъ обращающимся къ нему овцамъ Христова стада и тѣмъ удерживать ихъ въ оградѣ Спасителя: „да не внемлютъ чуждому гласу, и не идутъ за чуждыми пастырями“¹⁾. Будучи распространяемы среди народа, подобныя книжечки служили бы, по словамъ Анатолія, антидотомъ противъ папизма. Не довольствуясь единичными усиліями въ изданіи означенныхъ брошюрочекъ, преосв. Анатолій старался организовать для этого дѣла цѣлыя общества. Въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, бралъ примѣръ съ католиковъ, которые—въ видахъ распространенія книгъ въ папистическомъ духѣ—основали нѣсколько литературныхъ обществъ. Но задуманному плану Анатолія не суждено было осуществиться.

¹⁾ Письмо къ преосв. Смарагду отъ 25-го февраля 1844 г. Рк. мз.

Мало того, онъ началъ опасаться, какъ бы злословіе и недоброжелательство не наложили своей печати и на его личное начинаніе. „Я боюсь, пишетъ онъ преосв. Смарагду, трепещу, чтобы, не почли нововведеніемъ, ересію этого и мнѣ не было бы бѣды! Боюсь особенно моихъ любвеобильныхъ благопріятелей“... Не смотря однако на постигавшія преосв. Анатолія неудачи, онъ не унывалъ и время отъ времени продолжалъ печатать свои брошюры (въ редакціи Воскреснаго Чтенія) для бесплатной раздачи ихъ народу. Излагая въ этихъ брошюрахъ истины христіанской вѣры и нравственности общепонятнымъ языкомъ, преосв. Анатолій достигалъ чрезъ это двойной цѣли: съ одной стороны онъ предохранялъ слабыхъ въ вѣрѣ отъ увлеченія латинствомъ, а съ другой—предлагалъ духовную пищу всѣмъ тѣмъ, кто нуждался въ ней.

Вмѣстѣ съ распространеніемъ среди народа книжечекъ собственнаго сочиненія Анатолій не упускалъ изъ виду религіозное просвѣщеніе и подвѣдомственнаго ему духовенства. Онъ настойчиво домогался того, чтобы обязать приходскихъ священниковъ выписывать и читать хорошія духовныя книги. Этою мѣрою онъ надѣлся, выражаясь его словами, „разсѣять мракъ самаго грубаго ихъ невѣжества“. Но нельзя сказать, чтобы это безспорно доброе намѣреніе преосв. Анатолія встрѣтило поддержку со стороны высшей власти. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ преосв. Смарагду Анатолій жалуется на равнодушіе къ его начинаніямъ первенствующаго архипастыря волынскаго. Вообще—слѣдуетъ сказать, что въ своихъ дѣйствіяхъ Анатолій, какъ викарій, былъ связанъ инструкціями правящаго владыки, жившаго къ тому же въ Варшавѣ. Отсутствіе самостоятельности въ связи съ нѣкоторыми неудобствами въ частной жизни было для Анатолія источникомъ немалыхъ скорбей и душевныхъ мукъ, которыя онъ время отъ времени изливалъ въ письмахъ къ друзьямъ. Эти письма знакомятъ насъ не только съ характеромъ дѣятельности преосвященнаго на

Волыни, но и съ внѣшнею обстановкою жизни его: а послѣдняя, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ его письма, была далеко не привлекательна. „Въ Житомирѣ, пишетъ онъ преосв. Смарагду, архіерейское помѣщеніе такъ тѣсно, что эта тѣснота на Руси безпримѣрна. Когда приказано было архіереямъ непремѣнно переселиться въ Житомиръ¹⁾, купили на скоро старый домъ, обдѣлали по смѣтѣ съ большою прибылью для эконома и подрядчиковъ. Но домъ все-таки тѣсенъ, до такой степени, что когда владыка пріѣзжаетъ сюда съ Варшавы; то я стѣсняюсь въ одной комнатѣ такой крошечной, въ какой не жывалъ, будучи еще послушникомъ въ Каменцѣ. Наконецъ, здѣшній каедральный соборъ по крайнему своему во всѣхъ отношеніяхъ неустройству, по безобразію самому отвратительному иконостаса, по сырости и постоянному круженію въ немъ вѣтра—безпримѣрный не только въ Россіи, въ цѣломъ свѣтѣ. Почемужъ объ этомъ, спросите, не пишутъ, не представляютъ? Написали представленія, доклады, препроводили куда слѣдуетъ по надлежащему. Теперь спокойно сидятъ, да у моря погоды ждутъ. И зачѣмъ, на что это въ Житомирѣ? Въ Варшавѣ Паскевичъ устроилъ отличнѣйшій соборъ и архіерейское помѣщеніе. Здѣсь же можетъ быть и такъ, какъ есть. Притомъ мой владыка истинный ангелъ по душѣ и сердцу, во всемъ слѣдуетъ системѣ выжиданій, проволочекъ! И это очень хорошо! Этакъ не проговорится, не выпишется, никого не задѣнетъ и у всѣхъ хорошъ! Наука для меня, котораго ни горести, ни скорби, ни бѣдствія не научили выжиданіемъ, ко-

¹⁾ На первыхъ порахъ по прибытіи на Волынь (1841—42 г.) Анатолій жилъ въ Почаевской лаврѣ, а правящій архіерей Никаноръ въ Житомирѣ; впоследствии же Анатолій былъ переведенъ въ Житомиръ, а Никаноръ въ Варшаву. См. письмо Анатолія въ Смарагду, а также отношеніе Никанора духовному собору Почаевскій лавры. *Рк. Мз.* Киев. дух. Ак.

торый по характеру скоръ, горячъ, желалъ бы, чтобы все дѣлалось мигомъ и наилучшимъ образомъ¹⁾).

Какъ видно изъ собственнаго признанія Анатолія, энергическая и дѣятельная натура его не могла мириться со многими явленіями обружавшей его дѣйствительности. Но будучи зависимъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ правящаго владыки, онъ долженъ былъ терпѣливо переносить нежелательный для него порядокъ вещей.

Въ своемъ положеніи онъ считалъ наилучшимъ всецѣло подчиняться распоряженіямъ, исходившимъ, какъ изъ Варшавы со стороны правящаго владыки, такъ и изъ Житомира—со стороны консисторіи и архіерейской экономіи. Такъ, по собственнымъ словамъ Анатолія, онъ не пользовался даже дарованнымъ ему правомъ—въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ консисторіи или экономіи—входить каждый разъ особыми представленіями къ правящему владыкѣ. „Я на все рѣшительно согласенъ, пишетъ онъ преосв. Смарагду, и хорошо, очень хорошо! Зачѣмъ марать по пустякамъ бумагу, придумывать причины къ опроверженію какого-нибудь казуснаго мнѣнія, чтобы потомъ мое мнѣніе было отвергнуто и я остался въ посрамленіи. Лучше спокойнѣе соглашаться на все“. Было однако одно лицо, которое при всемъ стараніи преосвященнаго быть спокойнымъ, сильно возмущало душу его—это управляющій изъ Варшавы экономіею волынскаго архіерейскаго дома, или, точнѣе, Почаевскаго лаврскаго подворья,—потому что домъ купленъ на лаврскую сумму. „О Господи! пишетъ Анатолій тому же Смарагду, что это за управленіе? Безпримѣрное, конечно, само по себѣ; а по духу и дѣйствіямъ управленіе таково, что если бы на моемъ мѣстѣ былъ Θεодотій симбирскій, то тутъ бы ежедневно разыгрывались трагедіи, комедіи, водевили и мелодраммы... Меня это только огорчаетъ, да нечего дѣлать,

¹⁾ Письмо къ преосв. Смарагду отъ апрѣля 1844 г. Гк. Ма. К. д. А.

потому что мнѣ этого не передѣлать. А комедій и трагедій играть и не въ пору, и не хочется“.

Огорченія и непріятности подобнаго рода весьма вредно отзывались на здоровьѣ Анатолія, уже значительно надломленномъ, какъ лѣтами (въ эту пору ему было 54 г.), такъ и разными болѣзнями. По собственному его признанію, онъ послѣдовательно испытывалъ разнаго рода болѣзни—зубную боль, простуду и въ особенности мучившій его ревматизмъ, полученный имъ въ петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ.

Въ пользованіи себя отъ разныхъ недуговъ преосвященный довѣрялъ, большею частію, своимъ чисто домашнимъ способамъ леченія, которые онъ практиковалъ на основаніи личныхъ опытовъ¹⁾. Вообще же поддержанію и укрѣпленію здоровья преосвященнаго Анатолія много содѣйствовалъ веденный имъ въ высшей степени простой образъ жизни. „Жизнь моя или образъ ея самый простой, рассказываетъ онъ въ письмѣ къ преосв. Смарагду; ѣмъ простую пищу, какую употреблялъ іеромонахомъ, рюмка водки, два, три кушанья въ сутки много. Вина употребляю только съ гостями“. Эту простоту въ образѣ жизни преосв. Анатолій наблюдалъ, какъ увидимъ ниже, и въ бытность свою епископомъ могилевскимъ. Выѣстъ съ простотою въ обращеніи она составляла одну изъ привлекательныхъ чертъ въ личности преосвященнаго.

¹⁾ Вотъ въ чемъ состояло леченіе преосвященнаго, по собственному его признанію. „Въ Новгородѣ, сообщаетъ онъ между прочимъ преосв. Смарагду, часто мучила меня зубная боль, я удостовѣрился, что это отъ простуды; и какъ скоро зазудитъ теперь у меня какой-либо зубъ, въ ту же минуту сквидаваю салоти, вымываю ноги по колѣни спиртомъ, сажусь въ постель, вылью чего-нибудь теплаго и все прошло, и восьмой уже годъ не знаю зубной боли! Отъ простуды спасаюсь произведеніемъ на себѣ испарины или положивъ полововъ столько, что прошибетъ потъ, или накрывшись въ кровати хоть десятію шубами. А на ревматизмъ ничего не могу придумать“. Письмо къ преосв. Смарагду отъ апрѣля 1844 г. стр. 11—12.

Скромная и труженическая жизнь епископа Анатолія въ волынской епархіи по достоинству была оцѣнена и высшимъ духовнымъ начальствомъ. За ревностное служеніе и особенныя труды при исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, какъ значится въ Высочайшемъ указѣ, онъ причисленъ былъ къ ордену св. Анны 1 степени (9 апрѣля 1843 г.)¹⁾. Но самую высшую и въ то же время желательную для Анатолія наградою было назначеніе его на самостоятельную кафедру епископомъ могилевскимъ и мстиславскимъ (22 ноября 1844 г.).

¹⁾ Извѣщая преосв. Никанора о полученіи знаковъ этого ордена и объ отсылкѣ слѣдуемыхъ по ордену 60 руб. вмѣстѣ съ знаками того же ордена 2-й степени въ капитулъ Императорскихъ и царскихъ орденовъ, Анатолій, по обыкновенію, благодаритъ за этотъ даръ высокопреосвященнаго Владыку. „Благодарнѣйше донося о семъ Вашему Высокопреосвященству, пишетъ Анатолій, сознаю въ душѣ моей, что сіе утѣшительное въ жизни моей событіе простираетъ отъ благодѣлительнѣйшаго призрѣнія Вашего на мое достоинство, а чувствуя бессиліе мое въ изъявленіи благодарности за такую милость, всею крѣпостію души моей умоляю прошедшаго небеса пастыревачальника Господа Иисуса: да воздастъ Вашему Высокопреосвященству по сердцу Вашему, яко зѣницу ока своего подъ кровомъ Своея благодати“. Извѣч. изъ отношенія Анатолія къ преосвѣд. Никанору волынскому. Ркп. Мз. Кіев. дух. Ак.

III.

I. Общая характеристика дѣятельности преосв. Анатолія въ санѣ могилевскаго архіепископа.—Заботливость о поновленіи ветхихъ и устройствѣ новыхъ храмовъ.—Заботливость о монастыряхъ.—Дѣятельность для христіанско-религіознаго воспитанія паствы: литургическія служенія; проповѣдничество; введеніе катихизическихъ поученій; церковныя школы.—Полеченіе о нравственномъ развитіи и матеріальномъ благосостояніи духовенства.—Устройство училища для дѣвицъ духовнаго званія.—Слабыя черты епархіальной администраціи при немъ: насколько основательны сужденія о нихъ?—Сужденія преосв. Анатолія о положеніи русской іерархіи и духовенства.

Время свыше 15-лѣтняго служенія преосв. Анатолія въ санѣ епископа, потомъ архіепископа могилевскаго и мстиславскаго слѣдуетъ признать временемъ наиболѣе полнаго раскрытія и всѣхъ качествъ свѣтлой души его и всѣхъ сторонъ его дѣятельности направленной къ благу епархіальной паствы, епархіальнаго духовенства, къ благу православної церкви и во всемъ западномъ краѣ, какъ благу отечественной церкви и во всей Россіи. Ревнитель вѣры и благочестія, истинныхъ интересовъ церкви и ея служителей, благостный и участливый къ людямъ, поборникъ православія и русской патріотъ, онъ старался достойно выполнить свое призваніе. По направленію болѣе теоретикъ, идеалистъ, чѣмъ практикъ, притомъ способный увлекаться своими излюбленными идеями, онъ не всегда успѣвалъ въ своихъ начинаніяхъ и стремленіяхъ, задавался иногда очень смѣлыми проектами, испытывалъ смущенія и поддавался

грустнымъ мыслимъ, даже раздраженію отъ борьбы ли съ случайными препятствіями или вообще отъ замѣчаемаго имъ несоотвѣтствія валичной дѣйствительности съ предносившимся въ его душѣ идеаломъ; но онъ всегда оставался вѣренъ своему призванію, своимъ возвышеннымъ помысламъ и внушеніямъ, своей христіанско-любящей души и отеческой кротости. Справедливость требуетъ не промолчать и о томъ, что современники преосвященнаго по его служенію въ мопилевской епархіи высказывали иногда сѣтованіе на слабость воли его, которую умѣли пользоваться искательные люди и даже злоупотреблять своимъ вліяніемъ на него. Но таже справедливость обизываетъ всякаго не забывать, что почившій архипастырь и самъ сознавалъ указанную слабость свою и быть можетъ сильнѣе другихъ сѣтовалъ о ней. Для полноты представленной нами общей характеристики преосв. Анатолія, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о физической сторонѣ личности его. По словамъ лицъ, лично знавшихъ преосвященнаго, онъ былъ довольно высокаго роста, имѣлъ открытое симпатичное лицо и умные, выразительные глаза. Походка и вѣдшія движенія его были быстры, порывисты, вообще неравномѣрны. Голосъ его также былъ неровень, дѣлаясь то пріятнымъ и мелодичнымъ, то рѣзкимъ и крикливымъ, смотря по душевному настроенію его. Будучи сангвиникомъ по природѣ, преосвященный легко возбуждался вѣдшими впечатлѣніями и былъ склоненъ къ весьма разнообразнымъ и притомъ сильнымъ чувствованіямъ, также и въ проявленіямъ ихъ въ рѣзкихъ словахъ и своеобразныхъ жестахъ. Способный въ благодушномъ настроеніи къ веселой и остроумной бесѣдѣ, преосвященный чаще выглядѣлъ и казался человѣкомъ настроенія грустнаго, которое свидѣтельствовало, что чувствованія его были вообще болѣе печальнаго, чѣмъ радостнаго свойства. Послѣднее можетъ объясняться и тѣмъ, что ему въ жизни приходилось испытать

не мало огорченій и разочарованій, положившихъ свою печать и на душевное настроеніе преосвященнаго.

Назначенный на могилевскую кафедру 22 ноября 1844 года, преосв. Анатолий прибылъ къ мѣсту служенію довольно скоро, еще къ концу этого же года. Вникая въ болѣе настоятельныя потребности церковнаго благоустройства епархіи, онъ обратилъ вниманіе на состояніе храмовъ Божіихъ. Преосвященный нашелъ ихъ далеко не въ удовлетворительномъ видѣ: значительная часть ихъ была ветха и лишена какъ внѣшняго, такъ и внутренняго благоустройства¹⁾. Постигая религіозно-воспитательное значеніе для народа благолѣпныхъ храмовъ, особенно, въ краѣ, гдѣ на ряду съ бѣдными и ветхими православными храмами возвышались богато отстроенные костелы, преосвященный сталъ дѣятельно заботиться о починкѣ, пововленіи ветхихъ и постройкѣ новыхъ церквей въ могилевской епархіи. Въ описываемое нами время дѣло постройки и починки православныхъ храмовъ считалось обязательнымъ для землевладельцевъ помѣщиковъ, какъ вмѣстѣ и владѣльцевъ надъ крестьянами-прихожанами сельскихъ церквей. И вотъ то личными сношеніями, то при посредствѣ гражданскихъ властей преосвященный все чаще и чаще напоминаетъ помѣщикамъ о ихъ долгѣ въ указанномъ дѣлѣ. Не легко однакоже достигался успѣхъ отъ такихъ напоминаній. Значительная часть помѣщиковъ была римско-католики, мало склонные заботиться о православныхъ храмахъ. Новымъ затрудненіемъ

¹⁾ Въ отчетѣ за 1847 г., составленномъ самимъ преосвященнымъ для представленія въ Св. Синодъ, говорится, что всѣхъ приходскихъ церквей въ могилевской епархіи 526; изъ нихъ только 337 находятся въ удовлетворительномъ состояніи, а остальные или совершенно обветшали (60) или требуютъ перестройки и внутренней, а также наружной починки. Въ другомъ мѣстѣ преосвященный выражается, что „многіе храмы не имѣютъ даже вида, похожего на храмы, посвященные имени Божію“.

къ привлеченію помѣщиковъ къ этому дѣлу служила мелкопомѣстность многихъ изъ нихъ, дававшая поводъ или предлогъ ссылаться и на свою бѣдность, къ которой впрочемъ гствова былъ свисходитъ и преосвященный. За то онъ старался поощрять знаками своей благодарности и заботами о наградахъ такимъ помѣщикамъ, которые были внимательны и усердны въ выполненіи лежавшаго на нихъ долга ¹⁾). Дѣйствуя самъ непосредственно или посредствомъ гражданскихъ властей въ видахъ привлеченія помѣщиковъ къ обновленію и построенію храмовъ, архипастырь не опускалъ, въ болѣе настоятельныхъ случаяхъ, восходить своимъ ходатайствомъ по тому же предмету къ высшему церковному управленію. Такъ выражается онъ объ этомъ въ своемъ сообщеніи одному высокопоставленному іерарху. „Почти пятнадцать лѣтъ, пишетъ преосв. Анатолій, я сносился съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ по сему дѣлу и болѣе десяти лѣтъ входилъ представленіями въ Св. Синодъ и къ оберъ-прокурору онаго; съ этою же цѣлію многократно обоарѣвваемы были сплошь всѣ приходскія церкви моголевской епархіи, составляемы были акты о состояніи каждой изъ нихъ, а изъ актовъ подробныя вѣдомости, коихъ экземпляры препровождались въ Св. Синодъ, генералъ-губернаторамъ и гражданскимъ начальникамъ губерніи“ ²⁾). Плодомъ усилен-

¹⁾ Представляя одного помѣщика (Александра Пересвѣтъ-Солтана) къ наградѣ за постройку имъ въ с. Головичахъ каменной церкви, преосв. Анатолій приводитъ такой отзывъ: „Усердіе помѣщика заслуживаетъ особеннаго уваженія въ краѣ, гдѣ правительство столько заботится о приведеніи церквей въ благоустройство и такъ трудно побудить къ тому другихъ помѣщиковъ“. Резол. на дѣлѣ подъ №№ 1821. 1845. Арх. Могил. Консист. Въ частности о затрудненіяхъ съ мелкопомѣстными помѣщиками преосвященный даетъ знать въ слѣд. словахъ своего отчета о состояніи епархіи за 1847 годъ: „Церкви эти, пишетъ преосв. Анатолій, состоятъ въ селахъ, коими владѣютъ многіе мелкопомѣстные помѣщики—по большей части столь бѣднаго состоянія, что всѣ самыя неутомимыя сношенія съ гражданскимъ правительствомъ о побужденіи ихъ къ постройкѣ церкви оказались тщетными“. Отчетъ о состояніи церквей за 1847 г. и др.

²⁾ Черновой подлинникъ этого сообщенія, писаннаго преосв. Анатоліемъ. уже въ Вессарбіи, чѣсто сирѣкъ его, находится въ музеѣ Кіевской Академіи

ныхъ стараній преосвященнаго было обновленіе или построеніе въкотораго числа храмовъ въ епархіи. Но ово было далеко еще недостаточно, такъ что въ послѣдніе годы своего управленія онъ счелъ необходимымъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о постройкѣ на счетъ казны около 50 церквей въ такихъ приходахъ, въ коихъ рѣшительно не было никакихъ средствъ къ построенію храмовъ. Въ уваженіе къ ходатайству преосвященнаго подъ конецъ 1858 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отряженъ былъ полковникъ гвардіи (впослѣдствіи генералъ-маіоръ) П. И. Мейеръ для обозрѣнія церквей и для составленія на мѣстѣ актовъ и плановъ со сметнымъ вычисленіемъ суммъ, требующихся на постройку новыхъ церквей. Но г. Мейеръ, по прибытіи въ могилевскую губернію, занялся собираніемъ подробныхъ свѣдѣній какъ будто не столько о церквахъ и приходахъ могилевской епархіи, сколько о духовенствѣ ея—и какъ будто съ тою цѣлію, чтобы представить послѣднее въ глазахъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Чѣмъ руководился въ данномъ случаѣ неожиданный и непризванный ревизоръ, трудно разгадать: былъ ли такой образъ дѣйствій его предуказанъ другими, или же происходилъ отъ какихъ либо личныхъ, несочувственныхъ отношеній его къ преосв. Анатолію, либо къ цѣлому сословію духовенства,—для насъ, какъ и для пр. Анатолія (по его словамъ) остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство глубоко опечалило преосв. Анатолія, причинивъ ему не мало душевныхъ страданій. По собственному его признанію, онъ „болѣзновалъ сердцемъ, что г. Мейеръ возложенную на него препорученность превратилъ въ неблагонамѣренную ревизію могилевской епархіи ¹⁾).

¹⁾ Въ мучительной скорби по поводу происшедшаго преосвященный находилъ утѣшеніе лишь въ той мысли, что производимая Мейеромъ ревизія могилевской епархіи похожа на то, какъ еслибы ему поручено было произвести ревизію армейской артиллеріи. „Не сомнѣваюсь, пишетъ Анатолій, что вслѣдствіе такой ревизіи я бы составлялъ и препроводилъ, куда бы слѣдовало, мои донесенія о со-

Приведенный случай из дѣятельности преосвященнаго по постройкѣ храмовъ хотя отчасти знакомитъ насъ съ тѣми затрудненіями, съ какими приходилось подчасъ встрѣчаться преосвященному въ достиженіи намѣченной цѣли. Но при всемъ томъ преосвященный не ослабѣвалъ въ своемъ усердіи къ построению и украшенію православныхъ храмовъ могилевской епархіи. Отъ начала и до конца своего служенія въ могилевской епархіи онъ неуставно ратовалъ за это святое дѣло, и не одинъ выстроенный и благоустроенный храмъ Божій обязанъ своимъ существованіемъ рѣдкой энергіи преосвященнаго.

На ряду съ приходскими церквами преосв. Анатолій заботился о поддержаніи и благоустройствѣ монастырей съ ихъ храмами¹⁾. Основаніемъ для такой заботливости его о монастыряхъ служила, между прочимъ, твердая увѣренность преосвященнаго въ томъ, что между монастырями и приходскими церквами существуетъ самая тѣсная связь. Последняя, по взгляду Анатолія, состоитъ въ слѣдующемъ. Поселяне, посѣщая монастыри, умиляясь въ нихъ благолѣпіемъ храмовъ, древнимъ пѣніемъ, чинно совершаемымъ богослуженіемъ, съ ревностію подражаютъ устройству богослуженія и въ своихъ приходскихъ церквахъ; такъ что во

стояніи той артилеріи на удивленіе, и отнюдь не хуже донесеній г. Мейера Министерству Внутреннихъ дѣлъ о поведеніи духовенства могилевской епархіи. И хотя и не учился ни фортификаціи, ни артилерійскимъ эволюціямъ, но при своихъ донесеніяхъ представлялъ бы и проектъ объ улучшеніи и преобразованіи артилеріи, который составили бы для меня подъ рукою обиженные на службѣ начальниками искусные офицеры той же артилеріи: какъ г. Мейеру составляли планы, фасады и смѣту для постройки церквей могилевскіе архитекторы. Выбѣтъ съ тѣмъ, по какимъ вѣдѣ предубѣжденіямъ, а бы описалъ характеръ и поведеніе не только офицеровъ той артилеріи, но даже ихъ начальниковъ самыми черными красками, на удивленіе самому Г. Мейеру. Какое же имѣетъ значеніе ревизія могилевской епархіи и какого свойства отзывъ г. Мейера о поведеніи священниковъ обозрѣнныхъ имъ въ той епархіи церквей, когда подобныхъ ревизій и сужденій не испытываетъ въ Россіи ни одно иновѣрческое духовенство, ни даже татарское!“ Извлеч. изъ донесенія Анатолія о ревизіи церквей г. Мейеромъ. *Рис. Мз.*

¹⁾ Въ могилевской епархіи мужскихъ монастырей—8, а женскихъ—4.

многихъ селяхъ поселане, умѣющіе читать и пѣть, заводятъ и поддерживаютъ въ церквахъ своихъ неспѣшное чтеніе, поютъ антифоны, стихиры и ирмосы канонѡвъ по сохраняющимся въ монастыряхъ напѣвамъ знаменному или кievскому. Съ упадкомъ же монастырей все это, по мнѣнію преосвященнаго, должно превратиться и въ приходскихъ церквахъ: онѣ современемъ запустѣютъ и разрушатся, а вмѣстѣ съ симъ повсемѣстно прекратится и доходъ съ продажи свѣчей. Въ подтвержденіе своихъ мыслей преосвященный ссылается на Германію, въ которой со времени введенія лютеранства и разрушенія монастырей нѣмцы повсемѣстно о сю пору не выстроили ни одной кирки, своею архитектурою и пространствомъ заслуживающей чьего-либо вниманія (онѣ неуклюжи и невелики)¹⁾. Затѣмъ важное значеніе монастырей, по взгляду преосвщ. Анатолія, открывается еще и въ томъ обстоятельстве, что своимъ отличнымъ устройствомъ богослуженія они привлекаютъ къ себѣ не только православныхъ, но и иновѣрцевъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о тѣхъ монастыряхъ, въ коихъ существуютъ крестные ходы съ весьма чтимыми мѣстнымъ населеніемъ чудотворными, явленными и другими иконами²⁾.

¹⁾ Приведенный нами взглядъ Анатолія на тѣсную связь монастырей съ приходскими церквами развитъ въ одной изъ его черновыхъ замѣтокъ о монастыряхъ и монашествѣ, предназначавшейся, вѣроятно, къ печати, но почему-то не напечатанный. Рук. Муз. Киев. Ак.

²⁾ Таковы, напр., монастыри—Мстиславскіе Николаевскій и Тупичевскій, Оршанскій Успенскій и Мазоловскій Вознесенскій (дѣвичьи). Придавая мѣстной святинѣ важное значеніе въ дѣлѣ религіознаго настроенія народа, преосв. Анатолій озабочился составленіемъ краткихъ молитвъ ко многимъ мѣстно чтимымъ святимъ. Мы имѣемъ подъ руками слѣдующія молитвы, составленныя преосвященнымъ по порученію Св. Синода (что видно изъ письма Анатолія къ архіеп. смоленскому Антонію, обнародованнаго въ Киевской Старинѣ за 1884 г. іюнь стр. 235): молитва великому Георгію, преп. Зосимѣ, священномуч. Власію, мучч. Флору и Лавру, вел. князьямъ Борису и Глѣбу, великомуч. Прокопію, великомчч. Варварѣ. Краткую характеристику указанныхъ молитвословій, почему-то не напечатанныхъ (по словамъ самаго Анатолія, представленная имъ въ Синодъ рукопись, вѣроятно, уничтожена Сербиновичемъ!), но сохранившихся въ чернѣхъ, мы представимъ во 2-й ч. сочиненія.

Выходъ изъ такой точки зрѣнія на значеніе православныхъ монастырей въ моголевской епархіи и краѣ, преосвященный всѣми зависящими отъ него мѣрами старался поднять благосостояніе ихъ; съ этою цѣлю при содѣйствіи гражданскихъ властей онъ надѣлялъ монастыри угодьями, принималъ дѣятельное участіе въ тяжбахъ ихъ съ помѣщиками — въ случаяхъ отчужденія послѣдними монастырской земли (напр. земли охорскаго монастыря), дѣлалъ представленія Святѣйшему Синоду о разныхъ нуждахъ монастырей¹⁾. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно полагать, что, благодаря и заботамъ преосвященнаго, матеріальное положеніе монастырей было сравнительно лучше обезпечено и что нравственное состояніе ихъ также улучшилось²⁾.

Съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ о благоустройствѣ церквей и монастырей, заботился преосвященный и о христіанско-религіозномъ воспитаніи и просвѣщеніи своей паствы. Въ религіозной жизни пасомыхъ преосвященный принималъ самое живое, непосредственное участіе. Послѣднее выражалось въ весьма разнообразныхъ видахъ: въ совершеніи преосвященнымъ общественнаго богослуженія, поученіи народа истинамъ христіанской вѣры и нравственности, учрежденіи катехизическихъ поученій въ разныхъ мѣстахъ епархіи, устройствѣ церковныхъ школъ и т. д.

Не смотря на старческіе годы свои, преосвященный старался какъ можно чаще совершать богослуженіе въ храмѣ Божіемъ, и служилъ каждый разъ, когда призывали къ тому

¹⁾ Напр., о томъ, что въ Варьалабовскомъ монастырѣ всѣ келіи и хозяйственныя строенія обветшали, и кромѣ того берегъ, на которомъ расположенъ храмъ, будучи подмываемъ Днѣпромъ, грозитъ разрушеніемъ лучшей каменной церкви. См. Оглетъ о состояніи церквей и монастырей, составленный Анатолиемъ въ 1847 г. *Рк. Мз.*

²⁾ Исключеніе въ послѣднемъ отношеніи составляли, по отзыву самого Анатолія, единонѣрческій Макаръевскій и отчасти воссоединенный Пустынскій монастыри. Монахи перваго монастыря всѣ неблагонадежны, пристрастны къ пьянству и строгиямъ (по отзыву Анатолія), а втораго тоже съ примѣтными слабостями. Тамъ же.

церковныя празднества и позволяли его силы и здоровье. Безъ особенной пышности, но съ благоговѣіемъ и глубокою средоточенностью совершалъ онъ, обыкновенно, службы церковныя. Такой характеръ богослуженія производилъ безъ сомнѣнія самое благотворное дѣйствіе на умы и сердца предстоящихъ. Во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по епархіи преосвященный старался совершать богослуженіе особенно въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ жителями были воссоединенные изъ бывшихъ уніатовъ. Цѣль, ради которой преосвященный такъ дѣйствовалъ, очевидна: этимъ путемъ онъ надѣялся привлечь на сторону православія еще неутвердившихся въ немъ воссоединенныхъ членовъ церкви. Судя по отзывамъ объ этомъ дѣлѣ самаго Анатолія¹⁾, а равно и другихъ лицъ, можно думать, что благія надежды его оправдывались. Стройное, согласное пѣніе архіерейскаго хора и торжественность православныхъ обрядовъ невольно располагали въ пользу православія воссоединенныхъ уніатовъ и даже иновѣрцевъ, во множествѣ стекавшихся къ архіерейскому служенію. „Во всѣхъ воссоединенныхъ приходяхъ, въ которыхъ довелось мнѣ быть лично, рассказываетъ самъ Анатолій, народъ стекался во множествѣ, съ жадностію стремился принять благословеніе, съ трогательнымъ умиленіемъ внималъ обращаемымъ къ нему наставленіямъ и съ младенческимъ довѣріемъ открывалъ свою несостоятельность къ устроенію церквей, которыя всѣ ветхи, требуютъ обновленія и пристройки — тѣмъ паче, что даже не имѣють вида похожаго на храмы, посвященные имени Божію“²⁾).

Съ благоговѣйнымъ общественнымъ богослуженіемъ преосвященный по возможности часто соединялъ глубокопоучительное и назидательное слово пасомымъ. Рѣдкая

¹⁾ Отзывы эти находятся въ отчетахъ преосвященнаго, назначенныхъ къ отправленію въ Св. Синодъ. Рукописи Муз. Акад.

²⁾ Тамъ же.
Анатолій Мартиновскій.

служба церковная обходилась безъ того, чтобы преосвященный не предложилъ своимъ слушателямъ соотвѣтствующей случаю духовной пищи. А болѣе выдающіеся событія изъ церковной или общественной жизни мѣстной среды никогда не были оставляемы имъ безъ отклика на нихъ словомъ назиданія или утѣшенія съ церковной кафедры. Въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ иногда по нѣскольку словъ, какъ напр. во время эпидеміи 1848 г. На служеніяхъ во время объѣздовъ епархіи преосвященный также говорилъ проповѣди, иногда и въ селахъ, обращенныя къ поселянамъ. Памятникомъ усерднаго и обильнаго проповѣдничества архипастыря служить собраніе его словъ и поученій, вышедшее разновременно въ пяти томахъ ¹⁾. Не имѣя въ виду входить здѣсь въ подробный разборъ проповѣдническихъ трудовъ Анатолія (что оставляемъ до 2-й ч. сочиненія), ограничимся только общими замѣчаніями о нихъ. Проповѣди преосвящ. Анатолія не блистали витійствомъ, но словомъ живымъ, сердечнымъ, назидательнымъ. Не отличался архипастырь-проповѣдникъ и внѣшними приѣмами ораторской дикціи; но въ замѣнъ ея въ словѣ его чувствовалась сила и задумчивость, по свидѣтельству слышавшихъ это слово. Конечно, трудно съ осязательностію прослѣдить благія послѣдствія проповѣдническаго слова: тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что доброе сѣмя, посѣянное въ сердцахъ людей такимъ ревностнымъ и трудолюбивымъ сѣятелемъ слова Божія, какимъ былъ преосв. Анатолій, принесло желанный плодъ. Безъ сомнѣнія и самъ архипастырь имѣлъ радость примѣчать благіе плоды своего учительнаго слова, ибо учащалъ произносить его съ церковной кафедры.

Архипастырь требовалъ и отъ духовенства недѣлностиаго проповѣданія народу слова Божія. И для того, чтобы

¹⁾ Произнесенныя въ разное время и по разнымъ случаямъ проповѣди Анатолія печатались сначала въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ (Воскр. Чтеніи, Христ. Чт., Странникъ и др.) и уже позже вышли отдѣльными книгами (1853—1866 г.).

облегчить народу пониманіе возвышенныхъ истинъ вѣры и нравственности христіанской, онъ всемѣрно заботился объ учрежденіи съ одной стороны катихизическихъ поученій, а съ другой—церковныхъ школъ. Обь установленіи преосвященнымъ катихизическихъ поученій намъ извѣстно сдѣдующее. Катихизическія поученія учреждены преосв. Анатоліемъ въ двадцати—такихъ церквахъ Могилевской епархіи, въ коихъ по людности городовъ и мѣстечекъ могутъ стекаться въ большомъ количествѣ, какъ мѣстные, такъ и окрестныхъ сель жители. Въ самомъ Могилевѣ катихизическія собесѣдованія предлагаемы были народу преимущественно въ Братскомъ монастырѣ и въ кафедральномъ соборѣ, и при томъ на раннихъ обѣдняхъ въ виду того, что на раннія обѣдни простой народъ стекается, обыкновенно, въ большомъ количествѣ. Обязанность цензора катихизическихъ бесѣдъ въ г. Могилевѣ была поручена о. ректору семинаріи, а въ отсутствіе его протоіерею кафедральнаго собора, въ городахъ же и мѣстечкахъ—мѣстнымъ протоіереямъ и благочиннымъ. Въмѣстѣ съ этимъ поставлено было на видъ, какъ цензорамъ катихизическихъ бесѣдъ, такъ и составителямъ—въ изложеніи поученій какъ можно ближе придерживаться православнаго исповѣданія вѣры и пространнаго православнаго катихизиса. Учрежденіе преосвященнымъ во многихъ церквахъ катихизическихъ бесѣдъ не замедлило дать хорошіе плоды. По донесеніямъ благочинныхъ изъ тѣхъ мѣсть, гдѣ учреждены были катихизическія поученія, народъ во множествѣ стекался для слушанія предлагаемыхъ бесѣдъ и внималъ имъ съ примѣтнымъ желаніемъ просвѣтиться ученіемъ вѣры и благочестія¹⁾. Въмѣстѣ съ установленіемъ во многихъ церквахъ епархіи катихизическихъ поученій преосвященный обязалъ всѣхъ приходскихъ свя-

¹⁾ Свѣдѣнія объ устройствѣ катихизическихъ поученій заимствованы нами частію изъ собственнаго отчета преосвященнаго по сему предмету за 1847 г., а частію изъ устныхъ разказовъ объ этомъ разныхъ лицъ.

щенниковъ (особенно въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ священники по недостаточному образованію не могли сами сочинять и произносить поученій) въ воскресные и праздничные дни читать въ слухъ народа молитву Господню, архангельское привѣтствіе Пресвятой Дѣвы, Символъ вѣры и десятословіе. При этомъ священники должны были читать упомянутыя молитвословія не спѣша и внятно—такъ, чтобы народъ могъ повторять ихъ за священникомъ. Мѣра эта признана преосвященнымъ необходимою потому, что народъ, научаясь издѣтства молитвамъ отъ несвѣдущихъ матерей, многія слова ихъ произносилъ въ искаженномъ видѣ, а нѣкоторыя даже по польски.

Одновременно съ учрежденіемъ катехизическихъ соборно-сѣдованій для народа преосв. Анатолій заботился и объ устройствѣ церковныхъ школъ для обученія поселянскихъ дѣтей Закону Божию и грамотѣ. Въ 1847—50 гг. такихъ школъ насчитывалось въ епархіи около ста—какое число, смотри по обстоятельствамъ, то уменьшалось, то увеличивалось¹⁾. По отзыву самого Анатолія, успѣшное веденіе школьнаго дѣла встрѣчало не мало затрудненій, какъ со стороны крестьянъ, отвлекавшихъ дѣтей отъ занятій по хозяйственнымъ расчетамъ, такъ еще болѣе со стороны землевладѣльцевъ помѣщиковъ. Между послѣдними весьма рѣдкіе соглашались содѣйствовать заведенію и поддержанію поселянскихъ училищъ; большая же часть ихъ отказывалась отъ постройки домовъ для училищнаго помѣщенія подъ предлогомъ несостоятельности, неурожаевъ и т. п. Несмотря однако на разныя препятствія къ правильной постановкѣ учебнаго дѣла, въ числѣ поселянскихъ училищъ мы встрѣчаемъ не мало такихъ, которыя находились въ хорошемъ и даже цвѣтущемъ состояніи (напр. въ мѣстечкѣ Чечерскѣ Рогачевского уѣзда и др. мѣстахъ).

¹⁾ Въ 1847 г. въ нихъ обучалось 1389 мальчиковъ и 22 дѣвочки. См. черныя Отчета преосвященнаго о состояніи епархіи за 1847 г. Рг. Мз. Кіев. Ак.

Однимъ изъ средствъ къ возбужденію какъ въ дѣтяхъ, такъ и во взрослыхъ охоты и любви къ религіозному образованію, служила у преосвященнаго бесплатная раздача народу книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія, крестиковъ, иконъ, и т. п.⁴⁾

Епархіальное духовенство служило особеннымъ предметомъ попеченій архипастыря Анатолія. Онъ заботился о томъ, чтобы улучшить внѣшній, хозяйственный бытъ духовенства, обезпечить по возможности его матеріальное состояніе. Съ этою цѣлю онъ сносился по дѣламъ духовенства съ разными мѣстными властями, съ общинами и—наконецъ—съ Св. Прав. Синодомъ. Много хлопотъ и огорченій причиняло преосвященному горячее отстаиваніе имъ интересовъ духовенства. Въ своихъ донесеніяхъ Св. Синоду о внѣшнемъ благосостояніи духовенства преосв. Анатолій неоднократно жалуется на бездѣятельность мѣстныхъ властей къ обезпеченію содержаніемъ духовенства. „Хотя, пишетъ преосвященный въ одномъ изъ своихъ донесеній Св. Синоду, состояніе многихъ священниковъ со времени штатнаго положенія (по которому они получали жалованье) и улучшилось; но гораздо большее число ихъ въ бѣдственномъ положеніи отъ того, что, не смотря на постоянныя самыя неутомимыя сношенія съ гражданскимъ правительствомъ, еще проэктовъ объ обезпеченіи ихъ содержаніемъ

⁴⁾ Религіозно-просвѣдительныя цѣли и задачи, преслѣдуемыя преосвященнымъ, онъ старался провести въ жизнь разными путями. Такъ въ письмѣ къ начальнику Горы-Горбцаго Института (земледѣльческаго) онъ предлагаетъ награждать крестьянъ за лучшія произведенія земледѣлія не деньгами (какъ было до тѣхъ поръ), а писанными на деревѣ въ греческомъ стилѣ иконами. „Награжденіе иконами, говоритъ преосвященный, было бы совершенно въ духѣ народномъ, русскомъ, питало бы въ народѣ главный источникъ благочестія—*благочестіе*, было бы памятникомъ попечительности правительства о благодѣствіи земледѣльческаго состоянія, потому что икона безъ сомнѣнія передавалась бы ими отъ рода въ родъ (чего нельзя сказать о деньгахъ, зачастую пропиваемыхъ) и служила бы проводникомъ благословенія Божія на труды земледѣльца“. Письмо въ послѣднее время прислано въ Музей Ак. Л. С. Мацѣвичемъ.

не составлено 256, а гдѣ и составлены: то большею частію не приводятся въ исполненіе¹⁾). Въ виду такого положенія дѣлъ преосвященный просить Св. Синодъ побудить кого слѣдуетъ къ принятію должныхъ мѣръ въ обезпеченіе духовенства. Заботы преосвященнаго по обезпеченію духовенства были далеко не безуспѣшны. По отзыву лицъ, помнящихъ время управленія преосвященнаго Анатолія, послѣдній оказалъ матеріальную помощь не одному члену духовенства. Благодаря его дѣятельному вмѣшательству, многіе священники, причетники, а также вдовы ихъ пользовались отъ помѣщиковъ даровою землею, строеніями, денежными пособіями и т. п. Благодаренія, оказанныя преосвященнымъ, живо еще памятуются до сихъ поръ многими признательными членами духовенства, — и мы увѣрены, что они подтвердили бы слова наши. Еще въ большей степени занимало преосвященнаго религіозно-нравственное состояніе духовенства. Важнымъ средствомъ къ подъему нравственнаго уровня духовенства преосвященный считалъ подвигъ въ средѣ его религіознаго образованія. Съ этою цѣлію онъ при всякомъ удобномъ случаѣ (лично во время поѣздокъ по епархіи и письменно чрезъ циркуляры) старался рекомендовать духовенству чтеніе книгъ и журналовъ религіознаго содержанія на ряду съ собственными сочиненіями въ этомъ родѣ. Съ этою же цѣлію онъ неоднократно дѣлалъ представленія Св. Синоду о надѣленіи священниковъ, въ особенности, неокончившихъ семинарскаго курса ученія, нѣкоторыми поучительными книгами, въ родѣ поученій Иродіона Путятина и др.²⁾

Для возвышенія нравственнаго уровня духовенства преосвященный пользовался и другими мѣрами: вразумленія и совѣты, взысканія и награды употреблялись имъ для того, чтобы однихъ исправить и облагородить, другихъ—

¹⁾ Донесеніе Св. Синоду отъ 1848 г. сент. 25 дня. Рук. Муз. Киев. Акад.

²⁾ Донесеніе Св. Синоду отъ 25 сентября 1848 г. Рк. Муз. К. А.

поощрить, поддержать, расположить къ нравственному преуспѣванію. Обычными средствами исправленія въ чемъ либо провинившихся членовъ клира были: эпитимія — въ видѣ помѣщенія на извѣстное время въ какой-либо изъ монастырей, а для священниковъ сверхъ того запрещеніе священнослуженія и ношенія рясы въ теченіи опредѣленнаго времени¹⁾. Въ присужденіи наказанія священно и церковно-служителямъ преосвященный старался быть строгимъ, но въ тоже время и милостивымъ; онъ всегда принималъ во вниманіе семейное положеніе, матеріальныя средства и т. п. обстоятельства лицъ наказуемыхъ²⁾. Подавая собою образецъ свисходительнаго къ слабостямъ другихъ пастыря, Анатолій внушалъ и своимъ подчиненнымъ быть свисходительными во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ между собою. Въ возникавшихъ между церковными причтами тяжбныхъ дѣлахъ преосвященный являлся всегда горячимъ сторонникомъ мира. Онъ почиталъ для себя священнымъ долгомъ напоминать тяжущимся сторонамъ бесполезность тяжбы съ точки зрѣнія практической и грѣховность съ евангельской точки зрѣнія³⁾.

¹⁾ Назначенную эпитимію священники отбывали, обыкновенно, въ Спасскомъ монастырѣ г. Могилева, вблизи архіерейскаго дома.

²⁾ Просматривая въ консисторскомъ архивѣ разныя судныя дѣла, мы нерѣдко встрѣчали такого рода резолюціи преосвященнаго: „изъ уваженія къ ходатайству просителя дозволить ему (бывшему на эпитиміи въ монастырѣ) отправиться на лѣто и осень въ домъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи лѣтнихъ работъ онъ снова отправился въ монастырь для выполненія назначенной эпитиміи“. По дѣлу о Р. 1846 г. Или: „пріемли въ уваженіе многочисленное семейство священника (Россовскаго), допустить его (бывшаго на эпитиміи) къ исправленію священнической должности, обязавъ строжайшею подпискою провождать жизньъ трезвую, неукоризненную, благочестивую, вести себя со всѣми привѣтливо и вѣжливо“. Дѣло о пьянствѣ свящ. Россовскаго 1857 г. марта 5-го дня.

³⁾ По дѣлу, напр., о нанесеніи священникомъ І. Ав—мъ удара въ щеку священнику К. К—му, пр. Анатолій, убѣждая ихъ помириться, пишетъ: „тажебное дѣло ни одному изъ нихъ не принесетъ никакой пользы, а только вовлечетъ ихъ въ безполезныя издержки и навлечетъ на обоихъ безчестіе“. 1846 г.

По другому дѣлу—враждебныхъ отношеній между свящ. П. Вишневецкимъ и діакономъ Іаковомъ Мاستынскимъ—преосвященный дѣлаетъ слѣдующее внушеніе

Въ своихъ заботахъ о поднятіи нравственнаго уровня духовенства преосвященный не могъ не видѣть, какое громадное значеніе въ этомъ дѣлѣ пріобрѣтаетъ воспитаніе будущихъ пастырей и ихъ женъ. Въ виду этого преосвященный обратилъ особенное свое вниманіе на разсадники духовнаго просвѣщенія — духовно-учебныя заведенія. Съ любовію слѣдилъ онъ за умственно-нравственнымъ преуспѣваніемъ семинаріи и училищъ. При этомъ въ предѣлахъ ввѣренной ему власти старался улучшить и вышній бытъ питомцевъ этихъ учебныхъ заведеній.

Незабвенное благодѣяніе духовенству и всей своей паствѣ оказалъ Анатолій созданіемъ и благоустроеніемъ пріюта для дѣвицъ духовнаго званія. Этотъ пріютъ, преобразованный въ существующее теперь Могилевское женское духовное училище, помѣщается за городомъ при Буйвичскомъ женскомъ монастырѣ¹⁾. Ранѣе основаннаго Анато-

священнику: надлежитъ помнить слово апостола „аще и впадетъ челоуѣкъ въ шибкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте такового духомъ и кротостію; блюди себѣ, да не и ты искушенъ будеша“. Резол. по дѣлу 1857 г. отъ 14 марта. *Архивъ Консист. Могил.*

¹⁾ Онъ находится на юго-западѣ отъ Могилева и расположенъ на правомъ, возвышенномъ берегу Днѣпра въ чертѣ старинной (прежде мужской) обители (основателемъ ея былъ Богданъ Стеткевичъ, надѣлившій ее въ 1633 г. разными угодьями. Въ 1708 г. монастырская церковь была ограблена шведами, шедшими въ Малороссію для соединенія съ Мазепою и оставившимися лагеремъ на днѣпровскомъ лугу вблизи монастыря. Памят. книжка Могил. губ. на 1861 г. отд. IV, стр. 15—16). Разстояніе этой обители, а съ нею и пріюта отъ центра города по прямому направленію (вдоль берега Днѣпра) не болѣе 3-хъ верстъ; трактовая же дорога, обходящая овраги, перерѣзывающіе холмистый берегъ, тянется верстъ на 6. Этотъ путь лжжитъ по бобруйскому шоссе, отъ восторго самая обитель — въ одной верстѣ. Училищный домъ, представляющій собою въ настоящее время дѣльное деревянное зданіе съ мезониномъ, занимаетъ лѣвую сторону обители и съ 2-хъ сторонъ окруженъ садомъ и палисадникомъ. Съ оконечности горы, на которой расположены училищныя постройки, отърывается прекрасный видъ на Могилевъ (с. в.) и на Днѣпръ (в.). Ниже къ югу, взоръ останавливается на развалинахъ старинной мызы Пипенбергъ (въ ней помѣщался одно время пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ) и на церкви древняго мѣстечка Буйничъ, давшаго свое имя обители и при немъ пріюту (это мѣстечко въ первый разъ упоминается въ записи князя Алексѣя Львовича Толочкова Кіево-Печерскому монастырю 1506 г. 31 дек. Памятн. книжка Могилев. губ. на 1861 г. отд. IV, стр. 15).

дѣмъ пріюта въ этомъ монастырѣ пользовались призрѣніемъ дѣвочки-сироты духовнаго званія, липавшіяся за смертію родителей всякихъ средствъ къ существованію. Начало такому призрѣнію положилъ предмѣстникъ Анатолія по управленію могилевской епархіей, преосв. Гавріиль (Городковъ) ¹⁾. Желая сколько-нибудь обезпечить судьбу дѣвочекъ-сиротъ духовнаго званія, этотъ преосвященный ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о дозволеніи ему преобразовать Буйничскій мужской монастырь въ женскій,—съ тѣмъ, чтобы въ немъ помѣстить безпріютныхъ сиротъ духовнаго званія. На указанное ходатайство преосв. Гавріила Св. Синодъ изъявилъ свое полное согласіе—и вотъ въ 1835 году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на проектированное преосвященнымъ преобразование. Въ преобразованномъ такимъ образомъ женскомъ монастырѣ находили пріютъ на первыхъ порахъ 26 дѣвочекъ-сиротъ духовнаго званія. Живя вмѣстѣ съ монахинями, послѣднія и въ дѣлѣ своего воспитанія находились подъ ихъ прямымъ и непосредственнымъ руководствомъ. Обученіе здѣсь впрочемъ не шло далѣе сообщенія воспитанницамъ самыхъ необходимыхъ элементарныхъ свѣдѣній, ограничиваясь чтеніемъ, письмомъ и разными рукодѣльями. Но и въ этомъ видѣ оно приносило не малую долю пользы безпріютнымъ сиротамъ изъ духовенства.

Еще болѣе сдѣлалъ для призрѣнія сиротствующихъ дѣвицъ изъ духовенства преосвященный Анатолій ²⁾. Вскорѣ

¹⁾ Архіепископъ Гавріиль управлялъ могилевскою паствою отъ 26 августа 1831 г. по май 1837 г. Переведенный въ Рязань, онъ и тамъ устроилъ пріютъ для дѣвицъ духовнаго званія и мотивомъ къ его учрежденію въ своемъ представленіи Св. Синоду выставилъ такъ же, какъ и въ Могилевѣ, необходимость обезпечить сиротъ. См. кн. Объ училищ. дѣвицъ дух. званія 1866 г. С.П.Б. стр. 39.

²⁾ Въ промежутокъ времени между преосвященными Гавріиломъ и Анатоліемъ могилевскою паствою управляли архіепископы—Смарагдъ (1837—1840) и Исидоръ (1840—1844 г.) нынѣшній митрополитъ С.-Петербургскій. Но дѣятельность того и другаго—и особенно послѣдняго архіепископа направлена была на разрѣшеніе важнѣйшаго въ то время для мѣстнаго края вопроса о воссоединеніи униатовъ.

же по своемъ прїѣздѣ въ Могилевъ онъ задумалъ дать прїюту самостоятельное, отдѣльное отъ монастыря существованіе, сохранивъ въ тоже время связь съ послѣднимъ. Съ этою цѣлю въ 1847 г. стараніемъ преосвященнаго былъ устроенъ для дѣтей вблизи монастырской церкви, съ сѣверной стороны, отдѣльный домъ въ 8 чистыхъ комнатъ съ больницей и разными хозяйственными службами. На торжествѣ по случаю переведенія училища въ домъ архипастырь сказалъ слово на текстъ: аще страждетъ единъ уди, съ нимъ страдаютъ вси уди (1 Кор. 12, 26). Выходя изъ мысли о значеніи женщины въ семьѣ и въ цѣломъ обществѣ, архипастырь-учитель изображаетъ идеалъ доброй женщины, поясняемый примѣрами славныхъ и святыхъ женъ изъ библіи и церковныхъ житій и сказаній. Призывая воспитательницъ и воспитанницъ имѣть всегда предъ собою образъ благочестивыхъ женъ, какъ примѣръ для подражанія, преосвященный указываетъ въ особенности на будущее призваніе воспитанницъ, какъ подругъ жизни священнослужителей, которымъ онѣ обязаны будутъ оказывать помощь и содѣйствіе въ ихъ высокомъ служеніи, къ чему и должны подготавливаться добрымъ воспитаніемъ и образованіемъ въ духъ благочестія¹⁾. Въмѣстѣ съ постройкою отдѣльнаго дома для прїюта преосвященный озаботился надлежащимъ образомъ обставить послѣдній какъ въ учебномъ, такъ и хозяйственномъ отношеніи. Для правильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла онъ учредилъ при созданномъ прїютѣ должность начальницы или надзирательницы, а также нѣсколькихъ учительницъ²⁾. Дѣлу обученія дѣвочекъ онъ

¹⁾ Слова пресов. Анатолія, Ч. II, стр. 458—474. 1854 г.

²⁾ Начальницей была монахиня Мелетина, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ватаца, получившая домашнее, но вполнѣ достаточное образованіе. По ея увольненія за слабостію здоровья, въ 57-мъ году была опредѣлена въ начальницы расофорная монахиня Аполлиарія — въ мѣрѣ жена инспектора херсонской врачебной управы Александра Петникова, во время своего вдовства много потрудившаяся въ качествѣ сестры милосердія Крестовоздвиженской Об-

придалъ, по преимуществу, практическій характеръ. На ряду съ обученіемъ чтенію, письму, Закону Божію и ариѳметикѣ — ихъ учили и разнымъ женскимъ работамъ: рукодѣлію (кройка, шитье и вязанье всего необходимаго въ домашнемъ обиходѣ самихъ воспитанницъ) и домашнему хозяйству во всѣхъ его видахъ (приготовленіе кушаньевъ, веденіе счетовъ и т. п.). Практическая постановка учебно-воспитательнаго дѣла, сообщенная пріюту пр. Анатолиемъ, вполне отвѣчала потребностямъ своего времени (50 г.). Жизнь заявляла спросъ только на грамотныхъ, воспитанныхъ въ строгомъ духѣ православія сельскихъ домохозяекъ. Къ этой ближайшей цѣли и направлено было образованіе дѣвочекъ въ пріютѣ. Воспитывавшіяся такимъ образомъ дѣвицы легко приспособлялись и къ той неприглядной жизни, какою въ ту пору верѣдко вело духовенство епархіи: а это одно не мало поднимаетъ значеніе, хотя и не высокаго, но за то вполне пригоднаго къ жизни буйничскаго образованія дѣвицъ.

Устройвъ, какъ слѣдуетъ, пріютъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи, преосвященный принялъ мѣры и къ обезпеченію его матеріальными средствами. Источниками для содержанія пріюта на первыхъ порахъ существованія его служили: 200 рубл., ежегодно жертвуемыхъ Буйничскимъ женскимъ монастыремъ (сверхъ этого монастырь, по предложенію Анатолія, уступилъ въ пользу пріюта участокъ земли подъ садъ и огородъ и нѣкоторую долю сѣнокоснаго луга), 970 рубл. изъ суммъ, отпускавшихся епархіальнымъ попечительствомъ ежегодно на бѣдныхъ вдовъ и сиротъ и обращенныхъ преосвященнымъ на содержаніе пріюта и, наконецъ, пожертвованія разныхъ лицъ, въ особенности же духовенства, собираемыя благочинными по пригласи-

щины, въ севастопольскую компанію. Въ настоящее время начальницей пріюта, преобразованнаго въ 1863 г. въ училище, состоитъ особа свѣтскаго званія, Людмила Александровна Морозова (урожд. Бѣзлого).

тельными листами¹⁾. Все эти источники для содержания приюта, какъ чисто случайные и временные, не могли естественно прочнымъ образомъ обезпечить собою существованіе приюта; главное же—они были крайне недостаточны къ содержанію его. Донося Оберъ-Прокурору Св. Синода о бѣдственномъ положеніи приюта и прося его содѣйствія, преосвященный между прочимъ пишетъ: „сжальтесь, Ваше высокопревосходительство, помните по Вашему обѣту горестное положеніе сиротствующихъ дѣвочекъ, духовнаго званія, собранныхъ въ дѣвичьемъ возлѣ г. Могилева монастырѣ для пропитанія до ихъ возраста. Я бы не дерзалъ утруждать о семъ Ваше высокопревосходительство, если бы каковой либо благотворитель прислалъ могилевскому о бѣдныхъ духовнаго званія попечительству банковый билетецъ, по которому бы оно могло въ пользу сиротъ ежегодно получать пособіе“²⁾. Въ виду крайней скудости матеріальныхъ средствъ, особенно на первыхъ порахъ существованія приюта, преосвященный Анатолій сосредоточилъ все свое вниманіе на достаточномъ обезпеченіи послѣдняго въ матеріальномъ отношеніи. Съ этою цѣлю онъ рѣшилъ постепенно образовывать капиталъ, который бы впослѣдствіи составлялъ самостоятельный основной фондъ для приюта и который бы такимъ образомъ обезпечивалъ существованіе послѣдняго на будущее время, независимо отъ случайныхъ поступленій. Эта мысль не оставяла полнаго самой горячей любви къ дѣтямъ владыку во все время пребыванія его въ Могилевѣ. Рассказываютъ, что въ бесѣдахъ съ разными посѣтителями у него нерѣдко вторымъ словомъ послѣ главнаго дѣла была рѣчь о буйническихъ сиротахъ и сердечное приглашеніе къ посильному пожертвованію въ ихъ пользу. На столѣ у него въ пріемной комнатѣ

¹⁾ Нѣкоторымъ подспорьемъ для приюта служили также суммы, выручавшіяся отъ продажи рукодѣльныхъ работъ воспитанницъ. Такихъ суммъ вмѣстѣ съ пожертвованіями собиралось ежегодно до 270 рублей.

²⁾ Донесеніе оберъ-прокурору Св. Синода отъ 1848 г. Рг. Церк.-арх. Мз. К. д. Ак.

лежала почти всегда книжка для записи этих пожертвованій. Въ архіерейскихъ покояхъ въ настоящее время среди портретовъ другихъ іерарховъ можно видѣть портретъ преосвящ. Анатолія: владыка изображенъ здѣсь въ позѣ глубоко-задумавшагося человѣка¹⁾. Въ такомъ видѣ, разсказываютъ, часто заставали его посѣтители. На вопросъ о предметѣ думъ преосвященный отвѣчалъ указаніемъ на книжку для записи пожертвованій и начиналъ свою отечески-сердечную рѣчь о бѣдныхъ сиротахъ. Путемъ такихъ пожертвованій, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ личныя пожертванія самого владыки (насколько намъ извѣстно, преосвященный жертвовалъ на пріютъ свой литературный гонораръ)²⁾, къ концу его жизни въ Могилевѣ составилъ капиталъ въ 17,493 рубл., заключающійся въ именныхъ билетахъ государственнаго банка и частію въ серіяхъ³⁾. Этотъ капиталъ, по завѣщанію преосвященнаго, долженъ быть нерушимъ во все время существованія пріюта, и только проценты съ него могутъ идти на содержаніе послѣдняго. Онъ долженъ былъ, по мысли преосвященнаго,

¹⁾ Въ такой же точно позѣ преосвященный изображенъ почти на всѣхъ портретахъ, которые приходилось намъ видѣть.

²⁾ Всегда готовый на доброе дѣло и никогда не щадившій средствъ для бѣдныхъ дѣтей, пр. Анатолій сдѣлалъ между прочимъ значительное пожертвованіе (въ 3000 руб.) на Тульчинское (подольской губ.) женское училище, обязанное своимъ возникновеніемъ (въ 60-хъ гг.) и первоначальнымъ устройствомъ недавно умершему могилевскому архипастырю, преосвященному Виталию, въ бытность его законоучителемъ при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Общ. училищ. дѣл. дук. зв., стр. 87.

³⁾ Эта почтенная сумма образовалась не сразу, а въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Для привлеченія къ пожертвованіямъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ преосвященный предлагалъ, обыкновенно, посѣтить пріютъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ внести лепту въ пользу его. Были случаи, что такимъ путемъ жертвовались большія суммы. Намъ передавали, что министръ финансовъ Вронченко пожертвовалъ на пріютъ 3000 руб. При встрѣчѣ же съ духовными лицами Анатолій предлагалъ послѣднимъ купить за небольшую плату (3—5 руб.) шитый руками воспитаницъ поясъ. Такіе небольшіе взносы преосвященный дѣлалъ даже обязательными для вновь поставляемыхъ священниковъ.

обеспечить собою существованіе пріюта на все послѣдующее время.

Благодаря такимъ образомъ неустаннымъ заботамъ преосвященнаго по устройству основаннаго имъ пріюта, положеніе послѣдняго съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе улучшалось. Еще въ бытность свою въ Могилевѣ въ концѣ 16-лѣтняго управленія епархіей онъ имѣлъ удовольствіе слышать отъ разныхъ посѣтителей основаннаго имъ пріюта самые лестные для заведенія отзывы¹⁾. Чего однако стоило преосвященному благоустройство этого пріюта, объ этомъ даютъ намъ нѣкоторое понятіе слѣдующія строки изъ отношенія его къ и. д. Оберъ-Прокурора Св. Синода, князю Сергѣю Николаевичу Урусову. „Я не въ состояніи выразить, пишетъ Анатолій упомянутому лицу, сколько усилій, попеченія и заботъ стоило мнѣ устройство этого заведенія; съ дерзновеніемъ могу сказать, что ради его, по выраженію св. Писанія, я перенесъ болѣзни чадорожденія“... Будучи краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ трудовъ, понесенныхъ преосвященнымъ въ пользу училища, эти слова преосвященнаго не менѣе краснорѣчиво говорятъ намъ и о томъ, какая сильная любовь связывала его съ новосозданнымъ имъ пріютомъ. И дѣйствительно, по отзыву лицъ, видѣвшихъ и знавшихъ преосвященнаго, вся душа его, казалось, была поглощена постоянною мыслию о пріютѣ. Въ подтвержденіе приведемъ слѣдующій случай, рассказанный лицомъ, близкимъ къ преосвященному, его врачомъ, д — ромъ Пирожковымъ. „Однажды, среди многихъ занятій, передаетъ это лице, я забылъ извѣстить преосвященнаго о нѣсколькихъ больныхъ дѣтяхъ въ пріютѣ — и на другой день получаю большое посланіе отъ него, въ которомъ онъ горячо упрекалъ меня въ забвеніи своего долга. Какъ теперь помню его слова, которыми начиналось это письмо: трево-

¹⁾ См. донесеніе Св. Синоду о состояніи пріюта, писанное самимъ Анатолиемъ отъ 1-го сент. 1860 г. Реп. Мз.

жусь, мучаюсь, терзаюсь, не получая отъ васъ извѣстiа о больныхъ“¹⁾).

Только у любящаго отца готовы сорваться такiя слова, когда врачъ почему-либо замедлитъ съ извѣстiемъ о дорогомъ дѣтищѣ.

Мысль о прiютѣ не покидала преосвященнаго и при оставленiи имъ могилевской епархiи. Разставаясь съ нею, преосвященный душевно скорбѣлъ о будущей судьбѣ основаннаго имъ прiюта, въ которомъ получало воспитанiе 30 сиротъ и 10 со взвсомъ за содержанiе ихъ по 36 рубл. въ годъ. „Я сокрушаюсь мыслію, писалъ преосвященный и. д. Оберъ-Прокурора Св. Синода, князю Урусову, до чего будетъ доведено это заведенiе, когда поставлены будутъ новая начальница, инспектрисы, смотритель, эконоомъ и пр., когда заведутъ бюрократическія формы и пойдутъ обыкновенные торги да переторжки на постановку предметовъ необходимости и т. д.“²⁾. Въ высшей степени безпокоилъ преосвященнаго выработывавшійся при Св. Синодѣ уставъ для этого заведенiя. Анатолій опасался, какъ бы съ новымъ уставомъ положенiе созданнаго имъ прiюта не ухудшилось. Въ этомъ смыслѣ онъ и писалъ не разъ и. д. Оберъ-Прокурора Св. Синода, прося его принять заведенiе подъ свое высокое покровительство. Но опасенiямъ преосвященнаго, къ счастью, не суждено было сбыться. Введенный, въ 1863 году, уже при преемникѣ Анатолія, преосв. Евсеви (Орлинскомъ), уставъ могилевскаго женскаго духовнаго училища (замѣнившаго собою прiютъ) привелъ къ самымъ благотельнымъ послѣдствiямъ³⁾. Онъ значительно расширилъ

¹⁾ Случай этотъ разсказанъ д-ромъ Парожковымъ на страницахъ Кіевской Старины за 1883 г. іюль. Отд. Извѣстій и замѣтовъ, стр. 575.

²⁾ См. донесенiе г. и. д. оберъ-прокурора Св. Синода, князю Урусову, отъ 1-го сент. 1860 г. Реп. Церк.-арх. Мз. К. д. Ак.

³⁾ Первые работы по составленiю новаго устава начались еще въ 1859 г., во время управленiя могилевскою паствою пр. Анатолія. У первыхъ составителей новаго устава нельзя не видѣть усиленнаго стремленiя къ проведенiю из-

кругъ преподаваемыхъ предметовъ, а также количество учащихся (вмѣсто 40, бывшихъ въ пріютѣ, теперь по штату полагалось 60), сдѣлалъ заведеніе „казеннымъ“¹⁾, предоставилъ извѣстныя права воспитанницамъ и т. д. Дѣло, начатое преосв. Анатоліемъ, увѣнчалось такимъ образомъ полнымъ успѣхомъ, и въ настоящее время это училище, воспитывающее болѣе 100 дѣвицъ, приноситъ громадную пользу, какъ духовенству, такъ и всему мѣстному краю: Оно готовитъ добрыхъ женъ, разумныхъ помощницъ пастырямъ церкви, благочестивыхъ матерей, способныхъ насадить сѣмена вѣры и благочестія въ умахъ и сердцахъ своихъ дѣтей. Оно воспитываетъ далѣе нравственныхъ и образованныхъ наставницъ для школъ народныхъ и даетъ, наконецъ, пріютъ тѣмъ бѣднымъ сиротамъ, которыя безъ училищнаго воспитанія были бы обречены на всевозможныя лишенія и искушенія, а, получивъ его, дѣлаются способными пріобрѣтать себѣ пропитаніе честнымъ, почтеннымъ трудомъ. Не великое ли, поэтому, благодареніе оказалъ почившій архипастырь духовенству и всему краю? Не вѣчной ли памяти и благодарности заслуживаетъ онъ за это дѣло любви своей?... Да, по истинѣ незабвенны будутъ навсегда услуги, оказанныя владыкою могилевской епархіи²⁾.

любленныхъ принциповъ самаго архипастыря. Въ видахъ усиленія религіознаго элемента училище, подобно пріюту, ставилось въ ближайшую связь съ монастыремъ и начальницею училища назначалась сама игуменія. Въ уставѣ также дано слишкомъ большое мѣсто руководящимъ и, такъ называемому тамъ, опытному хозяйству. Но этому первоначальному уставу не суждено было войти въ силу въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ составителей. Онъ былъ значительно переработанъ духовно-учебнымъ Управленіемъ (приравнивавшимъ буйничское училище къ царскосельскому) и преосв. Евсеіемъ (Орлинскимъ), прилявшимъ въ соображеніе, подобно Анатолію, мѣстныя условія жизни. Уставъ, редактированный пр. Евсеіемъ, и былъ окончательнымъ, получившимъ утвержденіе Св. Синода.

¹⁾ Штатная сумма его на первыхъ порахъ была опредѣлена въ 5665 рубл., въ настоящее же время возрасла до 14,000 рубл.

²⁾ Незабвенную услугу преосвященнаго дѣлу просвѣщенія оцѣнили и сами воспитанницы Анатоліева пріюта, выразившія свои искреннія и неподдѣльныя

Прежде, чѣмъ перейдемъ къ описанію другихъ сторонъ и достоинствъ архипастырской дѣятельности преосв. Анатолія, считаемъ умѣстнымъ, по долгу истины, требующей безпристрастія въ оцѣнѣ дѣяній лицъ, даже глубоко чтимыхъ нами, не обойти молчаемъ и тѣхъ сѣтованій на слабыя черты въ характерѣ его дѣятельности, какія слышались въ свое время, какъ то безызвѣстно и по мѣстнымъ преданіямъ о преосвященномъ, безызвѣстнымъ оставалось и для него самого. Слабую сторону въ характерѣ административной дѣятельности преосв. Анатолія указываютъ прежде всего въ томъ, что онъ предоставлялъ черезчуръ большую власть подчиненнымъ органамъ епархіальной администраціи, каковы члены консисторіи и благочинные, особенно изъ людей, умѣвшихъ пріобрѣсть на него вліяніе. Говорятъ, такимъ вліяніемъ болѣе всего и не малое время пользовался тогдашній каедральный протоіерей изъ бывшихъ уніатовъ Борейко, пользовался съ большою

чувства къ нему въ слѣдующемъ стихотвореніи, посланномъ ему на покой, въ Бессарабію.

Отецъ нашъ, пастырь несравненный!
 Какъ можемъ мы тебя забыть?
 Преосвященный Анатолій,
 Твои къ тебѣ птенцы гласятъ
 Какъ голубица подъ крылами
 Ты грѣлъ, питалъ своихъ дѣтей;
 Ни бѣды, ни горестей не знали
 Подъ кровомъ мудрости твоей.
 Тобой обитель процвѣтала,
 Тобою славился пріютъ;
 И ми надеждою питались,
 Что не оставишь насъ отнюдь.
 Тебя мы ждемъ, но тщетно это;
 Ты навсегда оставилъ насъ,
 Какъ солнце красное сокрылся
 Въ странѣ далекой и чужой.
 Не грѣть насъ твой взоръ отрадный,
 Не ласкетъ насъ твоя рука.

Стихи, конечно, не изъ лучшихъ; но они свидѣтельствуютъ объ искренности и теплотѣ дѣтскихъ чувствъ. Киевская Старина. 1882 г., май, стр. 236.

Анатолій Мартыновскій.

выгодою для себя и своихъ присныхъ, но далеко не всегда къ пользѣ епархіальной администраціи¹⁾). Указывали и на другихъ лицъ. Это бывало источникомъ злоупотребленій и неправильныхъ или неумѣлыхъ дѣйствій консисторіи или ея канцеляріа, какъ дается видѣть уже въ того обстоятельства, что въ довольно многихъ, просмотрѣнныхъ нами, резолюціяхъ преосвященнаго по разнымъ дѣламъ консисторіи примѣчается ясно высказанное послѣднимъ недовольство по поводу незаконнаго оборота того или иного дѣла. Приходится, къ сожалѣнію, сказать, что неправильныя дѣйствія консисторіи и благочинныхъ не всегда находили себѣ рѣшительный отпоръ въ преосв. Анатолиі. Самъ онъ съ горечью чувствовалъ себя иногда жертвою настойчиваго вмѣшательства въ предѣлы его власти со стороны вліятельныхъ лицъ епархіальной администраціи и, говорятъ, не разъ повторялъ: „какой я архіерей? я такъ думаю сдѣлать, а меня заставляютъ сдѣлать иначе“. Замѣчательно еще собственное сознаніе преосвященнаго относительно не всегда удачнаго выбора имъ лицъ на должность благочинныхъ, высказанное имъ уже по оставленіи могилевской кафедръ. „Долгомъ считаю смиреннѣйше исповѣдать предъ Вами— пишетъ Анатолій своему преемнику Евсеію Орлянскому— хотя нѣкоторые грѣхи мои по управленію Могилевскою епархіею. Вообще въ ней чрезвычайно трудно отыскать способныхъ людей для исправленія должности благочиннаго, хотя нѣкоторые по своимъ видамъ сами вызываются на эту должность. Отъ этого нѣкоторые опредѣляются мною благочинными не смотря на явную неспособность ихъ и

¹⁾ Рассказывали, что для достиженія своей цѣли этотъ ловкій и сильный человекъ пускалъ въ ходъ и шутки, нравившіяся преосвященному. Такъ напр. домогаясь у преосвященнаго прихода для своего дальняго родственника, крайне неспособнаго и невежественнаго, онъ прибѣгъ наконецъ къ такой шуткѣ: „ваше преосвященство! пусть же хоть одинъ дуракъ будетъ среди умныхъ“. Выходка эта понравилась, и преосвященный услужилъ просьбѣ Борейко.

неаккуратность въ исправленіи своей должности“¹⁾. Приведенныя нами строки изъ письма преосв. Анатолія если не вполне, то много извиняютъ въкоторыя погрѣшности владыки. Заключая въ себѣ чистосердечное признаніе преосвященнаго въ его неудачахъ, онѣ въ то же время даютъ намъ понять, что виною послѣднихъ былъ не столько онъ, сколько окружавшіе его люди: а выборъ людей, совѣтниковъ и исполнителей дѣло не легкое для высокопоставленныхъ лицъ! Еще: говорили о преосвященномъ, будто онъ въ столкновенияхъ сельскаго духовенства съ помѣщиками (преимущественно поляками) держалъ большую частію сторону послѣднихъ. Подтверженіемъ этого служатъ какъ будто и собственные его резолюціи по дѣламъ такого рода²⁾. Изъ нихъ видно, что преосвященный по жалобамъ помѣщиковъ допускалъ нерѣдко переводъ священниковъ съ одного мѣста на другое. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, преосвященный, ревнитель православія, благотворитель духовенства, могъ низойти до пристрастія къ помѣщикамъ, въ обиду священникамъ? Было бы весьма прискорбно допустить въ преосвященномъ Анатоліи такую возможность. Къ счастью, мы имѣемъ всѣ доказательства къ тому, что ходячіе въ свое время толки о пристрастіи владыки къ павамъ много преувеличены, во многомъ совсѣмъ невѣрны. Если онъ держалъ, повидимому, сторону помѣщиковъ и допускалъ нерѣдко переводъ священниковъ съ одного мѣста на другое, то на это у него были основательныя причины. Для уясне-

¹⁾ Черноое письмо преосв. Анатолія къ архіеп. Евсеію Орлинскому, писанное на покоѣ, въ Бессарабіи. Рук. Церк.-арх. Мз. К. Д. Ак.

²⁾ По дѣлу, напр., о свящ. дрибинской церкви о. Стефанѣ (Ц.), обвиняемомъ во ввухеніи крестьянамъ дрибинскаго вѣнія не повиноваться своему владыцѣду, преосвященный пишетъ слѣдующ. резолюцію: „Неотложно строжайше предписать мѣстному благочинному немедленно вывести изъ Дрибина свящ. Ц.—ча къ предоставленному за нимъ приходу съ употребленіемъ, если для сего осяжется нужнымъ, земской полиціи; при этомъ немедленно изготавить къ генералъ-губернатору отношеніе съ прописаніемъ, что означенный священникъ уже удаленъ изъ прихода“. Изъ всего дѣла видно, что, несмотря на такую резолюцію преосвященнаго, означенный священникъ былъ оправданъ Правит. Сенатомъ. Арх. консист. за 1845 г.

ніа ихъ мы должны имѣть въ виду то, что преосвященный жилъ и дѣйствовалъ въ эпоху крѣпостничества, когда помѣщиги, особенно въ западномъ краѣ, являлись всеильными владыками народа. Съ этою силою пришлось поневолѣ считаться и нашему Анатолію. Онъ очень хорошо понималъ, что отстаивать священника передъ помѣщикомъ было бы напрасно: рано или поздно настойчивость помѣщика взяла бы верхъ и только усугубила бы всѣ невзгоды бѣднаго, гонимаго служителя православной церкви. Поэтому для пользы самыхъ же священниковъ преосвященный предпочиталъ разорительныя передвиженія послѣднихъ еще болѣе разорительному и тяжелому пребыванію ихъ на прежнемъ мѣстѣ. При этомъ преосвященный старался устроить переводъ духовныхъ лицъ такимъ образомъ, чтобы онъ не носилъ на себѣ характера наказанія, а скорѣе поощренія, особенно если владыка былъ убѣжденъ въ правотѣ священника. Поступая такъ, преосвященный выигрывалъ двойнѣ: неуживчивый, съ претензіями помѣщикъ былъ удовлетворенъ, а переводимый священникъ почти ничего не терялъ въ своихъ интересахъ. При всемъ томъ, необходимо сказать, что всякія жалобы помѣщиковъ на приходскихъ священниковъ глубоко разстраивали преосв. Анатолія, каждый разъ вызывая въ немъ рой мучительныхъ мыслей. Онъ всею душою болѣлъ за невинно преслѣдуемыхъ священниковъ и еще болѣе скорбѣлъ, если обвиненіе со стороны помѣщиковъ оказывалось справедливымъ и требовало отъ него законнаго удовлетворенія просьбамъ землевладѣльца. То же должно сказать объ образѣ дѣйствій преосвященнаго въ случаяхъ столкновенія сельскихъ священниковъ съ лицами изъ среды гражданской уѣздной администраціи. Насколько могъ, онъ старался охранять священниковъ отъ обидъ со стороны такихъ лицъ, дѣйствуя на высшую административную власть въ губернскомъ городѣ¹⁾.

¹⁾ Къ самымъ своеобразнымъ способамъ и приемамъ дѣйствованія прибѣгалъ иногда преосвященный въ подобныхъ случаяхъ, объ этомъ можетъ дать понятіе

Достаточно, какъ намъ кажется, разъяснивъ преувеличенность или несостоятельность мнѣнія о какихъ-либо пристрастіяхъ преосв. Анатолія въ ущербъ достоинству и интересамъ духовенства, спѣшимъ остановить вниманіе именно на его скорбныхъ представленіяхъ объ угнетенномъ положеніи послѣдняго. Въ своемъ мѣствѣ было уже говорено нами, что преосвященный, еще въ бытность свою викаріемъ волынской епархіи, глубоко скорбѣлъ по поводу приниженаго положенія православнаго духовенства сравнительно, напр., съ католическимъ и протестантскимъ. Съ переходомъ же на службу въ могилевскую епархію скорбное настроеніе души его не только не ослабѣваетъ, но еще болѣе усиливается. Католическая іерархія не даетъ ему покоя.

слѣдующій эпизодъ, рассказанный лицомъ близкимъ къ Анатолію (его родственникомъ и товарищемъ по школь) Ф. Т. Прибыльскимъ. Однажды къ преосвященному Анатолію одинъ изъ священниковъ обратился съ просьбою защитить его отъ невыносимыхъ придирокъ станового. Преосвященный обратился въ этомъ случаѣ къ губернатору, который обѣщаль перевести станового въ другой станъ, а на мѣсто его прислать новаго. Тогда губернатору пришлось выслушать отъ преосв. Анатолія слѣдующій рассказъ: „Въ одно мѣстечко въ базарный день пріѣхалъ изъ сосѣдней деревни какой-то шляхтичъ. Бродитъ онъ по базару, ища нужное для себя; идетъ между прочимъ туда, гдѣ рядами расположились такъ называемые „перекупки“. Видитъ, сидитъ женщина въ ряду безъ всякаго товара, но сидитъ также въ ожиданіи покупателей, какъ и другіи. Любопытство взяло шляхтича и онъ спросилъ ее:

- А что же ты здѣсь сидишь, когда у тебя ничего нѣтъ для продажи?
- Какъ ничего, пане?
- А гдѣ же твой товаръ? тутъ ничего не видно.
- Есть пане, тутъ у мышку, лядо-мною.
- А что же тамъ у тебя въ мышку?
- Чортяки! чортякъ продаю.
- Гм! а почему продаешь?
- По три шаги, по шість копійокъ пара.
- Ну выбирай же миѣ, да самаго лучшаго.
- Э, пане, не безпокойтесь—все одно: якого чортяку не возьмете, все буде чортяка, якъ и други“.

Губернаторъ понялъ въ чемъ дѣло и съ тѣхъ поръ сталъ внимательнѣе относиться къ жалобамъ на становыхъ, не ограничиваясь только перемѣщеніями одного на мѣсто другого. (Кіевская Старина. 1885 г., июль).

„Я хотѣлъ было, писать оъ одному изъ нашихъ архипастырей, собрать и написать что-нибудь въ родѣ статейки о преимуществахъ въ Россіи православной церкви предъ другими вѣроисповѣданіями. Съ этою цѣлію принялся за „Полное собраніе законовъ Россійской имперіи“ и нашель, что въ 1803 г. декабря 23 дня, по случаю тяжбы митаевского ксендза, положено защищать церковныя имѣнія, въ томъ числѣ и нашихъ церквей, наравнѣ съ казенными (Полн. собр. заков. Р. имп. Т. XXIII, стр. 1088); пожалованнымъ сыновьямъ лютеранскихъ пасторовъ права при поступленіи на службу усвоены и сыновьямъ нашихъ священниковъ въ 1827 г. (тамъ же, стр. 629) Затѣмъ взялъ въ руки „Сводъ законовъ Росс. импер., изд. 1857 г. Т. XI, ч. 1“, Уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій—и бросилъ, убѣжденный, что мнѣ на старости лѣтъ не по силамъ выводить подобныя параллели, тѣмъ паче, что высказываются утомительныя для духа антитезы. Подумаши обо всемъ этомъ, я пришелъ къ заключенію, что тотъ былъ бы великимъ благодѣтелемъ русской православной церкви, кто испросилъ бы у престола царева усвоенія и ея іерархамъ правъ, дарованныхъ иностраннымъ исповѣданіямъ изъ-за толеранціи“¹⁾. Подавленный мыслями о приближенности русской іерархіи, оъ приходитъ къ унывающему взгляду на состояніе русской церкви вообще. „Содержаніе вашего писанія, говорятъ оъ въ письмѣ къ нѣкоему архипастырю, возбудило во мнѣ такую толпу неотвязчивыхъ мыслей, что голова моя о сю пору не можетъ успокоиться. Сущность тѣхъ мыслей состоитъ въ томъ, что едва ли есть церковь несчастіѣ нашей русской церкви. Утверждаю это потому, что мнѣ 70 лѣтъ и съ 1812 г. я состоялъ въ училищной службѣ и былъ свидѣтелемъ многихъ происшествій въ нашей церкви.

¹⁾ Это письмо преосвященнаго напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г., май, стр. 229—230. Вѣроятно, оно писано къ преосв. Анатолію, епископу смоленскому, письмо въ которомъ, помѣщенное въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старинѣ“ за 1884 г., весьма схоже по содержанію и даже по выраженіямъ съ настоящимъ.

По своему положенію она теперь точно въ такомъ отношевіи къ свѣтскому правительству, въ какомъ отношевіи такъ называемая Церковная Область къ папскому правительству. А если поставитъ ее, съ XI т. Свода законовъ изд. 1857 г. въ рукахъ, въ параллель съ другими вѣроисповѣданіями, находящимися въ Россіи, то едва ли ваша церковь не болѣе всѣхъ стѣснена, связана, унижена болѣе, чѣмъ всякое общество другихъ вѣроисповѣданій ¹⁾.

Нѣтъ нужды и говорить о томъ, что высказанныя пресвященнымъ сужденія представляютъ собою крайность, легко объяснимую близкимъ знакомствомъ архипастыря съ положеніемъ православнаго и иновѣрческаго духовенства въ Россіи, а также впечатлительностью его натуры ²⁾. Въ

¹⁾ Киевская Старина 1882 г., май, стр. 230. Нѣкоторые комментаріемъ послѣднихъ словъ можетъ служить и письмо Анатолія къ преосв. Антонію смоленскому, помѣщенное въ томъ же журналѣ, за іюнь 1884 г., стр. 235—236. „Возьмите I часть XI т. Свода законовъ Росс. импер., пишетъ Анатолій упомянутому іерарху, и ваше высокопреосвященство убѣдитесь, что духовенство латинской церкви поставлено выше всѣхъ, что дѣйствія духовныхъ паперовъ протестантскихъ, реформатскихъ, даже татарскихъ мультъ стовратъ свободнѣе, нежели ваши. Они всѣ дѣйствуютъ въ пользу своего вѣроисповѣданія съ полною свободою, какъ имъ угодно, по своему усмотрѣнію, никому не докладываясь. Ваше высокопреосвященство вынуждены напередъ обо всѣхъ важнѣйшихъ предпріятіяхъ представлять Св. Синоду, гдѣ часто и не дадутъ хода вашему представленію, а если доложить объ немъ присутствію, то будутъ разсуждать безъ конца о вашихъ предположеніяхъ; попробуйте сдѣлать что-либо выходящее изъ заведенной рутинны, а узнаютъ объ этомъ въ Петербургѣ, такъ станутъ требовать столько объясненій, что выстѣтъ съ ними опротивѣтъ вамъ ваша ревность. Да каково самое опредѣленіе святителей нашей церкви на епархіи? Напишутъ указы Его Императорскаго Величества объ опредѣленіи такого-то архіерея на такую-то епархію и возношеніи имени на ектеніяхъ до указа о новомъ архіерее. Все указы, да указы. Вашему напримѣръ преосвященству подали прошеніе какаго-нибудь пономаря о томъ, что такой-то дьячекъ прибилъ ее. Вы сдаете прошеніе въ консисторію, консисторія пишетъ объ этомъ указъ Его Императорскаго Величества; какой-нибудь благочинный, представляя отчетъ о свѣтскомъ доходѣ, ошибся въ счету одной копѣйкой, консисторія требуетъ отъ него объясненія указомъ Его Императорскаго Величества. Не профанируется ли этимъ Высочайшее имя? Ахъ, больно слушать, какъ надъ такою формою насмѣхаются иновѣрцы, да и вообще либеральные свѣтскіе люди“.

²⁾ Это крайнее и въ крайне рѣзкой формѣ выраженное мнѣніе ревностнаго архипастыря не будетъ казаться намъ ни особенно страннымъ, ни одино-

данномъ случаѣ сужденія преосв. Анатолія имѣютъ для насъ значеніе только полненія и доказательства на то, что такой, какъ онъ, ревнитель общихъ интересовъ церкви и іерархіи, не могъ быть безучастнымъ или малоучастливымъ къ интересамъ и духовенства, что онъ готовъ былъ и хотѣлъ дѣлать для него все, что могъ. Если онъ не сдѣлалъ большаго, то потому, что не могъ совладать съ затрудненіями и препятствіями къ тому. Это даетъ замѣтить и самъ Анатолій, писавшій на мѣстѣ своего покоя слѣдующее: „въ свою пору и я старался дѣлать, что могъ: хотя для этого простору не было. Могу сказать съ Цицерономъ: *sedebamus in purri et clavem tenebamus*“⁴⁾. Ссылкою на такое сознаніе самого архипастыря мы и закончимъ обзоръ его дѣятельности по управленію духовенствомъ и паствою въ Могилевской епархіи.

Но кромѣ подвѣдомой преосвященному православной паствы существовали, какъ существуютъ и теперь, въ Могилевской епархіи *ины овны*, иныя паствы, на которыя и предстояло ему обратить усиленное вниманіе въ интересахъ огражденія православной паствы, въ интересахъ православной русской церкви вообще. Это были раскольники старообрядцы и римско-католики.

кимъ, если сопоставить его съ тѣмъ, что еще въ болѣе рѣзкой формѣ высказано въ „Письмахъ о современномъ состояніи Россіи“ (письмо V, стр. 52, 53 и дал. Изд. 2-е, Спб. 1861 г.) и во многихъ статьяхъ „Руси“ и „Востока“. Такъ комментируютъ приведенныя сужденія преосв. Анатолія издатели цитируемыхъ писемъ въ „Кіевской Старинѣ“. Комментарій не лишень значенія, но имъ все-таки не довольно сглаживается рѣзкость сужденій покойнаго преосвященнаго, источникъ которыхъ лежалъ, по нашему мнѣнію, болѣе всего въ личныхъ свойствахъ его природы и настроенія.

⁴⁾ Т. е. „сидѣли на корнѣ и руль держали“. Письмо Анатолія къ Ф. Т. Прибыльскому (1866 г.). Труды Кіев. Ак., 1883 г., ноябрь, стр. 531; письмо къ архіепископу смоленскому Антонію. Кіевская Стар., 1864 г., іюль, стр. 236.

IV.

Раскольниковскія поселенія въ предѣлахъ Могилевской епархіи; Вѣтка и др. Дѣйствія преосвящ. Анатолія, направленные къ воссоединенію раскольниковъ съ православною церковію: собесѣдованія и проповѣди во время объѣздовъ епархіи, посланія къ раскольникамъ; чинъ молебствія объ обращеніи ихъ. Старанія о полицейскихъ мѣрахъ противъ раскольниковъ. Послѣдующая мысль преосв. Анатолія о неважности этихъ мѣръ и преимуществъ мѣръ духовныхъ.—Римско-католики и р.-к. пропаганда въ Могилевской епархіи. Дѣйствія преосв. Анатолія, направленные къ борьбѣ съ нею и къ охранѣ православія. Сочиненія его, писанныя съ этою цѣлію; затрудненія и огорченія по поводу ихъ; усвоеніе ему степени доктора богословія. Крестные ходы, установленные преосвященнымъ въ противодѣйствіе вліянію подобныхъ латинскихъ торжествъ. Противодѣйствіе умноженію р.-к. костеловъ, каплицъ и под. Наблюденіе за браками лицъ православнаго исповѣданія съ р.-католиками. Мѣры относительно возвращаемыхъ въ латинство. Проекты другихъ мѣръ противъ р.-к. пропаганды и для охраны православія.—Частная жизнь преосв. Анатолія во время его могилевскаго архипастырства.—Увольненіе на покой по прошенію.

Начало раскольниковскихъ поселеній въ Могилевской епархіи относится къ 1685 г., когда бѣжавшіе изъ Велико-россіи раскольники поповщинскаго толка основали свою слободу на о. Вѣткѣ, на р. Сожѣ въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской области, въ имѣніи пана Халецкаго. Слобода быстро росла, пополнялась новыми выходцами, и въ 1695 г. въ ней на мѣсто малой молебни построена Покровская церковь съ до-иконовскимъ иконостасомъ, который былъ выкраденъ въ Калугѣ и принесенъ въ Вѣтку бѣглымъ попомъ-раскольникомъ Θεодосіемъ. Вѣтка приобрѣла теперь еще большую славу у раскольниковъ и еще болѣе разрослась. Съ 1715 г. у вѣтковцевъ уже является мысль о сво-

емъ архіереѣ, какого, послѣ многихъ поисковъ, они наконецъ и добываютъ себѣ въ лицѣ извѣстнаго лжеархіерея Епифанія, привезеннаго на Вѣтку въ 1734 г. Въ эту пору на Вѣткѣ насчитывалось уже до 40.000 раскольниковъ. Но съ мнимымъ архіерействомъ настали и бѣды на вѣтковцевъ. Возникли внутреннія смуты вслѣдствіе сомнѣній и пререканій относительно доброкачественности новаго архіерея. А въ слѣдующемъ 1735 г., по распоряженію русскаго правительства, полковникъ Сытинъ съ военною силою окружилъ Вѣтку, захватилъ Епифанія и отправилъ въ Кіевъ, также разныхъ раскольниковескихъ отцовъ и всѣхъ слобожанъ въ числѣ до 40.000, и большую часть ихъ вывелъ во внутреннюю Россію. То была *первая Вѣтковская выгонка*. Но Вѣтка, какъ мѣстность зарубежная, опять заселилась бѣглыми раскольниками, и въ началѣ 60-хъ годовъ XVIII в. ихъ было здѣсь уже до 20.000. Въ 1764 г. послѣдовала *вторая выгонка* вѣтковцевъ, которые, по распоряженію русскаго правительства, выведены были генераломъ Масловымъ во внутреннюю Россію. Въ 1772 г. и весь край бѣлорусскій возвращенъ отъ Польши къ Россіи и для Вѣтки миновало время зарубежнаго приволья. За то русское правительство стало свисходительнѣе къ раскольникамъ. Вѣтка, хотя и не достигла прежней многолюдности, но не опустѣла и осталась однимъ изъ немаловажныхъ притоновъ раскола. Были въ окрестныхъ мѣстахъ и другія, также довольно давво основавшіяся, поселенія раскольниковескія, какъ въ Гомелѣ и подъ Гомелемъ, въ урочищѣ Боровичахъ и друг. Въ 40-хъ годахъ XIX в. всѣхъ раскольниковъ въ Могилевской епархіи насчитывалось свыше 10.000¹⁾.

Съ первыхъ же поръ по прибытіи на Могилевскую епархію преосвящ. Анатолій обратилъ вниманіе на этихъ

¹⁾ Въ донесеніи преосв. Анатолія Св. Синоду о состояніи Могилевской епархіи за 1847 г. значится всѣхъ раскольниковъ въ ней, преимущественно поповщинскаго толка, муж. пола 5313, женскаго пола 5471. Рукоп. муз. Кіевск. дух. академіи.

мѣстныхъ раскольниковъ, особенно вѣтковцевъ, продолжавшихъ удерживать остатки былого вліянія своего среди окрестнаго старообрядства. Нерѣдко во время своихъ поѣздокъ по епархіи преосвященный заѣзжалъ въ Вѣтку съ нарочитою цѣлію побесѣдовать съ раскольниками. Между нимъ и раскольниками, стекавшимися къ пріѣзду его во множествѣ, происходило такимъ образомъ вѣчто въ родѣ преній или собесѣдованій о вѣрѣ.

Основательное знакомство преосвщ. Анатолія съ исторіей и ученіемъ раскола, а равно практическая подготовка его въ обращеніи съ раскольниками (пріобрѣтенная имъ еще въ бытность въкаріемъ пермскими), облегчали ему трудъ выяснять неразумнымъ ихъ неразуміе и освѣщать для нихъ правоту церкви, ихъ изобличающей. Немаловажное значеніе въ данномъ случаѣ имѣло, конечно, и самое обхожденіе съ раскольниками преосв. Анатолія, всегда кроткое и привѣтливое. Съ цѣлію обращенія на путь истинны заблудшихъ сыновъ церкви были произносимы преосвященнымъ и проповѣди въ церквахъ приходоѡвъ, имѣвшихъ населеніе и изъ раскольниковъ. Въ собраніи проповѣдей преосвященнаго мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ поученій, произнесенныхъ имъ во время посѣщенія приходоѡвъ съ раскольничьими поселеніями¹⁾. Въ нихъ преосвященный Анатолій на основаніи св. Писанія, а также исторіи, старался показать лживость ученія и незаконность іерархіи мнимыхъ старообрядцевъ. Но не однимъ только изустнымъ словомъ— въ формѣ собесѣдованій и проповѣдей—старался преосвященный вразумлять приверженцевъ раскола: онъ писалъ имъ и пастырскія посланія, которыя издавалъ въ печати въ „Христіанскомъ Читеніи“ и отдѣльными брошюрами²⁾. Въ

¹⁾ См. третью и пятую части сборника проповѣдей преосв. Анатолія.

²⁾ Такъ, наприимѣръ, вышло отдѣльной брошюрой „Посланіе Анатолія къ почетнѣйшимъ мнимымъ старообрядцамъ Спасовой Гомельской слободы“, находящейся въ Могилевскій губ. Посланіе это напечатано въ Христ. Чит. за 1855 г., т. I, стр. 92.

своихъ посланіяхъ къ раскольникамъ преосвященный съ возможною полнотою и обстоятельностью разсматриваетъ толки послѣднихъ, доказывая ихъ неправоту и несообразность. Съ какою ревностію относился онъ къ произведеніямъ подобнаго рода, съ этимъ нѣсколько знакомитъ насъ лицо, стоявшее близко къ архипастырю (домашній врачъ его докторъ Пирожковъ): „въ часы продолжительныхъ моихъ бесѣдъ съ преосвященнымъ, рассказываетъ это лицо, мнѣ приходилось много разъ выслушивать изъ устъ его многія посланія, съ которыми онъ обращался къ вѣтковскимъ раскольникамъ. Многія изъ этихъ посланій преосвященный прочитывалъ мнѣ тотчасъ послѣ того, какъ они являлись изъ-подъ его неустаннаго пера. Надобно было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ онъ останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя отличались силою убѣжденія и поражали, такъ сказать, въ самое сердце неправильно мыслящихъ отщепенцевъ православія“¹⁾. Движимый своею ревностію, преосвященный составилъ еще чинъ молебствія объ обращеніи раскольниковъ въ вѣдра православія.

По мысли преосвященнаго, учрежденіе въ церквахъ, окруженныхъ раскольниками, молебствій объ обращеніи ихъ въ вѣдра церкви послужило бы къ утвержденію православныхъ въ отеческой вѣрѣ и вразумленію самихъ раскольниковъ. Въ своемъ письмѣ къ архіепископу смоленскому Антонію преосвященный, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее по поводу указаннаго молебствія. „Мысль эта, пишетъ онъ, возникла въ моей головѣ по случаю чтенія одной книжечки, заключавшей въ себѣ совѣты и наставленія миссіонерамъ лативской пропаганды. Въ числѣ наставленій положено миссіонерамъ правиломъ ежедневно совершать миссу съ интенціею, чтобы Господь подалъ благодать къ вразумленію невѣрныхъ, не начинать бесѣды съ ними безъ предварительной внутренней о томъ молитвы. Вслѣдствіе сего я

¹⁾ Кіевская Старина. 1883 г., іюль.

написалъ въ бывшему ректору петербургской академіи преосвященному Макарію (впослѣдствіи—московскій митрополитъ), что полезно было бы написать ектеніи и вообще составить молебствіе, похожее на то, какое было употребляемо во время холеры, для возглашенія моленій объ обращеніи въ вѣдра церкви раскольниковъ. Преосвященный Макарій доложилъ объ этомъ пр. митрополиту петербургскому, блаженной памяти Григорію, и оба вполне одобрили мое предположеніе. Вслѣдъ за тѣмъ я съ жаромъ принялся за дѣло, написалъ ектеніи, подобралъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, также прокимны и причастенъ, и все это представилъ Св. Синоду. Что же? Рукопись мою схватилъ, говорятъ, свѣтѣйшій Сербиновичъ и проглотилъ⁴⁾. Изъ донесенія Анатолія оберъ-прокурору Св. Синода видно, что успѣху составленнаго Анатоліемъ молебствія помѣшала неожиданная кончина митрополита петербургскаго Григорія, взявшаго рукопись Анатоліеву подъ свое покровительство. Что случилось съ проевтомъ пр. Анатолія по смерти митрополита, этого, какъ видно изъ того же донесенія, нашъ архипастырь и самъ не зналъ; черновая же рукопись его какъ-то затеряна⁵⁾.

Но преосвященный не довольствовался одними духовными мѣрами въ отношеніи раскольниковъ. Пылкая натура его не могла мириться съ медленнымъ, хотя и несомнѣннымъ дѣйствіемъ этихъ мѣръ; и вотъ, въ своихъ представленіяхъ Св. Синоду онъ находитъ нужнымъ употребленіе противъ нихъ полицейскихъ мѣръ. Необходимость мѣръ послѣдняго рода преосвященный мотивировалъ тѣмъ, что такъ называемое старообріе есть ничто иное, какъ стремленіе рас-

⁴⁾ Сербиновичъ, извѣстный директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Свят. Синода графа Протасова, былъ въ свое время очень силенъ.

⁵⁾ См. черновое донесеніе Анатолія оберъ-прок. Св. Синода. Рукопись муз. К. Д. А. Въ числѣ бумагъ Анатолія, принадлежащихъ Церк.-арх. музею К. Д. А., есть, между прочимъ, черныя молитвы объ обращеніи раскольниковъ въ вѣдра православія. Вѣроятно эта молитва была одною изъ составныхъ частей молебствія Анатоліева.

кольниковъ подъ религіознымъ покровомъ къ независимости отъ законовъ гражданскихъ и церковныхъ. Подчиненіе ихъ, поѣтому, гражданскимъ законамъ содѣйствовало бы, по мнѣнію преосвященнаго, подчиненію и—церковнымъ. „До тѣхъ же поръ, пишетъ онъ въ донесеніи Св. Синоду отъ 1847 г., пока раскольники не будутъ подчинены гражданскимъ законамъ, всякое покушеніе привлечь ихъ въ нѣдра св. церкви не только останется тщетнымъ, но даже болѣе будетъ ожесточать ихъ въ противленіи церкви, обольщая простѣйшихъ изъ нихъ мыслию, будто они преслѣдуются за исповѣданіе старой вѣры, а не за нарушеніе гражданскихъ законовъ“¹⁾. Въ этомъ смыслѣ преосвященнымъ Анатоліемъ не разъ были составляемы и вносимы, куда слѣдовало, докладныя записки. Но не смотря на заявленіе преосвященнаго, въ Могилевской губерніи почему-то не предпринималось никакихъ мѣръ противъ раскольниковъ (по крайней мѣрѣ до 1847 г.), хотя въ раскольниковыхъ слободахъ Черниговской губерніи повсемѣстно учреждался особый надзоръ за раскольникамп. Это обстоятельство весьма огорчало преосвященнаго Анатолія, вызывая въ немъ постоянныя жалобы на равнодушіе къ судьбѣ раскола со стороны высшей администраціи. Насколько основательны были эти жалобы, насколько вообще надежны или необходимы были рекомендуемыя преосвященнымъ мѣры противъ раскольниковъ, обсуждать этого не ставемъ. Поспѣшимъ присовокупить, что къ мысли о ненадежности или нецѣлесообразности полицейскихъ мѣръ противъ раскола пришелъ повидимому и самъ преосвященный послѣ своей многолѣтней практики по обращенію раскола. Будучи уже на покоѣ, въ Бессарабіи, онъ, между прочимъ, писалъ архіепископу смоленскому Автонію слѣдующее: „обыкновенныя наши средства къ врачумленію раскольниковъ безуспѣшны преимущественно по-

¹⁾ См. донесенія Анатолія Св. Синоду о состояніи церквей и монастырей Могилевской епархіи за 1845-й, 6-й и 7-й годы. Ркп. мз. К. Д. А.

тому, что епархіальныя начальства дѣйствуютъ на раскольниковъ посредствомъ земской полиціи. Это надо бросить и дѣйствовать, какъ дѣйствовали апостолы: потому что раскольниковъ явно покровительствуютъ и утверждаютъ въ расколѣ и чиновники земской полиціи и директоры внутренняго министерства“¹⁾). Слова преосвященнаго — „надо дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали апостолы“, — высоко знаменательны, какъ выражающія собою послѣднюю мысль испытаннаго годами и жизнію борца съ расколомъ. Думаемъ, что присутствію этой мысли въ болѣе счастливыхъ дѣйствіяхъ преосвященнаго по отношенію къ старообрядцамъ Могилевская епархія обязана тѣмъ, хотя и не особенно значительными, обращеніями ихъ къ единенію съ св. православною церковію, какія извѣстны за время управленія его Могилевскою епархіею²⁾). Упомянемъ наконецъ, что преосвященный Анатолій заботился объ успѣхахъ единовѣрія среди старообрядцевъ, какъ видно изъ его покровительства Макарьеву единовѣрческому монастырю близъ г. Бѣлицы. Этому монастырю въ 1845 г. переданы штатная сумма, угодья и церковныя вещи изъ упраздненнаго Човскаго монастыря (Извлеченіе изъ отчета Оберъ-прокурора Св. Синода за 1846 г.).

Еще болѣе озабоченъ былъ преосвященный вопросомъ о римскомъ католицизмѣ въ своей епархія, восходя отъ этого мѣстнаго вопроса до болѣе широкихъ общихъ размышленій объ отношеніи римской церкви ко всей вообще православной церкви и ко всему христіанскому міру. Капитальный, учено-литературный трудъ его по этому предмету займетъ насъ во второй части настоящаго сочиненія. Теперь ограничимся характеристикой обстоятельствъ, вызвавшихъ

¹⁾ Письмо къ арх. смоленскому Автолю. Кіев. Стар., 1884 г., июль, стр. 236.

²⁾ За время архипастырства Анатолія въ Могилевской епархія съ 1844 по 1860 г., присоединилось къ православной церкви всего, впрочемъ, около 1000 раскольниковъ. См. Отчеты Оберъ-прокурора Св. Синода за эти годы.

этотъ трудъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ характеристикой практическихъ отношеній римскаго или латино-польскаго католицизма къ русскому православію во время преосвященнаго Анатолія и въ его Могилевской епархіи, вліявшихъ на образъ мыслей и дѣйствій преосвященнаго, какъ поборника православія противъ римско-католической пропаганды.

Время архіерейскаго служенія Анатолія въ Могилевской епархіи совпало съ усиленнымъ дѣйствіемъ въ этомъ краѣ латино-польской пропаганды. Такъ называемый ультрамонтанизмъ, провозглашающій господство своего папы и частной римской церкви надъ всѣми правительствами, частными церквами и народами міра, широко раскинулъ свои сѣти по всему югозападному краю Россіи. Издаваемые въ Европѣ (большею частію на французскомъ языкѣ) разные антиправославныя сочиненія ультрамонтанистовъ разными темными путями стали проникать и въ наше отечество. Особенному успѣху такихъ сочиненій среди русскаго образованнаго общества содѣйствовало, между прочимъ, то обстоятельство, что они издавались подъ заманчивыми названіями, въ уютныхъ форматахъ, и съ такою типографскою опрятностью, что какъ бы невольно завлекали любопытство читателей. Будучи близко знакомъ съ религіознымъ настроеніемъ образованнаго общества Могилевской губерніи, преосвященный видѣлъ, какой громаднй вредъ для православія приносило чтеніе подобныхъ книгъ. Онъ лично удостовѣрился въ томъ, что равнодушіе высшаго сословія къ православному исповѣданію вѣры проистекало, главнымъ образомъ, отъ чтенія религіозныхъ книгъ и книжечекъ (на французскомъ и др. языкахъ), коими наводнены были западныя губерніи. Какъ ревностный пастырь вѣреннаго его попеченію стада Христова, преосвященный не могъ не обратить серьезнаго вниманія на такое положеніе дѣлъ. Скорбѣ душевно о вторженіи въ его стадо чуждыхъ ему овецъ, онъ въ то же время прискивалъ способы, коими можно было бы оградить послѣднее отъ чужого вліянія. Однимъ изъ най-

удобнѣйшихъ и въ то же время дѣйствительныхъ средствъ противъ враговъ православія было безъ сомнѣнія печатное слово. И вотъ съ цѣлю наилучшимъ образомъ воспользоваться этимъ надежнымъ оружіемъ, преосвященный старался пользоваться всякимъ подходящимъ случаемъ къ тому, чтобы собрать (особенно во время поѣздокъ по епархіи) необходимыя для него свѣдѣнія и матеріалы. При всякомъ удобномъ случаѣ, на примѣръ, онъ просматривалъ богатыя библіотеки польскихъ помѣщиковъ и ксендзовъ. Въ видахъ удобнѣйшаго пользованія книгохранилищами католиковъ, скрывавшихъ обыкновенно свои книжныя сокровища отъ любопытнаго взора православныхъ, Анатолій старался заслужить расположеніе, а затѣмъ и довѣріе первыхъ. Справедливость требуетъ сказать, что большею частію ему и удавалось достигнуть этого; такъ, довольно извѣстенъ фактъ, что преосвященный пользовался благорасположеніемъ жившаго въ г. Могилевѣ прелата Ласки, поддерживалъ дружескія сношенія съ нимъ, благодаря которымъ Анатолій имѣлъ широкій доступъ и въ богатыя книгохранилища этого прелата.

Результатомъ долготѣннаго изученія преосвященнымъ религіознаго состоянія западнаго края Россіи въ связи съ латино-польской литературой, направленной противъ православія, явились два извѣстныхъ сочиненія Анатолія: одно историческое „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“ (вышло въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Авдія Востокова въ 1857 г.) и другое догматическое—„Вѣра, Надежда и Любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“. (Изд. въ 1848 г.). Какъ то, такъ и другое сочиненія Анатолія должны были по мысли автора служить противоядіемъ латино-польской пропагандѣ; первое, по преимуществу отрицательнымъ путемъ—черезъ разоблаченіе козней папизма, а второе—положительнымъ—посредствомъ доставленія обществу чтенія въ строго православномъ духѣ. Насколько удовлетворяло потребности

общества чтеніе поименованныхъ нами сочиненій преосвященнаго, въкоторое повятіе объ этомъ можетъ дать намъ хотя бы то, что, скоро по выходѣ въ свѣтъ перваго историко-полемическаго сочиненія Анатолія, потребовалось вторичное изданіе его (въ 1864 г.); сочиненіе же, извѣстное подъ именемъ „Вѣра, надежда и любовь“ выдержало цѣлыхъ пять изданій. Не смотря однако на несомнѣвную полезность указанныхъ сочиненій преосвященнаго Анатолія (что мы яснѣе увидимъ во 2-й ч. сочиненія), нельзя сказать, чтобы въ изданіи ихъ преосвященный не встрѣтилъ никакихъ препятствій. Есть основанія, напротивъ, думать, что въ изданіи своихъ сочиненій онъ встрѣтилъ затрудненія и притомъ весьма сильныя. Это были затрудненія со стороны цензуры, тогда очень строгой. Вопли нашего архипастыря противъ цензуры составляютъ содержаніе многихъ писемъ его. „Въ вашей церкви, пишетъ Анатолій одному изъ своихъ корреспондентовъ, съ 1812 г. (по 1822 г.) не явилось и десяти новыхъ назидательныхъ и полезныхъ книгъ ни для народнаго употребленія, ни для пастырей ея; съ того времени нашей духовной цензурѣ даны такія правила для руководства, что каждый цензоръ по произволу могъ одобрить для напечатанія, или нѣтъ, всякое сочиненіе. Даже въ Св. Синодѣ погибли везовратно многія препозлезныя для церкви сочиненія; многія такія сочиненія не узрѣли свѣта Божія потому только, что разсматривавшіе ихъ дали объ нихъ мнѣніе, что читатели ихъ могутъ о томъ или другомъ подумать то-то и то-то, хотя бы во вѣки, кромѣ разсматривавшаго, не подумали этого. Многія рукописи, не одобряемая, напр., одною духовною цензурою, были одобряемы другою цензурою или черезъ годъ тою же самою; многія сочиненія, одобренныя къ напечатанію, не одобрялись тою же цензурою, безъ всякой причины, для втораго изданія. Въ самомъ Синодѣ разсматривающіе сочиненія ревнующихъ о благѣ церкви, принимаясь разсматривать рукопись, предварительно говорятъ сами въ себѣ: „вотъ еще выскочка! время

сочинять! видно, нечего ему дѣлать!^а а разсматривая рукопись, думаютъ: „вотъ какъ онъ пишетъ, я бы не такъ написалъ“,—и вообще не могутъ вообразить, что есть еще люди, которые готовы трудиться безкорыстно для блага церкви, со всею ревностію и самоотверженіемъ. И вслѣдствіе такихъ глубокомысленныхъ соображеній оплевываются желчію даже такія сочиненія, въ которыхъ церковь имѣетъ вопіющую нужду... При мысли, что на самыя полезныя для церкви сочиненія нападали съ патріаршею властію свѣтскія лица, служація при Св. Синодѣ, и даже съ наглою злобою выдирали цѣлыя превосходныя статьи изъ журнала „Христіанское Чтеніе“...; нельзя не сѣтовать, не сокрушаться сердцемъ, не плакать о судьбѣ нашей церкви и не подумать, что едва ли враги церкви не справедливо утверждаютъ, что наша церковь мертва, безжизненна!¹⁾

Принаденный отрывокъ изъ письма преосвященнаго Анатолія, какъ видитъ читатель, не чуждъ нѣкоторой рѣзкости въ выраженіяхъ; но она объясняется чувствомъ горечи, какое испытывалъ впечатлительный ратоборецъ за православіе вслѣдствіе какъ бы неожиданныхъ помѣхъ его трудамъ. Особенно много хлопотъ причинило преосвященному изданіе его историческаго труда „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“. Въ изданіи этого сочиненія онъ встрѣчалъ препоны на каждомъ шагу: сначала оно разсматривалось въ С.-Петербургскомъ комитетѣ духовной цензуры, а затѣмъ поступило на разсмотрѣніе Св. Синода. Когда сочиненіе поступило въ вѣдѣніе Св. Синода, то преосвященный съ цѣлію ускорить печатаніе его, а можетъ быть, и изъ опасенія за благополучный исходъ начатаго имъ дѣла, просить покровительства себѣ у оберъ-прокурора Св. Синода. Въ письмѣ къ нему, послѣ обычнаго привѣтствія съ праздникомъ Рождества Христова, преосвященный такъ пишетъ:

¹⁾ Кіевская Старина. 1882 г., май, стр. 232.

„Вмѣстѣ съ симъ (привѣтствіемъ) повергаю покорнѣйшее прошеніе объ оказаніи благоснисхожденія по возрѣвнїи на мои записки о римской церкви, которыя прошли уже сквозь духовную цензуру С.-Петербургскаго комитета и должны теперь поступить въ Св. Синодъ. Ваше Высочайшее превосходительство! Окажите благодѣтельное покровительство тѣмъ запискамъ. Видя, что весьма многія сочиненія западныхъ враговъ нашей церкви наполнены самыми гнусными на нее клеветами, невозбранно ходятъ по рукамъ, болѣзную душу и сердцемъ, что въ Могилевской епархіи лица значительныхъ мѣстныхъ семействъ совращаются въ латинство, я, при тягостныхъ моихъ занятїяхъ по званію, выкупалъ время безсонницами, и такимъ образомъ составилъ тѣ записки въ полномъ убѣжденїи, что онѣ хотя малую пользу принесутъ для послѣдователей нашей церкви еще отъ нея не отчуждившихся; что нѣкоторыхъ свѣдѣній, прописанныхъ въ тѣхъ запискахъ, писателю, живущему въ великой Россїи, и на мысль бы не пришло искать въ тѣхъ книгахъ, въ которыхъ мною онѣ найдены“¹⁾). Усиленные хлопоты преосвященнаго Анатолія по напечатанію имъ своихъ сочиненій увѣнчались въ концѣ концовъ полнымъ успѣхомъ: какъ вамъ уже извѣстно, вышедшія изъ - подъ его пера произведенія узрѣли свѣтъ Божій, сдѣлавшись достоинствомъ общества. Справедливость требуетъ сказать, что усердіе и ревность преосвященнаго въ печатаніи имъ литературныхъ трудовъ своихъ не остались безъ награды: они нашли себѣ достойныхъ цѣнителей, какъ въ обществѣ, охотно читавшемъ сочиненія преосвященнаго, такъ главнымъ образомъ въ коллегїи ученыхъ. За его историческое сочиненіе „Объ отношенїяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“ преосвященному Анатолію, по опредѣленію конференціи Кїевской духовной

¹⁾ Письмо къ оберъ-прокурору Св. Синода 1856 г. Рук. Церк. - арх. из. К. Д. Ак.

академіи, усвоена степень доктора богословія. Извѣстно, что въ тогдашнее время весьма немногіе избранные изъ духовныхъ ученыхъ достигали этой степени.

Кстати упомянуть, что о докторской степени для преосвященнаго Анатолія позаботился особенно тогдашній ректоръ Кіевской академіи, преосвященный Антоній Амфитеатровъ¹⁾. Послѣдній издавна находился въ самыхъ искреннихъ и задушевныхъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ Анатоліемъ Мартыновскимъ. Онъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку, въ которой раскрывалъ свои идеалы и взгляды по многимъ вопросамъ церкви²⁾. Съ какимъ участіемъ онъ относился къ дѣлу о докторствѣ Анатолія, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ писемъ его (Антонія). „Мы съ о. протоіереемъ Иваномъ Михайловичемъ Скворцовымъ, такъ писалъ преосвященный Антоній въ Петербургъ въ 1858 г., вошли запискою въ нашу конференцію и предложили просить автору записокъ о римской церкви докторскаго креста. Не знаю только, утвердить ли журналъ владыка. А кому же послѣ этого украшаться этимъ отличіемъ, какъ не сочинителямъ подобныхъ книгъ? Думаю, что и въ Питерѣ не имѣютъ причинъ отказать“. Въ декабрѣ 1859 г. преосвященный Антоній, уже получившій тогда назначеніе въ Смоленскъ, писалъ въ Петербургъ: „путь мой въ Смоленскъ устроится вѣрно не ранѣе праздника Рождества Христова и будетъ чрезъ Могилевъ, чтобы имѣть утѣшеніе видѣться съ добрѣйшимъ архипастыремъ тамошнимъ, будущимъ моимъ сосѣдомъ. Давно уже пошло у насъ дѣло о докторствѣ его и преосвященнаго черниговскаго (извѣстнаго ученаго Филарета Гумилевскаго, бывшаго архіепископомъ

¹⁾ Антоній Амфитеатровъ ректоръ Кіевской академіи съ 1851—1859 г., съ конца 1859 г. епископъ смоленскій и вѣковецъ архіепископъ казанскій.

²⁾ Одно письмо, касающееся вопроса о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, обнародовано Л. С. Мацѣвичемъ въ Труд. Кіев. Дух. Акад. за 1883 г., № 7; три другія письма помѣщены въ 48 №№ Церк. Вѣстника, изд. при Сиб. дух. акад. за 1883. *Ч. неоффиц.*

черниговскимъ съ 2 мая 1859 г. и умершаго 9 августа 1866 г.). Узнайте пожалуйста, рѣшеко ли это, и намъ бы прислали кресты въ конференцію, если только не прямо пошлютъ къ намъ,—такъ чтобы можно было мнѣ лично обоимъ имъ доставить по дорогѣ въ Смоленскъ¹⁾). Но послѣднему желанію преосвященнаго Антонія не суждено было осуществиться, такъ какъ утвержденіе Анатолія въ степени доктора богословія послѣдовало немного позже описываемаго времени, въ 1860 году. Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года ректоръ Кіевской духовной академіи архимандритъ Іоанникій препроводилъ преосвященному Анатолію и докторскій дипломъ, увѣнчавшій собою ученые заслуги послѣдняго²⁾).

Преосвященный Анатолій не ограничивался одною теоретическою дѣятельностью въ защиту православія; въ предѣлахъ вѣрнной ему власти онъ дѣйствовалъ на пользу его и нѣкоторыми практическими мѣропріятіями. Такъ напр., съ цѣлію отвлечь вниманіе православныхъ отъ латинскихъ торжествъ, совершавшихся въ праздникъ „Божіею Тѣла“ и друг., онъ старался устраивать новые крестные ходы или возстановлять существовавшіе древніе, но забытые. Такъ имъ возстановлены древніе крестные ходы съ чудотворною Тупичевскою иконою Божіей матери—наканунѣ праздника св. Николая изъ Тупичевского монастыря въ моголевскій Никольскій и въ день отдавія Пасхи изъ Никольскаго монастыря въ Мазаловскій. Въ память воссоединенія униатовъ совершался особый крестный ходъ съ тою же иконою изъ Мазаловскаго монастыря въ мстиславскій, откуда въ 14 день августа икона обратно переносилась въ Тупичевскій монастырь. Въ особенности же архимонастырь считалъ необходимымъ поддерживать обычай крестныхъ ходовъ въ приходахъ воссоединенныхъ изъ униі, гдѣ сильнѣе было влія-

¹⁾ Церковный Вѣстникъ, изд. при С.-Петербургской дух. акад. № 48, ноябрь мѣсяцъ, 1863 г. Часть неоффиц. стр. 3.

²⁾ Дипломъ этотъ былъ отосланъ преосв. Анатолію при отношеніи, которое имѣется въ Церк.-арх. музеѣ Кіев. Д. А. вмѣстѣ съ др. бумагами преосвященнаго.

ніе католицизма. Введеніе этого обычая по возможности всюду принесло бы, по мнѣнію преосвященнаго, „пріятныя для церкви плоды и имѣло бы благотворное вліяніе не только на православныхъ, но и иновѣрцевъ“¹⁾. Въ этомъ смыслѣ преосвященный неоднократно писалъ и Св. Синоду, прося у него разрѣшенія на устройство въ епархіи крестныхъ ходовъ. Памятникомъ дѣятельности преосвященнаго въ этомъ родѣ служатъ существующіе и по настоящее время крестные ходы во многихъ приходахъ и монастыряхъ Могилевской губерніи (оршанскій, мстиславскій монастырь и друг.). Кромѣ этой мѣры преосвященный старался противодѣйствовать латинянамъ и другими способами: по мѣрѣ возможности препятствовалъ постройкѣ новыхъ костеловъ, каплицъ, филій и т. п. Просматривая резолюціи преосвященнаго по дѣламъ этого рода, мы не разъ встрѣчались съ (прописаннымъ въ нихъ) мнѣніемъ его о ненужности постройки новаго костела въ томъ или другомъ мѣстѣ и на ряду съ этимъ — необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ къ обновленію или постройкѣ православныхъ церквей²⁾. Мотивомъ для такихъ мнѣній преосвященнаго служили, обыкновенно, донесенія благочинныхъ и другихъ лицъ объ удовлетворительномъ состояніи римско-католическихъ костеловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — бѣдственномъ — православныхъ храмовъ³⁾. Особенно сильно озабочивали преосвященнаго старанія католиковъ увеличивать и безъ того громадное число (140), такъ называемыхъ, филій и каплицъ. Въ своемъ

¹⁾ Донесеніе Св. Синоду о состояніи церквей въ Могилевской епархіи отъ 25 сентября 1847 г. Ряз. муз. К. Д. А.

²⁾ Дѣло, напр., о постройкѣ новаго костела въ Лозовицахъ. Арх. консист. могол., 1852 г., № 1466.

³⁾ По дописанію, напр., бывшаго члена консисторіи, умершаго недавно о. Потанія Твердаго, — командированнаго въ имѣніе помѣщика Голынского, Климовичскаго уѣзда, для разбора пререканій православныхъ съ католиками изъ-за церквей — вмѣсто ветхой православной церкви надлежало построить новую, а костелъ упразднить, поелику вблизи (въ 15 верстахъ) былъ другой костелъ. Сообщено самимъ покойнымъ.

секретномъ донесеніи Св. Синоду отъ 8 августа 1849 г. преосвященный яркими красками изображаетъ непомѣрно большой вредъ для православія отъ этихъ католическихъ молельнъ. „Не смотря на большое количество католическихъ каплицъ и олій, пишетъ преосвященный Анатолій Св. Синоду, помѣщики Могилевской губерніи латинскаго вѣроисповѣданія всеусильно, посредствомъ самыхъ влиятельныхъ ходатайствъ, стараются заводить новыя латинскія каплицы въ самыхъ близкихъ разстояніяхъ отъ своихъ приходскихъ костеловъ, хотя къ устроенію ихъ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ, заслуживающихъ уваженія, побужденій; а пользуясь дозволеніемъ строить каплицы единственно для временнаго помѣщенія мертвецовъ, устрояютъ въ такихъ каплицахъ алтари для служенія на нихъ миссъ“¹⁾).

Къ постройкѣ упомянутыхъ каплицъ помѣщики, по мнѣнію преосвященнаго, подстрекаются ксендзами, частію для того, чтобы имъ имѣть случаи къ разсѣянности, а большею частію для цѣлей враждебныхъ православнои церкви. Последнюю свою мысль преосвященный развиваетъ такимъ образомъ: „тогда какъ, говоритъ онъ, отправляясь на богослуженіе въ костелы, даже въ близкомъ разстояніи, помѣщикъ беретъ съ собою не болѣе трехъ человекъ служителей, изъ коихъ одинъ лакей сопровождаетъ его во внутренность костела, присутствовать при совершеніи миссы въ

¹⁾ Совершая миссы въ каплицахъ, ксендзы, по отзыву преосвященнаго, поступаютъ даже вопреки постановленію своей церкви. Такъ, декретомъ латинскаго Тридентинскаго собора воспрещено совершать миссы внѣ приходскихъ костеловъ (Juss. XII de sacrificio Missae) и первоначально дозволено было сіе особенными привилегіями ксендзамъ только нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ; и по ученію лучшихъ латинскихъ богослововъ богослуженіе, совершаемое по угламъ, въ такъ называемыхъ каплицахъ, влечетъ за собою много неприличій, отклоняетъ христіанъ отъ слушанія проповѣдей, открыто провозносимыхъ въ костелахъ, и бываетъ поводомъ къ лицемерной ложной набожности. Theolog. Pastoralis. F. Giftschütz и др... *Секретное донесеніе* Св. Синоду отъ 8 августа 1849 г. Рукопись Церк.-арх. муз. К. Д. А.

домашнихъ каплицахъ заставляется вся дворянскія помѣщика⁴. Черезъ такое посѣщеніе дворовыми людьми каплицъ — въ нихъ, по словамъ Анатолія, замѣчается сначала „охлажденіе духа благочестія, а затѣмъ и совращеніе въ латинство“⁴. Что ксевдзы имѣютъ полную возможность содѣйствовать помѣщикамъ латинскаго вѣроисповѣданія къ достиженію указанной цѣли, въ этомъ, по нему, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, — такъ какъ бывали и есть примѣры, что ксевдзы произносили проповѣди противъ правительства и православной церкви даже въ приходскихъ костелахъ, открытыхъ для всякаго, хотя они не могли не имѣть въ виду, что слушателями ихъ могутъ быть не одни латинисты. Единственною мѣрою противъ этого зла служило то, чтобы священники наблюдали и доносили кому слѣдуетъ о прихожанахъ, присутствовавшихъ на молитвословіяхъ въ каплицахъ; но и эта мѣра, по мнѣнію преосвященнаго, не отвѣчала своей цѣли, — она была и неудобна, и вредна для священниковъ. Неудобною она оказывалась потому, что священникъ, не имѣя возможности бывать въ каплицахъ при отправленіи въ нихъ ксевдзами миссъ, не можетъ знать достоверно: какіе изъ прихожанъ его были на моленіи въ каплицахъ; а вредною — потому, что въ случаѣ доноса, что его прихожане участвуютъ въ моленіи, совершаемомъ въ каплицахъ, священники подвергаются непримиримому гоненію отъ своего помѣщика. Принимая въ соображеніе всѣ, указанныя нами, а равно и другія обстоятельства, преосвященный Анатолій въ своемъ доведеніи Св. Синоду предлагаетъ слѣдующія мѣры противъ латинявъ. Прежде всего онъ указываетъ на необходимость вновь разсмотрѣть составленную еще въ 1840 году вѣдомость о количествѣ костеловъ и каплицъ латинскаго вѣроисповѣданія: нѣтъ ли въ числѣ ихъ каплицъ при домахъ такихъ помѣщиковъ, которые по силѣ 138 статьи Свода Законовъ, тома XII, изданія 1842 года, не имѣютъ права

на удержаніе каплицъ при своихъ домахъ¹⁾. Затѣмъ преосвященный всенижайше просить Св. Синодъ о томъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ постройки костеловъ или каплицъ ему дозволено было непосредственно своситься съ Св. Синодомъ. Въ этой своей просьбѣ преосвященный руководился очевидно тѣмъ соображеніемъ, что высшая духовная власть отнесется къ столь интересующему его дѣлу гораздо внимательнѣе и глубже, чѣмъ мѣстная власть.

Движимый тою же ревностію объ интересахъ православія, преосвященный доносилъ Св. Синоду о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ настоятелями римско-католическихъ приходскихъ церквей, при изъявленіи кѣмъ-либо изъ ихъ прихожанъ желанія бракосочетаться съ лицомъ православнаго вѣроисповѣданія. „Наблюдая интересы своего исповѣданія (пишетъ преосвященный), ксендзы всячески стараются препятствовать подобнымъ бракамъ, какъ своимъ вліяніемъ на прихожанъ и своими имъ внушеніями, такъ и тѣмъ, что подъ различными предлогами, а иногда и совершенно прямо, отказываются выдавать жениху или невѣстѣ римскаго исповѣданія требуемыя 28 ст. X т. Свод. Зак. гражд. изд. 1857 г. письменныя удостовѣренія о безпрепятственности ихъ ко вступленію въ бракъ. Тѣхъ же изъ нихъ, кои вступили въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія, подвергаютъ церковной эпитиміи, какъ бы за нѣкое беззаконіе“. Въ виду громаднаго ущерба, наносимаго православію подобными дѣйствіями ксендзовъ²⁾, преосвященный въ заключе-

¹⁾ Таковыми каплицами могутъ быть, по мнѣнію преосвященнаго, устроенныя въ прежнія времена по ходатайству польскихъ вельможъ Салеги, Савгуши, Огинскаго, Поцея, Халецакаго, Храповицкаго, Любомирскаго и друг., имѣвша коихъ по разнымъ случаямъ перешла во владѣніе многихъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, не имѣющихъ (по силѣ 138 ст. Свода Законовъ) права на удержаніе при домахъ своихъ каплицъ. Секретное донесеніе Св. Синоду отъ 8 августа 1849 г. Рукопись Церк.-арх. муз. К. Д. А.

²⁾ Браки православныхъ съ католиками служатъ, какъ извѣстно, однимъ изъ средствъ распространенія православія, такъ какъ по силѣ 67 и 72 ст. X т. Свода Зак. гражд. изд. 1857 г. имѣющія быть отъ такихъ браковъ дѣти должны быть крещены и воспитываемы въ православіи вѣрѣ.

віе своего репорта Св. Синоду просить его — „дозволить православнымъ священникамъ, въ случаѣ неполученія ими отъ ксеидзовъ письменнаго удостовѣренія о безпрепятственности ко вступленію въ бракъ жениха или невѣсты римскаго исповѣданія, брать такія удостовѣренія отъ мѣстнаго начальства, градской или земской полиціи, городскихъ думъ, ратушь, окружныхъ управленій и т. п. учреждений“¹⁾. Этою мѣрою преосвященный надѣялся уничтожить поставляемыя ксеидзами преграды ко вступленію въ бракъ православныхъ съ католиками. Обозрѣвая практическую дѣятельность Анатолія на пользу православія, считаемъ вужнымъ сказать объ отношеніи преосвященнаго къ совращеннымъ въ латинство православнымъ. Послѣдніе составляли предметъ особенныхъ заботъ преосвященнаго Анатолія: въ случаяхъ перехода православныхъ въ латинство преосвященный немедленно принималъ возможно рѣшительныя и энергичныя мѣры. Для увѣщанія на путь истинны совращенныхъ въ латинство онъ посылалъ, обыкновенно, въ качествѣ миссіонеровъ благонадежныхъ священниковъ. При этомъ, смотря по обстоятельствамъ, онъ назначалъ священниковъ миссіонерами или на короткій промежутокъ времени, или на болѣе продолжительный²⁾.

Изъ другихъ мѣръ, рекомендованныхъ высшимъ начальствомъ, къ обращенію совратившихся въ вѣдра православія можно указать на вызовъ послѣднихъ въ консисторію, гдѣ выдающіеся духовные сановники во главѣ съ пре-

¹⁾ Репортъ Св. Синоду, хранящійся въ Церк.-арх. муз. К. Д. А.

²⁾ Такъ напр., для обращенія на путь истинны совратившихся прихожанъ дудаковичской церкви преосвященный предложилъ консисторіи прислать (при посредствѣ благочинныхъ) священника, преимущественно, заштатнаго или одногокаго: „не возрвнуеть ли кто-либо изъ нихъ посвятить знанія и труды свои разумленію при содѣйствіи благодати Божіей заблудшихъ прихожанъ дудаковичской церкви“. Распоряженіе это было вызвано тѣмъ, что временныя командировки священниковъ для упомянутой цѣли не имѣли успѣха. *Секретное предписаніе* консисторіи отъ 15 апрѣля 1850 г. Реп. Церк.-арх. муз., письмо къ Анатолію К. С. Сербиновича (1852 г.). Труды Кіев. Ак. 1883 г., ноябрь, стр. 553.

освященнымъ старались повліять на нихъ словомъ убѣжденія. При всемъ этомъ бывали нерѣдко случаи, что никакія вразумленія не дѣйствовали на совращенныхъ въ латинство. Этотъ фактъ засвидѣтельствовалъ и самъ преосвященный въ своемъ репортѣ Св. Синоду отъ 7 мая 1860 г.

„Почти двадцать лѣтъ, пишетъ Анатолій въ своемъ репортѣ, въ могилевской консисторіи производятся безъ всякаго успѣха дѣла: 1) о такихъ лицахъ, совратившихся въ латинство, которыя, бывъ крещены уніатскими священниками, издѣтства признаютъ себя принадлежащими къ латинскому вѣроисповѣданію, и 2)—такихъ, которыя при общемъ воссоединеніи уніатовъ съ православною церковію дали подписки въ принятіи ими православія, хотя были природными латинистами. Но тѣ и другія при всѣхъ настаиваніяхъ, убѣжденіи ихъ священниками на мѣстѣ жительства и вызовѣ ихъ для этой цѣли въ консисторію упорно отказываются отъ православнаго вѣроисповѣданія¹⁾. По отзыву преосвященнаго, это—люди, не имѣющіе почти никакихъ религіозныхъ понятій, недоступные поѣтому ни для какихъ вразумленій. „Между тѣмъ, принимаемая къ ихъ вразумленію мѣра, особенно, вызовъ ихъ въ консисторію для убѣжденія къ принятію православія, они и ультрамонтанисты не только въ западныхъ областяхъ, но и за предѣлами Россіи считаютъ гоненіемъ латинскаго вѣроисповѣданія (какъ это видно изъ множества брошюркъ на польскомъ и французскомъ языкахъ, появившихся въ Могилевской губерніи)²⁾. Руководствуясь такими соображеніями,

¹⁾ Это можно сказать, напр., о прихожанахъ дудаковичской церкви. Въ своемъ отношеніи къ губернатору (за №№ 47 и 48, 1845 г.) преосвященный упоминаетъ, между прочимъ, о двухъ крестьянахъ дудаковичскаго прихода, бывшихъ болѣе 4-хъ лѣтъ въ монастыряхъ и не оставившихъ своего упорства. Ихъ - то преосвященный предлагаетъ губернатору препроводить въ какіе-либо великороссійскіе города, хотя бы даже въ Смоленскъ.

²⁾ Репортъ Св. Синоду отъ 7-го мая 1860 г. Рукопись Церк.-арх. музея К. Д. А. Въ другомъ донесеніи Св. Синоду преосвященный пишетъ: „совратившіяся жертвы латинскаго фанатизма не только избѣгаютъ сближенія, но даже

преосвященный Аватолій счелъ нужнымъ совершенно прекратить вышеуказанныя дѣла, оставивъ въ покоѣ совращенныхъ въ латинство; въ этомъ смыслѣ онъ доносилъ и Св. Синоду.

Въ замѣнъ обыкновенныхъ и въ большинствѣ случаевъ безплодныхъ мѣръ противодѣйствія латинской пропагандѣ (сношеній съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, увѣщавій священниковъ, вызова въ консисторію и т. п.) преосвященный, незадолго до оставленія имъ Могилевской епархіи, проектировалъ нѣкоторыя другія, болѣе цѣлесообразныя, мѣры. По мнѣнію его (изложенному въ особой запискѣ Св. Синоду), лучшимъ противодѣйствіемъ латинской пропагандѣ могло бы служить помѣщеніе въ прибавленіяхъ къ мѣстнымъ Губернскимъ Вѣдомостямъ хранящихся въ губернскихъ архивахъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о гоненіи въ старыя времена православія латинскимъ фанатизмомъ и уніатами. „Такіе историческіе памятники, будучи драгоценными открытіями для церковной и отечественной исторіи, могли бы, говоритъ преосвященный, охладить жаръ фанатизма помѣщиковъ здѣшняго края, убѣждая ихъ, что ихъ предки были православными и гонимыми за исповѣданіе православной вѣры, что посему они, какъ потомки православныхъ предковъ, не имѣютъ разумныхъ побужденій отвращаться отъ православія“. Кромѣ того изданіе въ свѣтъ историческихъ документовъ, свидѣтельствующихъ, сколько православная церковь потерпѣла въ западныхъ губерніяхъ отъ людей, давно сошедшихъ со сцены,—не оскорбляя современниковъ, дока-

встрѣчи съ православными священниками, а увѣщанія совратившимся, чинимыя въ консисторіяхъ, вообще безплодны: потому что для доведенія совратившихся къ переменѣ превратнаго образа мыслей требуется время, а въ консисторіи не болѣе какъ въ теченіи двохъ или трохъ сутокъ по одному или двумъ часамъ можно дѣлать увѣщанія заблудшимъ, тогда какъ они въ теченіи такого времени выпущены литаются и гдѣ-либо имѣть квартиру на свой счетъ, и посему считаютъ такое обращеніе съ ними гоненіемъ за вѣру“. Кіевская старина. 1884 г., июнь, стр. 219.

зывадо бы, по нему, хотя косвенно, что и пасквили на счетъ отечественной церкви, издаваемые въ большомъ количествѣ, проистекають отъ фанатизма людей, увлеченныхъ гнусными страстями, жаждущихъ гибели отечества и православной церкви¹⁾. Сверхъ этой мѣры преосвященный, принимая во вниманіе, что жители Бѣлоруссіи, крестьяне и однодворцы, совратившіеся въ древнія времена въ латинство, на вопросъ: русскіе ли они? обыкновенно отвѣчаютъ, будто они поляки, что современная польская литература всѣми силами старается доказать, будто западныя русскія губерніи искони составляли Польшу до Смоленска,—считаетъ крайне необходимымъ ввести въ поселянскихъ училищахъ западныхъ русскихъ губерній преподаваніе вмѣстѣ съ сокращенною церковною исторіею хотя самой краткой исторіи русскаго государства. Чѣмъ скорѣе, по нему, было бы введено изученіе такой исторіи въ тѣхъ училищахъ, тѣмъ лучше. „Поэтому, говоритъ онъ, нѣтъ никакой надобности вновь заказывать кому-либо сочиненіе такой исторіи; какова бы она ни была, лишь бы краткая, хотя бы такая, какая еще въ началѣ текущаго столѣтія изучалась въ кievской гимназій, сочиненная учителемъ той гимназій Берлинскимъ. Вопіющая потребность состоитъ въ томъ, чтобы глубоко насадить въ умъ и сердце поселянъ западныхъ губерній, что они русскіе, что ихъ народность родственна великороссійской; что если они въ прежнія времена были угнетаемы, то единственно отъ поработненія сословіемъ людей, чуждыхъ православной церкви“²⁾. Въ видахъ наилучшаго воспитанія юношества на началахъ православія и

¹⁾ Въ образецъ рекомендуемой преосвященнымъ мѣры взяты прибавленія къ Витебскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, издав. подъ редакціей извѣстнаго К. Говорскаго (редактора-издателя журнала „Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи“ въ Кіевѣ въ 60-хъ годахъ, а послѣ въ Вильнѣ съ выброскомъ въ названіи слова: „Юго-западной“). Кіев. Стар., 1884 г., іюнь, стр. 219—220.

²⁾ Выписка изъ докладной записки Анатолія Св. Синоду отъ 27 мая 1859 ., обнародована въ Кіевской Старинѣ за 1884 г. іюнь, стр. 220—221.

русской народности преосвященный, по поручению высшего начальства, составилъ и правила для западно-русскихъ гимназій. Основная мысль этихъ правилъ та, что чрезъ насажденіе въ русско-польскомъ юношествѣ преданности Августѣйшему престолу вмѣстѣ съ обязательнымъ обученіемъ русскому языку подготовить почву для полнаго обрушенія западнаго края Россіи¹⁾). Если мы послѣ всего сказаннаго нами о практической дѣятельности Анатолія на пользу православія спросимъ себя, достигъ ли преосвященный своей цѣли, и если достигъ, въ какой степени, то за отсутствіемъ прямыхъ данныхъ мы не можемъ сказать

¹⁾ Мы имѣемъ подъ руками самый текстъ этихъ правилъ (7). Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе важныя по нашему мнѣнію. *5-е правило гласитъ:* „Поставить въ неотложную обязанность всѣмъ начальникамъ и начальницамъ учебныхъ заведеній Могилевской губерніи заблаговременно увѣдомлять епархіальнаго архіерея письменно о времени, въ которое будетъ производиться годичный экзаменъ по предмету вѣрученія: дабы онъ своевременно могъ распорядиться, или самому присутствовать на испытаніи, или поручить участвовать въ ономъ опытному въ духовномъ просвѣщеніи лицу, которое бы могло вынудить не только въ ходъ вѣрученія съ цѣлію судить объ успѣхѣ въ семь предметъ воспитывающихся; но и разузнать, соблюдаются ли правила относительно квартирнаго молитвословія, участіа учениковъ въ общественномъ богослуженіи, преданности ихъ Августѣйшему престолу и церкви и обстоятельно донести объ этомъ епархіальному архіерею послѣ экзамена“. *6-е правило гласитъ:* „поставить правиломъ, чтобы законоучители латинскаго вѣрученія присутствовали на частномъ испытаніи учениковъ православнаго исповѣданія, а православные законоучители на испытаніи учениковъ латинскаго исповѣданія, а при семъ особенно вникали, въ какой степени ученикамъ латинскаго вѣрученія внушается преданность Августѣйшему престолу, благонадеженъ ли въ семъ отношеніи законоучитель, и сообщали о томъ секретно свои замѣчанія епархіальному своему архіерею или непосредственно, или чрезъ духовное лицо, назначенное для присутствованія при испытаніи по Закону Божію“. *7 пр. гласитъ:* „наконѣцъ весьма было бы полезно, если бы въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ Могилевской губерніи, гдѣ всѣ учебные предметы преподаются на русскомъ языкѣ кромѣ римско-католическаго вѣрученія, преподающагося на польскомъ языкѣ, и сіе вѣрученіе хотя въ половину преподавалось на русскомъ языкѣ, такъ какъ языкъ не составляетъ догмата вѣры, и нѣкоторые законоучители латинскаго вѣрученія чувствовали потребность сего, какъ напр., бывшій могилевской гимназій законоучитель прелатъ каноникъ Коссовскій, который нѣкоторыя части вѣрученія преподавалъ на русскомъ языкѣ“. Черновой подлинникъ этихъ правилъ хранится въ Церк.-арх. музеѣ Кіев. дух. ак.

объ этомъ что-нибудь положительное. Въ данномъ случаѣ намъ приходится констатировать не столько практическіе результаты борьбы преосвященнаго съ католицизмомъ, сколько заботы его въ этомъ направленіи. Нѣтъ сомнѣній, конечно, и въ томъ, что постоянная и неуспяная дѣятельность Анатолія на пользу православія и противъ латинявъ приносила благіе плоды, хотя о размѣрахъ ихъ мы и не можемъ судить.

Съ изображенною нами, достойною всякаго уваженія, общественною жизнью-дѣятельностью преосвященнаго Анатолія вполне гармонировала и частная жизнь его; объ этой-то послѣдней мы и имѣемъ въ виду побесѣдовать теперь съ читателемъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ городскимъ обществомъ преосвященный Анатолій представлялъ образецъ весьма миролюбиваго и благосклоннаго ко всѣмъ пастыря церкви. Населеніе Могилева было самое разнообразное; кромѣ обладающаго православнаго элемента въ немъ было значительное число католиковъ и еще болѣе евреевъ. Мы имѣемъ не мало доказательствъ (главнымъ образомъ свидѣтельства самихъ жителей г. Могилева), что преосвященному оказывалось глубокое уваженіе, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны еврейскаго населенія. Въ Могилевѣ при Анатоліи существовало особое духовно-правительственное учрежденіе, такъ называемая духовно-католическая консисторія, во главѣ управленія которой стоялъ весьма заслуженный прелатъ Ласки. Какъ съ прелатомъ лично, такъ и съ другими сочленами его и прочимъ католическимъ духовенствомъ города, преосвященный держалъ себя въ такихъ благоволительныхъ отношеніяхъ, которые были и должны были быть единственнымъ всепримиряющимъ началомъ съ той и другой стороны. Эта прекрасная черта у преосвященнаго Анатолія вызывала сама по себѣ то нелицемѣрное уваженіе, съ которымъ относилось къ нему все католическое общество отъ высшихъ и до низшихъ степеней

его. Справедливость требует сказать, что преосвященный вполне заслуженно пользовался расположеніемъ въ нему городского общества, какъ православнаго, такъ инославнаго. Многія симпатичныя черты его характера неволью привлекали къ нему людей съ самымъ разнообразнымъ положеніемъ. Много, напр., подкупало въ ползу преосвященнаго его въ высшей степени простое и въ то же время пріятливое обращеніе со всѣми. Принимая у себя гостей, или будучи самъ въ гостяхъ, онъ старался быть одинаково любезнымъ и обходительнымъ со всѣми. Разъ пять въ годъ онъ устраивалъ на свой счетъ официальные угощенія, приглашая на нихъ самое разнообразное общество¹⁾. Тутъ можно было встрѣтить и православное, и римско-католическое духовенство, и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ съ ихъ семействами; не смотря однако на такое разнообразіе собиравшагося общества, всѣмъ чувствовалось хорошо подъ гостепріимнымъ и радушиемъ кровомъ самого хозяина. А веселое настроеніе послѣдняго, выражавшееся въ свойственной ему остроумной бесѣдѣ, неволью сообщалось и гостямъ, будучи такимъ образомъ источникомъ оживленія и довольства среди нихъ²⁾.

Въ домашней и, такъ сказать, будничной жизни преосвященный строго наблюдалъ простоту и разъ заведенный порядокъ. Вставалъ онъ, обыкновенно, въ 4 ч. утра, а ложился спать въ 9 ч. вечера. Весь дневной промежутокъ времени онъ распределялъ приблизительно такимъ образомъ: до-обѣденное время посвящалъ, главнымъ образомъ, приему просителей и занятіямъ по должности; а послѣ-обѣденное—отдыху, впрочемъ небольшому, и снова—занятіямъ, преимущественно, частнаго характера (напр., литературной работѣ). Частныхъ посѣтителей, или вѣрнѣе, гостей прини-

¹⁾ Угощенія эти, по словамъ іером. Алексія, бывшаго казначеимъ при Апатоли, обходились преосвященному каждый разъ около 120 рублей.

²⁾ Особенно весело былъ настроенъ преосвященный въ обществѣ дамъ, которымъ разсказывалъ разные анекдоты, каламбуры и т. п.

малъ, обыкновенно, въ теченіе времени отъ 6 до 8 ч. вечера¹⁾. Въшняя обстановка у преосвященнаго была сурово—чисто монашеская. Пища самая простая, по преимуществу, щи и каша; никакой потребности у него не было ни въ лакомствахъ, ни въ випѣ; иногда, очень рѣдко онъ позволялъ себѣ фрукты. Обыкновенно онъ обѣдалъ на томъ же столѣ, за которымъ занимался писаніемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Этотъ столъ былъ длиною въ 2 сажени и весь заложень книгами, исписанными бумагами и консисторскими дѣлами. Къ обѣду расчищалось небольшое пространство между горами учености, и на свободномъ мѣстѣ ставилась простая, часто глиняная мясочка, и одна или двѣ тарелки. Смежно съ его рабочимъ кабинетомъ была комната для ночного отдохновенія, также отличающаяся своею простотою, доходившею до степени невѣроятной. Твердый тюфякъ, незатѣйливое одѣяло, одна подушка—вотъ и вся постель, которою довольствовался смиренный инокъ. Такой въ высшей степени простой образъ жизни преосвященнаго Анатолія вліялъ безъ сомнѣнія благотворно и на его здоровье. Последнее, не смотря на преклонные годы преосвященнаго (подъ конецъ пребыванія Анатолія въ Могилевѣ ему было свыше 60 лѣтъ), было сравнительно въ хорошемъ состояніи. Ирѣдка только страдалъ онъ отъ простуды лихорадкой и ревматизмомъ²⁾. Въ зимнее время преосвященный жилъ въ самомъ г. Могилевѣ, въ здавіяхъ архіерейскаго дома, что при Спасскомъ монастырѣ; лѣтніе же мѣсяцы онъ проводилъ на дачѣ, въ с. Печерскѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Могилева. Архіерейское помѣщеніе тутъ состояло изъ небольшого дома, въ 5 комнатъ, съ обстановкою также очень простою. Домъ былъ окруженъ садомъ. Въ саду никакой претензіи на искусствен-

¹⁾ Сообщено іер. о. Алексіемъ, бывшимъ казначеемъ преосвященнаго.

²⁾ Воспоминанія объ Анатоліи доктора Пирожкова. Кіевская Старина. 1883 г., іюль, стр. 574—575.

вую отдѣлку¹⁾; въ немъ не было ни цвѣтовъ, ни дорожекъ скорѣе его можно назвать не садомъ, а природною небольшою рощицею. Подъ горой бѣжала небольшая рѣченка и поставленная на ней водяная мельница однообразнымъ шумомъ своимъ прерывала по вечерамъ глубокое молчаніе деревенскаго затишья. Здѣсь, среди полнаго уединенія, проводилъ свои труженническіе дни за учено-литературной работой преосвященный Анатолій. Здѣсь же, въ непосредственномъ общеніи съ природою, въ созерцаніи дивныхъ красотъ ея, находилъ и отдохновеніе отъ своихъ трудовъ неутомимый дѣятель на нивѣ Христовой. Нерѣдко въ часы досуга преосвященный садился за мольбертъ и рисовалъ картины, по преимуществу, духовнаго содержанія²⁾; или же предавался другому своему любимому занятію—опытамъ въ стихосложеніи. Послѣднимъ занятіемъ преосвященный пользовался, какъ средствомъ развлеченія, и въ часы долгихъ безсонницъ, которыми онъ весьма часто страдалъ на старости лѣтъ³⁾).

Ознаменованная многими заслугами церкви и отечеству жизнедѣятельность преосвященнаго нашла себѣ достойную оцѣнку и со стороны высшей власти. Въ періодъ своего 16-ти лѣтняго управленія Могилевской епархіей онъ не разъ былъ отличаемъ разными наградами, какъ знаками Высочайшаго вниманія. Такъ по вниманію „къ кроткому и благо разумному управленію имъ Могилевскою епархіей“, какъ говорится въ Высочайшемъ указѣ, онъ сопричисленъ былъ въ 1848 г. (апрѣля 11 дня) къ ордену св. Владимира 2 ст.

¹⁾ Приемникъ Анатолія по воеводѣ преосв. Евсевій Орляскій устроилъ въ саду прекрасный цвѣтникъ, дорожки, бесѣдки и разныя другія украшенія. Теперь этотъ садъ поражаетъ своею роскошью.

²⁾ Живописныя работы свои преосвященный дарилъ во многія церкви Могилевской епархіи. Въ нѣкоторыхъ церквяхъ самого Могилева есть иконы вѣсти Анатолія; напр.—въ соборной звѣней церкви—икона, изображающая снисшествіе Спасителя во адъ, въ церкви Буйницкаго монастыря—икона, изображающая Пресвятую Троицу (ик. большихъ размѣровъ) и мн. др.

³⁾ Свои стихотворные опыты преосвященный печаталъ иногда въ дѣтскомъ журналѣ „Звѣздочка“, пзд. Ишимовой.

Въ 1853-мъ году (апрѣля 19 дня) „за отлично усердное служеніе и ревностныя пастырскіе труды“ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ санъ Архіепископа. Незадолго же до оставленія имъ Могилевской епархіи, именно въ 1859 г. (апрѣля 12 дня), „за долгое и усердное служеніе, полезное для православія и заботливое о вѣрноподданной ему паствѣ“ сопричисленъ къ ордену св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго¹⁾.

Въ началѣ 1860 г. преосвященный Анатолій, еще бодрый и крѣпкій здоровьемъ старецъ, подалъ Св. Синоду прошеніе объ увольненіи его на покой. По частнымъ извѣстіямъ, онъ трижды подавалъ прошеніе объ этомъ и только за третьимъ разомъ, послѣ настоятельныхъ просьбъ Св. Синоду, получилъ желаемое увольненіе (17 іюля 1860 г.). Что побудило преосв. Анатолія уволиться отъ управленія Могилевскою епархіей, остается пока невыясненнымъ. Въ виду отсутствія несомнѣнныхъ данныхъ для разъясненія этого факта, мы съ своей стороны воздерживаемся отъ рѣшительныхъ сужденій о немъ; позволимъ себѣ однако высказать нѣкоторыя догадки и предположенія относительно этого загадочнаго факта.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, — по тому, напримѣръ, что преосвященный при своемъ увольненіи на покой чувствовалъ себя еще бодрымъ и сравнительно здоровымъ (о чемъ свидѣтельствуетъ и послѣдующая дѣятельная и полная энергія жизнь преосвященнаго на покой), и что онъ въ послѣдствіи горько раскаявался въ своемъ поступкѣ, — можно думать, что преосв. Анатолій рѣшился на увольненіе отъ епископской каѳедры не совсѣмъ предусмотрительно, больше въ силу какого-то вѣшняго толчка, чѣмъ внутренней по-

¹⁾ Кроме этого ему было объявлено Высочайшее благоволеніе по званію Вице-президента Могилевскаго тюремнаго комитета (въ 1856 г.) и признательность Св. Синода за благоустроеніе при буйницкомъ жепскомъ монастырѣ пріюта для дѣвицъ духовнаго званія (въ 1857 г.). Упомянемъ еще, что преосв. Анатолій былъ почетнымъ членомъ Кіевской дух. академіи (съ 1862 г.) и Горь-Горцаго Земледѣльскаго Института (съ 1853 г.).—Послужной списокъ Анатолія, архіеп. Могилевской епархіи, составленный и тщательно переписанный самимъ преосвященнымъ присланъ въ Церк.-арх. музей академіи Л. С. Мацѣевичемъ.

требности. Повидимому положеніе Анатолія въ епархіи поколебалось еще въ 1859 г. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ нему покойнаго митрополита с. петербургскаго Григорія (Постяикова) отъ 14 января 1859 г. читаемъ между прочимъ: „P. S. Ваше письмо прояснило дѣло. Да дастъ Вамъ Господь Богъ продолжать Ваше служеніе св. Церкви съ обычнымъ усердіемъ и совершеннымъ спокойствіемъ“. Въ другомъ письмѣ отъ 4-го января 1860 г. митрополитъ, увѣдомляя Анатолія о ходѣ вопроса по преобразованію духовныхъ училищъ такъ говоритъ: P. S. „Надѣюсь, что Господь Богъ не дастъ успѣха злоумышляющимъ. Благодарю за доставленныя мнѣ по сему отношенію свѣдѣнія“¹⁾. Кто таковы были эти злоумышляющіе, нарушавшіе обычное спокойствіе преосвященнаго, это съ несомнѣнною достовѣрностію трудно сказать. На основаніи нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ догадываемся однако, что такими злоумышляющими были разныя недовольныя преосвященнымъ лица, писавшія на него доносы Св. Синоду. По сообщеніямъ людей, близко стоявшихъ къ бывшему могилевскому архипастырю, такихъ почему-либо недовольныхъ преосв. Анатоліемъ лицъ было въ особенности много среди воссоединенныхъ униатовъ. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ высшей духовной власти, бывшіе униаты не стѣснялись осаждать преосвященнаго всевозможными просьбами и ходатайствами²⁾; въ случаяхъ же отказа съ его стороны переносили свое дѣло въ Св. Синодъ³⁾. Къ концу управленія преосв. Анатоліемъ

¹⁾ Письма митр. Григорія къ Анатолію присланы въ музей Кіев. Акад. чрезъ Ивана Кассіановича Суручана, изъ Кишинева.

²⁾ Воссоединеннымъ изъ униатовъ были предоставлены въ Могилевской епархіи многія права и привилегіи, особенно, при назначеніи на церковныя должности.

³⁾ Не совсѣмъ благовидную роль въ такихъ случаяхъ игралъ первоприсутствующій членъ консисторіи (изъ униатовъ), каедр. прот. Борейко. Обязанный весьма многимъ преосвященному, онъ въ то же время выказалъ черную неблагодарность въ отношеніи послѣдняго тѣмъ, что совѣтовалъ многимъ изъ своихъ единомышленниковъ писать разныя клеветы и доносы на преосвященнаго.—Сообщено со словъ многихъ духовныхъ лицъ, живущихъ въ г. Могилевѣ.

Могилевской епархіей такихъ дѣлъ, а съ ними и жалобъ на распоряженіа преосвященнаго, накопилось таки порядочно. Какъ ни притязательны и несправедливы были такія жалобы на преосв. Анатолія, все же онѣ глубоко разстраивали собою послѣдняго. Впечатлительная натура его сильно возмущалась каждымъ случаемъ доноса на него кѣмъ-либо изъ недовольныхъ; и вотъ, подъ вліяніемъ овладѣвавшихъ имъ по сему поводу горькихъ думъ, онъ писалъ верѣдко весьма горячія посланія Св. Синоду. Въ одномъ изъ такихъ посланій, писанныхъ на имя оберъ-прокурора Св. Синода, графа Александра Петровича Толстаго (іюля 1857 г.), Анатолій чистосердечно оправдывается отъ разныхъ обвиненій, взведенныхъ на него коллежскимъ секретаремъ Игнатіемъ Дроздовскимъ.

„12 лѣтъ, пишетъ Анатолій, я переносилъ съ терпѣніемъ самыя нахальныя дерзости, самыя наглія грубости, самыя злостныя клеветы коллежскаго секретаря Игнатія Дроздовскаго... единственно за то, что я не имѣлъ законнаго основанія удовлетворить назойливымъ, безконечнымъ его требованіямъ. Наконецъ онъ, отправившись въ Петербургъ, сталъ поносить меня письменно, какъ доказываетъ случайно попавшее мнѣ письмо, въ коемъ онъ безстыдно клевететь, будто Могилевскою епархіею управляетъ состоящій при мнѣ письмоводитель Евфимій Петрашень и экономъ могилевскаго архіерейскаго дома игуменъ Евфимій Крымскій; будто епархіальныя дѣла зависятъ отъ какой-то торговли, для которой существуетъ продажная лавка въ рукахъ упомянутыхъ письмоводителя Петрашля и эконома Евфимія. Увѣренный письмами его же Дроздовскаго, что онъ имѣетъ свободный доступъ къ Вашему Сіятельству и г. Директору Вашей канцеляріи, и заключаи по характеру и письмамъ его Дроздовскаго, что онъ лживыми клеветами обноситъ меня предъ Вашимъ Сіятельствомъ, признавая ихъ не столько моимъ, сколько самой церкви безчестіемъ, считаю долгомъ моего сана и совѣсти всепокорнѣйше просить внять насто-

лицему моему прошенію, и принять въ уваженіе точное изложеніе моихъ дѣйствій въ управленіи ввѣренною мнѣ епархіей^а. Представивъ обстоятельное оправданіе во всѣхъ введенныхъ г. Дроздовскимъ обвиненіяхъ (6 пунктовъ), преосвященный въ заключеніи посланія „съ горькими слезами“ умоляетъ его сіятельство потребовать отъ Дроздовскаго надлежащихъ объясненій по обвиненіямъ, а также нарядить по сему дѣлу слѣдственную комиссію изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ: „пусть допросятъ кого будетъ имъ угодно подъ присягою объ образѣ моего управленія епархією. Если же и безъ того заслужилъ я какое-либо довѣріе, то всенижайше прошу защитить меня отъ наглыхъ клеветъ, поношеній и дерзостей, которыя 12 лѣтъ претерпѣваю отъ Игнатія Дроздовскаго“¹⁾. Приведенныя нами строки изъ письма Анатолія въ оберъ-прокурору Св. Синода живо рисуютъ собою то горестное состояніе, какое испытывалъ преосвященный по поводу живыхъ жалобъ и доносовъ на него. Нѣтъ сомнѣнія, что эти сами по себѣ ничтожныя уколы и обиды преосвященному, на которыя другой въ его положеніи не обратилъ бы, пожалуй, и вниманія, тяжелымъ камнемъ ложились на впечатлительную душу Анатолія, вызывая въ ней рой неотвязчивыхъ горькихъ думъ. Подобныя обиды тѣмъ болѣе должны были казаться чувствительными для Анатолія, что онъ порядочно таки усталъ въ долголѣтней жизненной борьбѣ, будучи уже на закатѣ дней своихъ (ему въ эту пору было уже около 70 лѣтъ). Имѣть дѣла (тяжебныя) съ темными личностями для него въ эту пору представлялось и непосильнымъ, и недостойнымъ посимаго имъ сана. Въ виду приведенныхъ нами данныхъ весьма естественно, поэтому, думать, что именно несправедливыя притязанія и жалобы на Анатолія со стороны

¹⁾ Черныя письма Анатолія въ оберъ-прокурору Св. Синода выстѣ съ другими бумагами преосвященнаго присланы въ царь музей Кіев. Дух. Академія Л. С. Мацѣвичемъ.

почему либо недовольныхъ имъ лицъ и были ближайшимъ мотивомъ къ просьбѣ объ увольненіи на покой. Какъ проповѣдникъ мира и любви среди пасомыхъ, онъ, естественно, хотѣлъ избѣжать непріязненныхъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ нихъ: лучшимъ же средствомъ къ умиротворенію епархіи было, разумѣется, удаленіе отъ дѣлъ ея...

Въ числѣ предположеній о мотивахъ къ увольненію преосвященнаго на покой существуетъ, между прочимъ, и такое, по которому владыка, отказываясь отъ управленія Могилевскою епархіею, имѣлъ въ виду получить высшее назначеніе¹⁾; но, какъ показало время, надежды преосвященнаго не оправдались. Высшее церковное учрежденіе, по этому предположенію, или не появилось, или не хотѣло понять тайнаго намѣренія преосвященнаго Анатолія и на его знаменательную просьбу объ отставкѣ взглянуло, какъ на дѣйствительное желаніе. Этимъ и объясняется, по такому мнѣнію нѣкоторыхъ, то обстоятельство, что преосвященный впослѣдствіи горько раскаивался въ сдѣланномъ имъ неосторожномъ шагѣ. Полагаемъ, что подобное предположеніе не заслуживаетъ опроверженія уже потому, что оно не мирится съ извѣстными намъ чертами нравственнаго характера преосвященнаго Анатолія, съ его прямодушіемъ, смиреніемъ и кротостію. Болѣе всякихъ предположеній заслуживаютъ вѣры собственныя слова преосвященнаго Анатолія, ссылавшагося въ своей послѣдней просьбѣ объ увольненіи на покой на свое старческое изнуреніе отъ трудовъ, которое, хотя могло пройти, но въ данное время, надо полагать, ощущалось имъ сильно. Эта послѣдняя просьба была, какъ сказано, уважена св. Синодомъ. И вотъ, послѣ 16-тилѣтняго пребыванія въ Могилевѣ, маститый іерархъ простился навсегда съ любимыми имъ паствою и духовенствомъ. При разставаньи съ своимъ архипастыремъ общество г. Могил-

¹⁾ Говорятъ, что онъ надѣялся занять митрополитскую кафедру, вакантную тогда въ Кіевѣ.

лева устроило въ честь его прощальный обѣдъ, на которомъ сказано было не мало задушевныхъ словъ и пожеланій съ той и другой стороны. Духовенство же города въ полномъ своемъ составѣ (всѣ члены консисторіи in corpore) провожало уѣзжавшаго архипастыря до перваго мѣста остановки его (с. Вейны), гдѣ предложило ему въ послѣдній разъ откушать съ ними хлѣба-соли. По разсказу лицъ, бывшихъ участниками въ этихъ проводахъ преосвященнаго, послѣднія были невыразимо трогательны и задушевы. При мысли, что онъ навсегда разстается съ любимымъ имъ духовенствомъ, преосвященный, передавали намъ, не разъ даже плакалъ...

V.

Преосв. Анатолий на покой: Гербовецкій монастырь въ Бессарабіи, гдѣ жилъ преосв. Анатолий на покой. Неудобства житья, сожалѣнія объ оставленіи службы, потребность дѣятельности; литературныя упражненія, изданіе прѣжнихъ трудовъ, затрудненія въ томъ и другомъ, переписка съ разными лицами. Отроченія и стѣсненія въ монастырѣ, терпѣливость и смиреніе старца архипастыря; пожертвованія его; послѣдніе дни, кончина, погребеніе.

Мѣстомъ для своего покоя преосвященный Анатолий избралъ Бессарабію; при выборѣ этого мѣста онъ принималъ въ соображеніе, какъ свое здоровье, требовавшее южнаго климата, такъ и близость къ родинѣ (Подоліи). Послѣ предварительныхъ совѣщаній съ своими друзьями, жившими въ Кишиневѣ, и сподобивъ съ тамошнимъ архипастыремъ—почти ровесникомъ Анатоліа по Кіевской академіи—Антоніемъ Шокотовымъ, онъ рѣшилъ поселиться въ Гербовецкомъ монастырѣ¹⁾. Но на первыхъ же порахъ

¹⁾ Этотъ монастырь—въ Оргеевскомъ уѣздѣ, въ 50-ти верстахъ отъ Кишинева. Основанъ въ 1730 г. Въ немъ есть знаменитая во всей Бессарабіи чудотворная икона Божіей Матери. За монастыремъ числится 2,414 дес. земли, изъ нихъ 200 д. лѣсу.

Первоначально Анатолий, по совѣту своего родственника и товарища по школѣ Ф. Т. Прибыльскаго, думалъ было поселиться въ принадлежащемъ вѣнцескому архіерейскому дому Гиржавскомъ монастырѣ (лежащемъ въ Оргеевскомъ уѣздѣ, въ 60 - ти верстахъ отъ Кишинева, близъ ручья Гиржавки); но тутъ встрѣтились нѣкоторые затрудненія, помѣшавшія этому намѣренію преосвященнаго. Дѣло въ томъ, что въ Кишиневѣ былъ одинъ протоіерей П—скій, близкій

пребыванія преосвященнаго на покой ему пришлось горько раскаяваться какъ въ томъ, что онъ вообще уволился на покой, такъ въ особенности въ томъ, что избралъ для этого покоя Гербовецкій монастырь... Проживъ въ немъ около двухъ лѣтъ, Анатолий не могъ долѣе выдерживать доставшагося ему удѣла, и вотъ онъ рѣшился написать въ одному высокопоставленному духовному лицу въ С.-Петербургъ письмо, которое мы и приведемъ въ подлинникѣ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Благомилостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ!

„Изнуренный трудами, обезсиленный, въ 1860 г. я вынужденъ былъ рѣшиться просить Св. Синодъ объ увольненіи меня отъ управленія Могилевскою епархіею, и, по совѣту врачей, удалился на югъ: потому что не имѣлъ въ виду примѣра, чтобы епархіальные архіереи были увольняемы на продолжительное время отъ исправленія своей должности: подобно тому, какъ увольняются правительствомъ свѣтскіе сановники. Оказалось, что, по причинѣ господствующихъ въ Бессарабіи лихорадокъ, климатъ ея чрезвычайно для меня вреденъ. При всемъ томъ, отдохнувъ отъ трудовъ, чувствую себя теперь здоровымъ, а многія самія воліющія побужденія заставляютъ меня отправиться въ

къ архіеп. Антонію,—землякъ, имѣвшій на него сильное вліяніе. И вотъ, рассказываетъ Прибыльскій (бывшій посредникомъ въ дѣлѣ Анатолия), началъ этого протоіерея интриговать: „Зачѣмъ вамъ, ваше п—во, эти хлопоты?... Вы себѣ еще бѣду наживете, принявши этого архіерея въ свой монастырь... Онъ будетъ все криковать—всѣ ваши распоряженія...“ Антоній началъ раздумывать; тогда, рассказываетъ Прибыльскій, я извѣстилъ Анатолия о перемѣнѣ мыслей Антонія. Анатолий, когда узналъ въ чемъ дѣло, былъ поставленъ въ щекотливое положеніе и поскорѣ самъ написалъ письмо Антонію въ томъ смыслѣ, что „п—де не зналъ, что Гиржавскій монастырь находится въ вашемъ непосредственномъ завѣдываніи, что я ни за что не рѣшусь затруднять въ чемъ бы то ни было ваше п—ство и что я готовъ жить въ какомъ угодно другомъ монастырѣ Бессарабіи...“ И вотъ ему опредѣлили монастырь Гербовецкій. См. „Матеріалы къ біографіи архіепископа Анатолия Мартыносцаго“ Л. С. Мацѣвича. Труды Кіевской Академіи, 1873 г., ноябрь, стр 510—511.

С.-Петербургъ. Не дерзаю исчисленіемъ ихъ утруждать вниманіе вашего высокопреосвященства; но припадая къ стопамъ вашимъ, Благомилостивѣйшій Архипастырь, смиреннѣйше прошу учинить распоряженіе о вызовѣ меня въ Петербургъ для занятія какимъ-либо дѣломъ: такъ какъ я еще могу трудиться; а за тѣмъ повелѣть дать мнѣ пристанище въ Александро-Невской лаврѣ.

Въ чувствѣ глубочайшаго, душевнаго, высокопочитанія и преданности пребываю, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Благомилостивѣйшій Архипастырь! Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій послушникъ Архіепископъ Анатолій. 1862 года, декабря дня^а.

Письмо это было переписано начисто самимъ Анатоліемъ—съ цѣлію отправить его въ Петербургъ. Но затѣмъ на томъ же письмѣ, собственноручно, но уже вчернѣ, сдѣлана Анатоліемъ еще слѣдующая прибавка:

„Кромѣ господствующихъ въ Бессарабіи лихорадокъ, коими я въ два года четыре раза страдалъ до того, что притупился мой слухъ—особенно на правое ухо, побуждаютъ меня удалиться изъ Бессарабіи между прочимъ и слѣдующія обстоятельства:

1. До прибытія въ Бессарабію увѣрили меня, что монастырь, въ которомъ состою, русскій; а онъ—молдавскій: въ немъ всѣ монахи и послушники—молдоване, кромѣ одного іеромонаха, который можетъ говорить порусски и служить подчасъ по русскимъ церковнымъ книгамъ литургію. Монашествующіе сплошь читаютъ и поютъ помолдавски; молдавское же пѣніе для непривычнаго слуха очень непріятно.

2. Въ монастырѣ нѣтъ теплой церкви, а морозы здѣсь съ половины ноября до апрѣля мѣсяца бываютъ очень чувствительныя.

3. Кругомъ монастыря, въ которомъ обитаю, на 60 верстѣ во всѣ стороны не найти лекаря.

4. Пламенное желаніе напечатать вѣкоторыя изъ моихъ сочиненій вторымъ и первымъ изданіемъ, хотя не для продажи въ мою пользу⁴⁾.

Намъ неизвѣстно въ точности, подалъ ли Анатолій это письмо по назначенію. Судя, впрочемъ, по другимъ его письмамъ (напр. къ Филарету Черниговскому) можно думать, что письмо это было отправлено преосвященнымъ по назначенію. Какъ бы то ни было, письмо это даетъ видѣть, что Анатолій рвался изъ своего покоя къ жизни, къ дѣятельности; ему хотѣлось, по крайней мѣрѣ, освободиться отъ заключенія въ глухомъ бессарабскомъ захолустьѣ. Скучно, тяжело было ему жить безъ привычной церковно-общественной дѣятельности. Отсутствіе послѣдней онъ старался восполнить литературной работой и съ этою цѣлію писалъ статьи о разныхъ современныхъ вопросахъ въ журвалахъ „Странникъ“, издававшемся его землякомъ и давнишнимъ пріателемъ В. В. Гречулевичемъ⁵⁾, и въ „Вѣстникѣ юго-западной

⁴⁾ Письмо это, обнаруженное Л. С. Мацѣвичемъ въ Трудахъ Кіев. Акад. за 1885 г., Ноябрь, стр. 498—499, хранится въ Церк.-арх. музеѣ при Кіевской дух. акад.

⁵⁾ Вслѣдствіе — Виталій, епископъ могилевскій и мстиславскій, а равне — протоіерей Василій Гречулевичъ и законоучитель въ пестербургскомъ институтѣ. Въ литературѣ извѣстенъ какъ авторъ „Сравнительнаго обзора Четвероевангелія“, проповѣдникъ (есть сборникъ его проповѣдей) и издатель журнала „Странникъ“. Будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Анатоліемъ, принималъ весьма дѣятельное участіе въ изданіи сочиненія послѣдняго (о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, вѣкоторыя, имѣющіяся у насъ подъ руками, и письма Анатолія, какъ къ о. Гречулевичу, такъ и другимъ лицамъ). Всѣ выдающіяся произведенія пр. Анатолія — суть изданія свщ. Гречулевича („объ отношеніяхъ Римской церкви“ и т. д...). Въ вѣкоторыхъ случаяхъ, по порученію и просьбѣ о. В. Гречулевича, Анатолій писалъ статьи для „Странника“ (такихъ статей можно находить въ Странникѣ не мало) и исполнялъ другія работы, напр. живописныя... Въ имѣвшемся у насъ подъ руками чернѣкѣ одного письма Анатолія къ Гречулевичу первый сообщаетъ объ исполненіи имъ, по заказу Гречулевича, одной художественной работы — вѣнкетки. „Не знаю, какъ вашему высокопреподобію покажется (пишетъ Анатолій) предлагаемая при семъ вѣнкетка, нарисованная по заказу вашему? Признаться, придумать, какъ нарисовать ее по вашей задачѣ, для меня труднѣе было, чѣмъ для Брюлова написание картины

и западной Россіи“, изданіи Говорскаго¹⁾). Печатавшіеся въ этихъ журналахъ публицистическія статьи Анатолія вышли впоследствии отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Досуги архіепископа Анатолія“ (1868 г. С.-Петербургъ)²⁾. Вына-

„Послѣдній день Помпея“. Вы изволите требовать нарисовать только крестъ и Евангеліе: я долго думалъ, какъ бы ихъ нарисовать. Пославивъ крестъ съ какой-либо стороны Евангелія, надлежало бы для симметріи нарисовать что-либо съ другой стороны. Что жъ нарисовать еромѣ скрижалей заповѣдей, да креста со змиемъ, тогда какъ подобнаго рода виньетки такъ обыкновенны, до того тривіальны, что не обращаютъ уже на себя никакого вниманія. Поэтому я рѣшился нарисовать виньетку въ такомъ видѣ, въ какомъ при семъ препровождается. Если вамъ она не нравится, то потрудитесь написать обстоятельно со всѣми подробностями: какъ вамъ нарисовать ее. Мнѣ же кажется, что посылаемая очень будетъ соответствовать требуемой цѣли“. Черныкъ письма хранится въ Церк.-арх. музѣвъ Кіев. дух. акад.

¹⁾ К. Говорскій, редакторъ - издатель „Вѣстникъ юго зап. и зап. Россіи“ въ Кіевѣ (въ 60-хъ г.), а затѣмъ въ Вильнѣ (съ выброскомъ въ названіи журнала „юго-западной“), извѣстенъ своею борьбою съ латино-польской пропагандой, каковою борьбою посвященъ былъ этотъ журналъ. Не особенно умѣло и удачно велъ онъ это изданіе, за то усиленно искалъ поддержки ему отовсюду. Жившій на покой Анатолій болѣе всѣхъ, кажется, былъ осажденъ со стороны Говорскаго разными просьбами. Изъ помѣщеннаго въ Кіевской Старинѣ (за 1862 г., Май) письма Говорскаго къ Анатолію можно видѣть, съ какою навязчивостію прибѣгаетъ онъ къ помощи тогдашняго Анатоліева кошелька. Справедливость требуетъ сказать, что при всѣхъ невзгодахъ, постигавшихъ Анатолія, послѣдній все же не отказывалъ ни въ матеріальномъ, ни въ литературномъ (черезъ бесплатное помѣщеніе многихъ своихъ статей въ журналѣ Говорскаго) содѣйствіи человѣку, котораго онъ, по своему добросердечію, считалъ борцомъ за святое дѣло (защиту православія и русской народности). Свое покровительство Говорскому Анатолій простиралъ даже до того, что брался защищать его, преслѣдуемаго своимъ ближайшимъ начальствомъ (въ бытность Говорскаго архиваріусомъ центрального архива Витебской и Могилевской епархій). Едва ли однако польская интрига, по крайней мѣрѣ, одна, навлекла на Говорскаго преслѣдованіе его ближайшаго начальства, какъ замѣчаетъ въ своей запискѣ „о латино-польской пропагандѣ“ арх. Анатолій (Кіевск. Стар., 1864 г., Іюнь, стр. 220); виною въ этомъ случаѣ были и доносъ Говорскаго въ Петербургъ на это самое начальство.

²⁾ Въ сборникѣ разныхъ статей Анатолія (большею частью публицистическаго характера), извѣстный подъ именемъ „Досуги архіеп. Анатолія“, вошли слѣдующія произведенія пера его: изъ печатавшихся ранѣе—брошюра „объ иконописаніи“ и аллегорическая повѣсть „Пегреринъ“; а изъ писанныхъ на покой (съ 1860—1868 гг.)—„Гербовецкая икона Божіей Матери“, „нѣсколько словъ о чудесахъ всемогущества и промысла Божія“, „науки“, „астрономія и человѣкъ“,

тельно слѣдя за ходомъ современной ему жизни, Анатолій чутко отзывался на тѣ или другіе выдвигаемыя жизнью вопросы. Защищая въ своихъ статьяхъ интересы церкви и отечества, онъ въ то же время оживлялся малѣйшимъ привакомъ того, что для литературной дѣятельности пастали лучшія времена. Съ радостнымъ чувствомъ онъ привѣтствуетъ по сему случаю Филарета Черниговскаго. Въ письмѣ къ нему отъ 1862 года Анатолій пишетъ между прочимъ: „Другой разъ наслаждался чтеніемъ „Православнаго догматическаго богословія“ вашего высокопреосвященства, сознаю себя обязаннымъ принести и отъ всего моего сердца и души приношу глубочайшую благодарность за душевное, неизъяснимо пріятное наслажденіе, которое ощущаю, читая это безцѣнное произведеніе трудовъ вашихъ“. Отмѣтивъ затѣмъ достоинства этого сочиненія, Анатолій продолжаетъ: „меня восхищаетъ и то, что ваше богословіе издано просто съ разрѣшенія комитета Кіевской духовной цензуры, а не по одобренію Св. Синода. Ибо къ чему это одобреніе, когда были примѣры, что Св. Синодъ воспрещалъ употребленіе разныхъ книгъ, которыя прежде того дозволилъ напечатать? Кромѣ того извѣстно, что тѣ, коимъ поручаемо было Св. Синодомъ разсмотрѣть и представить мнѣніе о какомъ-либо сочиненіи, опасаясь попасть въ просакъ или выставить себя не свѣдущими, не умѣющими критиковать, каждое разсмотрѣнное ими сочиненіе обыкновенно не одобряли вполнѣ или судили объ немъ по предвзятымъ неоснова-

„о воспитаніи внѣшества“, „совѣсть“, „гласность“, „мысли по случаю современныхъ толковъ о духовныхъ семинаріяхъ и духовенствѣ отечественной церкви“, „мысли по случаю учрежденія губернскихъ комитетовъ для изысканія средствъ къ улучшенію быта приходскаго православно. духовенства“, „мысли по случаю вновь учрежденнаго въ 1875 г. миссіонерскаго общества“, „религіозная и общественная жизнь евреевъ въ западныхъ областяхъ Россіи“, „старческія воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ, совершавшихся въ западныхъ областяхъ Россіи и въ царствѣ польскомъ съ 1793 г. по настоящее врѣмя“.

Съ содержаніемъ этихъ статей мы надѣемся познакомитъ читателя во 2-й ч. нашего изслѣдованія.

тельшимъ мнѣніемъ¹⁾... Въ своемъ отвѣтѣ Анатолію преосвященный Филаретъ однако не вполне согласился со взглядомъ на цензуру нашего преосвященнаго. „Вы напрасно думаете, пишетъ Филаретъ послѣдному, что Догматика не проходила сквозь терку цензуры синодальной и академической. Исторія похождевій ея длинна. Согласенъ съ вами, что высшія облегченія цензуры имѣють хорошую сторону. Но убѣжденъ и въ томъ, что цензура умная и благонамѣренная нужна. Она тяжела бываетъ для авторскаго самолюбія: но за то книги могутъ являться небезполезны или невредныя“. Выказавъ взглядъ на цензуру благосклонный, не въ томъ Анатолію, преосвященный Филаретъ проситъ послѣдняго сообщить ему о своей жизни на покой. „Скорби времени доводили душу мою, пишетъ онъ Анатолію, до желанія оставить управленіе епархіею. Но мнѣ указали на то, что наше высокопреосвященство жалѣете о способѣ избраніи уединенной жизни. Правда ли послѣднее? Мнѣ бы желалось слышать отъ васъ самихъ извѣстіе о состояніяхъ души вашей. Надобно намъ учиться и учиться. Всего труднѣе звать самого себя. Самолюбіе слишкомъ много скрываетъ меня отъ меня самого. Примѣры иногда просвѣтляютъ взоръ души на себя самую“. Анатолій съ отвѣтомъ не спѣшилъ и о цензурѣ болѣе не поднималъ вопроса. „Старческое разслабленіе и отдышка о сию пору не дозволили мнѣ отвѣчать на почтеннѣйшее писаніе ваше—извинился Анатолій.—Вотъ отвѣтъ. Въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Бессарабіи, я порывался куда-либо переселиться изъ нея: потому что въ это время перенесъ шесть лихорадокъ самыхъ томительныхъ; преимущественно же я желалъ побывать въ Петербургѣ для того, чтобы подъ своимъ наблюденіемъ издать по моему плану и вкусу хотя нѣкоторыя изъ издѣлій пера моего. Желаніе

¹⁾ Письмо это помѣщено на страницахъ Кіевской Старины за 1862 г., Май, стр. 233—234.

мое не осуществилось. Затѣмъ съ 1863 г. меня не удручала ни малѣйшая болѣзнь, кромѣ одышки и старческаго бессилія. При всемъ томъ, какъ скоро хотя немного прихожу въ силу, тотчасъ занимаюсь какимъ-либо сочиненіемъ, и тогда только скучаю, когда не могу придумать, о чемъ бы писать; а придумать это тѣмъ труднѣе, что моя библиотека скудна, а въ Кишиневской семинаріи такая ничтожная, ничтожнѣе которой я не видѣлъ ни въ одной семинаріи. Если бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ и рѣшился просить объ увольненіи отъ управленія епархією, то поселился бы вблизи какой-либо духовной академіи и занимался бы изданіемъ еще новыхъ такихъ драгоценныхъ сочиненій, какими ваше высокопреосвященство надѣлили св. церковь¹⁾.

Какъ можно видѣть изъ содержанія приведеннаго нами письма Анатолія, литературный трудъ составлялъ для него насущную потребность. Обычнымъ занятіемъ преосвященнаго въ его одиночествѣ было чтеніе выписываемыхъ имъ на свой счетъ книгъ, журналовъ и газетъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ²⁾. На ряду съ этимъ время отъ времени онъ брался за перо и письменю излагалъ свои мысли о тѣхъ или иныхъ предметахъ. Будучи печатаемы въ періодическихъ изданіяхъ, послѣднія дѣлались затѣмъ достояніемъ общества³⁾.

¹⁾ Киевская Стар., 1882 г., май, стр. 234.

²⁾ Особенно любилъ преосвященный читать книги и журналы на французскомъ языкѣ, которому онъ основательно научился уже на старости лѣтъ (въ послѣднее время пребыванія въ Могилевской губ.). Много труда, по отзывамъ лично знавшихъ преосвященнаго, стоило ему изученіе этого языка на старости лѣтъ. Какъ можно видѣть изъ переписки Анатолія со многими лицами, онъ охотно дѣлился получаемыми имъ французскими книгами и журналами со всѣми, кто только просилъ ихъ у него.

³⁾ Кромѣ указанныхъ нами раньше статей Анатолія, составившихъ „Досуги архіеп. Анатолія“, имъ, по полученнымъ нами частнымъ извѣстіямъ, приготовлено было къ печати еще нѣсколько произведеній. Оставшіяся по смерти преосвященнаго рукописи были, по слухамъ, разобраны частію монахами монастыря, частію родственниками почившаго архипастыря; до сихъ поръ только небольшая часть рукописныхъ сочиненій Анатолія появилась въ печати. Такъ, въ Анатоліи Мартыновскій.

На ряду съ новыми литературными работами преосвященнаго Анатолія въ сильной степени занимало изданіе его прежнихъ сочиненій. Для лучшаго выполненія этого завѣтнаго желанія своего онъ не разъ испрашивалъ дозволенія отправиться въ Петербургъ. При этомъ, по частнымъ извѣстіямъ, онъ имѣлъ въ виду получить тамъ и мѣсто цензора. Какъ бы то ни было, только поѣздка въ Петербургъ представлялась Анатолію крайне желательною и даже необходимою. Въ своемъ письмѣ къ одному высокопоставленному іерарху русской церкви, вызванному въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ (можетъ быть кievскому митрополиту), Анатолій такъ мотивируетъ причину своей поѣздки въ Петербургъ ¹⁾.

„По письмамъ моимъ вашему высокопреосвященству истекшаго еще 1861 года извѣстно, что я имѣю нужду въ изданіи моихъ сочиненій, нѣкоторыхъ во второмъ и третьемъ изданіи, а нѣкоторыхъ въ первомъ, что желалъ, чтобы это изданіе произведено было по моимъ мыслямъ и вкусу. Увольняясь отъ управленія епархіей, я полагалъ, что не буду имѣть никакой нужды въ личномъ надсмотрѣ за предполагаемымъ изданіемъ: потому что редакторъ журнала Странникъ, протоіерей Василій Гречулевичъ, болѣе чѣмъ за три года до выѣзда моего изъ Могилева обѣщаль мнѣ тщательно заняться печатаніемъ издѣлій моего пера, и я въ

журналѣ Кіевская Старина за 1884 г., Іюнь, помѣщены были слѣдующія рукописныя произведенія Анатолія: „Мои мысли и наблюденія нравовъ человеческихъ (но не для всѣхъ)“, „Министерство государственныхъ имуществъ и государственныхъ вѣстий“, „Латинско-польская пропаганда“, „Еврейскій вопросъ“.

¹⁾ Изложенію причинъ своей поѣздки въ Петербургъ Анатолій предпосылаетъ краткое привѣтствіе высокопоставленному іерарху въ званіи члена Св. Синода. „Наконецъ и я, пишетъ Анатолій, получилъ вѣрное извѣстіе, что ваше выс—ство отправились въ Петербургъ и въ немъ пребываете. Бить можетъ вашему святительству неприятно это обстоятельство, но простите мнѣ, я радуюсь, что въ вашемъ лицѣ церковь будетъ имѣть представителя своего въ верховномъ соборѣ ея пастырей, такъ какъ едва ли когда церковь имѣла такую нужду въ мужахъ совѣта, какъ въ настоящее время“. Занимъ слѣдуютъ привѣтствіе „съ новымъ поприщемъ служенія св. церкви“ и просьба Анатолія. Писано въ 1862 г. Черныя письма хранятся въ музеѣ Кіев. дух. акад.

полной надеждѣ, что онъ исполнить свое обѣщаніе, отправилъ къ нему не мало своихъ рисунковъ для политипажей, коими хотѣлъ украсить бѣдныя мои произведенія. Но вотъ проходитъ уже второй годъ послѣ моего выѣзда изъ Могилева, а протоіерей Гречулевичъ не думаетъ, да и не можетъ, занявшись изданіемъ журнала Странникъ, исполнить данное мнѣ обѣщаніе, даже пересталъ отвѣчать на мои по сему предмету письма, а теперь, какъ слышу, онъ опасно боленъ и отправился для поправленія здоровья на родину. Все это настоятельно побуждаетъ меня для сказанной цѣли отправиться въ Петербургъ. Нужнымъ считаю присовокупить, что я о сию пору не продавалъ, и теперь не думаю отдавать въ продажу моихъ сочиненій и обыкновенно выдавалъ издателю ихъ въ пособіе своихъ по вѣскольку сотенъ рублей и за то получалъ отъ него отпечатанныхъ книгъ по означенной имъ цѣнѣ только такое количество, которое равнялось сказанному мною пособію, а прочія книги предоставлялъ издателю продавать въ свою пользу. Желалъ бы такимъ образомъ поступить и теперь, и для этой цѣли отправиться въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что личное мое хожденіе по этому дѣлу можетъ быть побудило бы и цензуру быть снисходительнѣе къ произведеніямъ моего пера и сговорчивѣе, тогда какъ представляя свои сочиненія въ цензуру по почтѣ, чрезвычайно трудно дожидаться ея рѣшенія. Такъ, между прочимъ, напечатанныя однажды, затѣмъ исправленныя мною и дополненныя мои записки о римской церкви, болѣе четырехъ лѣтъ состояли въ разсмотрѣніи ихъ одесскимъ преосвященнымъ Димитріемъ и я о сию пору не знаю, какаѣ судьба ихъ и куда они дѣвались¹⁾. Хотя преосвященному,

¹⁾ Въ другомъ своемъ письмѣ—къ архіеп. смоленскому Автоноію—Автоноіи сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее по поводу вторичнаго изданія „Записокъ о Римской Церкви“. „Въ 1858 г. издатель моихъ издѣлій священникъ Василій Гречулевичъ настойчиво просилъ меня согласиться на вторичное изданіе „Записокъ о Римской Церкви“. Съ этою цѣлю я внимательно прочиталъ рѣченныя записки, исправилъ множество вѣрившихся въ нихъ ошибокъ, подерѣпилъ

при всемъ его желаніи, и не удалось побывать въ С.-Петербургѣ, тѣмъ не менѣе задуманное имъ дѣло—изданіе нѣкоторыхъ своихъ сочиненій онъ довелъ до конца. Такъ имъ были изданы на покоѣ слѣдующія сочиненія: „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“ (изд. 2-е въ 1864 г.); „Вѣра, надежда и любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“ (изд. въ 1862 и 1867 гг.); брошюра „объ иконописаніи“ (въ 1867 г.); „Слова, бесѣды и рѣчи на воскресные дни и по особымъ случаямъ“, IV и V части (въ 1866 г.); „покаяныя воздыханія для говѣющихъ“ (1861 г.); „Наставленіе приходскаго священника пріемлющимъ святыя таинства“ (въ 1864 г.); „Скорби и утѣшенія Богоматери“ (въ 1868 г.) и т. п.. На изданія этихъ сочиненій Анатолій тратилъ большую часть получаемой имъ отъ правительства пенсіи (въ размѣрѣ 2,000 руб.), а также свои прежнія сбереженія. И все это онъ дѣлалъ главнымъ образомъ для того, чтобы быть полезнымъ своей родинѣ. „Въ изданіи моихъ сочиненій, писалъ онъ въ Петербургѣ, не имѣю ни малѣйшей корыстной мысли, хотя намѣренъ издать ихъ на свой счетъ, но вовсе не думаю выручать за нихъ денегъ, какъ не выручалъ и за прежде напечатанныя... Особенно хотѣлось бы мнѣ напечатать на свой счетъ и отправить въ консисторію моей родины мои проповѣди и бесѣды для безмезднаго надѣленія ими всѣхъ приходскихъ церквей Подольской епархіи“¹⁾). Нѣсколько намъ извѣстно, преосвященный по мѣрѣ возможности и исполнилъ свое завѣтное желаніе

сужденія и событія, прописанныя въ тѣхъ запискахъ, множествомъ новыхъ примѣчаній и свидѣтельствъ самыхъ авторитетныхъ писателей римской церкви и съ записками объ этой церкви, первоначально изданными, препроводилъ Гречулевичу; онъ представилъ ихъ Св. Синоду; Синодъ поручилъ дать свое мнѣніе объ нихъ преосвященнѣйшему Дмитрію; Дмитрій другой годъ уже критикуетъ ихъ, постоянно утверждая, что надо выбросить изъ Записокъ нѣкоторыя главы, особенно главу объ избраніи папъ...“ . Кіевская Стар., 1884 г., Іюнь, стр. 236.

¹⁾ Отрывокъ изъ какого-то письма Анатолія въ Петербургъ помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1882 г., Май.

ніе относительно родины: многія приходскія церкви Подольской епархіи онъ безмездно надѣлилъ своими сочиненіями и, преимущественно, проповѣдями¹⁾. Кромѣ того имъ было

¹⁾ Въ церковь же села Хрустовой, гдѣ Анатолій пролезь первые годы дѣтства, онъ сдѣлалъ очень много цѣнныхъ пожертвованій иконами, утварью, деньгами и пр. Такъ, изъ описанія хрустовскаго храма, составленнаго священникомъ о. Андреемъ Лявлинскимъ, видно, что въ 1855 году преосвященнымъ Анатоліемъ пожертвованъ въ церковь с. Хрустовой весьма художественный образъ св. Аліпія, иконописца печерскаго (образъ имѣетъ три аршина длани и аршинъ и три четверти шарину), находящійся при сѣверной сторонѣ храма. Въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, въ иконостасѣ, такой же точно величины образъ: Распятіе Спасителя на крестѣ, присланный преосв. Анатоліемъ въ 1857 г. Тамъ же выше образа Распятія, находится поясной образъ Спасителя, сдѣланный въ италянскомъ стилѣ, производящій издали особенное дѣйствіе, пожертвованный преосвященнымъ въ 1856 г. Въ алтарѣ, при сѣверной стѣнѣ, образъ препод. Сергія, радонскаго чудотворца, а при южной—архистратига Михаила, пожертвованные преосвященнымъ въ 1859 году. Кромѣ этихъ образовъ, присланныхъ въ хрустовскую церковь изъ г. Могилева, преосв. Анатолій проѣздомъ 1860 г. въ г. Кишиневъ посѣтилъ 18 октября храмъ въ с. Хрустовой, гдѣ, по выслушаніи божественной литургии и по молитвѣ надъ гробами своихъ родителей, вручилъ еще два образа: Рождества Христа Спасителя и Ангела апокалипсическаго съ факеломъ и кадильницею въ рукахъ. Образъ Ангела въ вызолоченныхъ рамахъ помѣщается надъ дверью при южной стѣнѣ храма, а образъ Рождества Спасителя въ иконостасѣ, по правую сторону намѣстныхъ иконъ.

Изъ утвари заслуживаютъ особеннаго вниманія, по своему украшенію и цѣнности, сдѣлающіе пожертвованные преосв. Анатоліемъ предметы:

а) Большое св. Евангеліе въ лѣствѣ изданія 1855 г., обложенное маляновымъ бархатомъ, украшенное вызолоченною 84 пробы серебряною доскою съ такими же четырьмя подставками, гдѣ съ лицевой стороны изображенія на эмалі Воскресенія Господня и четырехъ Евангелистовъ обложены крупнымъ горнымъ хрусталемъ, въ золотомъ обрѣзѣ. Пожертвовано преосв. Анатоліемъ въ 1856 г. На начальныхъ страницахъ св. Евангелія рукою преосвященнаго написано такъ: „въ память и во отущеніе грѣховъ священника села Хрустовой Василія Мартыновскаго и супруги его, урожденной Соколовской, внесено сіе Евангеліе въ церковь села Хрустовой 1856 г., мѣсяца сентября“.

б) Большая серебряная 84-й пробы, внутри и снаружи вызолоченная чаша, вѣсу два фунта и десять съ половиною лотовъ, обдѣланная барельефною чеканною работою съ изображеніемъ страданій Господнихъ.

в) Серебряный 84 пробы вызолоченный дискосъ, вѣсу пятьдесятъ шесть съ половиною золотниковъ.

г) Серебряная 84 пробы вызолоченная лжица, вѣсу двѣнадцать съ половиною золотниковъ.

д) Два серебряныхъ 84 пробы вызолоченныхъ блюда, семь золотниковъ.

пожертвовано болѣе 600 названій разныхъ книгъ и брошюръ въ библіотеку Подольской духовной семинаріи и болѣе 1000 экземпляровъ книжекъ подъ заглавіемъ: „Наставленія приходскаго священника при совершеніи святыхъ таинъ“ въ подольское епархіальное попечительство¹⁾.

Будучи сильно привязанъ къ родинѣ, Анатолій желалъ по крайней мѣрѣ умереть въ ней и для этого просилъ о переводѣ его въ подольскій шаргородскій монастырь; но ему предложили проситься въ какой-либо монастырь среднихъ епархій, на что онъ однако не согласился.

Тяжелы и мучительны были для Анатолія годы пребыванія его на покой: не разъ тосковалъ онъ по прежней своей службѣ на кафедрѣ епископа. Даже столь любимы имъ литературныя занятія не могли наполнить его души, жаждавшей церковно-общественной дѣятельности. Объ этихъ душевныхъ мукахъ Анатолія, объ этой тоскѣ его по прежней службѣ узнавали по временамъ его собратья—нѣкоторые высокопоставленные іерархи. Такъ, преосвященный Евсевій Орлинскій, преемникъ Анатолія въ Могилевской епархіи, въ письмѣ своемъ отъ 15 сентября 1862 г. къ преосвященному Антонію Шокотову, правившему тогда Бессарабіей,

е) Ручной напрестольный 84 пробы серебряный вызолоченный св. Крестъ, на которомъ изображенія на эмали обложены крупнымъ горнымъ хрусталемъ. Все это пожертвовано преосвященнымъ въ 1855 году.

Кромѣ этого преосвященнымъ пожертвовано много ризъ (золотыхъ глаголющихъ), поручей, поясовъ и т. п. Въ храмѣ сохраняется большая серебряная медаль, выбитая по Высочайшему повелѣнію, въ память воссоединенія униатовъ съ православною церковью, работы извѣстнаго художника Уткина, подарокъ преосв. Анатолія. См. Историко-статистическое описаніе села Хрустовой Ольгопольскаго уѣзда Подольской епархіи. Подол. Епарх. Вѣд., 1862 г., № 16, ч. неоффиц.

¹⁾ Последнія книжечки пожертвованы преосв. Анатоліемъ съ тою цѣлю, чтобы на вырученныя отъ продажи ихъ суммы увеличить денежный фондъ подольскаго епархіальнаго попечительства.

За пожертвованія Анатоліемъ въ Подольскую семинарію книги ему была объявлена признательность Св. Синода, а также правленія этой семинаріи. См. Указъ Св. Синода отъ 24 апрѣля 1869 г., отношеніе Подольской семинаріи отъ 24 іюля 1868 г. Рукописи Муз. Азѣд.

говорить, между прочимъ, слѣдующее: „Владыка—вашъ со-
сѣдъ преосвященный Анатолий повидимому скучаетъ своимъ
положеніемъ. А я думалъ было видѣть въ немъ примѣръ
мирнаго дозрѣванія для переселенія въ житницу небесную!
И въ этомъ не мало пазиданія. Такова земная жизнь, и
такова наша природа“¹⁾).

Какъ бы къ доворшенію бѣдственной участи Анатолія
для него весьма неблагопріятно сложилась и внѣшняя жизнь
на покой. Пока былъ настоятелемъ Гербовецкаго монастыря
архимандритъ Іеронимъ Гепнеръ, преосвященному жилось
на покой еще кое-какъ. Будучи самъ высокообразованнымъ
человѣкомъ²⁾, этотъ настоятель относился къ Анатолію съ
глубокимъ уваженіемъ, видя въ немъ не только святителя,
но и выдающагося ученостью мужа. Совершенно иначе
сталъ относиться къ Анатолію преемникъ Іеронима, архи-
мандритъ Н. Давилевскій (бывшій протоіерей Кишинев-
скій). По сообщенію разныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ
дневникѣ Л. С. Мацѣвича (Труд. Кіев. Акад., 1883 г., Ноябрь),
это—была личность невѣжественная и грубая. Этотъ на-
стоятель Гербовецкаго монастыря, по отзыву многихъ,
страшно притѣснялъ Анатолія; послѣдній же, хотя и былъ
главнымъ лицомъ въ монастырѣ, но по своей скромности
ни во что не вмѣшивался. Онъ долженъ былъ имѣть мона-
стырскій столъ даромъ, а между тѣмъ онъ еще своихъ 500
рублей платилъ монастырю—и все-таки его кормили очень
плохо. Не обращали рѣшительно никакого вниманія на при-
способительность стола въ его старческому желудку: кор-
мили его больше всего фасолью. „*Miserum grandium*“! ти-
хонько говоритъ онъ бывало, получая обѣдъ изъ подобныхъ
блюды³⁾. Бывало, рассказываютъ, только и живетъ профо-

¹⁾ Приведенный отрывокъ изъ письма Евсеія Орлинскаго помѣщенъ въ
Труд. Кіев. Дух. Ак. за 1883 г., Ноябрь, стр. 500.

²⁾ Архим. Іеронимъ Гепнеръ, род. вѣмецъ, сначала обучался въ Дерпт-
скомъ университетѣ, а затѣмъ—въ Кіевской академіи.

³⁾ См. Дневникъ Л. С. Мацѣвича, помѣщенный въ Трудахъ Кіевской
Акад. за 1883 г., Ноябрь, стр. 502.

рой, растворить ее въ водѣ и ѣсть... Не лучше содержаніи было и обхожденіе съ Аватоліемъ, какъ самого настоятеля, такъ и монастырской братіи. Подъ конецъ жизни Аватолій сталъ глухъ и надъ нимъ насмѣхался невѣжда Данилевскій. Что-нибудь начнетъ говорить Аватолій, — а тотъ помолдавски въ отвѣтъ: спуви минь шюнь (т. е. глупости говорить), и окружающіе монахи смѣются отъ удовольствія. По примѣру своего настоятеля и монастырская братія пренебрежительно относилась къ этому состарѣвшемуся льву, какъ выразилось одно лицо въ дневникѣ Л. С. Мацѣевича (о. Феодоръ Лашковъ). И все это, всѣ эти обиды и огорченія переносились преосвященнымъ Аватоліемъ съ удивительнымъ смиреніемъ и безропотностію. Никому онъ не жаловался на свое положеніе. Какъ-то дошли слухи о неприглядномъ житіи бытіи Аватолія въ Гербовцахъ до архіепископа Антонія (Шокотова), — тотъ пріѣхалъ туда и сталъ спрашивать его: правда ли? — Нѣтъ, — отвѣчалъ Аватолій, мнѣ тутъ очень хорошо, — со мною обращаются какъ нельзя лучше, и обѣдъ у меня самый обильный. О томъ же спрашивалъ Аватолія и викарій Кишиневской епархіи, преосвященный Петръ (временно правившій епархіей по смерти Антонія), а также преосвященный Павелъ, преемникъ Антонія по кафедрѣ. И что же мы видимъ? Когда преосвященный Петръ, пріѣхавши разъ въ Гербовецъ, сталъ говорить Аватолію; что „вотъ я слышалъ, что Ваше Преосвященство здѣсь обижаютъ“..., то Аватолій даже обидѣлся... „Какъ? отвѣтилъ онъ, развѣ я самъ не могу оградить своихъ правъ? Я самъ еще способенъ себя защищать... никто меня не обижалъ и не обижаетъ“¹⁾. Таже исторія повторилась и при распросахъ о притѣсненіяхъ (Аватолія) преосвященнымъ Павломъ Кишиневскимъ. Можетъ быть пре-

¹⁾ См. помѣщенныя въ дневникѣ Л. С. Мацѣевича рассказы объ Аватоліи о. Феодора Лашкова, Н. М. Вертоградова, Ф. Т. Прибыльскаго и др. Труды Кіев. Акад. ноябрь, 1883 г. стр. 502—514.

освященный Анатолий не считалъ удобнымъ жаловаться на своихъ притѣснителей и въ виду того, что отъ этого могла произойти для него новая бѣда. Стали бы по поводу его жалобы производить разслѣдованіе: обвиняемые стали бы, по обыкновенію, оправдываться, что они хорошо, напр., кормить преосвященнаго Анатолія, что послѣдній жалуется несправедливо и пр. и пр.—однимъ словомъ—новыя неприятности могли бы выйти для Анатолія... Весьма возможно, повторяемъ, что собственное благоразуміе и осторожность побуждали преосвященнаго умалять о причиняемыхъ ему притѣсненіяхъ; но нельзя не признать и того, что здѣсь въ сильной степени сдѣлались характеристическія черты личности Анатолія: кротость и дѣтское незлобіе. По словамъ самихъ монаховъ Гербовецкой обители, преосвященный въ терпѣливомъ перенесеніи обидъ былъ смиреннѣе всякаго послушника. Мало этого: слѣдуя высокой заповѣди Спасителя—воздавать добромъ за зло—Анатолій старался принести посильную пользу столь негостепримно принявшему его монастырю. Такъ, онъ явился защитникомъ интересовъ монастыря въ дѣлѣ отчужденія монастырской земли жителями сосѣднихъ селъ—Онишкамъ, Хировой и Хирашенъ¹⁾. Во многихъ письмахъ своихъ къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ (напр., Оберъ-Прокурору Св. Синода, графу Д. А. Толстому и др.) онъ просилъ послѣднихъ оказать свое благосклонное содѣйствіе и покровительство дѣлу Гербовецкой обители. Мы не имѣемъ свѣдѣній на счетъ того, успѣлъ ли Анатолій въ своемъ ходатайствѣ за мона-

¹⁾ Дѣло объ отчужденіи монастырской земля велось болѣе 50 лѣтъ безъ всякаго успѣха для монастыря. Незадолго до прибытія Анатолія въ Гербовецъ оно было рѣшено въ пользу крестьянъ межевымъ департаментомъ Сената, который, по словамъ Анатолія, не принялъ даже во вниманіе голоса по этому дѣлу товарища оберъ-прок. Св. Синода. Посредничество въ этомъ дѣлѣ Анатолія состояло въ томъ, чтобы перевести давнишній процессъ монастыря съ крестьянами въ общее собраніе Сената. См. черновыя письма Ават. къ оберъ-прок. Св. Синода и др. лицамъ. Рукописи Церк.-арх. музея Кіев. дух. Акад.

стырь—такъ какъ этого не видно изъ его переписки съ разными высокопоставленными лицами. Одно для насъ несомѣнно, это—что онъ принималъ сердечное участіе въ судьбахъ вѣрнной его попеченію Гербовецкой обители. Не смотря на оказанный ему монастыремъ суровый приѣмъ, онъ все же сильно любилъ это мѣсто своего добровольнаго заключенія. Нагляднымъ доказательствомъ этой любви служить и тотъ фактъ, что онъ пожертвовалъ въ пользу монастыря 500 рубл., проценты съ которыхъ должны были идти на содержаніе монастырской братіи. Помогалъ также деньгами въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ монастырской жизни: когда въ монастырѣ, напр., не уродилъ однажды ячмень, то преосвященный въ теченіи цѣлаго года давалъ ему деньги на покупку ячменя. Но преосвященный оставилъ по себѣ въ Гербовецкой обители и иного рода память. Какъ извѣстно, онъ устроилъ для себя въ своихъ комнатахъ, именно—въ залѣ, домашнюю церковь, украшенную иконами собственной живописи. Иконостасъ весь былъ его работы¹⁾. По описанію лицъ, видѣвшихъ эту домашнюю церковь преосвященнаго Анатолія, она представляла собою много выдающагося въ художественномъ отношеніи. Нѣкоторыя иконы кисти преосвященнаго удовлетворяютъ требованіямъ настоящихъ цѣнителей и знатоковъ церковной живописи. Да и что удивительнаго въ этомъ: вѣдь преосвященный и самъ былъ истымъ художникомъ, преврасно знавшимъ церковную живопись, какъ въ теоріи, такъ и на

¹⁾ Какъ передавало намъ одно лицо, осматривавшее лѣтомъ 1883 г. означенный иконостасъ, послѣдній составляли слѣдующія иконы: 1) Спасителя, 2) Божіей матери, 3) св. Георгія Побѣдоносца, 4) св. Великомуч. Варвары, 5) св. Василія Великаго, 6) препод. Мазарія Египетскаго и еще двѣ. Святые на этихъ иконахъ представлены строгими аскетами, облеченными въ грубую (въ Восточномъ вкусѣ) одежду; одни изъ нихъ изображены живописцемъ со взорами, обращенными вдаль, благоговѣнно созерцающими въ видной природѣ величіе Божіе, а другіе—со взорами, смиренно потупленными долу... По своимъ размѣрамъ всѣ иконы одинаковой величины: каждая имѣетъ 1 арш. и 13 вершковъ въ длину и 1 арш. въ ширину.

практикѣ¹⁾). Какъ же отнесся монастырь къ перешедшему во владѣніе его цѣнному дару преосвященнаго? Съ прискорбіемъ приходится отмѣтить слѣдующій весьма печальный фактъ въ лѣтописи монастыря. По смерти Анатолія, извѣстный уже намъ настоятель монастыря, о. Н. Давилевскій, велѣлъ разобрать — и вообще уничтожить домашнюю церковь почившаго архипастыря. Иконостасъ со всѣми иконами былъ вынесенъ, по словамъ одного очевидца, куда-то на хоры... Зала же, гдѣ была церковь, обращена послѣ въ училище для приходскихъ поселянскихъ дѣтей.. Училище — доброе дѣло: но ужели нельзя было найти или устроить другое помѣщеніе для него, не трогая церкви²⁾?)

Тихо и незамѣтно уходили послѣдніе дни пребыванія Анатолія на покой. Жизненный путь преосвященнаго уже близился къ концу. Душевная неудовлетворенность въ соединеніи съ Бессарабской лихорадкой въ ковецъ надломили здоровье Анатолія. Въ письмѣ къ архимандриту Филарету, ректору Кіевской Академіи, приглашавшему его къ участию въ академическомъ юбилеѣ 1869 г., — оня писалъ между прочимъ: „принимая всегда живѣйшее участіе въ судьбахъ Академіи, я бы теперь полетѣлъ, чтобы хотя взглянуть на

¹⁾ Желающіе хотя отчасти познакомиться съ рисовальнымъ искусствомъ пр. Анатолія могутъ видѣть нѣкоторые рисунки его въ Церк.-арх. музеѣ Кіев. дух. Акад. (присланы Л. С. Мацѣвичемъ).

²⁾ Въ виду полнѣйшаго небреженія со стор. монастыря къ иконостасу Анатолія, нельзя не отнестись съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ предложенію одного лица (С. К. К. Р.), дѣланному монахамъ, — возстановить домашнюю церковь Анатолія, поставивъ на мѣстѣ все какъ было при немъ. Это можетъ привлечь въ монастырь не мало благочестивыхъ посѣтителей, которымъ любопытно будетъ взглянуть, какъ на мѣсто послѣднихъ подвиговъ Анатолія, такъ и на произведенія его вѣсти. Заслуживаетъ также вниманія и мысль Л. С. Мацѣвича о томъ, чтобы передать иконостасъ въ музей Кіевской Академіи — въ память о знаменитомъ ея воспитаникѣ архіеп. Анатоліѣ. Во всякомъ случаѣ весьма желательно видѣть перемѣну въ судьбѣ иконостаса. Труды Кіевской Акад. 1863 г. ноябрь, стр. 315—16.

зданія ея ¹⁾). Но я совершенно разслабленъ, немощенъ во всѣхъ отношеніяхъ, безсиленъ, по вся дни умираю, а теперь терзаюсь мучительной лихорадкой, почему доведенъ до рѣшительной невозможности отправиться въ Кіевъ ²⁾). Къ концу жизни Анатолій почти лишился слуха и зрѣнія. Когда за годъ до смерти самъ не въ состояніи былъ уже совершать службъ церковныхъ, то желалъ, по крайней мѣрѣ, слушать ихъ. Для этого лѣтомъ два діакона водили его въ общую монастырскую церковь, а зимою служили въ его домовою церкви. Черезъ каждыя двѣ недѣли преосвященный обыкновенно исповѣдывался и приобщался св. Таинъ. Большую часть дня онъ проводилъ въ молитвѣ; даже и во снѣ лежа произносилъ молитвы почти всю ночь. Это обстоятельство часто привлекало къ его постели любопытныхъ ~~людей~~ ^{инокъ}, по цѣлымъ часамъ наблюдавшихъ сонное моленіе архіепископа и дивившихся знанію наизусть всѣхъ службъ церковныхъ. Незадолго до смерти преосвященный сильно занемогъ: „все, говорилъ, у меня болитъ“ ³⁾). Наконецъ, послѣ непродолжительной мучительной болѣзни послѣдовала

¹⁾ Съ этихъ зданій онъ снялъ когда-то прекрасный рисунокъ, хранившійся теперь у Л. С. Мацѣевича. По словамъ послѣдняго, извѣстная, несуществующая теперь галлерей старого корпуса производить особенно пріятное впечатлѣніе.

²⁾ Въ знакъ своего искренняго сочувствія къ юбилейному торжеству Кіевской Академіи пр. Анатолій препроводилъ къ ней картину при слѣд. словахъ: „Можетъ быть въ зданіяхъ академіи найдется гдѣ-либо для нея мѣсто (она находится теперь въ домовою академіи церкви). На ней художникъ хотѣлъ изобразить тотъ моментъ, когда Спаситель говоритъ ученикамъ своимъ: будьте мудры яко зміи и цѣли яко голубіе“. См. 50-ти лѣтній юбилей Кіев. дух. Ак. 28 сент. 1869 г., стр. 272.

Считаемъ не лишнимъ сказать, что и Кіевская Академія почтила память своего бывшаго питомца, помѣстивъ его портретъ (съ лѣвой стороны при входѣ въ актовъ залъ) въ ряду другихъ славныхъ сыновъ ея...

³⁾ Когда Анатолій заболѣлъ предсмертною болѣзнію, — то Названіи (настоя. монаст.), рассказываютъ, нарочно выѣхалъ въ Кишиневъ и сидѣлъ тамъ, пока не умеръ Анатолій. Кромѣ того разослалъ, говорить, въ эту пору всѣхъ монастырскихъ лошадей, — такъ что не было возможности послать за докторомъ, чтобы сколько-нибудь облегчить страданія умирающаго старца. Сообщ. Мацѣевичемъ. Труды Кіев. Акад. 1883 г. ноябрь, стр. 516—17.

мирная кончина архипастыря. Онъ переселился въ вѣчность 8 августа, 1872 г., во вторникъ, въ пять часовъ утра, имѣя 80 лѣтъ отъ роду¹⁾.

Погребеніе по чину архіерейскому совершено было преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ, 11 августа. При погребеніи архипастырь сказалъ рѣчь, предметомъ которой было раскрытіе свойствъ покойнаго архіепископа. Какъ на выдающуюся черту личности почившаго святителя Павелъ указалъ на его любознательность и, разъяснивъ нравственное значеніе истинной любознательности, заключилъ рѣчь свою молитвеннымъ пожеланіемъ, чтобы почившій архипастырь нашелъ полное удовлетвореніе своей любознательности въ созерцаніи Тріипостаснаго Бога²⁾. Останки покойнаго похоронены подъ сводомъ церкви—подъ самымъ престоломъ, такъ что могила его не видна³⁾. Ее можно видѣть, только попросивши открыть монастырское подземелье подъ большою новою церковью... Это нѣчто въ родѣ монастырской усыпальницы для болѣе важныхъ покойниковъ. Здѣсь то, въ темномъ подземельи, мирно покоится прахъ славнаго іерарха церкви русской... Память о немъ навсегда сохранится въ исторіи нашей церкви и отечества.

Съ юныхъ лѣтъ жизни испытанный трудами и невзгодами и усиліями надъ самообразованіемъ, онъ явилъ въ себѣ образъ пастыря просвѣщеннаго и учительнаго, ревнующаго о защитѣ и утвержденіи вѣры православной, благо-

¹⁾ Когда онъ умеръ, ни единой родной души не было возлѣ него... У него были очень дорогія вещи и рѣдкости. „Помню, рассказываетъ въ дневникѣ Л. С. Мацѣевича Ф. Т. Прибыльскій, у него былъ цѣлый мѣшочекъ сибирскихъ дорогихъ камней, собранныхъ имъ въ бытность епископ. Екатеринбургскимъ. Незнаю, какому счастью удалось захватить этотъ мѣшочекъ“. Тамъ же стр. 512—13.

²⁾ Кишиневскій Епарх. Вѣдом. 1872 г. № 16 (некрологъ Уарова) стр. 506.

³⁾ Незадолго до смерти Анатолій высказывалъ желаніе быть похороненнымъ возлѣ церкви, на открытомъ мѣстѣ. Но и эта послѣдняя воля его не была исполнена. Сообщ. Мацѣевичъ. Труд. Кіев. Акад. 1883 г., ноябрь, стр. 507.

стоявїи церкви отечественной, нравственномъ воспитанїи общества и нравственномъ подъемѣ служащаго сословія церкви. Съ искреннимъ благочестїемъ въ немъ соединились примодушіе и благосердїе. Не избѣгъ онъ ошибокъ доврчиваго отношенїя къ людямъ, способнымъ злоупотреблять имъ, не чуждъ былъ и увлеченїй въ своихъ смѣлыхъ сужденїяхъ и рѣчахъ о лицахъ и явленїяхъ, съ какими сталкивала его жизнь. Но и эти ошибки и увлеченїя смягчаются привлекательными чертами его примодушія и благосердїя. Успоившїйся отъ трудовъ практически-административной дѣятельности, онъ не зналъ покоя въ порывахъ къ умственному труду на пользу церкви и христіанскаго общества. Нестыжательность его соединялась съ готовностїю на пожертвованїя плодами своихъ заслугъ и трудовъ въ мѣру всего достоинства своего. Смиренїемъ и незлобіемъ заслонилъ онъ скорби и испытанїя, постигавшія его въ послѣдніе годы жизни, свято законченной. Этими заключительными словами о жизни и дѣятельности преосвященнаго Анатолія мы не думаемъ выразить полную характеристику его, которая есть еще дѣло будущаго. Но думаемъ, что значительно пополнимъ ее, предлагая въ слѣдующихъ главахъ обзоръ и характеристику учено-литературныхъ трудовъ преосвященнаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ АРХІЕПИСКОПА АНАТОЛІЯ.

Преосвященный Анатолій принадлежит къ числу весьма плодovitыхъ церковныхъ писателей. Онъ оставилъ послѣ себя слѣдующія, уже извѣстныя намъ отчасти, сочиненія: 1) „Слова и бесѣды на праздничныя, воскресныя дни и по разнымъ случаямъ“ (5 ч. 1853—1866); 2) „Вѣра, надежда и любовь“, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній“ (2 ч. 1-е изд. 1848 г., 5-е 1867); 3) „Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“. Записки Авдія Востокова (изданіе священника магистра Василія Гречулевича. 2 ч. 1-е изд. 1857 г., 2-е 1864 г.); 4) „Досуги архіепископа Анатолія“ съ портретомъ автора (1868 г.) и, наконецъ 5) „О иконописаніи“ (1-е изд. 1845 г., 2-е 1867 г. ¹).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ нами сочиненій пр. Анатолія первое мѣсто по времени написанія занимаютъ его

¹) Мы ограничили указаніемъ только важнѣйшихъ произведеній архіеп. Анатолія, снискавшихъ ему репутацію выдающагося церковнаго писателя; о другихъ же мелкихъ произведеніяхъ его пера мы умолчали здѣсь, надѣясь сказать о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

6) *Путешествіе. Аннексарическая палестина Авдія Востокова. Съ картиною. Ч. 10 к.*

проповѣди; а посему съ нихъ мы и начнемъ разсмотрѣніе литературныхъ трудовъ преосвященнаго. Такой порядокъ разсматриванія литературныхъ трудовъ арх. Анатолія помимо того, что представляется наиболѣе естественнымъ, имѣеть въ нашихъ глазахъ и ту выгоду, что можетъ пролить вѣкоторый свѣтъ на образованіе міровозрѣнія пр. Анатолія.

I. Проповѣди архіеп. Анатолія.

Проповѣдническіе труды пр. Анатолія обнимаютъ собою цѣлыхъ пять книгъ или частей. Въ первой части, вышедшей въ 1853 г., содержится 40 словъ и бесѣдъ на дни пресв. Богородицы и великихъ святыхъ. Помѣщенныя въ этой части поученія начинаются съ праздника Р. Хр. и оканчиваются днемъ св. великомученицы Варвары,—съ 25 декабря одного года по 4-е декабря другаго ¹⁾. Вторая часть, изданная въ 1854 г., содержитъ въ себѣ 40 словъ и бесѣдъ, произнесенныхъ въ воскресные дни и по особымъ случаямъ, напр., по случаю выбора судей, освященія храма въ Горы-Горецкомъ земледѣльческомъ институтѣ, постриженія монахинь, переведенія въ новоустроенный домъ воспитанницъ духовнаго званія, появленія губительной болѣзни и т. д. Третья часть, изданная въ 1859 г., также вмѣщаетъ въ себѣ 40 словъ и бесѣдъ, произнесенныхъ въ воскресные и праздничные дни, и, начинаясь праздникомъ Р. Хр. одного года, оканчивается недѣлей предъ Р. Хр. другаго года ²⁾. Четвертая и пятая части, вышедшія одновременно въ 1866 году, заключаютъ въ себѣ тоже по 40 словъ и бесѣдъ на воскресные дни, праздничные, торжественные и по особымъ случаямъ, какъ напр., предъ начатіемъ путевыхъ работъ

¹⁾ Въ общій кругъ годичныхъ проповѣдей не входятъ только двѣ послѣднія проповѣди (394 и 40), сказанныя по частнымъ случаямъ.

²⁾ Послѣднее слово (40) произнесено въ церкви прихода, населеннаго многими старообрядцами.

отъ станиці Гдовска Могилевской губ. до Черниговской, по случаю освященія храма въ тюремномъ замѣѣ и т. д. Пятая часть содержитъ въ себѣ кромѣ того нѣсколько рѣчей (8 изъ нихъ произнесено преосвященнымъ во время обзорѣнія Могилевской епархіи) и наставленій (предъ присягою свидѣтелей по слѣдственному дѣлу, наставленія приходскаго священника пріемлющимъ святаго таинства—крещеніе, миро-помазаніе и др.). Таковъ вышній составъ проповѣдей пр. Анатолія.

Обращаясь къ рассмотрѣнію содержанія ихъ, мы находимъ, что послѣднее, будучи взято изъ дневныхъ воскресныхъ и праздничныхъ евангельскихъ или апостольскихъ чтеній, по преимуществу нравоучительнаго характера. Смотри по избранной проповѣдникомъ темѣ, онъ говоритъ о необходимости то покаянія, то молитвы, милосердія, послѣдованія воли Божіей и т. п. Въ самыхъ догматическихъ проповѣдяхъ Анатолія замѣтно проглядываетъ нравственный элементъ: въручительныя истины ведутъ въ большаго шествія случаетъ къ заключеніямъ, имѣющимъ значеніе въ жизненной практикѣ. Такъ, напр., показавъ въ словѣ на Р. Хр. всѣ благодѣтельныя послѣдствія явленія Христа въ міръ, проповѣдникъ въ заключеніи призываетъ слушателей воспользоваться этими послѣдствіями для спасенія своей души. „Если ты выше другихъ, увѣщеваетъ онъ слушателей, имѣй въ виду Того, кто пришелъ послужить и положить душу свою для спасенія нашего (Матѣ. 21, 28); если ты подчиненный, учись покорности у Того, кто изъ послушанія Отцу своему небесному смирилъ себя до положенія во ясляхъ! Если ты богатъ, прославь Рожденнаго, по примѣру тѣхъ, которые принесли Ему золото, ливанъ и смирну; если ты нищій, не печалься: Христосъ богатъ сый обнища, да мы нищетою Его обогатимся и т. д. (Ч. I, стр. 10).

Не смотря на различіе проповѣдей по содержанію, указываемому, большею частію, рядовымъ чтеніемъ, въ нихъ можно уловить одну общую основную мысль, это—именно

устроемое во Христѣ благо чловѣка на землѣ и его блаженство на небѣ. Особенно же часто призываетъ проповѣдникъ своихъ слушателей къ памятованію и приуготовленію себя къ вѣчной жизни на небесахъ. Эта основная мысль проповѣдника замѣчается почти въ каждомъ словѣ или бесѣдѣ его, такъ что во всѣхъ проповѣдяхъ Анатолія она является какъ бы средоточнымъ пунктомъ, около котораго группируются всѣ остальные мысли проповѣдника. Въ развитіи христіанскаго нравоученія проповѣдникъ не пускается въ тонкости, въ частные разборы: но въ каждомъ словѣ или бесѣдѣ положительная заповѣдь высказывается имъ прямо, ясно, безъ околнчностей. Проповѣдуемое имъ нравоученіе не отличается излишнимъ суровымъ ригоризмомъ и не преслѣдуетъ исключительныхъ аскетическихъ цѣлей. Онъ не зоветъ чловѣка оставить все въ мірѣ и перемѣнять положеніе, занимаемое имъ въ обществѣ, для болѣе удобнаго служенія Богу. Напротивъ, гдѣ кого застаешь въ обществѣ, тамъ и старается облегчить или уяснить каждому подвигъ жизни, указываемый его общественнымъ положеніемъ и христіанскимъ призваніемъ. Бѣдный земледѣлецъ, угнетаемый тяжестью своего труда, въ скорбныя минуты жизни ропщетъ иногда на свою долю. Лишенный времени посвящать свою жизнь Богу, онъ вздыхаетъ о своемъ будущемъ, боится за свою вѣчность. „Гдѣ мнѣ (думаетъ) темному и неграмотному спастись, когда я всю жизнь—въ трудахъ и времени не имѣю въ церковь сходить?“—Но вотъ является среди простыхъ поселенъ пастыреначальникъ Могилевской паствы: простымъ словомъ, съ теплымъ сочувствіемъ онъ объясняетъ поселенамъ ихъ положеніе въ общественномъ строѣ, говоритъ, что земледѣльческое состояніе открыто самимъ Богомъ и что оно удобнѣйшимъ путемъ приводитъ чловѣка къ Богу. „Обработывая землю, вы, говоритъ онъ, состоите въ союзѣ съ нею ближайшемъ, нежели другія состоянія. Провождая большую часть времени на поляхъ, подъ открытымъ небомъ, вы на

каждомъ шагу какъ бы осизаете премудрость Божию, бла-
 гость и промышленіе Его о всемъ, а наипаче о человѣкѣ.
 Взглянете ли на землю, населенную безчисленными живыми
 существами, увлажяемую водами, прозябающую травы и
 дѣса; обратите ли взоръ на небо, озаряемое солнцемъ, ис-
 лепщенное безчисленными свѣтилами: вамъ не можетъ не
 приходиться на мысль, что если всякій домъ кѣмъ-нибудь
 устроится, то устроившій все есть премудрый и всеблагій
 Промыслитель, управляющій всѣмъ“ (Евр. 3, 4) и т. д.
 (Изъ слова въ день св. великомуч. Георгія къ земледѣль-
 цамъ. Ч. 1, стр. 241). Показывая возможность спасенія во
 всякомъ состояніи и званіи, архіеп. Анатолій, хотя и из-
 рѣдка, возвышалъ голосъ и за монашество (въ словѣ, напр.,
 произнесенномъ по случаю постриженія монахинь. Ч. 2,
 стр. 445—457). Но и тутъ онъ доказывалъ не исключитель-
 ную возможность спасенія въ чинѣ монашескомъ, а только
 преимущества этого званія предъ мірскимъ въ дѣлѣ спа-
 сенія. „И посреди міра, говоритъ онъ, есть истинно-благо-
 честивые; Господь еще имѣетъ сущихъ своихъ и посреди
 этого Вавилона; но они столь рѣдки, какъ класы на нивѣ
 земледѣльца по собраніи жатвы; ихъ голосъ такъ слабъ,
 что его невозможно разслушать посреди громкихъ восклицаній
 и шума безчисленнаго множества людей, живущихъ
 по правиламъ міра“ (стр. 449). Міръ, по нему, полагаетъ
 безчисленныя препятствія ко спасенію и безпрестанно тре-
 вожитъ ищущихъ царствія Божія: въ монашествѣ же нѣтъ
 этихъ преградъ и оно удобнѣе ведетъ въ царствіе небесное...

На ряду съ раскрываемыми проповѣдникомъ истинами
 нравоучительнаго и догматическаго характера у него не
 рѣдко можно встрѣтить разсужденія и съ общимъ, философ-
 скимъ характеромъ. Такъ, въ одной изъ проповѣдей онъ
 ставитъ вопросъ о томъ, отъ чего зависитъ благоденствіе,
 какъ цѣлыхъ народовъ, такъ отдѣльныхъ семействъ и
 личностей?—Эта задача, надъ которою цѣлые вѣка задумы-
 вались политики и философы, такъ рѣшается опытною

мудростью нашего проповѣдника. Время дается человѣку, говоритъ онъ, и народамъ для славы Божіей и для приобрѣтенія спасенія. Итакъ, слава Бога и спасеніе—вотъ законъ благоденствія человѣка! Нарушая этотъ законъ, человѣкъ падаетъ въ борьбѣ съ нимъ и исчезаетъ во прахъ. „Народы благоденствуютъ, по словамъ проповѣдника, доколѣ существованіе ихъ направлено къ славіи имени Божіа. Такъ, доколѣ въ какомъ-либо народѣ есть мужи безкорыстные, готовые жертвовать общему благу своимъ достоинствомъ, своею жизнію; доколѣ большая часть какого-либо народа руководствуется, по крайней мѣрѣ, тою вѣрою, что Богъ възыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ (Евр. 11, 6) и каждому человѣку воздастъ по дѣламъ его (Римл. 2, 6): доколѣ такой народъ спленъ, страшенъ для враговъ своихъ, невольно уважается окрестными народами и самобытность его благонадежна. Но, какъ скоро въ какомъ-либо народѣ усилятся нечестіе, растлѣніе нравовъ сдѣлается всеобщимъ, изсякнетъ любовь: тогда такой народъ не спасаютъ отъ утраты своей самобытности ни спасительные законы и учрежденія, ни мудрость правителей, ни многочисленныя полчища, ни какая человѣческая предусмотрительность... Такимъ закономъ опредѣляется время существованія народовъ съ начала міра доселѣ“ (слово въ день новаго года на текстъ: всѣмъ время, и время всякой вещи подъ небесемъ! Еккл. 3, 1. Ч. 1, стр. 54—55).

Въ своихъ проповѣдяхъ архипастырь затрогиваетъ не одни религіозные интересы, но и политическіе: онъ заботится не о цѣлости только вѣры, но и о счастіи и благоденствіи отечества. Преданность Престолу и повиновеніе законамъ гражданскимъ являются у него основами народнаго благополучія. „Чего надлежало бы ожидать, говоритъ проповѣдникъ,—если бы Промыслъ Божій не поставлялъ для управленія народами царей, законодателей, коихъ постановленіями защищается наше имущество, наше доброе имя, и самая жизнь наша ограждается отъ навітовъ, на-

силія и убійствъ, совершаемыхъ своеволиемъ и жадностію людей, не имѣющихъ въ сердцѣ страха Божія?... Для благоденствія нашего отечества, благочестивые цари наши издревле издавали мудрые законы и постановленія, особенно же всегда пламенно желали улучшить бытъ земледѣльческаго состоянія“ и т. д. (изъ слова въ день вѣнчанія и помазанія на царство благоч. госуд. импер. Александра Николаевича. Ч. 5, стр. 140—141). Указывая на постоянныя заботы верховной власти, направленныя ко благу нашего отечества, проповѣдникъ вездѣ, гдѣ только касается этого предмета, внушаетъ слушателямъ повиновеніе и преданность Богомъ поставленному Государю Императору. Вполнѣ провикнутый самъ такими расположеніями и чувствами, онъ всемѣрно старается насадить ихъ и въ своихъ слушателяхъ. Рѣчь его въ такихъ случаяхъ бываетъ одушевленною и даже краснорѣчивою. „Можетъ ли на землѣ царствовать правда съ такою благонадежностію, какъ подъ сѣнію Царя благочестиваго, и потому правосуднаго?—воскликаетъ проповѣдникъ въ одномъ изъ своихъ словъ; можетъ ли быть естественнѣе прибѣжище для всѣхъ обидимыхъ, какъ покровъ порфиры царя благочестиваго, богобоязненнаго? Это общее и самое вѣрное чувство народовъ, а преимущественно народа русскаго! И не въ этомъ ли отношеніи сыны Россіи именуютъ царей своихъ надеждой? О, какъ умно наше народное слово: Государь надежда! Не заключаетъ ли въ себѣ это одно слововыраженіе болѣе утѣшенія и отрады, нежели всѣ мудрованія, предначертанія и—такъ называемыя—правительственныя хартіи западныхъ народовъ?... (слово въ день вѣнчанія и помазанія на царство благочестиваго государя импер. Александра Николаевича. Ч. 5, стр. 156—157).

Ратуя о религіозномъ и общественномъ преуспѣяніи нашего отечества, преосв. Анатолій не могъ не обращать вниманія и на давнишнюю болѣзнь его—расколъ, съ которымъ встрѣчался онъ въ разныхъ мѣстахъ своего служенія (Пермской, Могилевской епархіяхъ). Эта болѣзнь глубоко

трогала преосвященнаго, почему всякій разъ, какъ только представлялся къ тому случай, онъ предостерегалъ отъ не православную паству, возвышалъ голосъ противъ закоснѣлыхъ во враждѣ къ церкви отщепенцевъ ея. Въ своихъ проповѣдяхъ противъ раскольниковъ онъ сравниваетъ послѣднихъ съ фарисеями, упорно державшимися разныхъ суевѣрій и предразсудковъ, исторически показываетъ несправедливость притязаній ихъ, измышленность обрядовъ (5 ч., стр. 203—216; слово, произнесен. въ церкви прихода, населеннаго мнимыми старообрядцами), незаконность ихъ іерархіи (3 ч. стр. 528—539) и т. д. Сильными и неотразимыми по своей убѣдительности доводами архипастырь поражаетъ подчасъ отщепенцевъ православія. „Если ваши общества, говоритъ проповѣдникъ, принадлежать къ церкви Христовой: то почему между вами господствуетъ такое раздѣленіе? Всѣ вы хвалитесь, что слѣдуете однимъ и тѣмъ же старымъ книгамъ и старымъ уставамъ: но если подлинно слѣдуете одиѣмъ и тѣмъ же неизмѣннымъ, вѣчнымъ истинамъ; то почему между вами столько раздѣленій? Ты слѣдуешь, по твоимъ словамъ, Θεодосіевскому согласію; тотъ слѣдуетъ Вѣтковскому согласію; иные слѣдуютъ Титловскому, другіе безтитловскому; иные другимъ какимъ-то согласіямъ: научи же меня, возлюбленный, что это за согласія, между коими столько разногласій? Еда раздѣлился Христосъ? Еда Θεодосій распялся по васъ, или во имя его креститесь? Еда въ Поморіи, или на Вѣткѣ основалъ Христосъ церковь свою?... Соберитесь, расточенныя заблуждшія овцы, соберитесь въ нѣдра единой, святой, соборной и апостольской церкви!...“ (изъ слова, сказаннаго по освященіи соборнаго храма въ городѣ Старой Русѣ, 21 янв. 1834 г. ч. 2, стр. 429—30).

Разсматривая проповѣди пр. Анатолія съ виѣшней стороны, мы находимъ въ нихъ правильность расположенія и построенія частей. Большинство проповѣдей его имѣетъ форму слова, сравнительно рѣдко встрѣчаются онѣ въ формѣ

бесѣды, и еще рѣже—рѣчи и наставленія. Во главѣ слова стоитъ, обыкновенно, текстъ, избранный изъ дневнаго чтенія евангелія или апостола, служащій руководительнымъ и истиннымъ началомъ всей проповѣди. Случаются, правда, слова, и безъ текста, но весьма рѣдко (напр., слово въ день св. великомучен. Георгія къ земледѣльцамъ—ч. 1-я, стр. 235, слово въ великій пятокъ, ч. 5-я, стр. 229 и нѣкоторыя др.). Послѣ текста слѣдуетъ обычный у большинства проповѣдниковъ приступъ, въ которомъ кратко намѣчается предметъ проповѣди. Послѣдній—или непосредственно вытекаетъ изъ заглавнаго стиха или же стоитъ къ нему въ болѣе или менѣе близкой связи; такъ, въ словѣ на день Срѣтенія Господа нашего Иисуса Христа заглавный текстъ: „Вознесоста отроча Иисуса во Иерусалимъ, поставити Его предъ Господомъ“ (Лук. 2, 22) служитъ только поводомъ для вывода главнаго предмета проповѣди,—что посвящаемые Богу первенцы (какимъ былъ и отроча Иисусъ) въ нравственномъ смыслѣ означаютъ собою наши мысли, намѣренія и начинанія въ отношеніи дѣйствій (Ч. I, стр. 100—108).

Вслѣдъ за приступомъ слѣдуетъ существеннѣйшая часть проповѣди—исслѣдованіе. Въ немъ раскрывается обыкновенно указанный въ приступѣ предметъ проповѣди или вполнѣ, или съ нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся сторонъ своихъ. Самое раскрытіе предмета проповѣди не всегда у него отличается глубиною или широтою мысли; не видно зачастую у проповѣдника и тонкаго и всесторонняго анализа главныхъ частей проповѣди. Въ проповѣдяхъ архипастыря мы видимъ, напротивъ, замѣтное преобладаніе, такъ называемыхъ, общихъ мѣстъ, дѣлающихъ подчасъ самыя проповѣди растянутыми и малохарактерными. Указанный недостатокъ въ проповѣдяхъ пр. Анатолія въ значительной степени зависѣлъ отъ того, что проповѣди свои преосвященный назначалъ не столько для людей „умудренныхъ челоувѣческими знаніями“, сколько для „простыхъ умомъ и сердцемъ“, съ вѣрою принимающихъ слово Божіе...

Какъ на важное достоинство словъ пр. Анатолія, мы должны указать на то, что они представляютъ собою легкое и послѣдовательное развитіе основной мысли проповѣдника, такъ что вниманіе слушателей не могло затрудниться усвоеніемъ всего слова во всей его полнотѣ. Въ изложеніи частныхъ мыслей проповѣди замѣчается логическая правильность, точность, а по мѣстамъ даже и пунктуальность. Такъ, напр., въ словѣ на новый годъ проповѣдникъ подъ отдѣльными рубриками развиваетъ слѣдующія главныя мысли слова: для пользованія благоденствіемъ мы должны руководиться во первыхъ событіями прошедшихъ временъ, во вторыхъ представленіемъ послѣдствій, соединенныхъ съ нашими дѣйствіями и въ третьихъ памятью вѣчности. (Ч. I, стр. 68—81).

Въ развитіи и уясненіи главнаго предмета проповѣди преосвящ. Анатолій въ изобиліи пользуется мѣстами свящ. Писанія, и иногда — свитоотеческихъ твореній (Григорія Нисскаго и св. Іоанна Златоустаго), а также примѣрами, взятыми имъ изъ библейской исторіи, церковной и гражданской (см. напр., слово, сказанное въ присутствіи воспитанницъ духовнаго званія. Ч. 2, стр. 458). Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ проповѣдникъ пользуется изреченіями и языческихъ мудрецовъ, какъ напр., въ словѣ на день Срѣтвіи Господни — изреченіемъ языческаго мудреца Цицерона относительно старости (Ч. I, стр. 94). Кромѣ этого преосвящ. Анатолій въ доказательство и поясненіе своихъ мыслей ссылается весьма часто на примѣры, заимствованные имъ изъ обыкновенной житейской практики и собственнаго опыта. Такъ, внушая уваженіе къ старости, между прочимъ, за то, что она умудрена бываетъ опытами — собственными, или другихъ, преосвященный приводитъ такой примѣръ. „Младенецъ, восхищенный яркимъ блескомъ свѣтильника, когда, схватывая его, обжигается, съ опасеніемъ потомъ взираетъ на блескъ, привлекающій взоръ его; рѣзвый огрокъ, съ самонадѣянностію взлѣзающій на дерево,

чтобы сорвать плодъ, прельщающій его, когда, оборвавшись на слабой вѣтви, низвергается долу и ушибается, становится впередъ осторожнѣе и не довѣряетъ уже ни своимъ силамъ, ни крѣпости вѣтвей. Подобно сему съ лѣтами приобрѣтаются опыты жизни и удостовѣреніе въ томъ, что въ мірѣ все суетно и непостоянно“ (изъ слова въ день Срѣтенія Господни, Ч. 1, стр. 90—91).

Любимою формою раскрытія предмета проповѣди является у проповѣдника сравненіе,—особенно міра духовнаго съ міромъ физическимъ. Въ словѣ, напр., на день св. великомученика Георгія, „къ земледѣльцамъ“ онъ проводитъ параллель между нивой полевой и душой. „Желающій хорошо вспахать землю, говоритъ проповѣдникъ, не оглядывается назадъ: въ противномъ случаѣ онъ избороздитъ землю вкривь и вкосъ, и дѣло тогда не пойдетъ на ладъ; нива, хоть засѣй ее хорошими сѣменами, не принесетъ обильныхъ плодовъ. Подобно сему, если желаете, братія, душевнаго спасенія, всегда, что ни дѣлаете, возносите мысли и сердца ваши къ Богу, стремитесь къ Нему всѣми помышленіями и желаніями, не обращая вниманія на суету земную, не теряя времени въ праздности и дурныхъ сообществахъ. Землю воздѣлываютъ для того, чтобы искоренить дурныя травы, которыя могли бы заглушить прозябаніе хлѣба, приготовить ниву къ оплодотворенію сѣменъ: такъ и вы, братія, для приуготовленія души къ принятію истинъ вѣры и правилъ для жизни, старайтесь размышленіемъ о смерти своей, о крестныхъ страданіяхъ Спасителя искоренять въ себѣ дурныя мысли, желанія и привычки“... и т. д. (Ч. 1, стр. 246—7). А въ словѣ, произнесенномъ въ женской обители (на текстъ: *кто дастъ ми криль яко голубинь? и полецу и поцію*) даже вся проповѣдь построится на сравненіи инокнижъ съ голубицей, уподобленіи ихъ голубицѣ въ ея цѣломудрїи, незлобіи и бдѣніи о своей безопасности (1 ч., стр. 479—487).—Заключеніе въ проповѣдяхъ преосвящ. Анатолія, большею частію, весьма кратко. Въ немъ проповѣдникъ

призывать, обыкновенно, слушателей къ жизни благочестивой, направленной къ достиженію вѣчнаго спасенія и блаженства... Предлагаетъ тѣ или иные совѣты и наставленія, ведущія ко спасенію,—при томъ въ выраженіяхъ болѣе или менѣе общаго характера.

По своему объему проповѣди пр. Анатолія сравнительно не велики. Практическій тактъ предписывалъ преосвященному быть по возможности краткимъ съ тѣмъ, чтобы черезъ это легче поддерживать вниманіе своихъ разнообразныхъ слушателей. Въ виду послѣднихъ тотъ же практическій тактъ подсказывалъ ему бесѣдовать со своими слушателями по возможности просто и удобопонятно. И это тѣмъ болѣе было необходимо, что слушателями преосвященнаго являлись перѣдко простые поселяне. До насъ дошло вѣсколько проповѣдей преосвященнаго, сказанныхъ имъ въ присутствіи поселянъ. Таково, напр., слово „къ земледѣльцамъ“, сказанное имъ въ день великомуч. Георгія (въ церкви загороднаго архіерейскаго дома г. Могилева) и восемь рѣчей, произнесенныхъ при обзорѣнн Могилевской епархіи. Въ этихъ проповѣдяхъ архипастырь раскрывалъ предъ поселянами, доступнымъ ихъ пониманію способомъ, важность посѣщенія храмовъ Божіихъ, необходимость молитвы, богоугодность и душеспасительность ихъ занятій, ведущихъ ближе всего къ познанію Бога и Его дѣлъ и т. д. (Ч. 5, стр. 238—296).

Въ отношеніи языка своихъ проповѣдей пр. Анатолій занимаетъ безспорно видное мѣсто въ ряду проповѣдниковъ недавняго времени. Рѣчь его всегда—правильная, чистая и вполне приличная на церковной каедрѣ. Особенность ея составляетъ то, что она изобилуетъ словами и выраженіями церковно-библейскими, черезъ что получаетъ какое-то священное достоинство. Какъ мысли преосвященнаго часто, такъ сказать, растворяются мыслями Св. Писанія, такъ и языкъ его сохраняетъ болѣею частію характеръ языка священнаго.

Тонъ рѣчи проповѣдника, большею частію, спокойно-наставительный и рѣдко-когда переходящій въ обличительный. Въ послѣднемъ случаѣ проповѣдникъ приходилъ, обыкновенно, въ сильное воодушевленіе и даже экстазъ, отчего рѣчь его дѣлалась пламенною, глубоко трогавшею собою слушателей. Достаточно привести небольшой отрывокъ изъ проповѣди, напр., сказанной во время губительной язвы въ г. Могилевѣ (въ 1848 г.), чтобы судить о томъ воодушевленіи, какое овладѣвало архипастыремъ въ трудныя минуты жизни его паствы... „Городъ нашъ снова посѣтила губительная болѣзнь“!... восклицаетъ проповѣдникъ въ началѣ слова. „Но, если бы привелось какому-либо иностранцу проѣзжать наши города и села, говорить онъ въ среднѣй рѣчи; то онъ подумалъ бы, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны болѣе цвѣтущей благоденствіемъ, чѣмъ наша; что у насъ во всемъ полное обиліе, и богатство течетъ рѣками... А если бы кто-либо сталъ увѣрять заключающаго такимъ образомъ, что у насъ четыре года былъ сряду голодъ, что наше состояніе очень незавидно, что у каждаго изъ насъ много горя; то онъ отвѣчалъ бы: быть не можетъ! развѣ ты не видишь, съ какою суетливостію у насъ во всякое время стремятся къ забавамъ? съ какою заботливостію изыскиваютъ различныя увеселенія? съ какою жадностію стремятся смотрѣть на зрѣлища? развѣ ты не замѣчалъ, что въ ваши праздничныя даже дни корчемницы ваши наполнены пьянствующимъ народомъ, а люди высшихъ сословій въ собственныхъ домахъ кружатся до изнеможенія въ вихрѣ суеты и легкомыслія? и т. д. (слово во время губительной язвы въ г. Могилевѣ, въ 1848 г., 1, Ч. II, стр. 522—530).

Что особенно отличаетъ большинство словъ и бесѣдъ преосвященнаго, такъ это—одушевлявшее ихъ—религіозное чувство проповѣдника и горячее убѣжденіе его въ проповѣдуемыхъ имъ истинахъ. Глубоко проникнутый вѣрою въ эти святыя истины, онъ всегда говорилъ съ такимъ убѣ-

жденіемъ, которе неизбѣжно должно было производить сильное вліяніе на слушателей и въ связи съ этимъ двигать ихъ волю на путь спасительныхъ заповѣдей.

II. Вѣра, надежда и любовь, изложенныя въ бесѣдахъ и размышленіяхъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній. А. А. М. М. Ч. 1. 2.

Въ тѣсной связи съ только что разсмотрѣнными нами проповѣдническими трудами архіепископа Анатолія стоитъ второе въ порядкѣ, принятомъ нами, сочиненіе его, заглавіе котораго мы выписали. Эта связь между обоими литературными произведеніями преосвященнаго усматривается какъ изъ времени написанія ихъ, такъ еще болѣе— изъ характера творчества автора, преобладающаго въ томъ и другомъ сочиненіи, а именно: и въ проповѣдахъ и въ вышеуказанномъ сочиненіи сказалось сродное обоимъ сочиненіямъ религіозно-поэтическое творчество преосвященнаго Анатолія. Достаточно прочесть нѣсколько страницъ изъ того и другаго произведенія архіепископа Анатолія, чтобы убѣдиться въ сказанномъ нами.

Цѣлю издавія сочиненія „Вѣра, надежда и любовь“ было намѣреніе преосвященнаго—предохранить православныхъ членовъ общества отъ увлеченія затиствомъ. Въ частности о побужденіяхъ къ написанію означеннаго сочиненія самъ авторъ его передаетъ намъ слѣдующее.

„Примѣчая въ разныхъ мѣстахъ моего служенія необыкновенное равнодушіе людей такъ называемаго образованнаго сословія къ православному вѣроисповѣданію, частое уклоненіе отъ участія въ общественномъ богослуженіи и пренебреженіе уставовъ церкви, я старался вывѣдать причины того и удостовѣрился, что все это между прочимъ происходитъ отъ чтенія религіозныхъ на французскомъ и другихъ языкахъ, самаго изящнаго издавія, кпигъ и книжонокъ, коими преимущественно наводнены западныя губерніи вмѣстѣ съ полемическими сочиненіями противу

отечественной православной церкви, каково например: *L'Eglise schismatique Russe d'après les relations récentes du prétendu Saint-synode. Paris. 1846*; и узналъ еще, что нѣкоторые изъ именующихся православными молятся по французскимъ и польскимъ молитвословамъ. Вразумляемые мною въ такомъ уклоненіи отъ руководства церкви возражали, что они церковнаго языка почти не понимаютъ и даже не умѣютъ читать пославянски, что издаваемые имепемъ церкви молитвословы будто-бы печатаются такъ небрежно, съ такими типографическими украшеніями, что не хочется въ руки взять такихъ книгъ. Дайте намъ, говорили возражавшіе, что нибудь въ родѣ молитвослова, ясно написанное и опротно изданное на русскомъ языкѣ, и мы станемъ читать. Съ другой стороны мнѣ случалось встрѣчать, хотя весьма немногихъ, искренно благочестивыхъ людей, которые, не довольствуясь молитвословами церковными, удовлетворяли жаждѣ духа своего списываніемъ изъ разныхъ книгъ различнаго содержанія молитвъ, сочиненіемъ ихъ, и составленіемъ для своего употребленія молитвенныхъ тетрадокъ; даже попалась мнѣ книжечка, неизвѣстно кѣмъ составленная, когда и гдѣ печатанная. А еще видѣлъ книжечку, написанную чистымъ русскимъ языкомъ и издаваную въ свое время въ Полоцкѣ іезуитами, въ которой заключаются молитвы къ Ксавію, Боргію, Доминику и проч. Всѣ такія свѣдѣнія томили меня, не давали покоя духу моему, пока я не рѣшился составить и издать книгу, которая бы, по моимъ соображеніямъ, могла хотя отчасти удовлетворить вышеизложеннымъ требованіямъ¹⁾.

Въ самомъ предисловіи къ сочиненію авторъ, отмѣтивъ упадокъ благочестія въ образованномъ сословіи вмѣстѣ съ забвеніемъ уставовъ церкви и самого церковно-богослужеб-

¹⁾ См. письмо преосвящ. Анатолія въ вѣкоему іерарху, помѣщенное на страницахъ Кіевской старины 1882 г., май, стр. 227—228.

наго языка, опредѣляетъ цѣль изданія означеннаго сочиненія слѣдующими словами: „во вниманіи къ такимъ требованіямъ (главному изъ нихъ—непониманію многими церковно-богослужебнаго языка), для сообщенія въ краткихъ чертахъ ученія вѣры и дѣятельности христіанской, также отношеній вѣрующаго къ православнои церкви и обязанностей каждаго въ частности христіанина, по его состоянію, душевному и общественному, для приспособленія къ чтенію церковныхъ молитвослововъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержанія семейственнаго благочестія и споспѣшествованія домашнему воспитанію дѣтей въ страхѣ Божіемъ—составлена эта книга, въ томъ предположеніи, что она не будетъ лишнею и для тѣхъ, которые удобно пользуются чтеніемъ церковныхъ книгъ (Предисл. къ сочин. XXIII—IV стр.).

Обращаясь къ содержанію этого сочиненія, состоящаго изъ двухъ частей, мы находимъ, что оно вполнѣ отвѣчаетъ намѣченной авторомъ цѣли. Не входя въ подробное изложеніе содержанія всего сочиненія, мы все же считаемъ нужнымъ познакомить читателя съ составомъ и отчасти содержаніемъ сочиненія.

Въ первой части своего сочиненія (429 страницъ) архипастырь въ общедоступной формѣ бесѣдъ, согласно съ намѣченной имъ въ предисловіи цѣли, прежде всего раскрываетъ предъ читателями истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія. На первыхъ страницахъ этой части сочиненія помѣщены авторомъ слѣдующія разсужденія его: „бесѣда о крестномъ знаменіи“, „о вѣрѣ православнои“, „о заповѣдяхъ Божіихъ“ и „о церковныхъ заповѣдяхъ“.

Въ первой изъ указанныхъ нами бесѣдъ „о крестномъ знаменіи“ авторъ довольно обстоятельно выясняетъ значеніе для христіанъ крестнаго знамени, показываетъ правильность перстосложенія православныхъ христіанъ съ точки зрѣнія исторіи, отмѣчаетъ и спасительные плоды отъ употребленія крестнаго знамени. „Изображеніе на себѣ св. креста, говоритъ архипастырь, не можетъ не возбуждать въ

насъ живаго ощущенія тайны нашего искупленія, живаго сознаниі цѣлы, искупившей насъ отъ плѣна адскаго, а вмѣстѣ съ сямъ самоотверженія и всецѣлой преданности волю Господа нашего Іисуса Христа до готовности, ради славы имени и царствія Его, на всевозможныя попошенія, на жесточайшія страданія, даже на смерть самую мучительную и позорную“ (Ч. I, стр. 11). Сообразно съ важностію и великостію знаменованія креста архипастырь увѣщаваеъ читателей-христіанъ полагать на себѣ крестъ „не просто, одними перстами, но прежде начертать его въ мысли съ леликою вѣрою“, притомъ полагать его на тѣлѣ нашемъ не спѣшно, но съ благоговѣйнымъ размышленіемъ. Поэтому онъ осуждаеъ тѣхъ многихъ христіанъ, которые съ поспѣшностію, легкомысліемъ, вообще—небреженіемъ избражають на себѣ крестъ. Въ заключеніи своей бесѣды о крестномъ знаменіи авторъ призываетъ христіанъ къ подражанію въ семъ случаѣ первенствующимъ христіанамъ, которые при всякомъ дѣйствіи и движеніи, при входѣ и выходѣ, одѣваніи, обуваніи, умовеніи и т. д. ограждали себя крестнымъ знаменіемъ (Тертулліанъ въ книг. о вѣнцѣ война). Нѣтъ сомнѣній, что разсматриваемая нами бесѣда преосв. Аватоліи заключаеъ въ себѣ не мало поучительнаго для неповрежденныхъ умомъ и сердцемъ читателей. Для сообщенія своей бесѣдѣ бѣльшей убѣдительности авторъ въ достаточной степени пользуется примѣрами изъ исторіи и свидѣтельствами изъ древне-отеческихъ твореній. У него, напр., встрѣчаются ссылки на сочиненія митрополита Платона, томъ 17 (Увѣщаніе ведугомъ раскола немоществующимъ, стр. 45); творенія блаж. Августина, томъ 6 (противъ донатистовъ о крещеніи кн. 2, гл. 6, письмо 118); св. Амвросія Медиоланскаго (книга о Исаакѣ, гл. 8, въ изъясненіи Пѣсв. Пѣсней 8, 6); св. Іоанна Златоустаго (бесѣда 54 на Матѣ.); Тертулліана и т. д. Все это показываеъ, что авторъ старался придать своимъ сужденіямъ наибольшую степень основательности, чтобы сдѣлать ихъ убѣдитель-

ными не только для православныхъ христіанъ, но также— и раскольниковъ, которыхъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду архипастырь...

Бесѣда „о вѣрѣ православной“ (1 Ч. стр. 18—38) содержитъ въ себѣ сокращенное изъясненіе Символа Вѣры. Тутъ кратко преподано ученіе о Богѣ, единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ, о Сынѣ Божіемъ и Духѣ Святомъ, о Церкви, таинствахъ и воскресеніи мертвыхъ. При раскрытіи ученія православной церкви авторъ въ изобиліи пользуется мѣстами изъ свщ. Писанія, усняющими тотъ или другой пунктъ вѣроученія. Познакомивъ читателя съ сущностью вѣры теоретической, авторъ въ слѣдующей главѣ „бесѣдѣ о заповѣдяхъ Божіихъ“ (39—62 стр.) излагаетъ содержаніе вѣры дѣятельной. Указавъ вначалѣ на важное значеніе для нашего спасенія вѣры дѣятельной, архипастырь довольно подробно передаетъ предписанія 10-ти заповѣдей Божіихъ. При этомъ съ особенною силою онъ возстаетъ противъ грѣховъ и пороковъ, противныхъ каждой изъ 10-ти заповѣдей Божіихъ, увѣщавая христіанъ держаться твердо послѣднихъ, какъ ведущихъ ко спасенію.

Въ 4 й и послѣдней „бесѣдѣ о церковныхъ заповѣдяхъ“ (63—82 стр.), по своему содержанію тѣсно примыкающей къ предыдущимъ, излагаются священныя постановленія Церкви (числ. 9), обязательныя для каждого христіанина. Эти постановленія или заповѣди церкви дѣлаютъ обязательными для вѣрующихъ во 1-хъ посѣщеніе храмовъ Божіихъ въ воскресные и праздничные дни; во 2-хъ соблюденіе постовъ, положенныхъ церковію—при чемъ авторъ кратко опровергаетъ неправые взгляды относительно поста протестантовъ и реформатовъ (стр. 68, примѣч.); въ 3-хъ оказываніе должнаго уваженія священнослужителямъ церкви и особенно отцу духовному, какъ наставнику и руководителю духовной жизни; въ 4-хъ исповѣдываніе грѣховъ своихъ предъ священникомъ ежемѣсячно и, по крайней мѣрѣ, однажды въ годъ; въ 5-хъ углошеніе лицъ, не получившихъ

основательнаго богословскаго образованія, отъ всякаго общенія съ еретиками и вообще людьми неблагонамѣренными, въ 6-хъ моленія за царя и за всѣхъ, состоящихъ во власти, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; въ 7-хъ участіе въ общемъ моленіи и постахъ по случаю чрезвычайныхъ бѣдствій (моровой язвы, брани, пожаровъ и т. д.); въ 8-хъ вспомошествованіе церкви пожертвованіями на храмы Божіи и служителей алтаря и, наконецъ, въ 9-хъ воздержаніе отъ устроенія браковъ въ нѣкоторые дни, какъ напр., въ теченіе 4-хъ постовъ, отъ присутствія на непозволенныхъ играхъ и т. д. Всѣ, поименованныя нами, требованія церкви, представляющія заповѣди церковныя, обоснованы у автора на св. Писаніи, правилахъ св. апостолъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ. Авторъ, какъ можно видѣть, довольно удачно сгруппировалъ разрозненные по своимъ первоисточникамъ церковныя установленія, или заповѣди. Правда, число этихъ заповѣдей является у него нѣсколько произвольнымъ, такъ какъ, руководясь указанными источниками, ихъ можно было бы представить гораздо больше, хотя можно и сократить... Лучше было бы, на нашъ взглядъ, если бы авторъ, при изложеніи церковныхъ заповѣдей, не дѣлалъ извѣстныхъ намъ дѣлевій на рубрики 1, 2, 3... и т. д., а ограничился бы простою передачею ихъ въ извѣстнаго рода связи и послѣдовательности (по степени, напр., ихъ важности).

Приведенныя нами четыре бесѣды пр. Анатолія, показывая сущность христіанскаго вѣроученія и нравоученія, заключаютъ въ себѣ въ извлеченіи какъ бы весь Православный Катихизисъ. Послѣднимъ и достигается намѣченная авторомъ во введеніи слѣдующая цѣль: „сообщить въ краткихъ чертахъ ученіе вѣры и дѣятельности христіанской, также отношеній вѣрующаго къ православної церкви“ (введ. XXIII).

Нѣсколько въ иномъ родѣ слѣдующія за приведенными вами статьи архипастыря, вызванныя желаніемъ дать чита-
Анатолій Мартыновскій.

телю вѣчто похожее на церковныя молитвословы (введ. XXIV). Таковы статьи преосвященнаго подѣ заглавіемъ: „молитвенныя воздыханія къ Богу, внушенныя молитвою Господею“ (на каждое прошеніе молитвы отдѣльное молитвенное воздыханіе, 83—111 стр.); „возношеніе мыслей и сердца къ Матери Божіей при чтеніи молитвы: Богородице Дѣво“ (112—120 стр.) и, наконецъ, „возношеніе мыслей и сердца къ Богу, при слушаніи Божественной литургіи“ (на каждый возгласъ литургіи отдѣльное размышленіе, 121—173 стр.). Указанныя нами воздыханія и возношенія мыслей и сердца къ Богу представляютъ собою глубоко прочувствованныя, религіозно-поэтическія главы сочиненія, приспособленныя къ тѣмъ или другимъ церковнымъ молитвословіямъ.

Тѣсно примыкають къ предыдущимъ по цѣли и основному тону и слѣдующія размышленія архипастыря: „утреннее и вечернее возношеніе мыслей и сердца къ Богу“, „молитвенныя обѣты вѣры, надежды и любви“, „покаянныя воздыханія готовящагося къ таинству покаянія, послѣ исповѣди, готовящагося къ принятію святыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ“ и „возношеніе мыслей и сердца ко Спасителю по принятіи святыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ“.

Первыя два размышленія: „утреннее и вечернее возношеніе мыслей и сердца къ Богу“ (174—182; 183—190 стр.) представляютъ собою какъ бы хвалебный и благодарственный гимнъ челоуѣка, воспѣваемый имъ Богу на ряду съ прочими тварями міра. Въ первомъ изъ указанныхъ возношеній восходитъ дневнаго свѣтила—солнца вмѣстѣ съ появленіемъ зари утренней переноситъ мысль автора, а съ тѣмъ вмѣстѣ и читателя въ міръ горній, съ Солнцу правды, Спасителю нашему Іисусу Христу и Его вторичному пришествію на землю (уподобляемому авторомъ утру или разсвѣту дневному). При этомъ авторъ сильными красками старается изобразить тотъ безпорядокъ, или, хаосъ земной, какой наступитъ съ пришествіемъ Сына Божія. „Какимъ трепетомъ, восклицаетъ онъ въ концѣ „возношенія“, поколеблются тогда небеса, потрясется

земли, застонетъ вселенная, когда падуть съ своихъ мѣстъ небесныя свѣтила, возшумятъ бездны, растають раскалившіяся стихіи, потоки обратятся въ смолу горящую, прахъ станетъ пылающею сѣрою, все зальется огненной рѣкой, все пожретъ огонь, все величіе міра понесется въ дыму и исчезнетъ!“. Въ связи съ такой картиной печальнаго конца вселенной онъ не менѣе рельефно изображаетъ и горестную участь грѣшниковъ, ожидающую ихъ по суду Правды Божіей. „Правда Твоя, Господи, низринетъ ихъ въ озеро огненное, поднимется на нихъ пламенная его пучина, залютъ ихъ огненные геенскія воды, будутъ пылать и не потухнутъ во вѣки вѣковъ“... (1 ч. стр. 181—2).

Въ вечернемъ „возношеніи мыслей и сердца къ Богу“ христіанинъ, обзрѣвъ содѣянные за день прегрѣшенія, проситъ у Господа прощенія ихъ. „Господи!—говоритъ онъ, у Тебя исчислено скитаніе мое на землѣ. Быть можетъ, это ложе будетъ гробомъ моимъ; быть можетъ, въ эту ночь я засну своимъ смертнымъ. О, не дай мнѣ, Боже, уснуть въ грѣховной смерти!“... (стр. 189). Съ мыслию о Богѣ и будущемъ воскресеніи читатель - христіанинъ пусть и отходитъ ко сну, говоритъ авторъ въ концѣ „возношенія“.

„Молитвенныя обѣты вѣры, надежды и любви“ (стр. 191—199) заключаютъ въ себѣ твердое обѣщаніе христіанина сохранить навсегда неприкосновенными свою вѣру въ Бога, свое упованіе или надежду на Него и свою горячую любовь къ Нему. Обращеніемъ къ Богу—подкрѣпить указанныя три добродѣтели христіанина авторъ и заканчиваетъ свое размышленіе.

Вслѣдъ за симъ авторомъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей, однородныхъ по содержанию, это—покаянныя воздыханія готовящагося къ таинству покаянія“ (200—213 стр.), „послѣ исповѣди“ (214—219), „готовящагося къ принятію святыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ“ (220—227), и „возношеніе мыслей и сердца ко Спасителю по принятіи св. и животворящихъ таинъ Его“ (228—234). Всѣ эти раз-

мышленія полны разнообразныхъ выраженій чувствъ раскаянія и сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ съ одной стороны, — и благодарнаго воспоминанія о неисчислимыхъ благодѣляніяхъ Божіихъ падшему человѣку — съ другой. О нихъ-то по преимуществу можно сказать, что они проникнуты высоко-поэтическимъ и въ то же время истинно-христіанскимъ чувствомъ. Заключительными статьями первой части сочиненія служатъ: „покаянное воспоминаніе униженія и крестныхъ страданій Спасителя“ и „покаянныя воздыханія предъ иконою распятія Господа и Бога нашего Іисуса Христа“. Въ первой статьѣ, состоящей изъ многихъ отдѣльныхъ главъ (числомъ XXIX, стр. 235—374), авторъ воспроизводитъ по Евангелію различные моменты униженнаго состоянія Іисуса Христа, какъ напр., уменіе ногъ ученикамъ, пребываніе въ саду Геосиманскомъ, судъ синедріова, Пилата, Ирода и т. д. Свои воспоминанія — или вѣрнѣе — изображеніе указаннаго состоянія Іисуса Христа согласно Евангелію авторъ сопровождаетъ обычными у него глубоко поучительными размышленіями о силѣ и значеніи для падшаго человѣка крестныхъ заслугъ Іисуса Христа. Главное вниманіе его при этомъ обращено на возбужденіе въ читателѣ сокрушенныхъ чувствъ раскаянія и виновности предъ Богомъ. Такимъ же точно характеромъ запечатлѣна и послѣдняя статья автора подъ заглавіемъ: „покаянныя воздыханія предъ иконою распятія Господа и Бога нашего Іисуса Христа“ (стр. 375—429).

Во второй части сочиненія (302 стр.) въ формѣ возношенія мыслей и сердца къ Богу, молитвенныхъ воздыханій и т. д. авторъ изображаетъ разнообразныя обязанности христіанина, сообразно съ званіемъ и положеніемъ каждаго въ обществѣ. Предлагаемыя авторомъ молитвенныя воздыханія къ Богу имѣютъ цѣлю, по нему, споспѣшествовать внутренней, тайной молитвѣ, необходимой христіанамъ для испрошенія благодати Божіей (введ. во 2-й ч. I. II).

Не вдаваясь въ подробное изложеніе содержанія всѣхъ размышленій преосвященнаго, помѣщенныхъ во 2-й части

его сочиненія, мы ограничимся на сей разъ, какъ и равьше, передачею вкороткѣ содержанія только нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ началѣ 2-й ч. разсматриваемаго нами сочиненія пр. Анатолія помѣщено „возношеніе мыслей и сердца къ Богу въ день рожденія“ (1—14 стр.). Тутъ авторъ прославляетъ безконечную премудрость и благость Божию, являющую въ отношеніи человѣка, его бытія, состава и устройства его тѣла и поддержанія послѣдняго. „Каждое пробужденіе мое отъ сна, въ которомъ я не только не могу заботиться о себѣ, но даже не сознаю бытія моего, не есть ли, говоритъ устами автора христіанинъ, какъ бы новое рожденіе мое на свѣтъ, или возстановленіе существа моего? Ибо во время сна, невѣдомо для меня, рабочія храмины и внутреннія силы тѣла моего, совершая предуставленное имъ Тобою служеніе, то претворяютъ пріемлемую мною пищу въ кровь, и тѣмъ освѣжая ее, сообщаютъ ей неутомимое круговращеніе, то, отдѣляя соки отъ соковъ, очищаютъ мозги и обновляютъ хрящевыя слизи и масла, чтобы орудія каждаго чувства моего свободно и удобно служили моимъ потребностямъ. Такимъ образомъ, бодрствую ли я, или сплю, Ты окружаешь меня Своимъ попеченіемъ, объемлешь отеческою любовью, и днемъ являешь мнѣ Свою милость, и ночью не оставляешь меня“... (стр. 4—5). Сознывая свое ничтожество и полную невозможность отплатить чѣмъ-нибудь за великія благодѣянія Божіи, христіанинъ повергаетъ всего себя предъ лице Бога, прося Его помощи и заступничества на всѣхъ путяхъ жизни.

„Молитвенное обращеніе къ Ангелу хранителю“ (15—24 стр.) заключаетъ въ себѣ выраженіе чувствъ благодарности Ангелу хранителю за оказываемыя имъ непрерывно благодѣянія христіанину—со дня рожденія до наступленія зрѣлаго возраста. Въ заключеніи помѣщена теплая молитва къ Ангелу Хранителю о продленіи его благодѣтельной опеки впредь до конца жизни.

„Возношеніе мыслей и сердца къ Богу въ юности“ (25—39) даетъ превосходное наставленіе юношамъ относительно поведенія ихъ въ многоразличныхъ случаяхъ жизни. Въ основѣ поведенія полагается страхъ Божій, о дарованіи котораго юноша постоянно долженъ молить всеблагаго Создателя. Тѣсную связь съ предыдущимъ размышленіемъ имѣютъ и „молитвенныя воздыханія юноши о своихъ родителяхъ“ (40—46). И это разсужденіе начертываетъ рядъ добродѣтелей юношей, отрадныхъ для родителей (любовь къ нимъ, послушаніе, занятія науками и т. п.). Въ заключеніе совѣтуется юношамъ просить у Бога руководства въ такой пріятной родителямъ жизни ихъ.

„Возношеніе мыслей и сердца къ Богу въ сиротствѣ“ (47—59) можетъ служить прекраснымъ утѣшеніемъ для сиротки-скитальца въ его горестномъ положеніи. Оно облегчаетъ такое положеніе вложеннымъ въ душу сиротки сознаниемъ, во 1-хъ, всей важности благодѣяній къ нему воспитателей, во 2-хъ, что, при дурныхъ наклонностяхъ его, для него полезнѣе призрѣніе чужихъ, чѣмъ пристрастная, быть можетъ, любовь отца и матери... и, въ 3-хъ, размышленіемъ „о скитальчествѣ всѣхъ на землѣ и вѣчномъ пребываніи на небѣ“ а также—скитальчествѣ на землѣ Самого Иисуса Христа.

За симъ слѣдуютъ въ высокой степени поучительныя возношенія мыслей и сердца къ Богу въ разныхъ состояніяхъ и званіяхъ христіанина: „въ бѣдности“ (60—72), „супруга христіанина“ (73—83), „супруги христіанки“ (84—94); „молитвенныя воздыханія отца или матери о своихъ дѣтяхъ“ (95—100); „благоговѣйное размышленіе приходскаго священника о своихъ обязанностяхъ“ (101—113), „прихожанина объ отношеніяхъ своихъ къ церкви святой и къ своему священнику“ (114—128); „возношеніе мыслей и сердца къ Богу наставника юношей“ (129—135), „христолюбиваго воина“ (136—142), „судьи“ (143—149), „владѣльца“ (150—157), „состоящаго въ услугахъ“ (158—163), „занимающагося торговлею“ (164—170), „земледѣльца“ (171—178), „врача“ (179—

189), „художника“ (190—194). Во всѣхъ поименованныхъ нами размышленіяхъ авторъ, прекрасно знающій особенности всевозможныхъ званій и состояній житейскихъ, преподалъ полезныя и душеспасительныя наставленія христіанамъ разныхъ званій и состояній.

Въ нихъ архипастыръ убѣждаетъ своихъ читателей христіанъ—съ одной стороны—слѣдовать по пути добродѣтелей, каждому званію и состоянію житейскому свойственныхъ, а съ другой—отвращаться пороковъ и недостатковъ, противныхъ добродѣтелямъ¹⁾. Общую отличительную чертою большинства поименованныхъ нами размышленій является то, что въ нихъ авторъ постоянно устремляетъ взоръ читателя отъ предмета занятій въ мірѣ физическомъ къ міру духовному, къ нравственному міропорядку. По поводу, напр., занятій земледѣльца авторъ говоритъ о необходимости послѣднему сѣять спасительное сѣмя слова Божія на нивѣ сердца своего, занятій торговлею—о приобрѣтеніи неоскудѣваемаго сокровища, котораго ни вода не топить, ни огонь не пожретъ, испѣленія болѣзней—о духовной немощи и о грѣхѣ, занятій художника—о небесной красотѣ... и т. д.

Тѣсно примыкаетъ къ вышеуказаннымъ размышленіямъ и слѣдующее съ тѣмъ же религіозно-назидательнымъ характеромъ „молитвенное общеніе со святыми“ (195—209 стр.). Въ немъ авторъ, со свойственною ему силою воодушевленія восхваляя заслуги и блаженное состояніе святыхъ на небѣ, проситъ ихъ заступничества за живущихъ на землѣ.

¹⁾ Многіе изъ совѣтовъ и наставленій архипастыря отличаются особенною жизненностью и практичностью. Вотъ, напр., какіе совѣты преподаетъ онъ врачамъ, влагая въ уста ихъ слѣдующія пожеланія. „Боже спасенія моего! даруй мнѣ въ прохожденіи моего званія осмотрительный разумъ: чтобы я, не познавъ ближайшихъ причинъ болѣзни, не дѣйствовалъ необдуманно, не предписывалъ лѣкарствъ по однихъ догадкамъ, не ускорялъ опрометчивыми своими дѣйствіями кончины врачуемыхъ мною, не былъ причиною преждевременной ихъ смерти!... Распали сердце мое неприязненнымъ челоуѣколюбіемъ: чтобы я равно слѣшилъ на помощь къ бѣдному и богатому! Обогати меня безкорыстіемъ... и т. д. (стр. 186—7).

Обращаясь съ воззваніемъ къ святымъ, занимавшимъ въ мірѣ извѣстныя общественныя положенія, напр., царей, царицъ, князей, княгинь, святителей и пастырей стада Христова, вождей и воиновъ и т. д., онъ проситъ у всѣхъ и соотвѣтствующаго ихъ земному положенію покровительства.

На частные случаи написаны: „возношеніе мыслей и сердца къ Богу въ началѣ всякаго дѣла“ (210—213), „во время путешествія“ (214—221), „молитвенныя воздыханія въ скорби“ (222—229), „въ болѣзни“ (230—237), „во время бездождія“ (238—243) и „продолжительныхъ дождей“ (244—249). Последнія двѣ главы даютъ читателю, между прочимъ, краснорѣчивое описаніе бѣдствій отъ засухи и продолжительныхъ дождей. „Гнивьъ Твой, Господи, поядаетъ произведенія земли, восклицаетъ въ горѣ грѣшный человекъ, ова изчахла отъ жаровъ, зной пожралъ луга, засохли травы, истлѣли произрастенія, увыли нивы, опустѣли поля, сѣтуютъ пашни, задохлись сѣмена въ нѣдрахъ земныхъ, выгорѣли степныя пастбища, исчезло съ нихъ веселіе, увяли деревья, не приносятъ плодовъ своихъ, оскудѣли источники, обмѣлѣли рѣки, изсякли потоки, тоскуютъ стада, томны глаза животныхъ, потому что не находятъ пищи, чтобъ оживить себя; люди воздыхаютъ, недоумѣвая, чѣмъ будутъ питаться; горюютъ землепашцы, грустны садовники; нѣтъ жатвы на поляхъ, опустѣли житницы, оскудѣли засыпки. Иногда сгущаются облака, скопляются тучи, кажется полется благотворный дождь, напоить изсохшія нивы и пастбища, оживить увядшіе злаки, возвеселить лице земли!... Но облака содержатъ въ себѣ вѣтеръ; тучи чреваты вихрями, которые, кружась, помрачаютъ уносимымъ прахомъ свѣтъ дневной, сокрушаютъ лѣса вѣковые, разрушаютъ зданія, наполняютъ пылью самое дыханіе людей и животныхъ“... (240—241 стр.). Не менѣе краснорѣчиво описаніе бѣдствій, проистекающихъ для землепашцевъ отъ продолжительныхъ дождей (см. стр. 245—46). Указавъ причину бѣдствій въ грѣховномъ состояніи людей, авторъ въ заключеніе своихъ

размышленій побуждаетъ христіанъ обращаться къ Богу съ слезною молитвою о помилованіи и избавленіи отъ бѣдъ.

Заключительными главами 2-й ч. сочиненія служатъ: „возношеніе мыслей и сердца къ Богу, по избавленіи отъ угрожавшаго бѣдствія“ (250—254), „по исцѣленіи отъ болѣзни“ (255—259), „по полученіи просимаго отъ Бога“ (260—263), „въ старости“ (264—281). Въ размышленіи о старости весьма рельефными чертами изображаетъ авторъ протекшую жизнь человѣка, сравнивая ее съ моремъ, его бурями, тихимъ вѣтеркомъ, ладьей, подводными камнями, пучиною и т. д. Въ общемъ—черезъ-чуръ уже растянута. Последнія двѣ главы имѣютъ отношеніе къ смерти и загробной жизни, это: „молитвенныя воздыханія при размышленіи о смерти“ (282—292) и молитвенныя воздыханія о усопшихъ (293—302 стр.). Молитвенныя воздыханія при размышленіи о смерти представляютъ собою собраніе отдѣльных стиховъ, начинающихся словами извѣстныхъ церковныхъ молитвословій: Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ (слава Тебѣ, Боже, изведшему меня изъ ничтожества..., слава Тебѣ, покоившему меня у груди матери моей... и т. д.), подай Господи! (даруй мнѣ помнѣть часъ кончины моей... и т. д.), Господи, помилуй! (когда я, удрученный болѣзнію, почувствую приближеніе кончины земнаго бытія моего: Господи, помилуй меня!). Въ высокой степени трогательныя восклицанія...

Ознакомившись съ составомъ и отчасти содержаніемъ разсматриваемаго нами сочиненія архіеп. Апатолія, мы постараемся представить теперь характеристику этого сочиненія какъ съ внутренней, такъ и виѣшней стороны.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе при чтеніи означеннаго сочиненія, это—всюду проникающее его глубокое религіозное одушевленіе автора. Особенно сильно сказывается это одушевленіе тамъ, гдѣ авторъ старается изобразить мудрость и благодать Творца въ отношеніи къ міру и человѣку. Рѣчь автора въ такихъ мѣстахъ сочине-

нiя дѣлается восторженною и глубоко вдохновенною. Для образца приведемъ хотя небольшой отрывокъ изъ статьи: „возношенiе мыслей и сердца къ Богу земледѣльца“.

„Человѣколюбивый, премилосердый Господи, милующiй грѣшника и не оставляющiй грѣховъ его безъ наказанiя!... Благодарю всеблагое Провидѣнiе Твое, Господи, поставившее меня въ семь первобытномъ состоянiи, въ которомъ, воздѣлывая землю для своего и ближнихъ моихъ пропитанiя, и исполняю святое опредѣленiе праведнаго суда Твоего, убѣждаясь притомъ всякiй день въ безпредѣльной Твоей милости и промышленности о мнѣ! О, какъ много у Тебя благъ, сколь изумительно великъ Ты, Боже мой! Каждое мгновенiе жизни моей говоритъ мнѣ о Твоей благодати, каждый день передаетъ послѣдующему дню слово о Твоемъ всеобъемлющемъ Провидѣнiи; все, появляющееся утромъ и вечеромъ, проповѣдуетъ Тебя, каждая травинка возвѣщаетъ Твою премудрость и Твое объ ней попеченiе! Изъ какого множества нѣжнѣйшихъ волоконъ и нитей составлено каждое прозябенiе! Какъ премудро изъ одного колѣвка въ другое, изъ жилочки въ жилку, въ каждомъ растенiи, проведена живительная влага! Какъ, во всякаго рода хлѣбѣ, каждое зерно какъ бы пеленками повито, защищено чешуею и острыми иглами отъ вредныхъ насѣкомыхъ! Какое богатство щедротъ разсыяла десница Твоя, Господи, на всѣ твари; а человекъ весь облитъ потокомъ милостей Твоихъ, погруженъ въ Твоихъ благодѣянiяхъ! Нѣтъ числа и тѣмъ, которыя Ты на меня изливаешь, Любовь неоскудѣваемая... (2 ч. стр. 171—3).

Такое же религиознае чувство и одушевленiе связываются и во многихъ другихъ мѣстахъ означеннаго сочиненiя, — „возношенiи, напр., мыслей и сердца къ Богу врача, наставника юношей“ и т. д. Нѣтъ сомнѣнiя, что, проникнутая такимъ чувствомъ, вдохновенная рѣчь автора способна возбуждать и поддерживать въ читателяхъ ту искру божественнаго огня, которая, хотя и присуща всѣмъ людямъ, у

иныхъ по временамъ бываетъ потемнена и какъ бы не примѣтна. Живое религиозное чувство автора невольно общается читателю, въ которомъ не погасъ еще лучъ этого божественнаго огня.

На ряду съ живымъ религиознымъ чувствомъ и поэтическимъ одушевленіемъ автора мы замѣчаемъ въ этомъ сочиненіи и глубокое пониманіе архипастыремъ человѣческой природы со всѣми ея слабостями и недостатками. На многихъ страницахъ сочиненія можно усматривать, напр. тонкій анализъ авторомъ всевозможныхъ дѣйствій и изгибовъ человѣческой совѣсти. Особенно полно и рельефно такое знаніе авторомъ человѣческой души проявилось въ такъ называемыхъ „покаянныхъ воздыханіяхъ“ (покаянныя воздыханія готовящагося къ таинству покаянія, послѣ исповѣди, готовящагося къ принятію святыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ), имѣющихъ дѣлю вызвать въ читателѣ чувства сокрушеннаго раскаянія во грѣхахъ. Для примѣра мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ указанныхъ нами „покаянныхъ воздыханій“. „О, кто дастъ очамъ моимъ пучину слезъ, чтобы я могъ оплакать грѣхи мои (воскликаетъ авторъ въ „покаянныхъ воздыханіяхъ“ готовящагося къ таинству покаянія)“! Очи мои, лейте слезы день и ночь, не столько потому, что я потерялъ царствіе небесное, что минутныя удовольствія предпочелъ вѣчному блаженству, уготованному любящимъ Бога, что я заслужилъ безконечныя мученія въ гееннѣ огненной, сколько потому, что я оскорбилъ отческую любовь Божію, порочилъ своими поступками праведное имя Его..., что грѣхъ овладѣлъ всѣмъ существомъ моимъ, проникъ въ кости и мозги тѣла моего, отравилъ ядомъ своимъ мысли и чувства мои, волю и всѣ силы души моей... Такъ, совѣсть моя упрекаетъ, мучить терзаетъ меня, пороки мои обвиваютъ меня! Волнуютъ меня мысли мои, возмутился духъ мой, горько стало сердцу моему, разболѣлись грѣховныя язвы дупи моей, она истаяла отъ расслабленія силъ

своихъ, а при сознаниі вины моей, при ощущеніи грѣховныхъ ранъ моихъ, горечью отравлена жизнь моя, отвратительны стали для меня всѣ блага міра сего. Ужасаюсь и трепещу, что я поработился беззаконіямъ!“ (1 ч. 202—4 стр.).

Авторъ, какъ можно видѣть, умѣло пользуется знаніемъ поврежденной природы человѣка для того, чтобы внушить читателю чувства отвращенія къ различнымъ видамъ грѣха и порока и въ тоже время расположить его къ покаянію.

Не менѣе удачно пользуется онъ тѣмъ же знаніемъ человѣческой души, только уже облагодатствованной въ таинствѣ причащенія, чтобы возбудить въ христіанинѣ чувства благодарности къ Богу вмѣстѣ съ желаніемъ сохранить навсегда единеніе съ Христомъ Спасителемъ Нашимъ. Такими напр. чертами изображаетъ архипастырь свѣтлое состояніе души человѣка, удостоившагося общенія со Христомъ въ таинствѣ Евхаристіи. „Какими ощущеніями исполнило меня пришествіе Твое, Спасителю мой! Сердце мое наслаждается радостію, подобною той, какая оживотворяетъ получившихъ внезапно исцѣленіе отъ мучительной боли; я чувствую въ совѣсти моей легкость, какъ человѣкъ освободившійся отъ безмѣрной, угнетавшей его тяжести; сознаю въ себѣ сладость свободы, какъ разрѣшенный отъ тяжкихъ оковъ по изведеніи своемъ изъ смрадной темницы на чистый воздухъ; восхищаюсь, какъ ожидавшій осужденія, но нечаянно оправданный; радуюсь, какъ долго блуждавшій по непроходимымъ дебрямъ, нашедши прямой путь къ отеческому крову; веселюсь, какъ долго пребывавшій въ мракѣ и неожиданно узрѣвшій при дневномъ свѣтѣ красоту видимаго міра; испытываю отраду подобную ощущаемой тѣми, которые, долго пребывая въ отвратительной нечистотѣ, наконецъ омылись, очистились, одѣлись въ чистыя и свѣтлыя одежды!“ (Ч. I, стр. 229—30).

Нечего и говорить, что такія и имъ подобныя мѣста въ рассматриваемомъ нами сочиненіи архіепископа Ана-

толія способны возбудиць въ своихъ читателяхъ сознаніе грѣховности и виновности предъ Богомъ. Отсюда недалекъ переходъ и до чистосердечнаго раскаяніа во грѣхахъ и, какъ слѣдствіа послѣдняго, исправленія жизни... Къ этой благотворной перемѣнѣ въ душевномъ настроеніи своихъ, еще не поврежденныхъ сердцемъ, читателей и направлены, очевидно, всѣ усилія автора. Въ связи съ указанными нами чертами сочиненія замѣтно выступаетъ особенная сердечность, такъ сказать, задушевность тона автора. Всѣ разсужденія его исходятъ какъ бы изъ глубины души, изъ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ ея. Отъ того они могутъ, на нашъ взглядъ, трогать собою не только мягкія, но даже грубыя и очерствѣлыя сердца людей... Чтобы глубже подѣйствовать на чувства своихъ читателей, авторъ прибѣгаетъ къ разнообразнымъ приѣмамъ: то онъ изображаетъ всю глубину человѣческаго паденія во грѣхѣхъ и въ связи съ этимъ ожидающій человѣка гнѣвъ создателя, то старается ободрить его надеждою на милосердіе Божіе, то увѣщаваетъ, то грозитъ и милуетъ и т. д.—Желая вызвать въ читателѣ, можетъ быть, закоренѣломъ грѣшникѣ чувство сокрушеннаго раскаяніа во грѣхахъ, авторъ пользуется нерѣдко приѣмомъ самоуничженія, или, самоистязанія себя грѣшнымъ человѣкомъ. „Такъ, Промыслитель мой! восклицаетъ падши во грѣхѣхъ христіанинъ, я неблагодарнѣе предъ Тобою того бозумца, который, бывъ спасенъ отъ потопленія, бросился бы съ бѣшенствомъ на пораженіе своего избавителя; я дерзновеннѣе того раба, который вооружился бы на благодѣтельствующаго ему господина своего; я гнуснѣе того дерзкаго сына, который бы въ буйствѣ сердца своего возсталъ на своихъ родителей; я отвратительнѣе предъ Тобою, Боже, того нищаго, который, получивъ милостыню, дерзнулъ бы ударить въ ланиту своего благодотрителя: потому-что я съ того самаго мгновенія, въ которое сталъ сознать себя, постоянно оскорблялъ и оскорбляю Тебя, Благость вѣчная!“... и т. д. (Покаянное воспоминаіе

увичиженія и крестныхъ страданій Спасителя, ч. I. стр. 245—6). Вообще же слѣдуетъ сказать, что чрезъ это сочиненіе авторъ имѣетъ въ виду подѣйствовать не столько на умъ, сколько на чувства своихъ читателей. Онъ зналъ, что, если ему удастся покорить сердце своихъ читателей, то легче будетъ направить и волю ихъ на путь спасительныхъ заповѣдей Христовыхъ. Стремленіе сильнѣе подѣйствовать на чувства своихъ читателей привело его къ тому, что онъ допустилъ по мѣстамъ отступленія отъ главнаго предмета рѣчи, излишнія повторенія, растянутость въ рѣчи и нѣкоторые другіе, менѣе видные, недостатки въ сочиненіи...

Къ характернымъ особенностямъ разсматриваемаго нами сочиненія съ вѣднѣйшей стороны слѣдуетъ отнести: его простое, общедоступное изложеніе, легкость и плавность рѣчи, часто встрѣчающіяся въ немъ образность, картинность—вообще—поэтическій образъ выраженія мыслей. Сравненія и противоположенія составляютъ также одинъ изъ любимыхъ пріемовъ рельефнаго выраженія мыслей преосв. Анатолія. Наиболѣе употребительною формою противоположенія является святость и величіе Творца вселенной—съ одной стороны, и грѣховность съ ничтожествомъ человѣка—съ другой. Сравненіями же для автора служатъ самые разнообразныя предметы и явленія изъ міра физическаго, уподобляемые имъ нравственнымъ состояніемъ. Выраженія въ родѣ: „душа моя стремится, исходитъ на зовъ Твой, какъ въ знойный день лѣта томимая жаждою лань стремится на источники водные!“ (стр. 225—6, I ч.), весьма часто попадаются въ книгѣ. Языкъ разсматриваемаго нами сочиненія архіеп. Анатолія, какъ и языкъ его проповѣдей, во многомъ напоминаетъ намъ языкъ церковно-славянскій. Частымъ употребленіемъ словъ и оборотовъ церковно-славянскаго языка авторъ имѣлъ въ виду пріучить своихъ читателей изъ образованныхъ классовъ къ чтенію и пониманію церковно-славянскаго языка, котораго многіе изъ нихъ не понимали (какъ объ этомъ заявляетъ авторъ во введеніи къ

I ч. книги, стр. XXII—XXIII). Самая попытка автора приспособить въкоторыя свои статьи къ чтенію церковныхъ молитвослововъ заставляла его прибѣгать нерѣдко къ церковно-славянскимъ оборотамъ рѣчи... Складъ рѣчи—преимущественно библейскій: почти на каждой страницѣ можно видѣть образцы библейскаго слововыраженія. Для большей доказательности приведемъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія, полный библеизма. „Какъ осмѣлюсь приступить къ престолу толикой благодати, вызываетъ въ лицѣ автора кающійся христіанинъ, какъ дерзну отверзти двери сердца моего для принятія въ брвенную хранину души моеѣ Господа моего, не имѣя свѣтлой одежды, потерявъ ризу оправданія, данную мнѣ Имъ во святомъ крещеніи? Господи! я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровь мой!... Какъ же я, сожженный совѣстію, рѣшусь приступить къ Тебѣ, Богу моему? какъ я, трава изсохшая отъ зноя грѣховнаго, дерзну прикоснуться къ Тебѣ, огню божественному, поядающему беззаконныхъ? и т. д. (стр. 222, ч. I).

Полная библеизма рѣчь автора является, на нашъ взглядъ, особенно умѣстною въ данномъ сочиненіи, такъ какъ она, перенося постоянно мысль читателя къ содержанію Евангелія, болѣе всего способна убѣдить его въ проповѣдуемыхъ авторомъ истинахъ...

Не малую цѣнность разсматриваемому нами сочиненію придаетъ приложенныя къ нему духовныя стихотворенія, гравюры и виньетки собственной кисти преосвящ. Анатолія. Помѣщенныя въ концѣ сочиненія духовныя стихотворенія троякаго рода: одни—представляютъ собою переложеніе псалмовъ и подражаніе имъ и нѣкоторымъ мѣстамъ св. Писанія (Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, перелож. Ломоносова, Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ — Глинка, Коль возлюбленна селенія Твоя Господи силъ — Державина, Подражаніе Іову гл. 37—41 — Ломоносова и т. д.); другія представляютъ перифразъ пѣснопѣвній церковныхъ и подражаніе имъ (перифразъ „Царю небесный“, „Отче

вашъ“, „Душе моя, душе моя, востани! что спиши?“, подражаніе „Се женихъ грядетъ“, „Чертогъ твой вижду, Спасе мой“ и т. д.); третьи суть оригинальныя стихотворенія („Утреннее размышленіе о Божьемъ величествѣ“ Ломоносова, „Размышленіе по случаю грома“ Дмитриева и др., — всего 28 стихотвореній). Между оригинальными стихотвореніями, помѣщенными въ концѣ книги, не послѣднее мѣсто занимаютъ и стихотворенія самого Анатолія съ именемъ Авдія Востокова, таковы: „Утро“, „Вечеръ“, „Пѣснь земледѣльца“, „Покаянныя воздыханія“ и „Послѣдній день міра“. Не отличаясь особенною красотою построенія и виѣшней формы, упомянутыя стихотворенія преосвящ. Анатолія дышатъ глубиною, а помѣстамъ и свѣжестью мыслей и чувствъ... Наиболѣе удачными представляются, на нашъ взглядъ, слѣдующія стихотворенія его: „Пѣснь земледѣльца“ и „Послѣдній день міра“. Первое изъ этихъ стихотвореній, начинающееся словами, „Богъ въ помощь, пташечка моя! пой, пой мой жаворонокъ милый: ты оживляешь мои силы, я сѣю здѣсь и для тебя!“ по изображенію сельской идиллической обстановки и общему сочувствію къ труду земледѣльца, близкому къ природѣ и ведущему къ Богу, напоминаетъ нѣсколько стихотворенія Кольцова. Второе стихотвореніе, начинающееся словами:

„Настанетъ, вотъ грядетъ и близко страшный день!
 Въ сравненіи съ нимъ ничто или одва лишь тѣнь
 Всѣ роды бѣдствія, болѣзни, всѣ страданья,
 И жгучесть пламени, и тяжкихъ мукъ терзанья,
 Опустошительныя битвы, лютыя морь,
 Землетрасеніе, и изверженья горъ,
 Томленье жажды въ зной, гроза и сила грома,
 Потопъ всемірный, казнь страшная Содома!“... и т. д.,

выдается обиліемъ и разнообразіемъ красокъ, изображающихъ послѣдній день міра. По рельефности изображенія и

силѣ чувства это стихотвореніе преосвщ. Анатолія должно быть признано безусловно однимъ изъ лучшихъ произведеній преосвященнаго.

Особенное украшеніе сочиненія составляютъ прекрасныя гравюрыны рисунки и вивьетки собственной работы преосвященнаго, о которыхъ мы дадимъ отчетъ въ концѣ нашего изслѣдованія. Теперь же только замѣтимъ, что помѣщенные въ разсматриваемомъ нами сочиненіи гравюры, выполненные на деревѣ лучшими художниками, изображаютъ: 1) церковь Христову подъ образомъ вещественнаго храма, 2) Пресвятую Троицу, 3) Божію Матерь, 4) Господа нашего Іисуса Христа, 5) св. мученицу и равноапостольную Марію Магдалину, 6) Спасителя, изрекающаго: „примите, ядите“ и проч. 7) распятіе Іисуса Христа, 8) св. Ангела Хранителя, 9) образъ всѣхъ святыхъ и 10) Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа сошествіе во адъ. Кромѣ гравюръ въ концѣ почти каждой отдѣльной главы сочиненія приложены изящныя и вмѣстѣ съ тѣмъ назидательныя вивьетки, изображающія, напр., эмблемы смерти Богочеловѣка (крестъ, копіе, лѣстница, терніе, виазюкости и голова перваго челоуѣка), или, напр., руку ниспосылающую пищу птицамъ, молящагося предъ престоломъ Всевышняго грѣшника и т. д., смотря по содержанію помѣщенныхъ въ сочиненіи статей.

Всѣ, перечисленныя нами, приложенія къ сочиненію (духовныя стихотворенія, гравюры и вивьетки), взятые вмѣстѣ, не мало содѣйствуютъ достиженію главной цѣли изданія этого сочиненія—отвлечь русскихъ православныхъ людей отъ чтенія на польскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ книгъ и книжонокъ, издаваемыхъ со всевозможными типографскими украшеніями и роскошью. Въ то же время эти приложенія составляютъ превосходное дополненіе къ самому содержанію сочиненія: подобно ему они возбуждаютъ религіозно-нравственныя чувствованія въ неповрежденныхъ еще сердцемъ читателейъ.

Разсмотрѣнное нами сочиненіе архіеп. Анатолія вскорѣ по своемъ появленіи на свѣтѣ встрѣтило весьма сочувственный для себя приемъ въ русскомъ читающемъ обществѣ. Насколько это сочиненіе пришлось по вкусу послѣднему, видно изъ того, что съ 1848 (1 изд.) по 1867 г. (5 изд.) оно выдержало цѣлыхъ пять изданій¹⁾. Изъ всѣхъ сочиненій преосвящ. Анатолія это имѣло наибольшее распространеніе во всѣхъ классахъ общества. Богатство и разнообразіе содержанія его, простота и общедоступность изложенія въ связи съ изяществомъ изданія невольно подкупали въ пользу его всякаго, сколько нибудь знакомаго съ этимъ сочиненіемъ. Въ немъ каждый, къ какому бы званію и состоянію ни принадлежалъ, могъ найти чтеніе, вполне соотвѣтствовавшее его положенію въ обществѣ и личному душевному настроенію. Несомнѣнная полезность этого сочиненія для всякаго вѣрующаго чловѣка-христіанина засвидѣтельствована даже такимъ спеціальнымъ журналомъ, какъ „Труды императорскаго вольнаго экономическаго общества“. Въ библиографическомъ отдѣлѣ этого журнала мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее. „Наша библиографія посвящена отчету о всѣхъ тѣхъ книгахъ, которыя сельскому хозяину или мануфактуристу, строителю, инженеру... могутъ быть полезны. О книгахъ духовнаго содержанія мы не упоминаемъ, предоставляя разборъ оныхъ журналамъ, имѣющимъ философское направленіе и рубрику духовной литературы. Но книга, заглавіе которой здѣсь выписано (вѣра, надежда и любовь),— именно такая книга, которая, по нашему убѣжденію, должна быть семейною книгою и быть читана какъ сельскимъ

¹⁾ Мы имѣемъ подъ руками экземпляры этого сочиненія въ 1-мъ изд. (1848 г.) и 2-мъ (1854 г.). Разница же между изданіями вообще значительная. Такъ напр.: 1-е изд. состоитъ всего изъ одной части, а не изъ двухъ, какъ прочія; въ немъ также отсутствуютъ многія статьи, духовныя стихотворенія и даже рисунки, находящіеся въ остальныхъ изданіяхъ. Въ 5-мъ изд. сравнительно съ предыдущими есть кой-что лишнее, какъ напр., „Катихизическія собесѣдованія съ дѣтьми“, представляющія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ соображеніе православнаго христіанскаго катихизиса.

хозяйномъ, будь онъ владѣлецъ, или крестьянинъ, и купцомъ, и мавуфактуристомъ, и врачомъ, и строителемъ, и инженеромъ. Въ книгѣ этой, что страница, то высокое изложене евангельскихъ истинъ, что статья, то цѣлое краснорѣчивое и въѣсть съ тѣмъ преисполненное простоты моленіе къ Предвѣчному Подателю всѣхъ благъ. Авторъ этой книги, принадлежащій къ высшей нашей духовной іерархіи, изъ скромности скрылъ свое имя (книга издана подъ инициалами А. А. М. М.), но тѣмъ не менѣе тысячи благодареній вознесутся къ нему незримо за это, преисполненное высокой нравственности, собраніе самыхъ назидательныхъ поученій, изложенныхъ съ самою краснорѣчивою простотою¹⁾.

Приведенный нами отзывъ о сочиненіи свѣтскаго журнала служить нагляднымъ доказательствомъ пригодности и полезности его для лицъ всѣхъ званій и состояній...

III. Разборъ сочиненія преосв. Анатолія: „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“. Записки Авдія Востокова. 2 ч. изд. протоіерея Василя Гречулевича (1-е—1857 г., 2-е—1864 г.). С.-Петербургъ.

Сочиненіе, заглавіе котораго выписано, занимаетъ безспорно первое мѣсто въ ряду другихъ произведеній пр. Анатолія²⁾. По содержанію и характеру своему оно принадлежитъ къ разряду—такъ называемыхъ—историко-полемическихъ: полемическій тонъ упомявутаго сочиненія выдержанъ

¹⁾ См. Труды Импер. Вольнаго Экономическ. Общества. 1854 г., мартъ, т. I, отд. библиографіи, стр. 95—96. Краткая рецензія о сочиненіи помѣщена еще въ систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы за 1878 г., стр. 123. Здѣсь отмѣчена польза этого сочиненія для дѣтей старшаго возраста. Кромѣ этого замѣтка о сочиненіи помѣщена въ Отечественныхъ Запискахъ за 1854 г. т. 93, отд. 4, стр. 35. Последней книги мы не имѣли подъ руками.

²⁾ Не трудно видѣть, что подъ псевдонимомъ Авдія Востокова подписался пр. Анатолій. Авдій—Августинъ (мірское имя), Востоковъ—соотвѣствуетъ греч. слову „ἀνατολή“ (востокъ),

съ начала и до конца его. Главный предметъ, составляющій содержаніе всего сочиненія, это—римскій католицизмъ самъ въ себѣ и въ его отношеніяхъ къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣчеству. Преимущественное вниманіе автора при разсмотрѣніи римскаго католицизма обращено, какъ и слѣдовало ожидать, на *папство*, средоточный пунктъ и основу католическаго міра.

Основная мысль сочиненія, проходящая повсюду въ немъ, та, что римская Церковь со времени отдѣленія своего отъ восточной потеряла чистоту первоначальнаго христіанства или католическаго православія. Эта мысль или положеніе автора послѣдовательно имъ доказывается въ области догматовъ, каноновъ, обрядовъ и установленій римско-католической Церкви.

Методъ, которому составитель „Записокъ“ о римской Церкви слѣдуетъ въ доказательствахъ неправоты послѣдней, можно назвать *ординарнымъ* или *обычнымъ* полемическимъ методомъ¹⁾. Сущность этого метода заключается въ слѣдующемъ: съ одной стороны авторъ по возможности кратко излагаетъ предъ читателемъ положительное ученіе нашей

¹⁾ Называемъ *обычнымъ* потому, что только въ недавнее сравнительно время получили извѣстность приемы полемики съ латинянами и протестантами, совершенно отличный отъ прежняго. Практиковавшійся у насъ въ теченіе долгаго времени полемическій приемъ состоялъ обыкновенно въ томъ, что каждому частному пункту ученія католичества или протестанства противопоставлялось такое же частное ученіе правосл. церкви и затѣмъ изъ сравненія вытекала неправота первыхъ. Въ послѣднее время—съ появленіемъ полемическихъ трактатовъ нашихъ славянофиловъ—Хомякова, Самарина, Гильфердинга и др., а также—сочиненія о протестанствѣ еп. Хрисанова („характеръ протестанства“) —стало примѣняться въ полемикѣ другой приемъ, по которому опровергалось не то или другое ученіе р. католиковъ и протестантовъ въ частности, а цѣлая система ихъ, взятая въ совокупности,—при чемъ съ опроверженіемъ цѣлой системы неизбежно падали и частные пункты ученія. Особенное вниманіе по новому методу обращалось на самый духъ и характеръ католицизма и протестанства, несогласный съ духомъ католическаго православія. Этимъ полемическимъ методомъ, стоящимъ, безъ сомнѣнія, выше прежняго, пользовался при писаніи своего сочиненія и протоіер. А. Лебедевъ („о главенствѣ папы“ изд. 1887 г.).

Церкви о томъ или другомъ частномъ пунктѣ вѣроученія, а съ другой—въ параллель правому ученію нашей Церкви—показываетъ шаткость и полную несостоятельность р.-католическаго взгляда на тотъ же предметъ вѣры. Въ послѣднемъ случаѣ Авдій Востоковъ старается поразить своихъ противниковъ (р.-католич. богослововъ) оружіемъ званія, обильно почерпаемымъ изъ книгъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго завета, преданія Церкви, исторіи церковной, каноническаго права и другихъ сопредѣльныхъ наукъ, а также—соображеній разума.

Съ внѣшней стороны вышеназванное сочиненіе Авд. Востокова распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая объимаетъ собою 17-ть главъ сочиненія, а вторая—8-мь. Въ сочиненіи есть кромѣ того предисловіе и введеніе.

Мы пока остановимъ наше вниманіе на предисловіи, представляющемъ собою взглядъ автора на современныя ему отношенія Рима къ Церкви Восточной и главнымъ образомъ—нашей отечественной, а также—задачу и цѣль изданія означеннаго сочиненія.

Указавъ въ началѣ предисловія на кротость, мягкость въ обращеніи, снисходительное терпѣніе заблудшихъ и т. п. отличительныя черты пастырей и пасомыхъ нашей Церкви въ ихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ,—авторъ такъ характеризуетъ послѣдователей западной Церкви. „Не смотря, говоритъ онъ, на духъ кротости, миролюбія и терпѣнія нашей Церкви, пастырей и послѣдователей ея, на западѣ издано въ предшествовашіе вѣка послѣдователями различныхъ христіанскихъ вѣроученій,—преимущественно же издается въ наши времена,—такое мпожество книгъ противъ ученія восточной Церкви, что ихъ трудно было бы даже перечестъ, не только оцѣнить по достоинству... Но особенно вооружились противъ нея теперь—такъ называемые—ультрамонтанисты, или писатели латинской Церкви, провозглашающіе господство своего папы и частной римской церкви надъ всѣми правительствами, частными церквами и народами міра. Правда, что съ учені-

емъ ультрамонтанизма не совсѣмъ согласны и писатели латинской церкви, состоящіе въ Италіи, напр. въ Австріи, Баваріи и въ самой Франціи; но ультрамонтанизмъ, распространяемый и усиливаемый въ наше время іезуитами, преимущественно во Франціи, пользуясь повсемѣстнымъ распространениемъ французскаго языка, посредствомъ сочиненій на этомъ языкѣ, съ какою-то лихорадочною дѣятельностью усиливается повсемѣстно насадить свой образъ мыслей, особенно же возстать противъ вѣроученія и іерархическаго устройства восточной Церкви, не пада для этой цѣли самыхъ чудовищныхъ вымысловъ, очевидныхъ лжей и безсовѣстнаго искаженія историческихъ истинъ“ (III—IV стр.). Считаая сочиненія подобнаго рода бессильными къ тому, чтобы серьезно образованныхъ людей ввести въ сомнѣніе на счетъ истинности догматовъ нашей церкви, авторъ „Записокъ“ замѣчаетъ: „однакожь, имѣя въ виду болѣе немощныхъ братьевъ нашихъ, не можемъ оставаться равнодушными свидѣтелями того, какъ сочиненія, написанныя на Западѣ противъ вѣроученія восточной Церкви, — наконецъ, темными путями, стали проникать въ наше отечество... Сверхъ того, проживающіе въ нашемъ отечествѣ въкоторыя иновѣрцы, обращаясь съ послѣдователями нашей церкви, не опускаютъ случаевъ предлагать возраженія противъ ея догматовъ, или привлекать къ чтенію книгъ, составленныхъ въ духѣ, враждебномъ ея вѣроученію. Итавъ очевидно, что руководствуемые нашею церковію находятся теперь въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ были правовѣрующіе христіане первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, когда еретики и невѣрные усиливались всевозможными хитросплетеніями поколебать ученіе церкви Христовой“ (IV—V стр). Съ цѣлію дать православнымъ оружіе противъ враговъ церкви, преимущественно же въ противоположность ученію и дѣйствіямъ ультрамонтанизма, и издана настоящая книга пр. Анатолія. Сверхъ того, побужденіемъ къ изданію означенной книги, по словамъ автора ея, было то, „что на нашемъ отечественномъ языкѣ почи нѣтъ сочиненій къ от-

раженію козвей современныхъ противниковъ нашей церкви, исключая развѣ книгъ: *Разговоры между испытующимъ и уврѣненнымъ о православіи восточной церкви, Правда вселенской церкви о патріаршихъ престолахъ*, и рѣдко помѣщаемыхъ статей подобнаго содержанія въ журналахъ, издаваемыхъ при нашихъ духовныхъ академіяхъ и читаемыхъ только ихъ подписчиками" (стр. VI—VII). Итакъ, какъ видитъ читатель, главнымъ движущимъ мотивомъ къ изданію пр. Аватоліемъ своихъ „Записокъ“ было желаніе дать книгу, которая могла бы для православныхъ изъ русскихъ служить противоядіемъ усилившемуся въ то время католицизму. Отвѣчая потребностямъ времени, книга эта, по предположенію ея автора, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ восполнить пробѣлъ и крайнюю скудость у насъ полемическихъ противу папизма сочиненій.

Чтобы вѣрнѣе судить о современныхъ Авдію Востокову отношеніяхъ къ Россіи римскаго католицизма (о чемъ авторъ такъ распространяется въ предисловіи), мы считаемъ нужнымъ бросить хотя бѣглый взглядъ на предшествующее состояніе у насъ католичества въ связи съ полемической литературой.

Въ исторической жизни юго-западной Россіи 16-й и 17-й вѣка извѣстны, какъ время наивысшаго развитія и господства у насъ католичества (чистаго и въ формѣ униі) и полемической литературы. Въ то время появились такія важныя полемическія сочиненія, какъ: „Палинодія или книга оборовы св. каеолической церкви“ (1621—22 г.), Захаріи Копыстенскаго, „Обличеніе на унию“ (1608 г.), Леонтія Карповича, „Бесѣда бѣлоцерковская“ (1676 г.), Іоанникія Голятовскаго, „Новая мѣра старой вѣры“ (1676 г.), Лазаря Барановича, „О происхожденіи Святаго Духа отъ едиаго Отца“, Адама Зерныкава и т. п., писанныя большею частію на польскомъ и латинскомъ языкахъ.

Не беря во вниманіе этихъ и имъ подобныхъ многочисленныхъ сочиненій, какъ представляющихъ собою чисто историческіе памятники полемической литературы далекаго

прошлаго (16—17 вв.), мы воспеемъ полемическихъ сочиненій болѣе близкаго къ намъ времени—18 и 19 вѣковъ.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка, съ присоединеніемъ къ Россіи по черному раздѣлу Польши (1773 г.) Бѣлоруссіи, а по второму и третьему (1793 г.)—земель Малороссіи и Литвы, —католицизмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо въ повоприсоединенныхъ къ Россіи областяхъ. Вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши императрица Екатерина II я, изъ чисто государственныхъ соображеній, дала у себя пріютъ канонически упраздненному, по требованію европейскихъ государствъ, ордену іезуитовъ. Послѣдніе, воспользовавшись гостепримствомъ и терпимостью великой государыни, употребили во вредъ Россіи же пріобрѣтенныя ими въ ней вѣсы и вліяніе. Они покрыли сѣтью своей пропаганды несчастную Бѣлоруссію, главное мѣсто ихъ дѣятельности, и были виною совращенія многихъ въ католицизмъ и унию. Самое возсоединеніе униатовъ съ православною церковію, съ такимъ успѣхомъ начавшееся было въ Бѣлоруссіи послѣ 1-го раздѣла Польши (присоединилось къ православію за три года 130,000 униатовъ), было надолго задержано зловредною дѣятельностью тѣхъ же іезуитовъ¹⁾.

Не было, какъ всегда, недостатка и въ просвѣщенныхъ ревнителяхъ православія, всѣми силами своего ума и воли противодѣйствовавшихъ католицизму и іезуитамъ. Только ревнители эти, къ несчастію для православія, дѣйствовали большею частію *одиноко*, не имѣя достаточной поддержки со стороны правительства и вліятельной части общества: потому то и дѣятельность ихъ въ пользу православія не всегда приносила желанныя плоды. Къ числу видныхъ дѣятелей на пользу православія въ борьбѣ съ католицизмомъ принадлежить выдающійся іерархъ царствованія Екатерины II-й Георгій Ковисскій, Бѣлорусскій архіепископъ († 1795 г.). Помимо

¹⁾ Изъ присоединившихся къ православію униатовъ въ 1794—96 гг. около 2-хъ милліоновъ—большинство были жители подольской губерніи, волынской и менѣе всего мичской и Бѣлоруссіи. См. „Римскій католицизмъ въ Россіи.“ гр. Д. А. Толстаго. 1876 г. т. 2, стр. 90.

многихъ чисто практическихъ мѣропріятій этого архипастыря въ защиту православія отъ происковъ и притѣсненій со стороны латинянъ, незабвеннымъ памятникомъ его противокатолической дѣятельности служатъ и слѣдующія историко-полемическаго характера сочиненія: „О томъ, что въ Россіи никогда не было уніи“, небольшой отрывокъ изъ сочиненій объ уніи, представляющій какъ бы резюме всѣхъ общепогребительныхъ тогда доказательствъ раскрываемой мысли съ опроверженіемъ мнѣній противниковъ. Затѣмъ — „Права и вольности исповѣдующихъ греко-восточную вѣру въ Литвѣ и Польшѣ“ (1767 г.), сочиненіе, представляющее постановленія польскаго правительства, изданныя въ пользу православныхъ Литвы и Польши; „Историческое извѣстіе о бѣлорусской епархіи“, „Историческое слово о бывшихъ говеніяхъ“, „Довошеніе императрицъ о притѣсненіяхъ духовенству“, „Письмо о дѣлахъ уніи“ и многія др. сочиненія, не чуждыя полемики съ римско-католиками ¹⁾.

Въ своихъ сочиненіяхъ, направленныхъ въ защиту православныхъ отъ притѣсненій Польскаго правительства, Георгій Ковисскій опирается главнымъ образомъ на давнія исторіи, говоряція въ пользу первыхъ, — отчего получаетъ особенную устойчивость и силу и самая полемика его съ латинами. Историко-полемическія сочиненія Георгія Конисскаго (большая часть которыхъ издава въ недавнее время), помимо ихъ безспорно важнаго значенія для своего времени, не утратили еще научнаго интереса и въ наше время, служа болѣе или менѣе обильнымъ источникомъ для сочиненій по исторіи уніи и — вообще — распространенію и господству католицизма въ Россіи въ 17—18 вѣкахъ.

¹⁾ См. Обзоръ русской духовной литературы. 862—1863 г. Филарета, архіеп. Черниговскаго“, стр. 367—8. Изд. 3-е 1884 г.; также: „Литовская церковь. уніа. М. Колядовича т. I. 1859 г., стр. 220—21. Замѣч. объ источникахъ. Георгію Конисскому приписывается и „Исторія Малой Россіи“ — выдающееся сочиненіе, въ которомъ авторъ его, „смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, по выраженію архіеп. Черниговскаго Филарета, съ любовью къ родному и ненавистію къ фанатизму пропаганды увлекается иногда, Впрочемъ — рѣдко, за предѣлы справедливости“.

Тѣсно примыкаетъ къ сочиненіямъ Георгія Конисскаго однородное по характеру и содержанію своему и сочиненіе его современника, извѣстнаго Вантышъ-Каменскаго († 1814 г.), подъ названіемъ: „Исторія униѣ“. Нечего и говорить, что это замѣчательное по своему времени сочиненіе Вантышъ-Каменскаго и доселѣ еще не потеряло своей цѣны, потому что свѣдѣнія, приводимыя въ его „Исторіи униѣ“, почерпнуты большею частію изъ рѣдкихъ рукописей.

При преемникѣ императрицы Екатерины II-й, Павлѣ I, іезуиты, а вмѣстѣ съ ними и римско-католическая пропаганда въ Россіи еще болѣе возымѣли силу. Видя въ католициствѣ, по внушенію латинской партіи, опору колебавшихся въ ту пору европейскихъ троновъ, императоръ Павелъ приблизилъ къ себѣ іезуитовъ и сталъ оказывать имъ самое широкое покровительство. Принявъ на себя почетный титулъ великаго магистра ордена мальтійскихъ рыцарей, среди которыхъ было не мало іезуитовъ, онъ поддался вліянію послѣднихъ и особенно хитрѣйшаго между ними—патера Грубера, ставшаго приближеннымъ императора. Слѣдствіемъ внушеній и происковъ партіи іезуитовъ были—между прочимъ—слѣдующія, важныя для положенія католицизма въ Россіи, распоряженія и дѣйствія императора Павла I-го: увольненіе отъ завѣдыванія дѣлами католической церкви въ Россіи митрополита Сестрэнцевича, съ замѣною послѣдняго креатурою іезуитовъ—коадьюторомъ митрополита—епископомъ Бениславскимъ,—освобожденіе, далѣе, монашескихъ орденовъ отъ подчиненія епархіальнымъ епископамъ (при управленіи ими провинціаловъ) и—что самое важное—послѣдовавшее, по ходатайству императора, въ 1801-мъ году (отъ 7-го Марта) каноническое возстановленіе ордена іезуитовъ въ предѣлахъ Россійской имперіи папою Піемъ VII¹⁾). Покровительствуемые императоромъ, іезуиты, по удаленіи м. Сестрэнцевича, совершенно овладѣли дѣлами русско-латинской церкви и, пользуясь

¹⁾ Первымъ генераломъ ордена былъ Францискъ Карё, скоро умершій (авг. 1802), а вторымъ знаменитый Груберъ.

своимъ могуществомъ, въ одинъ годъ распространились по всѣмъ концамъ Россіи. Не довольствуясь слишкомъ скромнымъ Полоцкомъ, который былъ доселѣ главнымъ центромъ дѣятельности ордена, они успѣли утвердиться въ самомъ Петербургѣ, завладѣли здѣсь принадлежавшимъ католикамъ костеломъ со всѣми его имѣніями и доходами (при посредствѣ Грубера), захватили себѣ нѣсколько костеловъ въ саратовскихъ и южныхъ колоніяхъ, взяли въ свое управленіе католическія церкви въ Одессѣ и Ригѣ, гдѣ открыли школы, также въ Астрахани и Моздовѣ ¹⁾).

При такомъ положеніи дѣлъ ободрилась и оживилась латинская пропаганда въ Россіи: въ лицѣ іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ, духовенства и даже помѣщиковъ—римскій католицизмъ сталъ стремиться къ завоеваніямъ и насильственнымъ обращеніямъ въ свою вѣру не только униатовъ, но и православныхъ. „Нынѣ увѣдомляемъ, говорится въ одномъ указѣ 1797 г., что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ (главнымъ образомъ—Бѣлоруссіи) духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняють священно-служителей православныя греко-россійскія церкви, и не токмо тайно внушеніями, но даже насильственно отторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней прильпившихся, обращая ихъ къ униатству“ ²⁾). Къ высказанному нами о положеніи католицизма въ царствованіе императора Павла I-го остается добавить, что правительство Павла I отдало всю униатскую церковь въ полное и открытое подчиненіе католикамъ, ввѣривъ ее одному управленію съ латинскою церковію подъ вѣдомствомъ католической коллегіи, въ которой не было ни одного члена изъ униатовъ. Въ виду такого обстоятельства дѣло воссоединенія униатовъ съ православною церковію на время прекратилось.

¹⁾ Римскій католиц. въ Россіи. Гр. Д. А. Толстаго. т. 2-й, стр. 141.

²⁾ Тамъ же. стр. 149—50.

Въ кратковременное царствованіе императора Павла I (1796—1801), при усиленіи въ Россіи католицизма и покровительствѣ ему со стороны верховной власти, полемика наша съ латинянами не могла быть особенно значительною. Полемическіе труды этого времени писались большею частію людьми науки и притомъ по вызову неизбѣжныхъ обстоятельствъ. Къ числу такихъ немногочисленныхъ трудовъ принадлежитъ—между прочимъ—„кановическое изслѣдованіе о папской власти“, написанное въ 1800 г. извѣстнымъ ученымъ іерархомъ Евгеніемъ Волховитяновымъ, въ бытность его профессоромъ и префектомъ Петербургской Академіи. Сочиненіе это, не изданное въ свое время въ печати, затрогиваетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ разногласія нашего съ церковію католическою и направлено противъ записки „о соединеніи церквей“ извѣстнаго іезуита Грубера. Отличительный характеръ сочиненій противъ латинянъ этого и послѣдующаго времени тотъ, что они принимаютъ характеръ—по преимуществу догматико-полемической.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I, для католичества въ Россіи наступило, повидимому, неблагоприятное время. Этотъ просвѣщенный и религіозно-настроенный съ мистическимъ оттѣнкомъ государь не расположенъ былъ оказывать покровительство ордену іезуитовъ. При самомъ вступленіи своемъ на престолъ онъ отказался отъ званія гроссмейстера мальтійскаго Ордена и, оставляя іезуитовъ на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, запрещалъ имъ селиться въ новыхъ,—а равно утверждать самовольно новыя школы въ другихъ городахъ, кромѣ Полоцка. Не смотря однако на такое нерасположеніе къ ордену государя, опытные во всякихъ проискахъ іезуиты скоро нашли возможнымъ усилить свой орденъ, даже болѣе, чѣмъ при Павлѣ I. Сильными покровителями и пособниками ихъ явились: кн. А. Н. Голицынъ, сначала Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода (1803 г.), затѣмъ главноуправляющій духовными

дѣлами иностранныхъ исповѣданій (1810 г.) а съ 1817 г. — министръ двойнаго министерства; графъ Жозефъ-де-Местръ, воспитанникъ іезуитовъ, бывшій въ 1803 году сардинскимъ посланникомъ въ Петербургъ, пріобрѣтшій, благодаря своему острому уму, блестящему краснорѣчію и свѣтской образованности, большія связи въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ и заправлявшій дѣлами ордена¹⁾. Кромѣ указанныхъ, пособниками и покровителями іезуитовъ были многія другія выдающіяся по своему служебному положенію и связямъ лица, — какъ то: генералъ-губернаторъ — херсонскій (герцогъ Ришелье), сибирскій (Пестель), рижскій (маркизъ Паулучи), московскій (гр. Раstopчинъ), — графъ Ильинскій, Разумовскій и др. Опираясь на силу и поддержку многихъ правительственныхъ и частныхъ лицъ (особенно знатныхъ полекъ), іезуиты высоко подняли голову и открыли дѣйствія пропаганды въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ равьше она не проявлялась въ центрѣ Россіи. Разсматриваемое нами время пропаганды іезуитовъ (съ 1802—1815 г.) безъ преувеличеній можетъ быть названо самымъ блестящимъ временемъ р. католицизма въ Россіи, когда правительственныя сферы русскія были охвачены какимъ то непонятнымъ упоеніемъ католицизмомъ, какъ позже — мистицизмомъ.

Утвердившись прочно въ Петербургѣ, іезуиты раскинули свѣтъ своей пропаганды по всей Россіи, не исключая и окраинъ ея. Настоящее гнѣздо ихъ было, какъ извѣстно, въ Вѣлоруссіи: тамъ былъ центръ ихъ пропаганды, тамъ жилъ генералъ ихъ ордена (послѣ Грубера — Бржозовскій, типъ іезуита — поляка), устроенъ былъ ихъ новиціатъ на 70 учениковъ съ превосходною библіотекою и кабинетами, тамъ же были ихъ поземельныя имущества. Изъ Полоцка и Витебска миссіонерская дѣятельность ихъ простерлась на

¹⁾ Для возвышенія панства гр. де Местромъ написана дѣлая книга „du Rare“, (изд. въ 1-й разъ въ 1838 г., 2-й — въ 1846 г.), заключающая въ себѣ интересную переписку де-Местра за время пребыванія его въ Россіи.

Рягу и Митаву, гдѣ жило много католиковъ изъ французскихъ эмигрантовъ, поляковъ и нѣмцевъ. Потомъ они проникли въ Новороссійскій край—Одессу, Крымъ, и принялись за пропаганду по всему пространству Южной Россіи отъ Кіева до Симферополя и отъ Каменца Подольскаго до Моздока (на Кавказѣ). Подъ предлогомъ цивилизаціи Сибири они пробрались даже туда и не замедлили обнаружить свою дѣятельность совращеніемъ православныхъ въ католицизмъ.

Орудіями ихъ пропаганды были понастроенные всюду костелы, каплицы и школы. Изъ послѣднихъ выдавались по своему громадному вліянію на православныхъ аристократическіе модные пансіоны аббата Никола въ Петербургѣ и Одессѣ, куда отцы и особенно матери аристократическихъ семействъ спѣшили отдавать для обученія своихъ дѣтей съ платою 1500—2000 руб. въ годъ за каждаго воспитанника. Въ видахъ обособленія своихъ многочисленныхъ школъ отъ Виленскаго университета, надзору котораго были подчинены всѣ ихъ учебныя заведенія, іезуиты добились (при посредствѣ гр. Местра и кн. Голицына) учрежденія въ Полодкѣ академіи со всѣми правами высшаго учебнаго заведенія (1812 г.).

Получивъ отъ русскаго правительства столько милостей, іезуиты начали считать себя довольно сильными къ тому, чтобы открыть дѣятельную пропаганду въ обѣихъ столицахъ нашей имперіи—Петербургѣ и Москвѣ. Французскіе эмигранты, во множествѣ разсѣянные по Россіи, значительно имъ къ тому способствовали—въ особенности тѣ, которые въ качествѣ домашнихъ наставниковъ и гувернеровъ проживали въ аристократическихъ домахъ. Много въ ту пору было совращено въ католицизмъ искони православныхъ русскихъ семействъ. Какъ на видныя жертвы ихъ совращеній и оболъщеній, можно указать на кн. Голицыну, гр. Пушкину, кн. Долгорукову, гр. РаSTOPчину, сурруговъ гр. Толстыхъ, кн. Одоевского и др. „Что за отрадное зрѣ-

лице! пишетъ въ 1816 г. графъ де-Местръ архіепископу рагускому: какое множество обращеній, и какая быстрота въ нихъ, и это въ самомъ высшемъ здѣшнемъ обществѣ¹⁾. Смиѣлость іезуитовъ по соращенію въ католицизмъ аристократическихъ фамилій русскихъ перешла наконецъ границы возможнаго. Дѣло въ томъ, что открылось соращеніе іезуитами въ латинство племянника главноуправляющаго духовными дѣлами, несовершеннолѣтняго юноши (17 лѣтъ), князя Александра Голицына, о чемъ и было доведено до свѣденія государя. Не смотря на всѣ старанія друзей ордена (гр. Местра, гр. Ильинскаго, губернатора на Волыни и др.) предотвратить готовившійся для него ударъ, послѣдній послѣдовалъ скорѣе, чѣмъ ожидали. 17 декабря 1815 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о высылкѣ іезуитовъ изъ Петербурга и запрещеніи имъ вѣзда въ обѣ столицы,—а чрезъ 4 года (1820 г. 13 марта) изданъ былъ указъ о высылкѣ всѣхъ іезуитовъ изъ предѣловъ Россіи съ тѣмъ, чтобы и впередъ ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ ихъ не впускать²⁾.

Долговременное пребываніе въ Россіи ордена іезуитовъ (окол. 50 л.) и ихъ усиленная въ царствованіе Александра I пропаганда не остались безплодны и для самаго дѣла пра-

¹⁾ Римскій католицизмъ въ Россіи гр. Д. А. Толстаго. Т. 2, стр. 208. См. также: „іезуиты и ихъ отношеніе въ Россіи“. Ю. О. Самарина. Изд. 2-е 1866 г. стр. 330—336.

²⁾ Римск. католиц. въ Россіи гр. Толстаго. Т. 2-й стр. 325. Мы распространились о пропагандѣ іезуитовъ потому, что послѣдняя составляетъ—такъ сказать—raison d'être ихъ существованія и что она достигла въ разсматриваемое нами царствованіе наибольшей силы и могущества. Но само собою понятно, подъ главнымъ руководствомъ іезуитовъ въ пользу католицизма дѣйствовали преимущественно среди простаго народа—и разныя другіе монашескіе ордена, какъ напр., шіары, бервардины, кармелиты, доминикане, францискане, бенедиктинцы, цистеры и т. д., а также ксендзы и помѣщики сѣверо-западнаго края. Средствами для пропаганды среди простаго народа служили обыкновенно: построеніе безъ нужды костеловъ и каплицъ, ложныя внушенія, чудеса, восхитавіе, смѣшанные браки, индульгенціи, процессіи, исповѣды, проповѣды и т. п. Тамъ же, стр. 300—321.

вославія. Русскіе богословы этого времени, руководимые защитою православія отъ проясковъ враговъ его, съ особеннымъ вниманіемъ изучаютъ католицизмъ въ его существенныхъ проявленіяхъ. Къ числу выдающихся писателей—полемистовъ начала нынѣшняго вѣка слѣдуетъ отнести извѣстнаго ученаго святителя—Филарета Дроздова, м. Московскаго. Еще въ 1811 г. году, во время службы Филарета при Петербургской семинаріи и академіи (съ 1812 г.), онъ пользовался въ кружкѣ ученыхъ извѣстностію, какъ знатокъ католицизма. Плодомъ его глубокихъ познаній въ этой области были слѣдующія сочиненія: вышедшее въ свѣтъ въ 1811 году „Изложеніе о разности между восточною и западною церковію“, написанное по желанію императрицы Елизаветы Алексѣевны, вѣролатно смущенной іезуитами; изданное въ 1815-мъ году новое сочиненіе—„Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи“, бывшее слѣдствіемъ успѣшныхъ увѣщаній Филарета совращенному въ католицизмъ молодому Голицыну. Последнее сочиненіе, вышедшее въ объемѣ небольшой книжицы—вѣрнѣе—брошюры, пользуется заслуженной извѣстностію въ нашей полемической литературѣ. Содержаніе его составляетъ довольно обстоятельный разборъ ученія римско-католиковъ о „главенствѣ папы“ на ряду съ раскрытіемъ христіанскаго ученія о церкви; помимо важности содержанія, это сочиненіе м. Филарета, по своей занимательности и легкости для чтенія, какъ написанное въ діалогической формѣ, было въ особенномъ ходу и употребленіи между всѣми грамотными людьми Россіи. Видное мѣсто занимала полемика съ латинянами и въ системахъ по догматикѣ тогдашнихъ академическихъ ученыхъ: Григорія Постникова (ректора Петерб. акад.), Филарета Амфитеатрова, Поликарпа Гайтаникова и др. По новой систематизаціи академическихъ наукъ богословіе обличительное должно было выдѣлиться въ особую отрасль,—но въ описываемое вами время пока еще не успѣло достигнуть такой самостоятельности и обыкновенно соединялось въ преподаваніи съ догматикою.

На ряду съ догматико-полемическими трудами время отъ времени появлялись въ началѣ нынѣшняго вѣка и историко-полемическіе труды; таковы—напр.: „о флорентійскомъ соборѣ“ ученаго Меодія Смирнова (М. 1805 г.), „Исторія уни“ Бантышъ-Каменскаго, вышедшая вторымъ изданіемъ (1805 г.).

По изгнавіи іезуитовъ изъ предѣловъ Россіи слѣды ихъ пребыванія въ ней долго еще давали чувствовать себя. Къ счастью для Россіи, дѣятельность іезуитовъ не была въ строгомъ смыслѣ *народной*, не касалась грунтовыхъ или низшихъ слоевъ русскаго народа, а занималась обращеніемъ въ католицизмъ только высшихъ слоевъ его съ ихъ приверженностью ко всему западному. Отступниками православія или, какъ ихъ называютъ, *ренегатами* дѣлались, обыкновенно, лица высшихъ аристократическихъ фамилій, проживавшія большею частію заграницею, и по самымъ условіямъ своего воспитанія мало знакомыя съ еущностью православія. Опутывавшія такихъ лицъ возни іезуитовъ почти всегда оканчивались удачными обращеніями въ католицизмъ.

Въ 50 и 60 гг. нынѣшняго столѣтія совращенные такимъ образомъ русскіе ренегаты составили въ Парижѣ даже цѣлое общество, издававшее противъ православія разныя сочиненія на французскомъ языкѣ. Въ числѣ такихъ ренегатовъ изъ русскихъ извѣстны: князь—іезуитъ Гагаринъ Голицынъ, Мартыновъ, Шуваловъ, Балабинъ и мн. др. Изъ сочиненій, писанныхъ противъ православія русскими выходцами, перешедшими тайно и явно въ общество іезуитовъ, достойны упоминанія брошюры кн. о. Гагарина, изданныя въ Парижѣ и надѣлавшія въ свое время много шума, подъ заглавіемъ:—„станеть ли Россія католическою?“ (*La Russie sera-t-elle catholique?*) и „Будущее греко-униатской церкви“ (*L'avenir de l'église grecque-unie*)¹).

¹ Въ первой брошюрѣ, изд. въ 1856 г., кн. Гагаринъ увѣщаваетъ своихъ соотечественниковъ русскихъ принять унию съ Римомъ, такъ какъ послѣдняя
Анатолій Мартыновскій. 13

На ряду съ указанными пользовались извѣстностью въ высшемъ кругу и другія брошюры, какъ напр.: „Происхожденіе католицизма въ Россіи“ (L'origine catholicisme en Russie), „О возможномъ соединеніи церкви російской съ западною“ и т. п., писанныя съ цѣлю—разъяснить восточнымъ христіанамъ, что для восточной и преимущественно—русской церкви нѣтъ существенныхъ препятствій къ соединенію съ римскою церковію. При этомъ авторы уломянутыхъ брошюръ изощрялись въ раскрытіи тѣхъ мыслей, будто восточная церковь всегда была склонна къ союзу съ римскою церковію, что въ самыхъ богослужебныхъ книгахъ восточной церкви есть доказательства въ пользу латинскихъ догматовъ о главенствѣ папы, объ исхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына, о чистилищѣ, непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы и т. д.

Антиправославной литературной дѣятельности совращенныхъ въ католицизмъ русскихъ выходцевъ вполнѣ благопріятствовали и политическія судьбы Польши въ царствованіи Николая I и Александра II. Еще со времени польскаго возстанія 1831 года, партія русскихъ ренегатовъ въ Парижѣ встрѣтила для себя сильную поддержку въ устремившихся туда во множествѣ польскихъ аристократахъ. Послѣдніе, какъ извѣстно, по усмиреніи въ Польшѣ бунта, поселились въ большомъ числѣ во Франціи и занялись тамъ враждебною Россіи и православію практическою и литературною дѣятельностью. Таковы были—напр. кн. Адамъ Чарторый-

обѣщаетъ много выгодъ и для русскаго правительства (въ борьбѣ съ революціей) и для русскаго духовенства (въ приобрѣтеніи имъ въ союзѣ съ папою большаго вліянія и самостоятельности) и для самого, конечно, папы. Во второй брошюрѣ, изд. въ 1862 г., кн. Гагаринъ представилъ новый проектъ уніи, въ которомъ обращаетъ вниманіе не на одну уже русскую, а вообще на восточную церковь. См. „Римскій католицизмъ и его отношенія къ православію“. Свѣд. Иванцова-Платонова. 1869 г. Ч. 1. стр. 146—149. Также: „Иезуиты и ихъ отношенія къ Россіи“. „Письма къ иезуиту Мартынову“ Ю. О. Самарина, изд. 2-е, 1868 г. стр. 346—49.

свій, глава польскихъ эмигрантовъ, Мицкевичъ, и др. Особенно же во время воссоединенія униатовъ съ отечественною церковію (1839 г.) эти выходцы изъ Польши распространяли много баснословныхъ легендъ на счетъ насильственнаго будто бы обращенія униатовъ въ вѣдра православной церкви, относительно закрытія нѣкоторыхъ костеловъ (стоявшихъ большею частію въ развалинахъ) и тѣхъ латинскихъ монастырей, въ которыхъ насчитывалось не болѣе двухъ-трехъ монаховъ¹⁾. Проживая въ Парижѣ, польскіе выходцы подготовляли такимъ образомъ затѣянный поляками еще съ 1831 г. послѣдній бунтъ (1863 г.).

Въ то же время польскіе агитаторы, во главѣ съ кн. Адамомъ Чарторыжскимъ, для произведенія всеобщаго возстанія какъ въ царствѣ польскомъ, такъ и въ западно-русскихъ областяхъ, заключили тѣсный союзъ съ латинскими ксендзами, завербованными въ ультрамонтанизмъ (послѣднихъ въ Польшѣ и западныхъ областяхъ Россіи насчитывалось, по извѣщеніямъ газетъ, слишкомъ три тысячи). Католическимъ патерамъ поручено было вести пропаганду своей вѣры какъ можно хитрѣе и осторожнѣе, между прочимъ, пробуждать унию въ крестьянахъ чрезъ распространеніе между ними литографированныхъ портретовъ извѣстнаго реввителя униі—Иосафата Кунцевича. Такими и иными способами пытались, хотя и тщетно, совратить въ іезуитскій католицизмъ и въ унию жителей западно-русскаго края...

Усиленію латино-польской пропаганды въ западно-русскихъ областяхъ и вообще враждебныхъ православію дѣйствій католиковъ, въ царствованіе Николая I и Александра II, содѣйствовали и замыслы тогдашняго папы Пія IX. Этотъ папа, какъ извѣстно, много хлопоталъ объ униі

¹⁾ Эти монастыри упразднены, по требованію правительства, на основаніи каноновъ римской же церкви, по которымъ *монастырь, въ коемъ нѣтъ 12 монаховъ, упраздняется.*

востока съ западомъ — точнѣе — подчиненіи восточной церкви западной. Съ этою цѣлю, въ самомъ началѣ своего правленія (въ 1848 г.), онъ разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ восточнымъ христіанамъ, приглашая ихъ обратиться въ лоно римской церкви ¹⁾. Точно также и впоследствии онъ принималъ разныя мѣры ко введенію уніи съ Римомъ среди православныхъ востока и Россіи. При немъ въ пользу католичества дѣйствовалъ извѣстный ученый грекъ Питципіосъ, перешедшій въ Римъ по личнымъ неудовольствіямъ съ патриархомъ Константинопольскимъ. Въ изданномъ имъ сочиненіи: „Восточная церковь въ историческомъ повѣствованіи“ (*L'eglise orientale, exposé historique, par Jac. G. Pitzipios. Rome, 1855 г.*), онъ развивалъ мысль объ уніи востока съ западомъ, а основанное, благодаря его стараніямъ, восточное христіанское общество, — центральный комитетъ котораго открытъ былъ въ Римѣ въ 1855 г., — стремилось къ той же цѣли практическимъ путемъ.

Не смотря однако на все усердіе Питципіоса, затѣи его не имѣли успѣха. Къ 60-мъ годамъ основанное имъ христіанское восточное общество потеряло въ Римѣ всякій кредитъ, а наконецъ — и самъ онъ разочаровался въ своемъ увлеченіи, написавъ въ 1860 г. новое сочиненіе: „Романизмъ“ (*Romanisme*), гдѣ въ яркихъ чертахъ изобразилъ темныя стороны папства.

Одинаковую съ Питципіосомъ участь должны были испытать и всѣ другіе ревнители папизма, какъ вышедшіе изъ Россіи, такъ и жившіе въ ней. Не смотря на большое сравнительно количество направленныхъ противъ русской

¹⁾ Въ 1868 г. онъ повторилъ свое приглашеніе, обращенное „къ епископамъ восточнаго обряда, не находящимся въ общеніи съ апостольскимъ престоломъ“; но восточная церковь въ лицѣ своихъ представителей, патриарховъ и епископовъ, въ обоихъ случаяхъ дала отпоръ папскому притязанію. См. „Окружное посланіе единой, святой, соборной и апостольской церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. 1848 г. мѣсяца мая, 6 дня“, въ русскомъ переводѣ.

церкви сочиненій папистовъ, а вмѣстѣ съ симъ и враждебныхъ православію дѣйствій ихъ (усиленную пропаганду латинской вѣры), послѣдніе не могли все же принести существеннаго вреда нашей церкви. Что особенно важно-новѣйшіе ревнители католицизма не могли совратить въ него простой народъ, издревле приверженный къ православію и считающій послѣднее неприкосновенной для себя святыней. Если простой народъ, населяющій юго-западные области Россіи, счумѣлъ отстоять православіе въ теченіе многолѣтняго рабства подъ игомъ польскаго владычества,—то тѣмъ болѣе не могъ онъ отступить отъ православія въ то время, какъ открылась для него заря новой жизни... О простомъ народѣ Великороссіи и говорить нечего: для него нисколько не опасны были всѣ новѣйшія ухищренія латинства, такъ какъ въ немъ искони православіе неразрывно связано съ самымъ духомъ народа; притомъ ни къ какому другому вѣроисповѣданію народъ русскій не литааетъ такого отвращенія, какъ къ латинскому. Самыя сочиненія приверженцевъ папизма, писанныя большею частію на французскомъ и польскомъ языкахъ, не могли имѣть широкаго распространенія въ простомъ народѣ. Другое дѣло—образованные классы русскаго общества. Въ отношеніи ихъ устная и литературная пропаганда папизма не оставалась вполнѣ безслѣдною: не рѣдко случалось, что она совращала въ католицизмъ кого-нибудь изъ образованныхъ лицъ русскаго общества. Но и тутъ приходится сказать тоже, что мы сказали раньше о переходѣ въ католицизмъ нѣкоторыхъ аристократическихъ фамилій русскихъ, а именно—что поддающіеся вліянію католицизма русскіе люди большею частію не принадлежатъ Россіи ни по вѣрѣ, ни по духу, ни по образу жизни; да и совращаются они обыкновенно за границею, а не въ отечествѣ.

Если римско-католическая пропаганда въ разматриваемое нами время не могла, такимъ образомъ, принести существеннаго вреда русской церкви,—все же она не остав-

лѣема была безъ надлежащаго вниманія ревнителями православія изъ русскихъ. Предметомъ особеннаго вниманія со стороны послѣднихъ были, разумѣется, тѣ многочисленныя сочиненія папистовъ, коими они думали совратить въ католицизмъ русскихъ людей.

Къ болѣе или менѣе виднымъ полемическимъ противъ латинянъ трудамъ, появившимся на русскомъ языкѣ въ царствованіе императоровъ Николая I и Александра II, можно отнести слѣдующіе: „Критическое обзорѣніе ученія римской церкви о видимой главѣ церкви“, С. Гогоцкаго (б. профессоромъ Кіевской Академіи, а нынѣ—Университета св. Владимира). Магистерская диссертация. Кіевъ, 1-е изд., 1841 г., 2-е—1865 г.—Въ сочиненіи этомъ весьма обстоятельно изслѣдуется поставленный авторомъ вопросъ о главенствѣ папы. Несостоятельность латинскаго ученія о главенствѣ папы доказывается на основаніи св. Писанія, св. преданія и исторіи первыхъ девяти вѣковъ христіанства (времени вселенскихъ соборовъ). Сочиненіе строго научнаго характера: авторъ его безпристрастно-критически разбираетъ мнѣнія о главенствѣ папы католическихъ богослововъ—Беллармина, Пэрроне и другихъ столповъ католицизма.

Одновременно съ указаннымъ появилось въ печати сочиненіе о папствѣ извѣстнаго писателя временъ Николая I, А. Н. Муравьева подъ заглавіемъ: „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кнеедрахъ“. Стпб. 1841 г. Сочиненіе это, довольно обширное по объему (414 стр.), принадлежитъ къ разряду историко-полемическихъ: въ немъ на основаніи св. Писанія, св. преданія, исторіи вселенскихъ соборовъ и церковныхъ событій послѣдующаго времени—до Ферраро-Флорентійскаго собора (15 в.) включительно—показывается несостоятельность существованія папства. Сочиненію этому, при многихъ его достоинствахъ, какъ напр.—искренности и силѣ религіознаго чувства, двигавшихъ перомъ свѣтскаго писателя, не достаѣтъ самостоятельнаго и вполне научнаго отношенія къ дѣлу.

Вышеозначенная книга г. Муравьева, предназначенная удовлетворять потребностямъ невзыскательнаго читателя, почти вся состоитъ изъ выписокъ церковной исторіи Флѣри и актовъ соборныхъ, не заключаая въ себѣ надлежаще-критической оцѣнки и освѣщенія фактовъ историческихъ. Въ ряду другихъ полемическихъ сочиненій, предшествовавшихъ появленію въ свѣтъ сочиненія Авдія Востокова, „Правда вселенской церкви о римской и прочихъ патріарш. кафедрахъ“ А. Н. Муравьева занимаетъ все же не послѣднее мѣсто, служа во многихъ отношеніяхъ и—главнымъ образомъ—по своему направленію образцомъ для подражанія Авдію Востокову. Перу того же автора принадлежатъ и многія другія сочиненія, не чуждыя полемикѣ съ латинянами. Таковы, напр: „Письма о богослуженіи православной католической церкви“; „Слово католическаго православія римскому католицизму“, 1853 г.; „Письма съ востока“, 2-въ ч. (1849—50 г.); „Римскія письма и прибавленія къ римскимъ письмамъ“ 1846—7 г. и др. Всѣ они, при занимательности и легкости для чтенія, не чужды преувеличенія и односторонности во взглядѣ на римскій католицизмъ.

Въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ русской литературѣ появилось болѣе всего сочиненій и статей полемическаго содержанія. Выѣшнимъ поводомъ и—такъ сказать—толчкомъ въ оживленію нашей полемикѣ съ латинянами за это время послужили тѣ многочисленныя статьи и брошюры отступниковъ православія, о которыхъ мы упоминали раньше. Изъ писателей—полемистовъ этого времени одни старались раскрыть духъ и характеръ латинства, а другіе—несостоятельность отдѣльныхъ пунктовъ его вѣроученія и въ частности ученія римской церкви о главенствѣ папы. Къ числу писателей первой категоріи принадлежатъ славныя въ нашей свѣтской литературѣ имена славянофиловъ: Хомякова, Кирѣевскихъ, Гильфердинга и Ю. Θ. Самарина.

А. С. Хомяковъ въ цѣломъ рядѣ статей, писанныхъ имъ въ отвѣтъ на разныя враждебныя православію статьи и бро-

Шюры ультрамонтанскихъ писателей, впервые—можно связать—попытался дать надлежащую оцѣнку и характеристику католичества, какъ *цѣлаю въ роисповданіи* ¹⁾. Основная мысль этого писателя, проходящая неизмѣнно во всѣхъ его статьяхъ о католичествѣ, та, что романизмъ (тоже, по нему, что римскій католицизмъ) есть по существу своему начало и предтеча протестантства, что самовольнымъ измѣненіемъ Символа вѣры и другими уклоненіями отъ чистаго православія онъ нарушилъ единство жизни церкви, нарушилъ единеніе чистѣйшей святости съ высочайшимъ разумомъ или—что тоже—заразился рационализмомъ (отличающимъ протестантовъ).

Въ своихъ полемическихъ статьяхъ, подчасъ довольно рѣзкихъ (см. напр. письмо къ редактору *L'Union chrétienne* о значеніи словъ: „каеолическій и соборный“ по поводу рѣчи о. Гагарина) А. С. Хомяковъ преимущественное вниманіе читателей обращаетъ на законы церковно-благодатной жизни, на внутреннюю жизнь церкви Христовой, стараясь чрезъ это какъ можно яснѣе показать несогласный съ православіемъ духъ и характеръ католичества. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ полемики А. С. Хомякова слѣдуетъ отнести: твердое убѣжденіе въ истинности доказываемаго имъ, силу слова и логики, съ неумолимостію поражающей противниковъ; къ недостаткамъ—общность и неопредѣленность въ некоторыхъ положеніяхъ и сужденіяхъ, объясняемыхъ философскою постановкою дѣла.

Въ томъ же духѣ, какъ Хомяковъ, писали Кирѣевскіе, Гильфердингъ и Ю. Самаринъ, раскрывавшіе въ своихъ со-

¹⁾ См. его статьи: „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ по поводу брошюры г. Лоранса“. 1853 г.; „Нѣсколько словъ... по поводу посланія парижскаго архіепископа“, 1855 г.; „Еще нѣсколько словъ... по поводу разныхъ сочиненій латинскихъ и протестантскихъ о предметахъ вѣры“. 1858 г. „Письмо къ редактору „L'Union chrétienne“ о значеніи словъ: „каеолическій и соборный“ по поводу рѣчи іезуита о. Гагарина. Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. т. 2-й изд. 2. Москва. 1880 г.

чиненіяхъ самыя основы или тѣ начала, на которыхъ зиждется система католичества.

Къ другой категоріи писателей—полемистовъ, въ своемъ обличеніи латинства имѣвшихъ дѣло съ опредѣленными пунктами вѣроученія его, слѣдуетъ отнести имена ученыхъ богослововъ: архим. Никанора (нынѣ архіеп. Херсонскаго) и почившаго Иннокентія (Новгородова).

Первому принадлежитъ получившее громкую извѣстность въ средѣ ученыхъ сочиненіе: „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви, сдѣланный на основаніи священнаго Писанія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства до 1-го вселенскаго собора“ (вып. 1-ый 1856 г., 2-й 1858 г.), вышедшее въ свѣтъ почти одновременно съ сочиненіемъ Авдія Востокова, а второму: „Богословіе обличительное“. 4 т. (1859—64 г.), появившееся въ свѣтъ позже сочиненія Авдіева.

Не дѣлая отзыва объ этихъ трудахъ пр. Никанора и Иннокентія, какъ появившихся въ печати одновременно и даже позже сочиненія Авдія Востокова, мы замѣтимъ только, что выходъ ихъ въ свѣтъ составилъ выдающееся явленіе въ нашей полемической литературѣ.. Но этихъ полемическихъ трудовъ, какъ само собою понятно, не могъ имѣть въ виду, при изданіи своего сочиненія, Авд. Востоковъ.

Кромѣ перечисленныхъ нами отдѣльныхъ изслѣдованій о папствѣ, выходу въ свѣтъ сочиненія Авд. Востокова предшествовали и многіе другіе полемическіе и историко-полемическіе труды; таковы, напр., монографіи и статьи: Михайлъ Керулларій, патріархъ Константинопольскій (Кіевъ. 1854 г.), Исторія флорентійскаго собора (Москва. 1847 г.), Камень соблазна или изложеніе начала и причинъ отпаденія церкви западной отъ восточной и предметовъ несогласія между ними. Соч. Греч. еп. Или Минятія. Перев. Евграфа Ловягина (Спб. 1854 г.), Левъ Великій, папа римскій (Христ. чт. 1838 г. 11), Григорій Великій, папа римскій (Христ. чт. 1834 г. 11), Историческій взглядъ на постепенное отдѣленіе западной цер-

жви отъ восточной (Христ. чт. 1854 ч. II), Историческій взглядъ на отношеніе между римскими папами и цареградскими патріархами (Христ. чт.) и т. п. монографіи и статьи, печатавшіяся разновременно въ нашихъ духовныхъ журналахъ.

Изъ представленнаго нами краткаго очерка полемической литературы на русскомъ языкѣ, за время, предшествовавшее появленію въ печати „Записокъ о римской церкви“ (1857 г.), можно уже видѣть, что эта литература не была такъ скудна, какъ представляетъ ее себѣ авторъ „Записокъ“. Нельзя, разумѣется, назвать нашу полемическую литературу разсматриваемаго времени обильною—ни по количеству, ни по качеству, такъ какъ утверждать это было бы, на нашъ взглядъ, преувеличеніемъ; но будетъ въ тоже время погрѣшностію противъ истины—и назвать ее крайне скудною, какъ это дѣлаетъ А. Востоковъ.

На основаніи сазаннаго доселѣ намъ представляется также не вполне отвѣчающимъ дѣйствительности и приведенный въ предисловіи взглядъ автора на современныя ему отношенія папизма къ православію. Признавая состояніе нашей церкви—въ виду латинской пропаганды въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія—заслуживающимъ серьезнаго вниманія со стороны ревнителей православія, мы въ тоже время далеки отъ того, чтобы по силѣ опасности считать его „добрымъ состоянію церкви въ первые вѣка христіанства“ (предисл. V стр.). Можетъ быть, впрочемъ, Авдій Востоковъ допустилъ нѣкоторыя преувеличенія, какъ въ вопросѣ о современныхъ отношеніяхъ римскаго католицизма къ православію, такъ—и о состояніи у насъ полемической литературы съ нарочитою цѣлію,—желая чрезъ это придать своему сочиненію большую цѣнность и вполне современный интересъ. Думаемъ, однако, что такой умыселъ автора (если только онъ дѣйствительно былъ) совершенно излишенъ: его сочиненіе и безъ этого имѣетъ не мало всѣхъ мотивовъ для достойнаго приема въ средѣ людей науки и общества.

Появленіе въ печати „Записокъ о римской церкви“ Авд.

Востокова было весьма благовременно и желательно. Помимо прямой и ближайшей своей задачи — предохранить болѣе немощныхъ изъ братій отъ увлеченія папистическими книгами, издаваемыми въ уютныхъ форматахъ и съ рѣдкою типографскою роскошью (предисл. IV—V) — давнее сочиненіе должно было еще, какъ мы сказали выше, восполнить весьма замѣтный пробѣлъ въ нашей полемической литературѣ. Последній, правда, понимается нами не въ смыслѣ количественной недостаточности полемическихъ сочиненій, какъ представляетъ дѣло Авд. Востоковъ, а въ смыслѣ качественной ихъ неполноты и несовершенства.

Въ цѣлошь рядъ полемическихъ сочиненій, приведенныхъ нами выше, можно отмѣтить одну общую черту, граичающую съ недостаткомъ, именно всѣ почти они рассматриваютъ въ отдѣльности ту или другую сторону католицизма, тотъ или другой частный пунктъ вѣроученія католиковъ, — напр. — ученіе о главенствѣ папы (С. Гогоцкаго, м. Филарета и др.). Если же нѣкоторые изъ выше указанныхъ сочиненій (напр. статьи Хэмякова и др.) и пытаются объять собою всю систему католичества, то дѣлаютъ это только съ точки зрѣнія общихъ началъ, — каковы: религія, православіе и т. д., а потому страдаютъ отсутствіемъ положительныхъ, прикрѣпленныхъ къ жизни и исторіи, свѣдѣній о католичествѣ.

Въ ряду появившихся до времени „Записокъ“ А. Востокова полемическихъ сочиненій не было ни одного такого, которое бы обнимало собою всю систему католичества не только въ его общихъ основаніяхъ — съ догматико-канонической стороны, но и историческихъ фактовъ, — которое бы рассматрѣло римскій католицизмъ самъ въ себѣ и въ его отношеніяхъ къ православію и даже другимъ вѣроисповѣданіямъ. Необходимость такого сочиненія, между тѣмъ, живо ощущалась и чувствовалась всѣми въ виду стройности католическихъ полемическихъ трактатовъ и ихъ разнообразія въ нападкахъ на православіе. Такой именно потребности науки

и общества и должно было удовлетворить вышеназванное сочиненіе преосв. Анатолія... Въ какой степени оно удовлетворяло, это мы надѣемся показать читателю на самомъ дѣлѣ, при тщательномъ разборѣ этого сочиненія, какъ съ внутренней, такъ и ви́шней стороной.

ВВЕДЕНІЕ.

Кромѣ предисловія, сочиненіе пр. Анатолія имѣетъ еще, какъ мы сказали выше, *введеніе*, обнимающее собою 7-мъ первыхъ страницъ книги.

Въ немъ авторъ, указавъ сначала на существующее съ весьма давнихъ временъ чрезвычайное разнообразіе мнѣній и взглядовъ относительно предметовъ христіанскаго вѣроученія, останавливается затѣмъ на ученіи протестантовъ и римско-католиковъ. Давъ краткую характеристику ученій протестантовъ и реформатовъ, какъ „произрастеній, не насажденныхъ Отцемъ небеснымъ“, съ которыми въ виду множества ихъ подраздѣленій не возможно даже серьезное собесѣдованіе,—онъ устанавливаетъ такой взглядъ на различіе между римскимъ католицизмомъ и православіемъ. „Въ то время, говоритъ онъ, какъ римскій католицизмъ допустилъ у себя частныя догматы и учрежденія,—восточная церковь неизмѣнно хранитъ догматы и установленія, принятыя вселенскою церковію и утвержденыя 7-ю всел. соборами“. Высказавъ это, Авдій Востоковъ заключаетъ, что „если бы писатели восточной и римской церкви, не подавляя истины ложью, старались безпристрастно, непререкаемыми доказательствами и свидѣтельствами исторіи, уяснить тѣ предметы вѣроисповѣданія и церковныхъ постановленій, по которымъ онѣ раздѣляются: то, при содѣйствіи благодати Божіей, сіи церкви снова соединились бы и составили единое стадо Христово“ (стр. 6).

Послѣднее разсужденіе автора „Записокъ“, въ виду важ-

ности затронутого въ немъ вопроса, заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться.

При всемъ нашемъ сочувствіи къ высказанному Авдіемъ Востоковымъ пожеланію соединенія церквей, мы не можемъ всецѣло раздѣлять его взгляда на способы достиженія этого соединенія. Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, отъ однихъ писателей можно ожидать единенія церквей... Исторія восточной и западной церквей представляетъ намъ не мало примѣровъ того, какъ писатели этихъ церквей (главнымъ образомъ—западной) не только не содѣйствовали соединенію ихъ во едино,—а, напротивъ, способствовали раздѣленію, и даже много ¹⁾. Нельзя, разумѣется, всецѣло винить въ этомъ и писателей, такъ какъ они были только выразителями религіознаго настроенія своего народа въ извѣстное время и дѣйствовали каждый въ интересахъ горячо отстаиваемыхъ ими религіозныхъ истинъ. Нѣтъ, скажемъ мы отъ себя, вопросъ о соединеніи церквей есть дѣло не мысли только религіозной, но и жизни христіанской, не умовъ только мыслящихъ, но и сердець религіозныхъ. Короче говоря, соединеніе церквей возможно только въ томъ случаѣ, когда всѣ вѣрующіе (но крайней мѣрѣ—большая часть ихъ) придуть *въ мѣру возраста совершенна*, когда они проникнутся всецѣло началами братской любви и единенія во Христѣ Іисусѣ. А до тѣхъ поръ вопросъ о соединеніи церквей навсегда останется вопросомъ теоретическимъ, но не жизне-практическимъ.

Какъ бы сознавъ и самъ всю неосуществимость высказаннаго положенія о соединеніи церквей при посредствѣ писателей, авторъ спѣшитъ оговориться и замѣчаетъ по этому поводу: „и казалось бы, съ перваго взгляда, что во-

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ сказанномъ нами, достаточно припомнить полемическую литературу времени раздѣленія церквей (IX—XI в.в.), لیонской уніи (1274 г.), Ферраро-Флорентійскаго собора (1439 г.) и самаго послѣдняго времени, въ правленіе папы Пія IX

сточной и римской церквамъ легко придти въ соединеніе, потому что коренные догматы той и другой церкви почти одни и тѣже; но, къ прискорбію, желаемое соединеніе потому особенно затруднительно и едва ли возможно, что римская церковь не только включила въ число догматовъ своего вѣроисповѣданія частное свое ученіе объ образѣ управления вселенскою церковію; но даже считаетъ это ученіе и вѣру въ него однимъ изъ главныхъ, если не первѣйшимъ своимъ догматомъ“ (введ. стр. 6-я). Въ виду повтрной важности вопроса объ образѣ управления вселенскою церковію Авд. Востоковъ въ первой главѣ и приступаетъ къ разсмотрѣнію того, „какой образъ управления вселенскою церковію учрежденъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ?

1.

Въ этой главѣ (8—21 стр.) на основаніи св. Писанія, Преданія церкви, исторіи церковной и отчасти—сообразеній разума доказывается, что церковь Христова, или, царство Божіе на землѣ управляется единственнымъ своимъ владыкою и главою—Господомъ І. Христомъ,—что Онъ, избравъ апостоловъ для проповѣди евангелія, никому изъ нихъ не далъ преимущественной власти надъ прочими, что всѣ апостолы съ равною властію были вселенскими епископами, что важнѣйшія дѣла они рѣшали соборомъ,—каковая форма правленія и была господствующею въ христіанской церкви во всѣ послѣдующія времена. Раскрытіе приведенныхъ нами положеній занимаетъ первую и большую половину главы (8—16 стр.). Показавъ истинно Христовъ образъ правленія вселенскою церковію, авторъ во 2-й половинѣ главы переходитъ къ утвержденію писателей римской церкви: во 1-хъ, будто І. Христосъ поставилъ ап. Петра главою церкви, и во 2-хъ, будто въ этомъ смыслѣ римскіе епископы суть преемники ап. Петра, такъ что каждый римскій епископъ, по ихъ мнѣнію, есть *самодержавный государь вселенской церкви.*

Во второй половинѣ главы приведены, между прочимъ, мнѣнія относительно папской власти католическихъ ученыхъ богослововъ—ультрамонтановъ: Игнатія Пенки (*Prolectiones ex theolog. Dogm. cracoviae, 1844., pag. 332*), Перроне (*Prolectiones theologicae. Parisiis. 1842 an. tom. posterior. p. 935*) и Беллярмина (*liber. II. cap. XXIIX*). Всѣ они единственно правильно и—такъ сказать—законною формою управленія церковію признають монархически-папистическій образъ управленія ею. Въ этомъ смыслѣ они и называютъ папу „монархомъ и царемъ церкви, поставленнымъ І. Христомъ сверхъестественнымъ, непосредственнымъ образомъ“ (Пенка), государемъ, главою, пастыремъ (Перроне), едино-властителемъ (Беллярминъ) и т. д. Во всѣхъ такихъ и имъ подобныхъ наименованіяхъ папъ проводится, по словамъ Авд. Востокова, одна мысль,—что папа есть *самодержавный государь церкви*. Оставляя подробное опроверженіе приведеннаго положенія р.-католическихъ богослововъ до слѣдующихъ главъ, авторъ въ концѣ первой главы только отчасти и какъ бы вскользь опровергаетъ его,—а именно—на основаніи данныхъ св. Писанія и церковной исторіи первыхъ 4-хъ вѣковъ христіанства онъ старается показать, что и І. Христосъ и апостолы проповѣдывали вездѣ повиновеніе гражданской власти, что, согласно съ ихъ наставленіями и жизнію, христіане такъ и поступали въ теченіе первыхъ 3-хъ вѣковъ кроваваго гоненія на нихъ, равно какъ пребыли вѣрными подданными и Констансу, покровителю аріанъ¹⁾, и Юліану отступнику. Все это повадилось автору „Записокъ“ сказать (19 и 20 стр.) для того собственно, чтобы вывести слѣдующее заключеніе: „если бы въ первые вѣка христіанства извѣстно было въ церкви, что образъ ея управленія есть монархическій, что какой-нибудь епископъ есть самодержавный государь церкви: то это не утаилось бы отъ

¹⁾ Авторъ, вѣроятно, смѣшалъ Констанса съ другомъ еяномъ Константианомъ Великимъ, извѣстнымъ покровителемъ аріанъ.

римскихъ кесарей и было бы со стороны ихъ новымъ поводомъ въ гоненію христіанъ, какъ признающихъ двухъ государей въ одномъ и томъ же царствѣ". (стр. 20—21). Сдѣланный авторомъ выводъ, помимо несобѣтствія его посылкамъ (въ выводѣ сказано больше, чѣмъ дано въ посылкахъ), имѣлъ бы, на нашъ взглядъ, полную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ римско-католики смотрѣли на своего папу не только какъ на главу церкви, но и государствъ, которому съ первыхъ временъ христіанства повиновались всѣ народы, какъ своему духовному и свѣтскому владыкѣ; но въ томъ то и дѣло, что такъ смотрятъ на папу только ультрамонтаны—сравнительно незначительная часть римско-католиковъ. Большинство же католическаго міра смотрѣло и смотритъ на папу, только какъ на главу церкви, въ мірскихъ дѣлахъ подчиняющагося земнымъ правительствамъ. Вообще въ данной главѣ авторъ строго не разграничилъ частнаго понятія о папѣ, какъ духовномъ и свѣтскомъ владыкѣ, отъ болѣе общаго и распространеннаго взгляда на папу, какъ—главу церкви.

II.

Приступая къ разсмотрѣнію доказательствъ, на которыхъ покоится ученіе римско-католиковъ о главенствѣ папы, Авд. Востоковъ предварительно старается ознакомить читателя съ тѣмъ, какимъ образомъ богословы римской церкви доказываютъ, что римскій епископъ есть самодержавный правитель вселенской церкви. Въ своемъ отвѣтѣ на поставленный вопросъ, предложенномъ во 2-й главѣ сочиненія (22—27 стр.), онъ утверждаетъ, что *непосредственно, прямо*, писатели римской церкви такого положенія не доказываютъ: посему, вооружившись діалектикою, они на основаніи произвольнаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія а также свято-отеческихъ твореній доказываютъ сперва первенство ап. Петра между апостолами, затѣмъ первенство римскихъ

епископовъ въ церковной іерархіи римской имперіи до окончательнаго ея паденія на западъ ¹⁾). Съ цѣлію предостеречь несвѣдущихъ въ богословскихъ наукахъ отъ увлеченія искусственными доказательстами римскихъ писателей, авторъ предлагаетъ краткія свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ вообще извлекаются изъ св. Писанія и преданія (твореній отеческихъ) ученіе вѣры, правила христіанской дѣятельности и церковнаго благочинія. Тѣмъ большую силу имѣютъ предлагаемыя авторомъ экзегетико-критическія правила, что многія изъ нихъ приняты и латинскою церковію (см. напр. правила непогрѣшительнаго разумѣнія св. преданія въ Steph. Viest. institut. Theolog. Dogmaticae. tom. 1. Landshuti. 1824. p. 347—8).

III.

Въ 3-й гл. (28—40 стр.) авторъ разсматриваетъ извѣстное мѣсто изъ Евангелія Маттея, на которомъ утверждается ученіе римско-католиковъ о главенствѣ папы: „ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго“... (Мѡ. 16, 17—20). Для надлежащаго уразумѣнія означеннаго мѣста изъ ев. Маттея Авд. Востоковъ обращается къ изъясненію его отцами и учителями церкви 3 го и по преимуществу 4-го вѣка. Прежде всего онъ приводитъ объясненія, какія давали выраженію „камень“ отцы и учителя церкви—преимущественно—западные (блаж. Августинъ, Іеронимъ и др.) и на основаніи различныхъ мнѣній ихъ о значеніи этого

¹⁾ Въ примѣръ произвольнаго толкованія латинянами нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія и свято-отеческихъ твореній авторъ приводитъ извѣстное пониманіе православными и католиками названія ап. Петра первоверховнымъ и первопрестольникомъ. Тутъ мы видимъ уже зачатокъ полемики автора съ латинянами, развитой далѣе—въ опроверженіи главенства Петрова. Будучи помѣщена въ текстъ, а не въ примѣчаніи, и отличающаяся при томъ общестію и сжатостію, полемика въ данномъ мѣстѣ представляется излишнею.

лова дѣлаеть уже естественное заключеніе о томъ, что древніе отцы и учителя церкви а равно новѣйшіе писатели западные писколько не усматривали въ этомъ выраженіи признаніе ап. Петра верховнымъ правителемъ и самодержавнымъ государемъ церкви ¹⁾).

Точно также авторъ приводитъ мнѣнія отцевъ и писателей церкви (изъ древнихъ—Тертулліана, Кипріана, Іеронима, Августина, Фульгенція, Теофилакта; изъ новѣйшихъ—Евхерія, Беды, Рабана, Дирана и др.) о томъ, что подъ вы-

¹⁾ Въ изложеніи мнѣній объ указанномъ изреченіи о. о. церкви авторъ „Записокъ о римской церкви“ пользовался трудами французскаго богослова Дюлена, писавшаго о главенствѣ папы нарочитое сочиненіе (*Dupinius de antiqua Eccles. disciplina. Dissertat. IV*) и извѣстнаго католическаго писателя и историка Наталіса Александра (*Natalis Alexander. Dissert. IV, in v. 15 et. 16 p. II*). Пысканія перваго по затронутому вопросу въ особенности важны, такъ какъ были плодомъ не частныхъ его соображеній, но общимъ голосомъ Сорбонской академіи. Въ перечисленіи мнѣній о. о. церкви нашъ авторъ держится большею частію распорядка, принятаго въ сочиненіи католическаго богослова Перроне (*Prolect. theolog. Parisiis. tom. poster.*), цитовавшаго въ свою очередь Дюлена. Разница между ними замѣчается только относительно именъ или названій нѣкоторыхъ о. о. и учителей церкви. Такъ напр. въ сочиненіи Авд. Востокова на стр. 29 поименовалъ Евагрію, а у Перроне Евхерію (*Eucherius. Perrone. tom. poster. p. 895*).

Слѣдуя изысканіямъ упомянутыхъ ученыхъ, Авд. Востоковъ въ слѣдующемъ видѣ приводитъ изъясненіе „камня“ о. о. церкви. Одни изъ отцевъ и учителей церкви (Іеронимъ, Оригенъ) подъ словомъ „камень“ разумѣютъ всѣхъ апостоловъ, а Оригенъ даже и всѣхъ послѣдователей Христовыхъ. Другіе (Августинъ, Іеронимъ, Θεодоритъ, а изъ новѣйшихъ—Беда, Павлинъ, Рабанъ, Ансельмъ и др.)—самого І. Христа; ише (Иларій, Григорій Нисскій, Амвросій, І. Златоустъ, Кириллъ александрійскій и т. д.)—вѣру во І. Христа, исповѣданную ап. Петромъ; наконецъ—нѣкоторые (св. Кипріанъ, Василій Великій, Тертуліанъ)—ап. Петра. Записки Авд. Востокова. Т. I. стр. 29—30.

Французскій богословъ Лонуа (*Louvois*) далъ себѣ трудъ сосчитать голоса отцевъ церкви по разсматриваемому Авд. Востоковымъ вопросу и нашелъ, что 44 подъ „камнемъ“ разумѣютъ вѣру въ божество Христово, исповѣданную ап. Петромъ; и только 17 относятъ это слово къ лицу Петра. См. Безспорныя доказательства прав. канолич. церкви предъ всѣми другими христ. исповѣданіями, Д-ра Овербека, С. Петербургъ. 1883 г. стр. 26.

раженіемъ обѣщавныхъ Петру „ключей“ разумѣтся не верховная власть его надъ вселенскою церковію (какъ думаетъ, напр. Белларминъ), а власть, данная въ лицѣ Петра цѣлой правительственной церкви, или ея пастырями. При этомъ Авдій Востоковъ останавливается на разборѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе вѣскихъ и убѣдительныхъ, по мнѣнію латинистовъ, мѣстъ, это—извѣстнаго изреченія священномучен. Кипріяна, въ которомъ послѣдній призываетъ ап. Петра какъ бы единственнымъ основаніемъ церкви (*de unitate ecclesiae. ed. Maug. p. 195*) и одного мѣста изъ бесѣдъ Василія Великаго, которымъ, по мнѣнію Перроне, подтверждается превознесеніе (*praeseminentia*) надъ церковію ап. Петра (Василія Вел. бесѣд. 2-я на прор. Исаію).

Приведя рядъ свидѣтельствъ изъ свято-отеческихъ твореній, изобличающихъ ученіе латинянъ о главенствѣ Петровомъ, Авдій Востоковъ вступаетъ затѣмъ въ полемику по тому же вопросу съ наиболѣе виднымъ и удачнымъ вырази- телемъ латинскихъ мнѣній—богословомъ Перроне¹⁾. Сущ-

¹⁾ Джіованни Перроне, ученый іезуитъ, родился 1794 г. Былъ профессоромъ въ римской коллегіи. Въсѣтъ съ профессоромъ той же коллегіи Пассалиемъ (*Passaglia*) онъ былъ однимъ изъ главныхъ авторитетовъ и дѣятелей при составленіи новаго догмата римской церкви о непорочномъ зачатіи Пр. Дѣвы Маріи. Въ своихъ сочиненіяхъ держался направленія по преимуществу положительно-апологетическаго, выработаннаго богословскою наукою во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія (*Опытъ правосл. догматич. богословія архим. Сильвестра, т. I, стр. 147*). Догматическая система Перроне (*Prolectiones theologiae dogmaticae*) заключаетъ въ себѣ все, что было лучшаго въ схоластикѣ со всѣми ея діалектическими тонкостями. На западѣ въ 50-хъ гг. нынѣшняго столѣтія она читалась во всѣхъ почти коллегіяхъ и даже (въ сокращенномъ видѣ) семинаріяхъ католическихъ. Въ это же время она пользовалась особенною извѣстностью и у насъ въ Россіи.

Въ полемикѣ съ православными Перроне отличался относительною умѣренностію и спокойствіемъ, хотя сами же католики представляютъ его фанатикомъ, нетерпимымъ въ отношеніи православія. Для подтвержденія сказаннаго мы приведемъ одинъ случай, помѣщенный въ юго-западн. Вѣстникѣ Говорскаго за 1863 г. стр. 308—11.

Въ 1863 г. іюня 17 дня късвѣдъ Іосифъ Чермоцкаевичъ, въ присутствіи

ность целемики его съ Перроне сводится къ тому, что не „камень, положенный Господомъ въ основаніе церкви наравнѣ съ другими камнями (Ап. Петръ, если согласиться еще съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ св. отцевъ и римскихъ писателей), управляетъ церковію, а самъ Зодчій ея, Господь Нашъ І. Христосъ“; далѣе—не основаніе зданія служить символомъ верховной власти (какъ думаетъ Перроне), а скорѣе—верхъ или куполь его: потому что вообще куполы или верхи зданій представляются взору какъ бы господствующими надъ ними. Притомъ, основаніемъ всякаго человѣческаго общества и цѣлыхъ государствъ справедливѣе всего можно считать нравственныя причины. (Записки А. В. стр. 36—8).

Точно также подъ выраженіемъ „дамъ ти ключи царства небеснаго“ нельзя разумѣть верховную власть въ церкви ап. Петра—учить, судить, повелѣвать, запрещать и т. п., какъ то утверждаетъ Перроне, а власть судить совѣсти человѣческія, на ряду съ ап. Петромъ данную и всѣмъ прочимъ апостоламъ. Доказательства послѣдняго положенія очерпаются авторомъ изъ свесенія параллельныхъ мѣстъ ев. Писанія, въ которыхъ упоминаются „ключи“ (горе вамъ закономъ, говоритъ Господь, яко взясте *ключъ разумнїя*... Лук. 11, 52) и власть „вязать и рѣшить“, данная ап. Петру вмѣстѣ съ другими апостолами. (Мѣ. 16, 19; 18, 18). Въ связи съ приведенными равнѣ свято-отеческими мѣстами о значеніи „ключей“, обѣщанныхъ ап. Петру (стр. 31), упомянутыя доказательства автора являются достаточно вѣскими и убѣдительными.

множества студентовъ православныхъ и униатовъ, такъ говорилъ о православной церкви: „Schismatici sunt iidem diaboli. Ecclesia schismaticorum synagoga est diabolorum. In eucharistia schismaticorum ipse sedet diabolus“. Естественно, что такое неслыханное богохульство должно было вызвать изъ среды православныхъ и униатовъ сильное негодованіе и съ тѣмъ вмѣстѣ родить вопросъ: на какомъ основаніи г. профессоръ Богословія дозволилъ себѣ столь дерзкія рѣчи? Докторъ Чермончаевъ объяснилъ, что сказанныя имъ слова якобы буквально взяты изъ догматики аббата Перроне, назначенной наподъ въ руководство для р.-католич. университетовъ.

Что же касается опроверженія авторомъ извѣстныхъ сужденій Перроне относительно „камня“, какъ символа верховной власти ап. Петра, то мы, признавая за нимъ силу въ общемъ, не можемъ сказать этого обо всемъ опроверженіи въ частности. Намъ представляется, напр. не вполне доказательнымъ то сужденіе автора, по которому „не основаніе зданія знаменуетъ собою верховную власть (противъ Перроне), а скорѣе куполъ или верхи зданій“... (стр. 38). Объ относительномъ достоинствѣ и важномъ значеніи основаній какъ въ зданіяхъ, такъ въ государствахъ и обществахъ излишне, на нашъ взглядъ, и распространяться послѣ того, какъ Самъ Спаситель, Зодчій и верховный Правитель церкви положилъ себя во главу угла (Мѡ. 21, 42; Марка 12, 10; Лук. 20, 17),—такъ что ни Ап. Петръ, ни другіе апостолы не могутъ быть названы основнымъ камнемъ зданія церкви, а только второстепенными камнями¹⁾.

Въ заключеніе обзорѣнія 3-й главы сочиненія, какъ наиболѣе важной въ общей системѣ опроверженія папства и католичества, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о приемахъ и силѣ доказательствъ автора, почерпнутыхъ изъ св. писанія и свято-отеческихъ твореній.

Важнымъ и даже необходимымъ, на нашъ взглядъ, является установленіе точнаго смысла разсматриваемаго вы-

¹⁾ На ряду съ мнѣніемъ Перроне, приведеннымъ въ книгѣ Авд. Востокова, заслуживаетъ вниманія и мнѣніе не менѣе знаменитаго богослова-проповѣдника римской церкви, Боссюэта. Въ своей бесѣдѣ о единствѣ церкви послѣдній придаетъ особенное значеніе словамъ Христа, сказаннымъ Петру, потому именно, что она „обнаруживаетъ желаніе дать прежде одному то, что даровалъ потомъ многимъ..., и что связанное ему одному (и еже аще свяжеша на земли, будетъ связано на небесахъ...) въ ту же минуту подчинило ему тѣхъ, которыми Господь имѣлъ сказать то же самое послѣ“. Но не натянуто ли это толкованіе у Боссюэта. Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, получить начальство не получившій еще власти, когда и при полученіи ея оны ничѣмъ не былъ отличены отъ другихъ апостоловъ? См. разсужденіе объ этомъ предметѣ въ сочиненіи: Правда всел. церкви о римской и прочихъ патріаршихъ кафедрахъ А. Н. Муравьева. 1841 г. стр. 6-я.

раженія изъ Ев. Маттея (16, 17—20) на основаніи прямого смысла словъ, контекста рѣчи, параллельныхъ мѣстъ и всего содержанія св. Писанія,—но этого то и не видимъ въ данной главѣ, отчего и самое изобличеніе папства представляется не вполне обстоятельнымъ.

Придавая далѣе большое значеніе доказательствамъ, почерпнутымъ авторомъ изъ святоотеческихъ твореній, мы находимъ одностороннимъ самый способъ пользованія ими. вмѣсто простаго перечисленія мнѣній отцовъ и учителей церкви о значеніи выраженной „камень“ и „ключь“ лучше было бы, на нашъ взглядъ представить читателю болѣе или менѣе подробный разборъ ихъ, чрезъ снесеніе напр. даннаго мѣста съ другими мѣстами одного и того же отца церкви и т. д. Въ самомъ изложеніи святоотеческихъ мѣстъ относительно разсматриваемаго выраженія изъ ев. Маттея замѣчается пробѣлъ, или, отсутствіе свидѣтельствъ отцовъ и учителей церкви первыхъ 2-хъ вѣковъ христіанства—такъ называемыхъ мужей апостольскихъ, какъ то: Климента Римскаго, Ермы, Игнатія Богоносца, Поликарпа смирнскаго и писателей 2-го вѣка—св. Іустина философа, Иринея Ліонскаго, Теофила антиохійскаго и др. Всѣ они, а въ особенности св. Ермъ, символически изобразившій строеніе Церкви (на основномъ камнѣ, по нему, въ первомъ ряду положено было 10 камней, во второмъ—25, въ третьемъ—35 и въ четвертомъ—40. *Pastor. lib. I. vis. 3, cap. 2—4; lib. III, simil. 9, c. 17*), Климентъ Римскій, признавшій равными всѣхъ апостоловъ (*Epistol. I. ad Corinth. c. 42*) и Иринея Ліонскій—оставили намъ въ своихъ сочиненіяхъ болѣе или менѣе замѣтные слѣды своихъ сужденій на вышеупомянутыя выраженія изъ ев. Маттея.

Является въ главѣ пробѣлъ и въ изложеніи святоотеческихъ мѣстъ писателей 3-го вѣка, напр.—Оригена, нѣкоторые мѣста въ бесѣдахъ котораго подають, какъ извѣстно, римскимъ богословамъ поводъ видѣть въ нихъ будто бы совершенно ясно выраженную мысль о главенствѣ римскаго

епископа¹⁾. Всѣ подобнаго рода упущенія въ главѣ, если только они не были преднамѣренными, зависѣвшими отъ первоначальнаго плана и объема или размѣровъ ея, а равно и другихъ условій,—могли произойти также и отъ тѣхъ скромныхъ рамокъ писанія этой главы, въ какія поставилъ себя авторъ, строго придерживаясь сочиненій Дюпена, Наталиса Александра и Перрона.

IV.

Четвертая глава сочиненія А. Востокова посвящена разбору другаго важнаго мѣста изъ св. Писанія, приводимаго р.-католическими богословами въ пользу главенства Петрова, это—извѣстныхъ словъ Спасителя, обращенныхъ къ ап. Петру: „Симове Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ?... Паси агнцы Моя, паси овцы Моя“ (Іоанна 21, 15—17). Для надлежащаго уразумѣнія даннаго мѣста изъ Евангелія авторъ „Записокъ“, по образцу предыдущей главы, приводитъ разнообразныя изъясненія его отцами и учителями Церкви, большинство которыхъ въ означенныхъ словахъ Спасителя

¹⁾ Одно мѣсто въ бесѣдахъ Оригена читается такъ: „больше требуется отъ меня (священника), чѣмъ отъ діакона, больше отъ діакона, чѣмъ отъ мірянина, а отъ того, кому вручено церковное начальство надъ всѣми нами (епископа), требуется гораздо больше“ (In Ierem. homil. 2, п. 3). Здѣсь, что сразу не трудно видѣть, рѣчь вовсе не о римскомъ, а о всякомъ вообще епископѣ, и скорѣе всего—описаніи александрійскомъ, какъ ближайшемъ къ Оригену. Другія изреченія Оригена, на которыхъ р.-католич. писатели утверждаютъ главенство Петрово, слѣдующія: „Петръ есть великое основаніе церкви, есть твердый камень, на которомъ Христосъ основалъ церковь (in exod. homil 5); Петру особо сказалъ Господь: *дамъ ти ключи...*, велико различіе и превосходство сказаннаго Петру: *и еже аще свяжеш на земли...* (Мѣ. 16, 19), сравнительно съ тѣмъ, что сказано другимъ: *еллика аще свяжете на земли*“ и т. д. (Orig. in Math. tom. XIII, p. 613). Но самъ же Оригенъ въ другихъ мѣстахъ сочиненій всѣ означенныя выраженія объясняетъ не въ смыслѣ главенства, а только первенства Петрова (in Math. tom. XX, p. 524).

видѣли возстановленіе ап. Петра въ апостольское званіе ¹⁾). Въ связи съ этимъ авторъ представляетъ довольно подробный критическій разборъ толкованій указаннаго мѣста изъ Ев. Іоанна римскими богословами (Перроне). Черезъ снесеніе многихъ мѣстъ св. Писанія онъ наглядно доказываетъ, что въ приведенномъ мѣстѣ изъ Ев. Іоанна нельзя усматривать (что такъ желательно католическимъ богословамъ) царскаго достоинства и власти ап. Петра надъ всею церковію, будто бы данныхъ ему въ названіи пастыря ²⁾); точно также въ словахъ Господа — пасты овецъ и агнцевъ — нельзя видѣть, по нему, дарованіе ап. Петру власти, обѣщанной въ 16 гл. 17—19 ст. Ев. Маттея (ты еси Петръ и на семъ камени со-

¹⁾ Одни изъ оо. церкви (Августинъ, Василій Великій и Кирилль александрійскій) усматривали въ бесѣдѣ І. Христа вызовъ ап. Петра къ сокрушенному сознанію человѣческой своей немощи. Другіе (св. Іоаннъ Златоустъ, Августинъ (?), римскій клиръ, современный св. Кипріану) — возложеніе на ап. Петра должности пастырской, а не почести, возвышающую его надъ прочими апостолами. Но ту же заповѣдь св. отцы: Амвросій, Августинъ, Златоустъ, Василій Великій, Кипріанъ, Кирилль Александрійскій относили ко всѣмъ вообще пастырямъ церкви. Вообще же всѣ почти знаменитые отцы и учителя церкви видѣли въ приведенныхъ словахъ Спасителя возстановленіе ап. Петра въ апостольское званіе (Записки Авд. Востокова, стр. 41—42). Святоотеч. мѣста, истолковывающія вышеозначенное выраженіе ев. Іоанна, Авд. Востоковъ приводитъ по Перроне. (См. prolection. Perrone. tom. poster. p. 902). Слѣдуя въ передачѣ святоотеческихъ мѣстъ порядку, принятому въ сочиненіи послѣдняго, нашъ авторъ только приводитъ ихъ нѣсколько пространнѣе и полнѣе.

²⁾ По толкованію р.-католич. богослововъ (Перроне, Рутгенстока), въ глубокой древности, когда былъ въ особенномъ уваженіи пастушескій образъ жизни, пастырями назывались цари, а управленіе народомъ означалось выраженіемъ „пасты ихъ“. Прилагая такое толкованіе къ ап. Петру, означенные р.-католич. писатели въ словахъ „пасты овецъ Моа, пасты агнцы Моа“ видятъ указаніе на царское достоинство ап. Петра и власть его надъ всею церковію. См. Prolectiones Theol. Perrone. tom. poster. p. 887, примѣч. 1.

Эти жеумствования Перроне основательно опровергнуты Авд. Востоковымъ ссылками на различное символическое значеніе въ Св. Писаніи однихъ и тѣхъ же предметовъ (по слововыраженію св. Писанія, голубь — напр. символъ не-влюбія (Ме. 10, 16) и малодушія (Осіи 7, 11) и между прочимъ пастырскаго званія и царскаго. Зап. Авд. Восток. ч. 1. стр. 43.

зиджу церковь Мою...). „Ни изъ обстоятельствъ бесѣды І. Христа, ни изъ слововыраженій, употребленныхъ въ Евангеліи Маттея (16, 17—19) и Іоанна (21, 15—17), отнюдь не видно, говоритъ Авд. Востоковъ, будто въ послѣднемъ мѣстѣ І. Христосъ далъ ап. Петру власть, обѣщавшую у евангелиста Маттея“ (16, 17—19). Въ видахъ правильнаго и непогрѣшительнаго уразумѣнія означеннаго мѣста изъ Ев. Іоанна авторъ обращается затѣмъ къ Евангелію Марка (14, 27—31)—что, на нашъ взглядъ, особенно важно—и въ немъ при свѣтѣ ученія отцевъ церкви раскрываетъ сѣстоятельства отреченія ап. Петра, какъ подготовительныя къ возстановленію послѣдняго въ апостольское званіе.

Продолжая свою полемику съ р.-католическими богословами, Авд. Востоковъ останавливается и на слововыраженіяхъ „пasi овцы Моя и агицы Моя“, при чемъ доказываетъ, что подъ греческими выраженіями „βόσκω и ποιμάω“ (означ. „пasi“) нельзя разумѣть (какъ того желаютъ р.-католич. богословы) *питанія и начальствованія*, такъ какъ и у отцевъ Церкви и у филологовъ эти выраженія употребляются безразлично—въ общемъ значеніи попеченія о Церкви ¹⁾. Точно также въ словахъ „овцы и агицы“ нельзя видѣть, по нему, *пастырей и пасомыхъ*, такъ какъ въ толкованіяхъ отцевъ и учителей церкви эти слова означаютъ послѣдователей Христовыхъ вообще (болѣе совершенныхъ—овець и простѣйшихъ—агицевъ въ толкованіи Теофилакта Болгарскаго ²⁾).

¹⁾ По ученію р.-католич. богослововъ слово „пasi“ выражено І. Христомъ двояко (βόσκω и ποιμάω) потому будто бы, что онъ поручалъ Петру не только питать овецъ (βόσκω), но и пасты со властію, начальнически (ποιμάω); а подъ овцами ими разумѣются пастыри церкви, подъ агицами же—вѣрныя. Perrone. t. poster. p. 886—7, 902—4.

²⁾ Въ изъясненіи послѣдняго мѣста Авд. Востоковъ слѣдуетъ Теофилакту Болгарскому по цитатѣ Церроне. См. prolect. theolog. Perrone. tom. poster. p. 902—904. Въ толкованіи же выраженія „пasi“ онъ слѣдуетъ высокопреосв. Филарету, митр. Московскому. См. Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточн. ваволич. церкви. 1843 г. стр. 137—138.

Въ концѣ разбираемой главы авторъ болѣе или менѣе пространно опровергаетъ произвольныя толкованія римскими богословами въ некоторыхъ отеческихъ изреченій (св. Златоуста, Амвросія и др.), говорящихъ, повидимому, въ пользу главенства Петрова.

Оцѣнивая по достоинству всѣ приведенныя авторомъ свидѣтельства св. отцевъ, равно какъ и его собственные доводы противъ неправильнаго пониманія разбираемаго мѣста изъ евангелія р. католическими богословами, мы считаемъ особенно важнымъ по затронутому вопросу свидѣтельство самого Ап. Петра. Въ своемъ первомъ посланіи (5, 1--3) онъ ясно касается нашего вопроса, но не претендуетъ ни на какое другое достоинство (которое силится навязать ему р. католики), кромѣ сопастырства или сопресвитерства (супреспитеросъ) съ тѣми пресвитерами, которымъ онъ адресуеъ свои посланія. Въ высшей степени, поэтому, замечательнъ тотъ фактъ, что въ посланіяхъ ап. Петра, гдѣ мы естественно должны искать указаній на его верховный авторитетъ, мы находимъ противное тому.

V.

Въ пятой главѣ сочиненія пр. Аватолія (52 — 68 стр.) опровергается приводимое католическимъ богословомъ Перроне мнѣніе векрещеннаго іудея Сальвадора, будто Церковь Христова устроена по образцу ветхозавѣтной синагоги, состоящей изъ верховнаго первосвященника, священниковъ, левитовъ и мірянъ, и что потому верховное первосвященство вмѣстѣ съ подчиненными ему различными священными должностями принадлежитъ въ сущности христіанства ¹⁾. Указавъ на истинное соотношеніе въ устройствѣ церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной, авторъ „Записокъ о римской Церкви“ находитъ совершенно

¹⁾ См. Prolecion Theolog. Perrone. tom. poster. p. 887.

неосновательнымъ и притомъ некомпетентнымъ мнѣніе некрещеннаго еврея Сальвадора, такъ какъ ветхозавѣтные первосвященники преобразовали собою не римскаго епископа, а самого І. Христа (Евр. 9, 7, 11, 12). Далѣе въ главѣ опровергаются и умозаключенія самого Перроне, основанныя на тѣхъ мѣстахъ св. Писанія, гдѣ ап. Петръ представляется дѣйствующимъ прежде другихъ апостоловъ, какъ бы по главѣ ихъ (Лука 24, 34; Дѣян. 1, 15; 2, 14; 10, 34; 15, 7—8; 15, 7—11 и др.)¹⁾. Несостоятельность умозаключеній Перроне о главенствѣ ап. Петра авторъ доказываетъ чрезъ снесеніе съ указанными такими мѣстъ св. Писанія, въ которыхъ говорится объ ап. Петрѣ въ сравненіи съ другими апостолами (Павломъ),—при чемъ получается и выводъ далеко не въ пользу главенства Петрова.

Наряду съ этими приведены въ главѣ и другія умозаключенія латинскихъ писателей (Перроне, докторъ Пенка), основывающіяся на нѣкоторыхъ мѣстахъ св. Писанія, въ которыхъ будто бы превознесена Господомъ личность Петра (2 Петр. 3. 15, 16; Ев. Іоан. 13 гл.) и особенно-извѣстномъ изреченіи Господа ап. Петру: *„Азъ молюся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя: и ты никогда, обращающа, утверди братію твою“*. Всѣ эти умозаключенія р.-католич. писателей, основывающіяся на разныхъ мѣстахъ св. Писанія, опровергнуты въ 5-й гл. разсматриваемаго сочиненія съ достаточною полнотою и силою посредствомъ непререкаемаго свидѣтельства того же слова Божія, на которое ссылаются и противники.

Исчерпавъ по возможности свою полемику съ Перроне на почвѣ св. Писанія, Авд. Востокъ переходитъ далѣе къ

¹⁾ Изъ второстепенныхъ мѣстъ св. Писанія, приводимыхъ р.-католическими богословами въ доказательство своихъ положеній объ ап. Петрѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія повѣствованіе св. Дѣяписателя объ апостольскомъ Іерусалимскомъ соборѣ. Приводя это повѣствованіе св. Луки въ подтвержденіе своего ученія о главенствѣ Петра, римскіе богословы (Белларминъ, том. I, р. 287. De hom. pontif. Перроне, р. 886) утверждаютъ, будто св. Петръ на Іерусалимскомъ соборѣ произнесъ первый и рѣшительный голосъ;—тогда какъ ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ. См. подробности объ этомъ въ сочиненіи: „Разборъ р.-католич. ученія о главенствѣ папъ“, преев. Никанора, ч. I, стр. 125.

разбору доказательствъ и выводовъ католич. богослова, отрицающихся на разумъ—вървѣ—діалектику. „Если І. Христосъ, рассуждаетъ Перроне, предположилъ устроить церковь на подобіе челоѣка (*humani individui*), одареннаго душею и тѣломъ..., то должно допустить, что Онъ поставилъ надъ нею главу для управленія цѣлымъ тѣломъ, начальника для распоряденія его обществомъ“¹⁾. „Въ противномъ случаѣ, продолжаетъ далѣе Перроне, І. Христосъ создалъ бы тѣло безъ главы, общество безъ верховнаго правителя, которое было бы не одно, а многообразное, потому что было бы столько церквей, сколько ихъ основано апостолами и послѣ апостоловъ (при этомъ католич. богословъ ссылается на протестантскія и схизматическія общества, которыя суть достоянія мѣстныхъ правительствъ)“²⁾. Эти умствования католическаго богослова Авд. Востоковъ опровергаетъ тѣмъ, что благодатное царство Христово не нуждается въ видимой главѣ (въ лицѣ—напр.—римскаго епископа), такъ какъ имѣеть у себя единую главу—І. Христа (Ефес. 1, 22. 23.), пребывающаго въ немъ до скончаія міра, и что будетъ даже дерзостію и возстаніемъ противу царственныхъ правъ самого Господа навязывать Церкви другаго, ограниченнаго и тлѣннаго единовластителя (Записки Авд. Востока. стр. 58—59). Для полноты опроверженія лжеумствованій Перроне Авдію Востокову слѣдовало, на нашъ взглядъ, добавить и то, что понятіе о двухъ главахъ въ Церкви противорѣчитъ понятію о *единствѣ* Церкви (которое признають и католики), какъ составляющей собою единое тѣло божественное съ единымъ его главою—І. Христомъ. Оно противорѣчитъ далѣе тому, что Церковь *святая и непорочна*: у нея не можетъ быть глава, подверженная челоѣческимъ слабостямъ и порокамъ (каковъ папа); Церковь *вѣчная*: у нея не можетъ быть главою смерт-

¹⁾ Цитата изъ сочиненія Перроне въ данномъ мѣстѣ приведена не совсѣмъ точно. У Авд. Востокова помѣч. стр. 889, а у Перроне 888 (*Prolection. theolog. tom. poster.*).

ный человек¹⁾. Что же касается разсужденія Перроне о томъ, будто учрежденіе папства именно необходимо для поддержанія церковнаго единства, то на это Авдію Востокову вмѣсто раньше высказанныхъ (См. стр. 10—11) и теперь повторенныхъ мыслей „о невозможности одному человеку управлять Церковію, разсѣяною по всему міру“, слѣдовало, по нашему, представить точное разграниченіе понятій о внутреннемъ и вѣшнемъ единствѣ Церкви²⁾. Истинное или внутреннее единство въ Церкви Христовой составляютъ: единство вѣры, надежды и любви, единство убѣжденій, основныхъ началъ христіанской жизни, церковнаго благоустройства и т. д. Единство же, которымъ хвалятся латинисты, есть единство только дисциплинарное и для спасенія во Христѣ вѣшнее, единство въ папѣ, а не во Христѣ, основанное при томъ на началахъ несправедливыхъ и прямо ложныхъ: 1) на обязательномъ безбрачїи духовенства, 2) устройствѣ монашескихъ орденовъ и 3) устройствѣ папской курїи³⁾.

Обращаясь снова къ полемикѣ Авд. Востокова съ Перроне, мы находимъ ее недостаточною въ томъ мѣстѣ, гдѣ первый оспариваетъ сужденіе Перроне относительно распавшенія на многія секты протестантскихъ обществъ, отдѣлившихся отъ римской церкви. „Указываемый іезуитомъ Пер-

¹⁾ Справедливо раньше замѣтилъ Ав. Востоковъ, что если подъ основными камнями разумѣть римскихъ епископовъ,—то со смертію каждаго изъ нихъ уничтожается основаніе и разрушается зданіе церкви, а съ постановленіемъ новаго въ Римѣ епископа вновь начинается ея строеніе. См. Зап. Авд. Вост. т. 3-я, стр. 37, примѣч. 3-е.

²⁾ Понятіе о внутреннемъ единствѣ церкви можно выводить, правда, изъ тѣхъ сужденій автора „Записокъ“, въ которыхъ онъ утверждаетъ наибѣшее согласіе въ догматахъ вѣры и правилахъ благочинія частныхъ церквей восточныхъ, не смотря на ихъ различіе по народностямъ, мѣстнымъ обычаямъ, нарѣчіямъ и т. п. (стр. 64—5, 90),—но эти сужденія приведены у автора по другому поводу и занимаютъ въ общемъ второстепенное мѣсто въ сочиненіи.

³⁾ См. о римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію. Иванцова-Плагонова. ч. 2-я, стр. 158—9, а также: О главенствѣ папы или разности православныхъ и папистовъ въ ученіи о церкви. Протоіер. А. Лебедева. 1887. г. стр. 220.

роне примѣръ протестантскихъ и кальвинскихъ обществъ, говоритъ авторъ, ничего не доказываетъ. Если бы Лютеръ и Кальвинъ, не увлекаясь страстію пріобрѣсть славу преобразователей римской Церкви.., перешли съ своими обществами въ нѣдра восточной Церкви: то, пребывая съ нею въ союзѣ, общества ихъ не раздѣлились бы на безчисленныя общины, которыя образовали подражатели Лютера и Кальвина" (стр. 64). Если примѣръ, приведенный у Перроне, ничего не доказываетъ, то, говоря словами автора, и его собственное разсужденіе малоказательно. вмѣсто разсужденія о возможномъ единеніи протестантскихъ обществъ съ православно-восточною Церковію автору, на нашъ взглядъ, естественнѣе было, выходя изъ самаго факта существованія протестантскихъ обществъ, указать первоначальную причину возникновенія и начало зарожденія ихъ—въ самомъ католициствѣ¹⁾. Тогда видно было бы, что не въ чемъ иномъ, какъ въ самомъ католицизмѣ, въ его отдѣленіи отъ союза съ восточною Церковію, а не въ отсутствіи внѣшняго средоточія власти слѣдуетъ искать причины первоначальнаго зарожденія и дальнѣйшаго разнвоженія протестантскихъ обществъ²⁾.

¹⁾ Нельзя не привести по этому поводу слѣдующаго отзыва о протестантиствѣ въ его отношеніяхъ къ католицизму незабвеннаго А. С. Хомякова: „протестантиство, говоритъ онъ, законное по своему происхожденію, хотя и непокорное исчадіе Романизма... По своему происхожденію оно не секта нерыбитаго христіанства, а расколъ, порожденный римскимъ вѣрованіемъ... Рационалистическая почва Реформы создана была римскимъ расколомъ. Дѣйствительно, своимъ отпаденіемъ отъ церкви Римъ совершилъ уже актъ протестантиства"... См. полное собраніе сочин. А. С. Хомякова. т. 2-й, изд. 2-е 1880 г. Нѣсколько словъ правосл. христіан. по поводу брошюры г-на Лоранси. 1853 г. стр. 55. 66—7.

²⁾ Замѣчательно, что на западѣ съ наивысшимъ развитіемъ папской власти (послѣ Николая I и Григорія VII) всего болѣе стало появляться ересей и расколовъ. Такъ называемые катары, вальденсы, альбигойцы, лолларды, гусситы и позднѣйшія протестант. секты появились въ это именно время и притомъ какъ оппозиція противъ папскаго деспотизма. Фактъ, указывающій, что папскою властью церковь не только не предохраняется отъ ересей и расколовъ (какъ слѣдовало бы ожидать, по увѣренію католиковъ), а, напротивъ, усиливается ими. См. подробнѣе объ этомъ въ соч. „о римск. католицѣ". Иванцова-Платонова. ч. 2-я стр. 161—165.

Въ заключеніе 5-й главы Авд. Востоковымъ устанавливается истинный взглядъ на значеніе первенства Петрова въ училищѣ Спасителя, — а нѣсколько ранѣе константируется самый фактъ этого первенства со свидѣтельствами въ пользу его св. отцевъ и учителей Церкви ¹⁾. Истинный смыслъ первенства Петрова, какъ почетнаго *преимущества*, раскрытъ авторомъ на основаніи св. Писанія, ученія отцевъ Церкви и общихъ соображеній разума. Какъ приведенныя свидѣтельства, такъ и собственные соображенія автора отличаются убѣдительностію и вѣскою доводовъ.

Впечатлѣніе отъ чтенія цѣлой главы нѣсколько страдаетъ вслѣдствіе растянутости, неупорядоченности составныхъ частей (о первенствѣ Петровомъ см. стр. 61, 62, 65, 66, 67) и малодоказательности по нѣкоторымъ указаннымъ вами вопросамъ.

VI.

Въ 6 й главѣ (69—84 стр.) сочиненія пр. Анатолія разсматривается вопросъ: „Какимъ образомъ писатели римской церкви доказываютъ изъ преданія, что ап. Петръ, а затѣмъ и римскіе епископы были признаваемы вселенскою церковью самодержавными ея правителями“? Окончивъ полемику съ католич. богословомъ Перроне на почвѣ св. Писанія, авторъ „Записокъ“ переходитъ къ полемикѣ съ нимъ на почвѣ св. Преданія и въ началѣ 6-й главы устанавливаетъ истинный смыслъ приведенныхъ у Перроне почтительныхъ выраженій отцевъ церкви объ ап. Петрѣ („глава“, „князь“ апостоловъ и т. д.) и римскихъ епископахъ („намѣстникъ І. Христа, епископъ епископовъ“ и т. п.). Съ этою цѣлію составитель разсматриваемой нами книги сначала путемъ фи-

¹⁾ Цитаты изъ о. о. церкви приведены по Дюпену (De incarn. et caeter. Dissert. IV Dupin.). Къ сожалѣнію, авторъ ограничился приведеніемъ свидѣтельствъ І. Златоустаго и др. восточныхъ отцевъ и оставилъ безъ вниманія свидѣтельства — въ особенности важныя въ полемикѣ съ латинами — запад. отцевъ: Тертуліана, Амвросія, Иеронима и др. См. Prolection. Perr. tom. poster. p. 889—890.

дологическимъ старается показать читателю, что слово „верховный“, „князь“ (princeps) означало въ древности ничто иное, какъ *перваго* въ почетномъ смыслѣ *человѣка* въ обществѣ,—а затѣмъ изъ сопоставленія почтительныхъ выраженій отцевъ церкви объ ап. Петрѣ и др. апостолахъ вывести естественное заключеніе, что такими же точно выраженіями, какъ Петра, величали отцы церкви и прочихъ апостоловъ (Павла, Іакова и др.). Равнымъ образомъ чрезъ снесеніе свято-отеческихъ мѣстъ (Григорія Назіанзіана, Аванасія Великаго, Василія Вел.) о другихъ патріаршихъ кафедрахъ, кромѣ Рима, авторъ наглядно доказываетъ, что и другіе, кромѣ римскаго, патріархи ничуть не меньшими были отличены отъ отцевъ церкви почетными титулами, какъ и послѣдній.

Полемика съ католическимъ писателемъ—Перроне въ этой части главы удачна и мѣтка,—только передача авторомъ свято-отеческихъ мѣстъ, приводимыхъ р.-католич. богословами, отличается, на нашъ взглядъ, общностью и даже неполнотою: не приведены цитаты изъ твореній Тертуліана, Оригена, Кириллана и др. западныхъ отцевъ, которые, повидимому, болѣе другихъ упоминали о верховенствѣ ап. Петра въ ряду прочихъ апостоловъ и свидѣтельствамъ которыхъ придаютъ особенно важное значеніе сами католики¹⁾.

Вторую половину 6-й гл. Авд. Востоковъ посвящаетъ разбору доказательствъ р.-католиковъ о главенствѣ Петра и римскихъ епископовъ, заимствованныхъ изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ (графъ Іосифъ-де-Местръ)²⁾. Въ опро-

¹⁾ Вообще слѣдуетъ замѣтить, что лучше было бы, если бы авторъ излагалъ мнѣнія о.о. церкви по вѣкамъ,—тогда не было бы ни пропусковъ въ передачѣ свято-отеч. мѣстъ, ни той отрывочности и какъ бы случайности въ приведеніи ихъ, какія проглядываютъ въ сочиненіи.

²⁾ Во время пребыванія своего въ Россіи гр. де-Местръ тщательно собралъ всѣ мѣста изъ богослужебныхъ книгъ правосл. церкви, въ которыхъ сколько-нибудь проглядываетъ величіе ап. Петра и римскихъ епископовъ. Довольно пространна свѣдѣнія о графѣ, его практической и литературной іезуитской дѣятельности во время пребыванія въ Россіи, сообщаетъ и нашъ авторъ въ примѣч. на стр. 76—78 своего сочиненія.

верженіе доводовъ р.-католич. писателей авторъ говоритъ, что „наша церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ такими же выраженіями величаетъ ап. Іакова и Іоанна, особ. Павла, какими и ап. Петра,—такими же словами превозноситъ римскаго, какими александрійскаго, антиохійскаго и др. патріарховъ“ (стр. 72—74). При этомъ онъ приводитъ и нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, превозносящихъ похвальными словами патріарховъ антиохійскаго (Мелетія) и александрійскаго (Кирилла). Относительно же ап. Павла, Іакова, Іоанна и др., превознесенныхъ не менѣе Петра, дѣлаетъ одно общее замѣчаніе, не приводя соотвѣтствующаго мѣста изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ. Между тѣмъ изъ послѣднихъ видно—если слѣдовать р.-католическому способу изъясненія,—что надъ ап. Петромъ были еще верховнѣйшіе апостолы. Такъ, въ греч. синаксарѣ на 30-е Іюня Петръ называется только *первымъ* изъ апостоловъ, а Павелъ *верхомъ* (χοροφαῖος); верхомъ апостоловъ называется Іаковъ Заведеевъ (стихира 2-я на Господи възвахъ); *верховнымъ апостоломъ*, *трубою богословія*, *духовнымъ воиномъ*, *покорившимъ Богу всю вселенную* и т. п. именуется св. Іоаннъ Богословъ¹⁾. Чтобы дать читателю наглядное представленіе о характерѣ церковныхъ пѣснопѣній и превратномъ пониманіи ихъ латинскими писателями (Іосифомъ - де - Местромъ), достаточно было автору „Записокъ“ привести пѣснопѣнія, составленныя въ честь св. апостоловъ Петра и Павла (на малой вечерни 29 Іюня стихиры, стихиры на стиховнѣ, тропарь апостоловъ „первопрестольницы и вседневныя учителие“.. и т. д.) и сличить съ ними пѣснопѣнія въ честь трехъ святителей: Василия Вел., Григорія Богослова и І. Златоустаго. Главное же, что слѣдовало имѣть въ виду при полемикѣ съ латинами по данному вопросу,—такъ это извѣстное правило:

¹⁾ См. объ этомъ предметѣ въ недавно вышедшемъ сочиненіи прот. А. Лебедева: „о главенствѣ папы или разности православныхъ и католическихъ въ ученіи о церкви“. 1887 г. Прилож. въ концѣ книги, стр. 257—8.

пѣснопѣніи слѣдуетъ изъяснять по вѣроизложевіямъ и церковнымъ правиламъ, а не наоборотъ, какъ хотятъ паписты.

Въ концѣ главы авторъ дѣлаетъ нѣсколько выписокъ изъ старинныхъ римскихъ житій о нѣкоторыхъ подвижникахъ р.-католич. церкви (о св. Бернардѣ, Антоніѣ Падуанскомъ, Доминикѣ, Францискѣ)—и все это для того, чтобы показать читателю, чего только, придерживаясь приѣмовъ р.-католическихъ богослововъ, велѣзя было бы вывести изъ похвалъ, какими они превозносили своихъ подвижниковъ. Вотъ заключительный выводъ автора изъ приведенныхъ имъ выписокъ въ похвалу Доминику и Франциску: „не очевидно ли изъ такихъ свидѣтельствъ, что если Доминикъ имѣлъ всякую власть на небеси, на земли и въ странахъ преисподнихъ; если Францискъ былъ другой Христосъ на землѣ; то измышленная римскою церковію власть папы не имѣла никакого значенія, по крайней мѣрѣ при жизни такихъ подвижниковъ, какими были Доминикъ и Францискъ“ (стр. 82). Точно также составитель книги дѣлаетъ невыгодныя для латинянъ заключенія изъ наименованій ими святыхъ востока (въ житіяхъ и римскихъ календаряхъ) „отцами церкви“ (св. Нилъ) и „учителями“ (св. Аванасій, св. Григорій Назіанзинъ). Выписки изъ житій латинскихъ святыхъ интересны по своему содержанію, хотя и распространены.

VII.

Седьмая глава посвящена дальнѣйшему разсмотрѣнію вопроса о главенствѣ папы и именно того, „какимъ образомъ писатели римской церкви доказываютъ преемство римскихъ епископовъ отъ ап. Петра, въ качествѣ верховныхъ правителей всел. церкви“?

Послѣ общаго замѣчанія въ началѣ главы, что ап. Петръ не могъ передать римскимъ епископамъ право верховнаго

суда и власти надъ церковію, такъ какъ и самъ не имѣлъ такого права,—Авд. Востоковъ переходитъ къ полемикѣ съ извѣстнымъ намъ Перроне. На основаніи данныхъ церковной исторіи и общихъ соображеній разума онъ опровергаетъ то положеніе Перроне, будто римскіе епископы суть прямые наслѣдники верховныхъ правъ ап. Петра надъ вселенскою церковію. На высказанное Перроне положеніе, что ап. Петръ въ видахъ прямой передачи своей власти римскимъ епископамъ и утвердилъ свое мѣстопробываніе въ Римѣ, проходя въ немъ свое служеніе до конца жизни,—Авд. Востоковъ приводитъ цѣлый рядъ возраженій. „Трудно понять, говоритъ онъ, почему именно римскому епископу ап. Петръ вручилъ свои права (если даже допустить, что онъ имѣлъ ихъ), когда извѣстно, что онъ имѣлъ пребываніе въ Іерусалимѣ, Антиохіи и др. мѣстахъ...“ Потому ли, что онъ умеръ въ Римѣ?—„но вѣдь одна кончина его въ Римѣ не могла передать такого преимущества римскимъ епископамъ. Для сего неизбѣжно требовалось бы или письменное завѣщаніе самого ап. Петра, или, по меньшей мѣрѣ, примѣръ подобнаго преемства власти въ церковной и свѣтской исторіи“ (при чемъ авторъ приводитъ и примѣры того, что одна смерть государей въ не-столичныхъ городахъ не давала права правителямъ послѣднихъ вступать въ права своихъ государей,—а въ ветхозавѣтной церкви власть верховнаго священника передавалась не по преемству мѣста, а рода). Можетъ быть римскимъ епископамъ вручена верховная власть потому, что въ Римѣ находятся священные останки Петра? „Но въ новозавѣтной церкви, отвѣчаетъ авторъ, нѣтъ святыхъ выше благодатнаго присутствія Спасителя въ таинствѣ Евхаристіи: а этою святынею облагодатствованъ каждый храмъ истинно-христіанской церкви“... Можетъ быть вселенская церковь имѣетъ нужду въ какой-нибудь столицѣ для своего управленія? И этого нельзя сказать, „потому что единство церкви состоитъ въ единствѣ вѣры, духа и любви.“ (стр. 86—89—90).

Помимо представленнаго авторомъ цѣлаго ряда возра-

женій противъ Перроне, однимъ изъ вѣснихъ доводовъ противъ папистовъ является, на нашъ взглядъ, историческое извѣстіе о пребываніи апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ и о первыхъ римскихъ епископахъ¹⁾.

На основаніи историческихъ данныхъ можно заключать, что истинными основателями римской церкви были оба апостола, т. е. Петръ съ Павломъ и болѣе послѣдній²⁾. Опираясь на дошедшія до насъ свидѣтельства древности, мы также должны признать несомнѣннымъ тотъ фактъ, что еще при жизни апостоловъ въ Римѣ былъ епископомъ св. Линъ, поставленный во епископа ап. Петромъ и Павломъ³⁾. Римская церковь поэтому столько же можетъ считаться ка-

¹⁾ Важность доводовъ этого рода признана и издателемъ книги Авд. Востокова о В. Гречулевичемъ (яносѣд. епископ. Могилевскимъ † 1885 г.), помѣстившимъ въ примѣчан. на стр. 86—87 краткую историческую справку о томъ, что еще при жизни ап. Петра въ Римѣ епископствовалъ въ теченіе 10—11 л. св. Линъ (почерпнуто изъ Дух. бесѣд. 1858 г. т. 2-й стр. 480—1). Есть объ этомъ предметѣ нѣкоторые соображенія и самого автора въ примѣч. на стр. 107, но они тамъ не совсѣмъ у мѣста.

²⁾ См. кн. Дѣян. апост. XXIII, II. XXVШ, 22, 23, 30, 31. Рим. 1, 5, 6, 10—13; также постановл. апост. (кн. VII, гл. 46), гдѣ сказано, что Линъ, первый римскій епископъ, былъ рукоположенъ именно св. Павломъ и что св. Петръ рукоположилъ уже третьяго епископа, т. е. св. Климента. Тертуліанъ также свидѣтельствуеть, что именно Климентъ рукоположенъ ап. Петромъ (*De praescr. advers. haeret. c. 32 et 36*).

Хотя это свидѣтельство о Климентѣ какъ постановленій апостольск., такъ и Тертуліанъ не можетъ быть доказано, такъ какъ при жизни апостоловъ былъ еще епископомъ Линъ (2 Тимоѳ. 4, 6. 7. 21), тѣмъ не менѣе это свидѣтельство ясно выражаетъ то вѣрованіе древнихъ христіанъ, что первымъ основателемъ римской церкви былъ не ап. Петръ, а Павелъ съ своими учениками. Это же, кромѣ вышесказаннаго, подтверждается и древними богослужебными и обрядовыми особенностями римск. церкви (идеомъ въ субботу, временей празднованій пасхи и проч.), которыя показываютъ, что она никакъ не была основана апостолами обрѣзаніемъ—Петромъ. См. соображенія объ этомъ въ брошюрѣ: „Современный вопросъ о папствѣ“. Полѣсваго. 1861. стр. 8.

³⁾ Св. Иринеѣ, еп. Ліонскій, ссылаясь на преданіе римской же церкви, говоритъ, „что эта церковь основана и учреждена ап. Петромъ и Павломъ; что для управленія ея блаж. апостолы поставили еп. Лина, преемникомъ котораго былъ Анаклетъ“ и т. д. (*Irén. adv. haeres. lib. 3, cap. 3*). См. также Церковн. истор. Евсевія. кн. 2, гл. XXV.

едрю св. Петра, сколько и каедрю св. Павла¹⁾). Притомъ, — какъ и что можетъ передать эта каедра возсѣдающему на ней епископу?—Петрово рукоположеніе?—Но Петрова рукоположенія нѣтъ, а есть только рукоположеніе апостольское. Петрово ученіе?—Но Петрова ученія нѣтъ, а есть только одно ученіе Христово... Петрову власть?—Но когда нѣтъ Петрова рукоположенія, нѣтъ и особой Петровой власти въ церкви, а есть одна только власть общеапостольская²⁾). Для передачи папѣ самыхъ полномочій Петровыхъ должно бы существовать какое-нибудь видимое посредство: а) власть выше папы и б) какой-нибудь видимый знакъ, или таинственное священнодѣйствіе; между тѣмъ ничего подобнаго не существуетъ на дѣлѣ: для избранія папы нѣтъ ни высшей власти, ни особаго таинства.

Какъ бы желая восполнить недостатокъ историческихъ свидѣтельствъ относительно пребыванія ап. Петра въ Римѣ, авторъ вступаетъ снова въ полемику съ Перроне по поводу того, будто древне-христіанская церковь признавала римскихъ епископовъ верховными судіями относительно всѣхъ сторонъ церковной жизни (приводить и споры римск. епископовъ—Виктора—о празднованія пасхи и Стефана—о крещенія еретиковъ). Цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ церковной исторіи Евсевія, на котораго ссылаются паписты (кн. V, гл. 23. 24. 25. VI. 43 и т. д.), и другихъ церковно-историч. сочиненій овъ опровергаетъ вышеуказанное мнѣніе папистовъ. При всей основательности и вѣскости историческихъ доводовъ автора противъ единовластительства въ древней церкви римскихъ епископовъ, они кажутся намъ не совсемъ умѣстными въ рассмотрѣнной главѣ (VII), такъ какъ не подходятъ—съ одной стороны—подъ общее содержаніе главы (о преемствѣ римск. епископовъ отъ ап. Петра) и являются—съ другой стороны—буквальнымъ повтореніемъ одного и того же³⁾.

¹⁾ См. „Сочрем. вопросъ о папствѣ“ Полѣскаго, 1861 г. стр. 21—27.

²⁾ См. „о главенствѣ папы“ прот. А. Лебедева, 1887 г. стр. 171—176.

³⁾ Въ главѣ X подъ заглавіемъ „вселенская церковь до девятаго вѣка

VIII.

Продолжая разсматривать доказательства р.-католич. писателей въ пользу главенства папы, авторъ въ 8-й главѣ (100—108 стр.) останавливается на въкоторыхъ выраженіяхъ древнихъ отцовъ и учителей церкви (св. Кипріанъ, бл. Августинъ, Игнатій Богоносець и особ. Иринея Ліонскій), именовавшихъ римскую церковь „матерію и учительницею всѣхъ церквей“. Въ опроверженіе мнѣнія Перроне о единовластительствѣ римскаго епископа авторъ на основаніи св. писанія и церковнаго преданія доказываетъ, что *матерію* всѣхъ церквей считается по преимуществу церковь Іерусалимская и что такое же наименованіе прилагалось отцами церкви и къ другимъ знаменитѣйшимъ церквамъ—какъ то: антиохійской, ефесской, римской и т. д.

Въ ряду приводимыхъ Перроне свято-отеческихъ изреченій особенное вниманіе Авд. Востокова останавливаютъ на себѣ выраженія о римской церкви св. Иринея Ліонскаго и Кипріана Карфагенскаго. Извѣстное мѣсто изъ твореній св. Иринея Ліонскаго (ІІв. III, с. 3), гдѣ говорится о храненіи преданія апостольскими церквами и въ томъ числѣ *величайшею и древнѣйшею церковію римскою*,—въ книгѣ приведено даже цѣликомъ. По поводу заключительныхъ строкъ этого мѣста (особенно важныхъ по мнѣнію р.-католиковъ), читаемыхъ въ книгѣ А. Востокова въ переводѣ съ латинскаго: „ибо съ *тою церковію*, ради могущественнѣйшаго первенства (*propter principalitatem*), необходимо должны согласоваться всѣ церкви, повсюду вѣрующіе, въ которой всегда повсюду вѣрующими сохранилось апо-

признавала ли римскаго епископа самовластнымъ своимъ правителемъ?“—историко-критически разсматриваются всѣ указываемые латинянами случаи единовластительства римск. епископомъ надъ всею церковію. Въ этой главѣ вполнѣ у мѣста и кстати упоминаются и споры папы Виктора съ Иринеемъ Ліон. и Стефаномъ съ Кипріаномъ; въ разсматриваемой же нами главѣ (7-й) эти извѣстія являются лишними, не оправдываемыми ни связью рѣчи, ни сущностью дѣла, а развѣ строгимъ слѣдованіемъ въ полемикѣ Перроне (см. Prol. Perrone, томъ, 2, р. 946—8, о преемствѣ рим. еп. отъ Петра, 948—9—истор. свидѣт. о елиновл. рим. еп.)

стольское преданіе¹⁾—овъ замѣчаетъ слѣдующее. „Изъ сего очевидно, что Иринея въ этомъ мѣстѣ выраженіе „*съ тою церковію*“ употребилъ въ смыслѣ собирательномъ, означая имъ всѣ церкви, лично основанныя апостолами. Въ противномъ случаѣ, продолжаетъ Авд. Востоковъ, невозможно и представить, какимъ образомъ *вѣрными, повсюду сущими*, сохранилось въ римской церкви преданіе, когда многіе изъ нихъ, въ древнія и новѣйшія времена, не были и не могли быть въ Римѣ“ (стр. 103—104).

Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что въ приведенномъ изреченіи св. Иринея нельзя усматривать стремленія превознести римскую кафедру, мы думаемъ однако, что напрасно авторъ выраженіе „*съ тою церковію*“ не хочетъ отнести къ римской церкви. Относить его къ послѣдней позволяютъ и даже требуютъ: прямой смыслъ, какой соединяется съ этими словами св. Иринея, и составъ рѣчи, въ которомъ стоятъ они; по тому и другому видно, что въ данномъ мѣстѣ разумѣется именно римская церковь, а не вселенская,—что „*съ нею то* (по причинѣ особенныхъ преимуществъ, какъ съ церковію величайшею, древнѣйшею, всѣмъ извѣстною) должно (теперь) согласоваться (въ дѣлахъ вѣры) всей церкви: такъ какъ въ ней (римск. церкви) тѣми вѣрными, какіе есть повсюду (черезъ постоянное общеніе съ нею) всегда хранилось преданіе, которое отъ апостоловъ“²⁾).

Наряду съ приведеннымъ свидѣтельствомъ относительно римской кафедры св. Иринея Авд. Востоковъ останавливается

¹⁾ Въ латинскомъ подлинникѣ сказано: „*ad hanc enim ecclesiam, propter potentio rem principalitatem, necesse est omen convenire ecclesiam, hoc est eos, qui sunt undique fideles; in qua semper ab his, qui sunt undique, conservata est ea, quae ab Apostolis, traditio*“. Сравнивая переводъ Авд. Востокова съ подлинникомъ, мы находимъ болѣе правильнымъ такъ перевести: ибо съ этою церковію, по причинѣ ея *особенной давности* (знаменитости), должно согласоваться всей церкви, т. е. тѣми, какіе есть повсюду вѣрные: такъ какъ въ ней тѣми вѣрными, какіе есть повсюду, всегда хранилось преданіе, которое отъ апостоловъ.

²⁾ По отзыву всѣхъ подмисловъ нашихъ и самаго авторитетнаго—Высокопреосв. Никанора—отгадать истинный смыслъ упомянутаго выраженія изъ твор.

и на названіи ея Кипріаномъ „ложеснами всѣхъ церквей“. Последнее выраженіе, по нему, означаетъ только то, что отъ римской церкви, какъ отъ своей матери, произошли многія частныя церкви: африканскія, гальскія и др.,—притомъ это выраженіе съ такимъ же правомъ можно отнестъ къ римской церкви, съ какимъ и ко вселенской.

Въ концѣ главы опровергается общій выводъ Перроне изъ представленныхъ имъ раньше доказательствъ единовластительства римскихъ епископовъ: вопреки Перроне авторъ утверждаетъ, что опредѣленіе относительно папской власти Ферраро-Флорентійскаго собора (на который ссылаются р.-католич. богословы) есть новость во вселенской церкви, въ теченіи первыхъ 8-ми вѣковъ вовсе неизвѣстная въ ней. Не отрицая, что въ теченіи этого времени (8-ми в.) римскіе епископы дѣйствительно имѣли большое вліяніе на дѣла вселенской церкви, Авд. Востоковъ въ слѣдующей IX главѣ и старается показать, отъ какихъ обстоятельствъ произошло преимущественное вліяніе римскихъ епископовъ на дѣла вселенской церкви. Съ слѣдующей главы и начинается разсмотрѣніе вопроса о главенствѣ папы съ строго-исторической точки зрѣнія, тогда какъ во всѣхъ предыдущихъ главахъ (1—8) этотъ вопросъ разсматривался съ точки зрѣнія догматической, или на основаніи ученія св. Писанія и св. Преданія.

Относя общее сужденіе о пройденной нами части сочиненія А. Востокова къ дальнѣйшему времени, мы въ данномъ мѣстѣ замѣтимъ только, что эта часть въ сочиненіи является относительно важнѣйшею по значенію и совершеннѣйшею по выполненію,—въ отношеніи же къ цѣлому она составляетъ его основоположеніе.

св. Иринея весьма не легко,—и это потому, что мы имѣемъ дѣло не съ греческимъ подлинникомъ, а съ латинскимъ переводомъ, въ вѣрности котораго позволительно сомнѣваться.. См. соображенія объ этомъ выраженіи св. Иринея въ сочиненіи пр. Николая: Разборъ римскаго ученія о видномъ главенствѣ въ церкви, вып. 2-й стр. 16—23.

IX.

Въ девятой главѣ (109—118 стр.), какъ нами уже сказано, предлагается авторомъ къ разсмотрѣнію слѣдующій вопросъ: „отъ какихъ обстоятельствъ произошло преимущественное вліяніе римскихъ епископовъ на дѣла вселенской церкви?“

Самому рѣшенію этого вопроса составитель книги предпосылаетъ нѣсколько общихъ свѣдѣній о религіозно нравственномъ состояніи греко-римскаго міра предъ появленіемъ христіанства, а также первоначальной борьбѣ послѣдняго съ суевѣріемъ востока и безнравственностью запада. При этомъ онъ вкраткѣ приводитъ исторію возникновенія на востокѣ разныхъ еретическихъ обществъ (назореевъ, еліонитовъ, кериянцевъ, николаитовъ и т. д.), съ которыми всеусильно приходилось бороться восточнымъ епископамъ.

Сопоставляя въ отношеніи удобства и легкости по распространенію христіанства востокъ и западъ, Авд. Востоковъ отдаетъ безспорное преимущество западу. „Тамъ, т. е. на западѣ, говорятъ онъ, съ большимъ удобствомъ и скорѣе распространялось христіанство, нежели въ другихъ странахъ міра, потому именно, что римляне еще Августа вѣка—съ одной стороны были поработены самому грубому разврату, а съ другой — большею частію — страдали подъ игомъ самаго тяжкаго рабства. Въ такомъ состояніи тѣ и другіе не могли не ощущать отчаяннаго своего положенія.., не могли не прилѣпиться къ столь благотворному вѣроученію, каково христіанство“ (стр. 112--113)¹⁾. Переходя къ самому рѣшенію предложеннаго вопроса, онъ отмѣчаетъ слѣдующія историч. обстоятельства, содѣйствовавшія возвышенію римскихъ

¹⁾ Предварительныя свѣдѣнія объ условіяхъ распространенія христіанства на востокѣ и западѣ заимствованы изъ сочиненія: *Les quatre premiers siècles de L'Eglise chretienne* par Carpefigue. I—IV tom. Paris. 1850 г.

Недостатокъ пользованія этимъ сочиненіемъ, замѣтный при проверкѣ цитатъ, тотъ, что авторъ приводитъ свѣдѣнія, заимствованныя у французскаго историка, въ отрывочномъ и не вполне упорядоченномъ видѣ. Ср. напр. стр. 110 Авд. Восток. съ IV chapitre. т. I Carpefigue.

епископовъ,—это: слабое распространеніе на западѣ прои-
кавшихъ сюда съ востока еретическихъ толковъ, на ряду съ
принятіемъ христіанства изъ Рима жителями Галліи, Италіи,
Африки и сопредѣльныхъ странъ, особенно же—мѣстопребы-
ваніе римскихъ епископовъ въ городѣ, считавшемся въ ту
пору столицю цѣлаго міра, услуги, оказываемыя ими хри-
стіанамъ совѣтомъ, гостепріимствомъ, извѣщеніемъ во вре-
мена говеній о замышляемыхъ козняхъ и притѣсненіяхъ со
стороны язычниковъ и благодѣтельное для церкви участіе
ихъ на вселенскихъ соборахъ.

Приведенныя авторомъ обстоятельства возвышенія рим-
скихъ епископовъ присущи были въ значительной степени
и епископамъ другихъ знаменитыхъ городовъ—Александріи,
Антиохіи и т. д.; и потому вселенская церковь въ теченіи
первыхъ 3-хъ вѣковъ ничѣмъ не отличала римскихъ еписко-
повъ предпочтительно предъ другими. „Но духъ гордыни,
заключаетъ рѣчь свою авторъ, еще въ теченіи первыхъ 3-хъ
вѣковъ началъ искушать римскихъ епископовъ, что они мо-
гутъ сдѣлаться всемірными владыками народовъ“ .. (118 стр.).
Критически обозрѣвая сказанное авторомъ объ обстоятель-
ствахъ преимущественнаго вліянія римскихъ епископовъ на
дѣла вселенской церкви, мы находимъ слѣдующее. Предва-
рительныя свѣдѣнія о распространеніи христіанства на во-
стокъ и западѣ, служа какъ бы введеніемъ къ разсмотрѣнію
главнаго вопроса, изложены авторомъ безъ соблюденія исто-
рической точности и послѣдовательности.

Чтобы убѣдиться въ сказанномъ нами, достаточно толь-
ко прочесть предлагаемыя въ главѣ свѣдѣнія по исторіи ере-
сей 2-го и 3-го вѣковъ¹⁾. По мѣстамъ замѣтна общность и

¹⁾ По автору, ереси николаитовъ, докетовъ (вм. докетовъ) заимствовали
свои понятія о таинственныхъ числахъ изъ восточной философіи и каббалистики,
хотя это ни откуда не видно. См. Истор. Христіанск. церкви. Вл. Геттѣ. т. I.
стр. 320—21. Церк. ист. Фр. Гассе. Перев. съ нѣм. стр. 54—55. Въ перечисленіи
же еретиковъ 2-ю *et* (а въ книгѣ встрѣчаются такія поправилности: ене-
кратисты (вм. энекриты), савелліане (ерет. 3-го в.) и т. д.

даже неопредѣленность высказываемыхъ сужденій и взглядовъ отъносительно нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ напр., — философія неоплатонической (стр. 111), появленія еретиковъ, получившихъ образованіе въ языческихъ школахъ (стр. 112) и т. п.

Самыя причины быстрого и болѣе легкаго распространенія христіанства на западѣ, приводимыя во вступительной части главы, съ неменьшимъ правмъ могутъ быть отнесены къ востоку, чѣмъ и къ западу, — ибо глубокая порча нравовъ и тяжелое политическое ярмо отличали собою не менѣе востокъ, чѣмъ и западъ (стр. 112—113)¹⁾. При объясненіи самаго факта возвышенія римскихъ епископовъ въ глазахъ христіанскаго міра авторомъ по справедливости указаны извѣстныя намъ историческія обстоятельства, содѣйствовавшія такому возвышенію (стр. 114—115). Кромѣ нихъ можно, разумѣется, указать и многія другія обстоятельства, содѣйствовавшія возвышенію римскихъ епископовъ, какъ напр. — разрушеніе Іерусалима въ 135-мъ г. по Р. Хр., обратившее взоры христіанъ отъ матери церкви къ Риму, какъ новой матери, — множество мучениковъ, исповѣдниковъ и вѣршівія средства римской церкви, — перенесеніе Константіномъ Великимъ столицы изъ Рима на берега Босфора, паденіе западной римской имперіи отъ рукъ варваровъ и т. п.;²⁾ но и сказаннаго авторомъ достаточно для того, чтобы имѣть вѣрное представленіе о затронутомъ вопросѣ.

Х.

Десятая глава (119—168 стр.) посвящена авторомъ подробному разбору слѣдующаго вопроса: „Вселенская церковь до девятаго вѣка признавала ли римскаго епископа самовла-

¹⁾ На нашъ взглядъ, автору слѣдовало бы сказать наоборотъ — именно — что на востокѣ скорѣе и легче распространялось христіанство (благодаря давнишнему просвѣщенію и склонности къ философскому знанію вообще жителей востока главн. обр. грековъ) — нежели на западѣ, гдѣ язычество держалось еще въ VI вѣкѣ (на итальянскихъ островахъ), когда востокъ весь былъ уже христіанскимъ.

²⁾ См. „Римское папство до раздѣленія церквей“. Актоваго рѣчь и. д. экстра-ординар. проф. Демидовъ. юрид. лицея. Н. Суворова. 1882 г. стр. 9—26.

стѣямъ своимъ правителемъ?« Въ ней Авд. Востоковъ исторически слѣдитъ за тѣмъ, въ какихъ случаяхъ проявлялось стремленіе римскихъ епископовъ къ церковному преобладанію и какъ всѣ притязанія ихъ до IX в. были отражаемы вселенскою церковію. Тутъ приводятся общеизвѣстные случаи изъ жизни церкви первыхъ вѣковъ: споры о празднованіи Пасхи Виктора, еп. римскаго, съ Полигратомъ Ефесскимъ и Иринеємъ Ліонскимъ (2 в.),—по вопросу о крещеніи еретиковъ—римск. еп. Стефана съ Фирмилианомъ, еп. Кесаріи Каппадокійской, и Кипріаномъ Карѳагенскимъ; опредѣленія и дѣйствія въ отношеніи папъ соборовъ: Никейскаго (1-го всел.), VI-мъ правиломъ подтвердившаго областныя преимущества александрійскаго и антиохійскаго епископовъ наряду съ римскимъ,—Сардикійскаго (344 г.), III, IV и V-мъ правилами призвавшимъ за римскимъ епископомъ Юліемъ право принимать апелляціи къ нему со стороны западныхъ епископовъ,—Константинопольскаго 1-го (2-го всел. соб.), III-мъ правиломъ утвердившаго преимущества чести Константинопольскаго епископа по римскомъ,—Африканскаго (419 г.), призвавшаго подложными правила Сардикійскаго собора, выдаваемыя папскими легатами за правила Никейскаго всел. собора,—Ефесскаго (3-го всел.) и Халкидонскаго (4-го всел.), состоявшихся при дѣятельномъ участіи папъ Целестина и Льва великаго,—Константинопольскаго 2-го (5-го всел. соб.), Константинопольскаго 3-го (6-го всел.) и Никейскаго 2-го (7-го всел.), на которыхъ въ послѣдній разъ проявилось благотѣльное участіе римск. епископовъ въ дѣлахъ церкви. Авторъ не ограничивается изложеніемъ однихъ соборныхъ дѣяній при такомъ или иномъ участіи въ нихъ римскихъ епископовъ,—нѣтъ, онъ въ историко-послѣдовательномъ порядкѣ слѣдитъ за жизнію церкви вообще на пространствѣ III—IX в.

Такъ, въ разсматриваемой главѣ находимъ, между прочимъ, свѣдѣнія о римскомъ расколѣ Новата (вм. Новаціана), о ереси Арія, бывшихъ по поводу ея соборахъ, отношеніяхъ папы Юлія къ Аванасію Вел., сношеніяхъ съ западн. епи-

скопами Василія Вел., Іоанна Златоустаго—съ папою Інно-кентіємъ и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти и другіе факты изъ исторіи време-ни всел. соборовъ служатъ живою и естественною связью послѣднихъ, не мало содѣйствуя полнотѣ и обстоятельности повѣствованія о нихъ; но вѣрно также и то, что, будучи добавочными и какъ бы вводными къ главному предмету из-ложенія—соборамъ,—эти факты дѣлаютъ главу излишне рас-тянутою.

На основаніи вышеприведенныхъ историческихъ дан-ныхъ изъ времени вселенскихъ соборовъ и даже ранѣ ихъ, Авд. Востоковъ приходитъ къ тому заключительному выводу, „что въ теченіе первыхъ восьми вѣковъ христіанства хотя по случаю ослабленія восточныхъ церквей еретическими сму-тами иногда и проявлялось превознесеніе римскихъ епископовъ, однакожь они не управляли вселенскою церковію. Поставле-ніе епископовъ въ другихъ патріаршествахъ, а тѣмъ болѣе поставленіе патріарховъ, отъ нихъ вовсе не зависѣло; вмѣ-шательство папъ въ судныя дѣла другихъ церквей было от-вергаемо“ и т. д. (стр. 167).

Приведенные авторомъ факты изъ времени вселенскихъ соборовъ отличаются вообще историческою вѣрностію и до-казательностію¹⁾, а собственные его выводы и сужденія— вѣскостью и убѣдительностію²⁾.

Но отвѣчая въ общемъ исторической правдѣ, приведен-ные авторомъ факты и сужденія не чужды по мѣстамъ вѣ-которыхъ погрѣшностей и недостатковъ. Прежде всего въ разсматриваемой нами главѣ бросается въ глаза неточность

¹⁾ При изложеніи исторіи времени всел. соборовъ авторъ пользовался слѣдующими источниками: Исторія церк. Евсевія Памфила. кн. V. VI, VIII; Церк. истор. Сократа. кн. II. III. IV. V.; Флери. tom. VI. VII. LXX; acta concil. apud Labbeum, collectio concil. Mansii, Harduin. и т. п., но не видно, чтобы онъ пользовался твореніями Руфина-Созомена и блж. Θεодорита и др. древ-нихъ писателей.

²⁾ См. напр. на стр. 138 разсужденіе по поводу сношеній І. Златоустаго съ папою Іннокентіємъ І-мъ, на стр. 145—по поводу настойчивости римскихъ легатовъ въ превознесеніи на Ефесскомъ соборѣ (3 всел.) папы Целестина есть смыкъ даже на Цицерона (Cicero in libro de paradoxis).

въ передачѣ фактовъ, именъ и годовъ. Такъ, напр., на стр. 120 упомянуто о посланіи Діонисія александр. къ Сиксту, преемнику папы Стефана, и ничего не сказано о весьма важномъ посланіи его же къ самому Стефану (по вопросу о крещеніи еретиковъ); на той же стр. римскій расколъ Новаціана названъ расколомъ Новата; на стр. 125 (въ текстѣ и примѣчаніи 2-мъ) представляется бездоказательнымъ утвержденіе, будто со времени 1-го всел. собора (а не 4-го, какъ принято) были усвоены нѣкоторымъ митрополитамъ титулы патріарховъ; на стр. 128 невѣрно изложены мотивы къ созванію западными епископами собора въ Сардию (347 г.); на стр. 144—146 не точно обозначены годы соборовъ—Ефесскаго (3-го всел.), бывшаго по автору въ 481 г. вм. 431 г. и помѣстнаго Константинопольскаго—въ 449 вм. 448 г.; на стр. 156 не точно передано содержаніе письма Ивы къ Марію Персу и несправедливо замѣчено, будто бл. Θεодоритъ былъ принятъ въ общеніе съ церковію на Ефесскомъ соборѣ, а не на Халкидонскомъ, какъ бы слѣдовало сказать; на стр. 161 папа Пелагій II отнесенъ къ 9-му вѣку вм. 6-го и нѣкотор. др.

XI.

Въ главѣ одиннадцатой (стр. 169—183) рѣшается вопросъ о томъ, „какія обстоятельства способствовали превознесенію римскихъ епископовъ до того мірскаго величія, въ какомъ они явились міру въ послѣдствіи“⁴. Указывается на слѣдующія обстоятельства: 1) непомѣрные богатства римскихъ папъ, заключавшіяся какъ въ приношеніяхъ вѣрующихъ, такъ особенно—въ патримоніяхъ или недвижимыхъ имѣнійхъ римской церкви; 2) тревожное политическое положеніе западной половины римской имперіи вслѣдствіе опустошительныхъ набѣговъ разныхъ варварскихъ народовъ въ IV и V в.в.,—при чемъ византійскіе императоры постепенно терли свою власть надъ Италіею, а римскіе папы усиливались въ своемъ влияніи на послѣднюю; 3) выдающуюся дѣятельность на пользу папства

Григорія Великаго, счумѣвшаго привести въ подчиненіе римской катедры помѣстныхъ церкви Англїи, Испанїи и Галліи; 4) дружественныя сношенїя папъ—Григорія Ш, Захарїи, Стефана Ш, Адріана I и Льва Ш съ франкскими маіоръ-домами и королями—Карломъ Мартелломъ, Пипиномъ и Карломъ Великимъ,—слѣдствіемъ чего было начало и дальнѣйшее развитіе свѣтской власти папъ (черезъ пожалованіе Равенскаго эвзархата и другихъ италїанскихъ земель).

Вдобавокъ ко всему этому въ дѣлѣ развитїя папской власти имѣли важное значеніе, по автору, сближеніе ихъ съ западными епископами (черезъ разсылку омофоровъ и пунціевъ) и просвѣтительная дѣятельность среди дикихъ народовъ запада монашествующаго духовенства. Преувеличенными попятїямъ о власти и значенїи папъ не мало содѣйствовали такъ называемыя Лже-исидоровскїе декреталя и церковныя законы Граціана, Боловнскаго правовѣда (12-го в.). Первымъ сборникомъ правилъ (лже-исидоровскимъ) и воспользовался папа Николай I, положившїй прочное начало властолюбивымъ притязанїямъ папъ, при немъ то и началось общеизвѣстное печальное событіе въ церкви—это раздѣленіе ея на восточную и западную, о чемъ и слѣдуетъ рѣчь въ слѣд. XII главѣ.

То, что сказано авторомъ въ разъясненїе обстоятельствъ возвышенїя римскихъ папъ до небывалаго величїя, представляется намъ вполне согласнымъ съ данными исторїи церковно-гражданской. Но въ общей связи съ ними могли бы быть обозначены и другїя важныя обстоятельства возвышенїя римскихъ епископовъ:—это языческія традиціи Рима, какъ главы царствъ, владыки вселенной, невольню надмевавшаго своихъ гражданъ, принявшихъ уже христіанство; всеобщее благоговѣніе къ этому классическому средоточію міра и къ римскому епископу, какъ представителю его, со стороны варварскихъ народовъ запада, поселившихся на развалинахъ римской имперїи; сильный упадокъ религіозно-нравственной жизни на западѣ (особенно въ духовенствѣ) съ

конца IV-го в. (см. церквн. истор. Геттэ. т. 3-й, стр. 435, въ р. пер.) и вообще омірщеніе церкви. Къ этому слѣдуетъ добавить, что начало дѣйствительнаго возвышенія власти римскихъ епископовъ положено не папою Григоріемъ Великимъ (какъ приведено въ главѣ), а гораздо ранѣе его, папою Дамасомъ (366—384 г.)¹⁾. Важное пріобрѣтеніе для римской кафедры сдѣлано было далѣе его преемникомъ Сприціемъ (385—398) и папою Бонифаціемъ III (606 г.), о которомъ есть упоминаніе у Авд. Востокова²⁾. Въ перечисленіи подложныхъ сочиненій латинянь, содѣйствовавшихъ возвышенію папъ, мы видимъ замѣтный въ главѣ пробѣлъ,—это упущеніе изъ виду такихъ важныхъ подлоговъ, какъ *книга папъ* (*liber pontificalis*) и *дарственная грамота Константина Великаго* папѣ Сильвестру (Janus. p. 139—150), давшихъ мнимое историческое основаніе для свѣтской власти папъ.

При отсутствіи въ главѣ (XI) нижеуказанныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для полноты и обстоятельности изслѣдованія автора, мы находимъ въ ней за то не мало подробностей, лишннихъ на вашъ взглядъ. Такими подробностями представляются намъ обстоятельства снаряженія Григоріемъ Вел. миссій въ Британію, Испанію и Галлію (стр. 173—174), распространенія въ главѣ, сношенія папы Захаріи I съ Пипиномъ (стр. 176), свѣдѣнія о коронаціи въ Римѣ Карла Вел., впрочемъ интересныя³⁾. Въ изложеніи событій

¹⁾ Созванный въ Римѣ по случаю борьбы двухъ партій—Дамаса и Урсинъ помѣстный соборъ исходатайствовалъ въ пользу Дамаса *декретъ*, которымъ этотъ папа утверждаетъ судью прочихъ епископовъ, тогда какъ самъ не могъ быть судимъ ими; тотъ же папа издалъ опредѣленіе, чтобы каждый митрополитъ по своемъ рукоположеніи являлся въ Римъ для полученія омофора (*pallium'a*). См. о главенствѣ папъ прот. А. Лебедева. 1887 г. стр. 181—2.

²⁾ См. Записки Авд. Востокова стр. 175.

³⁾ Разсмотрѣнная нами глава составлена главн. образомъ по сочиненіямъ: *Histor. Eccles. Fleuri. tom. VI—X.* и *Inst. Histor. Eccles. N. T. Jac. Rutenstock tom. II.*, а изъ русскихъ—„*Исторія папской власти до смерти Карла Великаго*“. Кургорга. 1850 г. Не видно, чтобы авторъ пользовался сочиненіемъ

не вездѣ соблюдена авторомъ строго-историческая послѣдовательность (см. на стр. 171 о неумѣстной вставкѣ сборника Діонисія Малаго, стр. 172—объ апокрисіаріяхъ, 177—отпадѣніи Рима отъ греч. имперіи и т. д.).

XII.

Вмѣстѣ съ авторомъ „Записокъ“ мы приблизились теперь къ весьма важному историческому моменту въ жизни церкви—это раздѣленію ея на двѣ половины: восточную и западную. Съ давнихъ поръ, чуть ли не съ самаго начала раздѣленія, это событіе служило и служить камнемъ преткновенія между писателями восточной и западной церкви: первые становились и становятся, обыкновенно, на сторону патріарха Фотія и его приверженцевъ, а вторые—Игнатія и палы Николая. Быть на сторонѣ того или другаго изъ патріарховъ побуждаютъ писателей съ одной стороны вѣроисповѣдныя разности, а съ другой—недостатокъ и односторонность свѣдѣній, дошедшихъ до насъ изъ этого многозначительнаго періода времени¹⁾.

Гогоцкаго: „Критическое обозрѣніе ученія римской церкви о видимой главѣ церкви“ 1845 г. (1-е изд.), гдѣ обстоятельно изслѣдуется затронутый въ XI гл. вопросъ.

¹⁾ Такою односторонностію отличаются особенно сочиненія современныхъ или ближайшихъ къ той эпохѣ защитителей Игнатія и недруговъ Фотія, каковы Анастасій, Римскій Библиотекаръ, бывавшій и въ Царьградѣ, Никита Давидъ Пафлагонянинъ, Митрофанъ Смирнскій и др.; изъ новѣйшихъ инославныхъ писателей объ этой эпохѣ наиболѣе извѣстно, но далеко не чуждое пристрастія, обширное изслѣдованіе Гергенротера „*Photius Patriarch von Constantinopel*“. 3 тома. 1867—69. Изъ русскихъ сочиненій, наиболѣе капитальныхъ по затронутому вопросу и въ то же время безпристрастныхъ, можно указать на труды А. Лебедева: „очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX—XI вв. Москва. 1878 г.; также „Исторія Константинопольскихъ соборовъ“ IX в. (861—880 г.). Душпол. чтен. 1888 № 1 и др. Въ послѣднемъ изслѣдованіи А. Лебедева (составл. по Гергенротеру) вопросъ ставится исторически: устанавливается историч. связь партій Фотія и Игнатія съ партіями, Анатолій Мартыновскій. 16

Съ своей стороны Авд. Востоковъ сохранилъ тойъ спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдователя истины по данному предмету, лишь въ концѣ главы онъ сильнѣе увлекся въ полемику съ латинами. Такъ, изображая дѣятельность Фотія на Константинопольскомъ соборѣ 867 г., бывшемъ при участіи трехъ намѣстниковъ восточныхъ патріарховъ и многихъ епископовъ, авторъ вводитъ пространное разсужденіе о несправедливости нападокъ папистовъ на патріарха Фотія (см. стр. 196—7, также—184—5—7. 203). Впрочемъ, это разсужденіе основательно.

Самая передача авторомъ обстоятельствъ раздѣленія церкви вполнѣ согласна съ имѣющимися относительно этого предмета данными исторіи и представляетъ, хотя и сжатый, но цѣльный историческій очеркъ.

XIII.

Въ главѣ тринадцатой (208—222) подъ заглавіемъ: „какіе плоды принесло отдѣленіе римской церкви отъ единенія съ восточными церквами для народовъ и церквей?“—обозрѣваются главнымъ образомъ пути и средства, при помощи которыхъ римскіе папы достигли неимовѣрнаго могущества въ XI—XIII вв. Приравнивая образъ папскаго управленія церковію къ феодальному или калифатскому, допускающему цѣлую лѣстницу подвластныхъ іерархическихъ должностей, Авд. Востоковъ особенное развитіе такого образа управленія церковію приписываетъ Григорію VII. На личности Григорія VII авторъ, поѣтому, и сосредоточиваетъ весь интересъ времени и всю силу папства: онъ приводитъ цѣлый рядъ распоряженій и разныхъ мѣропріятій

бывшими при патріархахъ: Тарасіи (784—806), св. Никифоръ исповѣдникъ (806—815) и св. Меѳодіи (842—846 г.).

Изъ писателей до времени Авд. Востокова заслуживаетъ вниманія А. Н. Муравьевъ по умѣренно-спокойному тону изслѣдованія затронутаго вопроса въ сочиненіи: „Правда вселенск. церкви“.

этого папы, имѣвшихъ цѣлю возвысить папство, — какъ напр. требованіе его отъ государей присяги въ вѣрности апостольскому престолу, уничтоженіе имъ *инвеституры* (при чемъ кратко излагается и борьба изъ-за нея съ Генрихомъ IV), введеніе обязательности безбрачія для духовенства, разныхъ обременительныхъ для послѣдняго пошлинъ и т. д. (стр. 210—216). Особенную силу и могущество папъ со времени Григорія VII авторъ видитъ въ неприкосновенности недвижимыхъ церковныхъ имѣній и доходахъ духовенства съ одной стороны, — и такъ называемой *системъ майоратства* — съ другой. — Со времени крестовыхъ походовъ самовластіе и могущество папъ еще болѣе возрасли. Ставъ во главѣ религіознаго движенія народовъ, папы, по словамъ автора, держали въ рукахъ своихъ судьбу западныхъ государствъ, освобождали по своему произволу подданныхъ отъ присяги, данной ими своимъ государямъ, вмѣшивались во внутреннее управленіе государствъ, налагали и безотчетно собирали подати съ народовъ. Кроме того, крестовые походы доставляли оставшіяся на мѣстѣ епископамъ и аббатамъ такія богатая поминки „что если бы, говоритъ авторъ, русское духовенство захотѣло подражать латинскому во время татарскаго порабоженія Россіи..., то обладало бы теперь цѣлою Россіей“ (стр. 220—1).

Какъ можетъ видѣть читатель изъ представленнаго нами вкраткѣ содержанія XIII главы, Авдій Востоконъ обозрѣваетъ въ ней не столько „плоды, какіе принесло для народовъ и церквей отдѣленіе римской церкви отъ единенія съ восточными“, сколько исторію вѣшняго могущества папъ съ XI по XIII в. (включ.). Говоря о плодахъ отдѣленія римской церкви отъ единенія съ восточными онъ могъ бы, на нашъ взглядъ, сказать прежде всего о гибельныхъ для народовъ и церквей слѣдствіяхъ этого отдѣленія, — заключавшихся въ постоянной угрозѣ самостоятельности народовъ или-что тоже-угрозѣ духовнаго и матеріальнаго порабоженія ихъ папамъ. Въ папѣ, какъ всеоб-

щемъ епископѣ (episcopus universalis), сосредоточена была вся полнота власти (plenitudo potestatis apostolicae): власть надъ помѣстными народными церквами законодательная, высшая судебная и административная. Каждая изъ этихъ прерогативъ папской власти неминуемо вела на практикѣ къ порабощенію этихъ церквей и чрезъ нихъ—народовъ и царствъ¹⁾. Мы не говоримъ уже о разныхъ частныхъ узурпаціяхъ или свѣтскихъ притязаніяхъ папъ, со всею силою обнаружившихся въ рассматриваемую нами эпоху и причинившихъ не мало зла народамъ и государямъ: кровавыми письменами запечатлѣны въ исторіи вѣковая борьба папъ съ императорами изъ дому Гогенштауфеновъ за преобладаніе въ свѣтскихъ дѣлахъ, а равно и тѣ разнообразныя средства (не исключая насильственныхъ), съ какими ведена была эта борьба... О послѣдней сторонѣ папской политики мы даже совсѣмъ не находимъ упоминанія въ XIII главѣ.

Со стороны содержанія и изложенія фактическихъ данныхъ рассматриваемая глава нуждается въ дополненіяхъ и поправкахъ. Въ томъ мѣстѣ, напр., гдѣ говорится о развитіи папою Григоріемъ VII бюрократической системы управленія, слѣдовало бы сказать, на нашъ взглядъ, и о самомъ видномъ представителѣ этой системы—папѣ Иннокентіи III, при которомъ были достигнуты и самые осозательные результаты властолюбивыхъ стремленій папъ; между тѣмъ о послѣднемъ папѣ мы находимъ одно только упоминаніе въ изображеніи авторомъ крестовыхъ походовъ. Въ ряду средствъ и путей, какими римскіе епископы достигли, по автору, „чудовищнаго величія“, слѣдовало бы упомянуть также о рыцарскихъ орденахъ, монашествахъ и западной схоластической наукѣ. Мѣсто фактовъ въ XIII гл. заступаютъ въ изобиліи встрѣчающіяся общія сужденія о непристойности мір-

• ¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ сочиненіи: Папство и священная римская имперія въ XIV и XV столѣтіяхъ (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Визинскаго. Москва 1857 г. гл. 1-я, стр. 17—25.

ской власти для лицъ духовныхъ и т. п., вызванныя болшею частію усиленной полемикой съ латинянами (см. стр. 208, 211, 212, 214, 215, 216, 221). Встрѣчаются по мѣстамъ въ главѣ и историч. неточности въ отношеніи годовъ и именъ (возведеніе на папскій престолъ Григорія VII обозначено 1074 г. вм. 1073 г.; время 1-го крестоваго похода помѣчено 1095 вм. 1096 г.; папскій легатъ Пелагій переименованъ въ Пелазга на стр. 219 и т. д.).

XIV.

Обозрѣвая отношенія папъ къ духовенству, государямъ и народамъ, Авд. Востоковъ естественно останавливается на вопросѣ: „неужели никому на западѣ не приходило на мысль, что самовластіе папъ совершенно противно духу Евангелія“?—Отвѣчая на поставленный вопросъ въ сорокадвухой главѣ сочиненія (223—233), онъ приводитъ протесты противъ папизма, раздававшіеся на западѣ со стороны какъ отдѣльныхъ личностей—въ родѣ Петра Бруи, Арнольда Брешианскаго, Петра Вальда, Джона Виклефа и др.,—такъ и цѣлыхъ соборовъ (Констанскаго и Базельскаго), а равно корпорацій (декларация французскаго духовенства 1682 г.). Преимущественное вниманіе автора сосредоточено на дѣятельности по преобразованію западной церкви (во главѣ и членахъ) Констанскаго собора, утвердившаго значеніе вселенскихъ соборовъ и осудившаго папу Іоанна XXIII; при этомъ приведено въ извлеченіи посланіе, отправленное на Констанскій соборъ краковскимъ университетомъ, а также положенія, внесенныя на немъ парижскими учеными. Въ заключеніе представляеъ краткій обзоръ преобразовательной дѣятельности Базельскаго собора и передано содержаніе декларации французскаго духовенства, составленной подъ редакціей знаменитаго Боссюэта (1682 г. 19 марта).

Нельзя сказать, чтобы поставленный авторомъ вопросъ былъ изслѣдованъ съ возможною полнотою и обстоятель

ностью. Въ разсматриваемой нами главѣ, какъ и предыдущей, замѣтно чувствуется отсутствіе многихъ свѣдѣній, прямо относящихся къ дѣлу, каковы: политическая и литературная борьба противъ папъ со стороны нѣкоторыхъ государей (Людовика Германскаго въ полов. XIV в. и др.), государственныхъ чиновъ Германіи, англійскихъ королей и парламента,—выдающаяся антипапистическая дѣятельность трехъ славныхъ профессоровъ и великихъ писателей—Петра д' Айли, Іоанна Жерсона и Николая Клемавжиса,—и наконецъ—что особенно важно—опредѣленія и дѣйствія въ отношеніи папъ Пизанскаго собора (1409 г.), о которомъ нѣтъ и упоминанія въ главѣ. Но если свѣдѣнія, представленныя Авд. Востоковымъ въ XIV главѣ, и не исчерпываютъ вседѣло даннаго вопроса,—за то они отличаются разнообразіемъ содержанія и упорядоченностью въ изложеніи. Въ главѣ приведено, между прочимъ, посланіе къ папѣ Евгенію III знаменитаго Бернарда Клервосскаго, рекомендовавшаго папѣ смиреніе вмѣсто господства (224—5 стр.), весьма характерное по мыслямъ посланіе на Констанскій соборъ отъ имени краковскаго университета (226—7 стр.) и нѣкотор. др. На основаніи вышеприведенныхъ опредѣленій западной церкви, неблагопріятныхъ для власти папъ, естественно возникаетъ вопросъ: не было ли со стороны западныхъ христіанъ усилій къ соединенію церквей?—Рѣшеніе этого вопроса и составляетъ содержаніе слѣдующей главы.

XV.

Пятнадцатая глава представляетъ собою сжатый, но цѣльный и довольно обстоятельный очеркъ сношеній восточной и западной церквей по вопросу о соединеніи ихъ. Въ ней (234—255) болѣе или менѣе подробно описаны (по исторіи Флери и сборнику соборныхъ правилъ Мансіа) сношенія востока съ западомъ со времени еще папы Григорія VII и византійскаго императ. Михаила VII (кон. XI в.), при ви-

зантійських імператорахъ изъ фамиліи Комніновъ, Палеологовъ—вплоть до паденія Константинополя отъ оружія турокъ (1453 г.).

При цьому особеное вниманіе посвящаєть авторъ изображенію двухъ главнѣйшихъ попытокъ къ соединенію церквей—это Ліонской (1274 г.) и Ферраро-Флорентійской уніи (1437—39 г.). Не касаєсь хода соборныхъ совѣщаній о разныхъ предметахъ христіанскаго вѣрученія и обрядовъ, онъ передаетъ только ви́шнюю исторію событій, относящихся къ Ліонскому и Ферраро-Флорентійскому соборамъ. Въ общемъ изложеніи событій, соприкасающихся къ вопросамъ о соединеніи церквей, остались невыясненными и какъ бы въ тѣни отношенія къ Риму и къ упомянутому вопросу стороны духовенства и народа греческаго, тогда какъ характеристикъ сношеній между визант. императорами и папами удѣлено много вниманія. На ряду съ фактами враждебныхъ отношеній между востокомъ и западомъ въ разсматриваемое время, въ главѣ можно находить не безынтересные факты миролюбивыхъ и дружественныхъ отношеній между ними (объ этомъ свидѣтельствуетъ перенесеніе мощей св. Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ г. апулійскій Баръ—въ Италію, почитаніе нѣкоторыми западными христіанами памяти русскихъ святыхъ: вел. кн. Владиміра, Ольги, кн. Бориса и Глѣба и т. д.).

Отличаясь въ общемъ вѣрностью историческимъ даннымъ, изложеніе авторомъ священной востока и запада по вопросу объ уніи страдаетъ по мѣстамъ историческими неточностями и погрѣшностями. Такъ, напр., на стр. 235 перенесеніе мощей св. Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ г. Баръ отнесено къ царствованію Михаила Комнина, къ 1180 г.,—вм. Алексѣя Комнина въ 1087 г., какъ слѣдуетъ; на стр. 240 участвующими на засѣданіяхъ Ліонскаго собора помѣчены патріархъ Гермогенъ и Митрофанъ Нивейскій, вм. Германа и Феофана; на стр. 241 не точно обозна-

чево время открытія Ліонскаго собора и т. п. Въ изложеніи не вездѣ наблюдается умѣренно-спокойный тонъ рѣчи: мѣстами съ устъ автора срываются слова и фразы, полныя нескрываемаго негодованія противу папизма (см. напр. стр. 235, гдѣ латинянамъ приписывается „человѣконенавистный духъ“, также стр. 237, 243, 253).

Всѣ эти и имъ подобныя, замѣченные нами въ XV гл. сочиненія Авд. Востокова, недостатки и пробѣлы съ избыткомъ выкупаются обиліемъ и разнообразіемъ фактическаго матеріала въ связи съ цѣльностью и законченностью изложенія его.

XVI.

Въ шестнадцатой главѣ (256—275) подѣ заглавіемъ: „съ какихъ временъ папы начали высылать на востокъ своихъ миссіонеровъ, и какъ миссіонеры дѣйствовали на востокѣ?“—представленъ болѣе или менѣе пространный очеркъ р.-католическихъ миссій на востокѣ съ начала XIII вѣка до послѣдняго времени. Въ ней въ исторической послѣдовательности раскрыта пропаганда р.-католическихъ миссіонеровъ изъ монашествующихъ орденовъ и—преимущественно—іезуитовъ въ разныхъ странахъ востока (Грузіи, Греціи, Палестины, Египта и др.). Особенное вниманіе автора при изображеніи р.-католическихъ миссій на востокѣ обращено на выясненіе и надлежащее раскрытіе характера миссіонерской дѣятельности ордена іезуитовъ и другихъ монашествующихъ орденовъ. Сильными и въ тоже время рѣзкими чертами изображаетъ онъ дѣйствія латинскихъ миссіонеровъ въ странахъ востока: „не возможно, говоритъ онъ, описать всѣхъ хитростей, козней, пролазничества, клеветы, интриги и происковъ, употреблявшихся папскими миссіонерами“ (стр. 256, 268). Съ особеннымъ воодушевленіемъ и полнымъ негодованіемъ противу папизма чувствомъ изображаетъ Авд. Востоковъ и новѣйшія притязанія папы Пія IX на безуслов-

ное господство въ церкви (1848 г.), при чемъ разсматриваетъ и данный ему отпоръ со стороны представителей восточной церкви. Изложеніемъ недавнихъ церковно—политическихъ событій въ Италіи (изгнаніе папы изъ Рима) и Австріи (возстаніе 1848 г.), стоявшихъ въ тѣсной связи съ политикою папы Піа IX, и заканчивается содержаніе XVI главы.

XVII.

Семнадцатая глава (276—345), представляющая въ заглавіи (какія блага принесли папы тѣмъ народамъ и царствамъ, которые признавали ихъ главами вселенской церкви?) сходство съ главою XIII, заключаетъ въ себѣ обзорніе церковно-политической исторіи папъ съ XV вѣка до времени папы Піа IX влючительно. Этотъ обширный періодъ въ исторіи папъ, ознаменованный ослабленіемъ и постепеннымъ паденіемъ папской власти, возрожденіемъ наукъ и искусствъ (въ концѣ XV в.), возникновеніемъ и развитіемъ протестантства, нѣкоторыми преобразованіями въ папскомъ управленіи, учрежденіемъ и дѣятельностью ордена іезуитовъ, французскою революціею въ концѣ прошлаго вѣка и т. п. событіями—изображенъ авторомъ съ достаточною для цѣлей его сочиненія полнотою и обстоятельностью. Жизнь и дѣятельность папъ на пространствѣ трехъ съ лишнимъ вѣковъ (съ конца XV по XIX в. влюч.) представлены за малыми исключеніями въ строго исторической связи и послѣдовательности. Въ изображеніи жизнедѣятельности папъ авторомъ обращено преимущественное вниманіе на главныя и существенныя стороны послѣдней, хотя по мѣстамъ можно встрѣтить подробности и интересныя частности изъ жизни тѣхъ или иныхъ папъ. А относительно папы Піа IX помѣщены въ главѣ такія подробности, которыя, на нашъ взглядъ, являются со-

вершено лишними, даже неумѣстными въ научномъ трудѣ¹⁾).

Разсматривая въ частности содержаніе данной главы, мы находимъ, что она представляетъ собою не столько послѣдовательно прямое раскрытіе поставленнаго въ заглавіи вопроса, сколько сжатый, хотя и цѣльный очеркъ исторіи папства вообще, на протяженіи XV—XIX вв. Самый отвѣтъ на предложенный къ разсмотрѣнію вопросъ помѣщенъ авторомъ въ концѣ главы—въ формѣ общихъ выводовъ на основаніи заключающагося въ главѣ обильнаго историческаго матеріала. Эти выводы, служащіе отвѣтомъ на вопросъ: „какія блага привесли папы народамъ и царствамъ“—сводятся къ тому, что вся дѣятельность папъ въ теченіе многихъ вѣковъ существованія папства направлена была къ приобрѣтенію для себя свѣтскаго могущества и власти, обогащенію своихъ родственниковъ, возбужденію народныхъ мятежей и т. п. (стр. 341—344).

Нельзя сказать, чтобы одиѣ только дурныя стороны въ управленіи папскомъ видѣлъ и отмѣчалъ Авд. Востоковъ: нѣтъ, въ жизнедѣятельности нѣкоторыхъ папъ (напр. Пія V, Григорія XIII, Климента IX и др.) онъ отмѣчаетъ и хорошія черты характера и стороны дѣятельности,—безпристрастіе, благоразумное покровительство роднѣ, бережливость и т. д. Оставаясь въ общемъ вѣрно исторической правдѣ, повѣствованіе автора о нѣкоторыхъ папахъ не чуждо преувеличеній, отступленій отъ главнаго предмета рѣчи, историческихъ недосмотровъ и т. п. ошибокъ.

¹⁾ Говоря, напр., о посольствѣ въ Россію одного р.-католич. воспитанника миссіонера, Авд. Востоковъ сопровождаетъ это сообщеніе повѣствованіемъ о томъ, „какъ 1855 г. Апр. 12-го папа Піи IX, присутствуя въ залѣ возлѣ церкви св. Агнесы, при выпускѣ воспитанниковъ римской пропаганды, провалился въ нижній этажъ зданія со всѣми кардиналами, воспитанниками и посѣтителями“... (стр. 336—7).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вторая часть сочинения преосв. Анатолия является въ отношеніи первой важнымъ и въ тоже время необходимымъ ея продолженіемъ и дополненіемъ. Если первая часть сочиненія рассматривала по преимуществу внѣшнюю сторону папства, самое возникновеніе и дальнѣйшее существованіе его въ исторіи міра,—то вторая часть преимущественное вниманіе обращаетъ на духъ и характеръ жизнедѣятельности папства или—что тоже—внутреннюю сторону его. Въ сказанномъ нами не трудно убѣдиться чрезъ сличеніе заглавія 2-й части соч. съ первой, а также внимательное прочтеніе 8-ми главъ 2-й ч. сочиненія Авд. Востокова.

XVIII.

Въ 18-й главѣ (1—7 стр.) рассматриваются „древніе виды избранія въ епископское званіе“. Тутъ вкороткѣ изображается древній порядокъ избранія въ епископское званіе какъ римскихъ папъ, такъ и восточныхъ патріарховъ: тѣ и другіе вначалѣ избирались съ согласія народа и утвержденія императорской власти,—впослѣдствіи же—въ Римѣ чрезъ согласіе коллегіи кардиналовъ (1059 г.), а на востокѣ—со времени поработненія грековъ турками—съ утвержденія турецкаго султана¹⁾. Эта глава внесена авторомъ

¹⁾ Говоря объ утвержденіи султанами новозбранныхъ патріарховъ, авторъ дѣлаетъ при этомъ сопоставленіе денежныхъ суммъ, вносимыхъ въ казну султана и въ казну папъ за утвержденіе послѣдними въ санъ архіепископа. Выражаясь о первыхъ неопредѣленно и называя сумми тѣ „неизвѣстными“ (во всякомъ случаѣ громадными, скажемъ отъ себя), онъ приводитъ однако же цифровыя данныя суммъ, внесенныхъ въ папскую казну за поставленіе германскихъ архіеп. во времена Максимилиана I.

Сопоставленіе, на нашъ взглядъ, неумѣстное,—ибо если бы пришлось

для того, чтобы, показавъ древній порядокъ избранія епископовъ, вслѣдъ затѣмъ перейти къ современному намъ обряду избранія, посвященія во епископа и вѣнчанія на царство римскаго папы, далеко несогласному съ духомъ и обычаями первыхъ временъ христіанства. Это и дѣлаетъ авторъ въ слѣдующей по порядку XIX главѣ. За нимъ и мы послѣдуемъ.

XIX.

Въ девятнадцатой главѣ (8—27 стр.) съ весьма интересными подробностями описаны обряды избранія папъ коллегіей кардиналовъ и коронаціи ихъ послѣ избранія ¹⁾. Описывая эти обряды, Авд. Востоковъ не пожалѣлъ красокъ для того, чтобы какъ можно рельефнѣе представить читателю всю пышность и великолѣпіе ихъ въ связи съ уклоненіемъ отъ духа древне-христіанской церкви ²⁾. Справедливость требуетъ сказать, что послѣднее и удалось автору вполне, хотя нѣкоторые подробности и представляются лишними (напр. повѣствованіе о кардинальскихъ служителяхъ, несущихъ обѣдъ въ конклавѣ, стр. 15—16 и т. п.). Въ виду того, что въ нашей отечественной литературѣ мы не встрѣчали ранѣе ничего подобнаго указанному описанію А. Востокова, послѣднее какъ по полнотѣ, такъ и новизнѣ и оригинальности своего содержанія, можетъ по справедливости считаться болѣе

братъ дѣйствительнаго фюрра тѣхъ и другихъ податей, — то сравненіе оказалось бы, пожалуй, далеко не въ пользу турецкихъ султановъ, не щадившихъ денежныхъ средствъ констант. патріарховъ...

¹⁾ Провѣряя содержаніе главы съ заглавіемъ, мы замѣтили нѣкоторую неточность послѣдняго — а именно — въ немъ обозначены: „образъ избранія, посвященія во епископа и вѣнчанія на царство римскаго папы“, — но въ самой главѣ мы не нашли *посвященія* во епископа избраннаго папу, — и это понятно, такъ какъ избираются въ папы большею частію кардиналы — епископы.

²⁾ Авторъ предлагаетъ читателямъ подробное описаніе католич. обрядовъ избранія и вѣнчанія на царство римскихъ папъ съ тою цѣлю, чтобы (какъ самъ заявляетъ въ примѣч. къ главѣ) сообщить православнымъ понятіе объ этихъ обрядахъ и удержать ихъ отъ обольщенія послѣдними, а также, чтобы показать, насколько римская церковь уклонилась отъ духа древне-христіанской церкви.

или менѣе цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ нашей духовной литературѣ. Самая глава, не смотря на нѣкоторые недостатки изложенія (напр. излишнюю растянутость рѣчи), занимаетъ безспорно видное мѣсто въ цѣломъ сочиненіи Авд. Востокова¹⁾.

XX.

Сказавъ объ избраніи и вѣнчаніи на царство римскихъ папъ, Авд. Востоковъ вслѣдъ затѣмъ—въ XX главѣ (28—53 стр.)—говоритъ объ „образѣ управленія папскаго римскою и подчиненными папамъ частными народными церквами“. Чтобы нагляднѣе показать, въ какой мѣрѣ современное ему папское управленіе соотвѣтствуетъ духу управленія первенствующей церкви, онъ предпосылаетъ въ началѣ главы краткія свѣдѣнія объ образѣ управленія церкви Христовой со времени основанія ея до начала нововведеній западной церкви. Свѣдѣнія эти представляютъ собою главнымъ образомъ раскрытіе 34-го правила апостольскаго, по которому епископамъ каждой области обязательно „знать и почитать“ перваго изъ нихъ,—при чемъ приводятся изъ исторіи церкви примѣры постепеннаго возвышенія нѣкоторыхъ епископскихъ катедръ, благотѣльнаго участія въ дѣлахъ всел. церкви епископовъ знаменитѣйшихъ городовъ и тѣснаго вообще единенія всѣхъ епископовъ между собою. Представленные въ XX главѣ свѣдѣнія объ образѣ управленія вселенскою церковію были уже помѣщены раньше—въ 1-й главѣ сочиненія, нарочито разсматривавшей этотъ вопросъ (подъ заглавіемъ: „какой образъ правленія учрежденъ надъ вселенскою церковію самимъ Богомъ?“);—но они далеко не лишни и въ этой главѣ, служа связью и естественнымъ переходомъ къ разсмотрѣнію вопроса объ образѣ папскаго управленія западною церковію. Управленіе по-

¹⁾ Указанная глава составлена, главнымъ образомъ, по сочиненію: „Wiadomość o objorże papieża i dworze jego“. in-8. Krakow. 1833 г.

слѣднею послѣ многихъ преобразованій сосредоточено, по словамъ автора, подъ верховнымъ управленіемъ папы въ четырехъ конгрегаціяхъ (римской консисторіи, конгрегаціи священнаго суда (*sancti officii*), конгрегаціи „*de propaganda fide*“ и обрядовой.). Частныя же церкви находятся въ вѣдѣніи патріарховъ, примасовъ, архіепископовъ и епископовъ; но всѣхъ ихъ папа держитъ въ постоянномъ подчиненіи себѣ посредствомъ утвержденія ихъ избранія своими буллами и особенно посредствомъ присяги, требуемой ото всѣхъ епископовъ ¹⁾).

Изъ содержанія присяги видно, что принимающій епископскій санъ даетъ клятвенное обѣщаніе заботиться о приумноженіи силы, богатства и могущества римской церкви, всеусильно гнать и преслѣдовать схизматиковъ, еретиковъ и т. д. Эта присяга какъ нельзя лучше характеризуетъ собою омірщеніе латинской церкви и ея іерархіи,—а потому и не удивительно, что А. Востоковъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на разборѣ ея. Во всей этой главѣ весьма рельефно сказалась основная мысль сочиненія А. Востокова,—какъ далеко ушла р.-католическая церковь по пути отступленій отъ ученія и іерархическаго устройства древне-вселенской церкви.

Но служа наиболее рельефнымъ выраженіемъ основной идеи сочиненія, XX глава болѣе, чѣмъ другія, обнаруживаетъ намъ и слабую сторону сочиненія,—это отсутствіе вполне спокойнаго и безпристрастнаго тона изслѣдованія. Не удивительно поэтому, если и читателю, при спокойномъ и хладнокровномъ отношеніи къ главному предмету сочиненія, иное можетъ показаться не совсѣмъ такъ, какъ представляетъ себѣ авторъ. Въ порывѣ негодованія противу рим-

¹⁾ Эта присяга выписана изъ книги: *Pontificale Romanum, Clementis VII ac Urbani XIII jussu editum, nuper vero a Benedicti XIV recognitum et castigatum. Venetiis. 1772 an.*

ской церкви послѣдній не одобряетъ въ ней и того, что есть также и въ церкви восточной. Такъ, напр., онъ пишетъ: „по учевію латинскихъ богослововъ нанесеніе удара, или причиненіе обиды кому бы то ни было изъ клира латинской церкви считается святотатствомъ, отъ коего разрѣшить виновнаго, по удостовѣренію ксендзовъ, папы предоставили самимъ себѣ. За причиненіе тяжкой обиды высшему какому-либо духовному сановнику виновный, по канонамъ латинской церкви, немедленно подвергается отлучевію отъ церкви... Какъ все это далеко отъ изреченія Спасителя: аще ты кто ударить въ десную твою ланиту, обрати ему и другую“! (51—2 стр.).

Сопоставляя приведенныя авторомъ постановленія римской церкви съ дѣйствующими на этотъ счетъ законоположеніями восточной церкви, мы находимъ, что и на восточныхъ соборахъ за указанное преступленіе положена „аваемая“. А апостольскія правила и причетнику за личное оскорбленіе священника, или даже діакона, опредѣляютъ отлученіе церковное¹⁾. Эти постановленія внесены въ общій церковный канонъ и приняты всею церковію.

XXI.

Показавши въ XX главѣ образъ управленія папскаго западными церквами, Авд. Востоковъ въ слѣдующей затѣмъ 21-й главѣ (54—86 стр.) подробно трактуетъ „о средствахъ къ удержанію въ подчиненіи латинской церкви царствъ и народовъ латинскаго вѣроисповѣданія“. Къ такимъ средствамъ могутъ быть отнесены, по изслѣдованію автора, слѣдующія: 1) присвоеніе себѣ папами (со времени Александра III) права *канонизаціи святыхъ*, а также признаніе благодатно-проявленными чудотворныхъ иконъ; 2) право

¹⁾ Апостольск. прав. 56; соб. Константиноп. 879 г. пр. 3. См. въ кн. правилъ изд. Свят. Синода.

папъ освобождать кающихся грѣшниковъ и даже умершихъ отъ эпитимій, при посредствѣ установленныхъ ими юбилеевъ и индульгенцій¹⁾; 3) власть папъ разрѣшать (dispensare) брачные союзы въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства; 4) богослуженіе р.-католическ. церкви съ его игрою на музыкальныхъ орудіяхъ (органахъ), религіозными мистеріями и разными обрядами; 5) множество издающихся на мѣстныхъ варѣчіяхъ молитвенниковъ и катихизическихъ книжекъ, восполняющихъ собою отчасти богослуженіе на мертвомъ, большею частію непонятномъ для народа, латинскомъ языкѣ (при этомъ приведены краткія свѣдѣнія и о судьбѣ славянскихъ языковъ въ Богеміи и Польшѣ въ XV и XVI вв.).

На ряду и какъ бы въ параллель съ вышеуказанными средствами къ удержанію въ подчиненіи латинской церкви царствъ и народовъ латинскаго вѣроисповѣданія, авторъ отмѣчаетъ каждый разъ практику и установленія по разнымъ вопросамъ восточной и даже русской церкви. Вслѣдствіе такого сопоставленія религіозныхъ установленій восточной и западной церковей наилучшимъ и наяснѣйшимъ образомъ открывается истинность и правота учреждений восточной церкви—съ одной стороны, и лживость, а также произвольность западной—съ другой стороны. Помимо основательности и вѣскости опроверженія установленій р.-католической церкви, рассматриваемая нами глава имѣетъ не малую научную и общелитературную цѣнность по заключающимся въ ней свѣдѣніямъ относительно вѣшне-обрядовыхъ учреждений католичества. Много интереснаго для себя могутъ встрѣтить въ этой главѣ какъ люди науки, такъ и общества, при чтеніи—напр.—описанія юбилейныхъ торжествъ папскихъ, сопровождающихся большею частію драматическими представленіями латинскихъ монаховъ и ксендзовъ, особенно

¹⁾ Говоря объ индульгенціяхъ, Авд. Востоковъ приводитъ и самый образецъ ихъ (на латин. языкѣ), списанный между прочимъ съ оригинала, принадлежащаго помѣщику Могилевской губ., гомельскаго уѣзда, Оттону Ксеноженскому. См. примѣч. 2-е на стр. 64—5.

средневѣковыхъ и даже современныхъ религиозныхъ мистерій и разныхъ, по выраженію автора, „позорищныхъ дѣйствій ксендзовъ“. Въ описаніи ихъ авторъ обнаруживаетъ близкое знакомство со всѣмъ богослужебнымъ ритуаломъ католической церкви, извѣстнымъ ему чрезъ чтеніе разныхъ латинско-польскихъ книгъ и брошюръ литургическаго содержанія ¹⁾. Обладая богатымъ запасомъ свѣдѣній въ этомъ родѣ, авторъ съ видимымъ удовольствіемъ знакомитъ съ ними своего читателя; особенное вниманіе онъ обращаетъ при этомъ на нѣкоторые, чѣмъ либо выдающіеся богослужебные обряды католической церкви, молитвы, проповѣди и другія части богослуженія. Такъ, съ большими подробностями имъ описываются средневѣковыя и современные мистеріи католиковъ въ день Благовѣщенія, Рождества Христова, Страстной седмицы и др. дни (стр. 73—76); приведены въ главѣ и нѣкоторыя молитвы католиковъ съ характеромъ тривиальности, какъ напр., гимнъ Богородицѣ, находящійся въ общемъ народномъ употребленіи у латинянъ въ западно-русскихъ губерніяхъ (стр. 76), а также другія въ родѣ: „десять тысячъ разъ да благословляютъ тебя, Пресвятая Дѣво Маріа, всѣ святые Ангелы, Архангелы, Силы и т. п.,—двадцать тысячъ разъ да благословляютъ Тебя всѣ патріархи и пророки и т. д. (стр. 78); приведены даже по польски два отрывка іезуитскихъ проповѣдей, по выраженію автора, „пустыхъ и смѣхотворныхъ“ ²⁾.

¹⁾ При писаніи XXI гл. авторъ имѣлъ подъ руками слѣд. разнообразныя источники: *Theologia moralis Anaecleti Reinfenstuel. Rom. t. II*; *Nauka o odpustach, bractwach i jubileuszu. Wilno. 1847 г.*; *Wianek duchowny, oddział drugi. Berlin; Jadwiga i Jagello przez karola Szajnochę. Lwów. 1855 г. tom. 2*; *Rituale sacramentorum ac alienarum ecclesiae Romano-catholicae caeremoniarum. Vilnae. 1819.*; *Officium, albo codzienne nabożeństwo. Wilno. 1838 г.* *Roczne nabożeństwo według S. Rzymskokatol. kościoła. 1844 г. t. I—IV. в мн. др.*

²⁾ Выписаны изъ книги: *Wolny głos mów niedzielnych, X. Athanazego Ludwika Kiernickiego, praw doktora, societatis Jesu. Warszawa. 1727 г.*

Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что при описаніи католическихъ обрядовъ авторъ не вездѣ соблюдаетъ мѣру должнаго: увлекаясь подчасъ живостію и интересомъ собственнаго повѣствованія, онъ выдаетъ вещи правдоподобныя за дѣйствительно происходившія. Къ такимъ мѣстамъ слѣдуетъ отнести, напр., описаніе католическаго праздника „въ честь осла“, заимствованное изъ книги „Magazyn anekdotów (Warszawa, 1783 г. tom. II) и носящее на себѣ явные слѣды легендъ (стр. 73—4).

XXII.

Въ главѣ 22-й (87—118) Авд. Востоковъ опровергаетъ „велеветы и злословіе писателей латинской церкви, провозглашаемыя ими на счетъ восточныхъ православныхъ церквей“,—именно: 1) будто восточныя церкви, которыя латинскими писателями умышленно смѣшиваются съ различными еретическими обществами на востокѣ, покрыты мракомъ крайняго невѣжества; 2) будто, какъ увѣряетъ учевый іезуитъ Перроне, греческая и русская церкви не состоятъ въ единствѣ вѣры; 3) будто во времена просвѣщенія Россіи св. крещеніемъ Константинопольская церковь была въ единеніи съ латинскою и, потому, русскіе послѣ крещенія были католиками (т. е. латинистами); 4) будто, какъ утверждаетъ Перроне, русская церковь обезчестила себя тройственнымъ расколомъ,—во первыхъ, общимъ съ грѣхами отступленіемъ отъ римскаго папы; во вторыхъ,—отпаденіемъ отъ Константинопольскаго патріарха,—и въ третьихъ—отпаденіемъ отъ Московскаго патріарха, коего достоинство Петръ I уничтожилъ, учредивъ Св. Синодъ. Наконецъ, въ 5-хъ) авторъ защищаетъ Россію отъ упрека, дѣлаемаго Перроне, въ многочисленныхъ притѣсненіяхъ, которыя терпятъ будто бы въ нашемъ отечествѣ католики. Всѣ эти и нѣкоторыя другія велеветы, распускаемыя латинскими писателями на счетъ восточной и—въ частности—русской церкви, опровергаются въ главѣ съ достаточною вѣскостью и убѣдительностью. Въ

опроверженіи противниковъ (Перроне, Либерманъ и др.) авторъ съ успѣхомъ пользуется данными исторіи востока и Россіи,—при чемъ, не довольствуясь свидѣтельствами объ отношеніи католицизма къ Россіи русскихъ ученыхъ, онъ для полнаго пораженія своихъ противниковъ пользуется свидѣтельствами и польскихъ историковъ—Длугоша, Мартина Бѣльскаго, Кромера, Стрыковскаго, Прилускаго и др.

Видное мѣсто занимаетъ въ разсматриваемой главѣ опроверженіе извѣстной легенды западной, будто съ самаго начала русскіе были крещены въ католическую вѣру и большая часть ихъ оставались католиками до времени русскаго митрополита Фотія (въ 15 в.). Показавъ невозможность крещенія русскихъ въ католическую вѣру при Аскольдѣ и Дирѣ (во время похода ихъ на Царьградъ), авторъ „Записокъ о римской церкви“ переходитъ затѣмъ ко времени Владиміра святаго и его преемниковъ. Тутъ въ цѣломъ рядѣ историческихъ фактовъ онъ показываетъ безуспѣшность сношеній папъ съ русскими князьями и несостоятельность западныхъ легендъ о крещеніи русскихъ въ католическую вѣру. Къ сожалѣнію, въ этомъ важномъ мѣстѣ главы авторомъ допущены нѣкоторыя историческія неточности и погрѣшности. Такъ, напр., на стр. 96 сказано: „изъ числа папскихъ легатовъ, отправленныхъ въ Россію во времена вел. кн. Владиміра,—Бруно былъ убитъ, не доѣхавши до Россіи, а Бонифація убили русскіе“... Между тѣмъ по современнымъ историческимъ изслѣдованіямъ видно, что Брунъ или Брунонь одно и то же лице съ Бонифаціемъ (Брунъ въ монашествѣ Бонифацій) и что онъ убитъ былъ въ Россіи¹⁾. Тамъ же: не указаны обстоятельства и поводъ заключенія въ темницу кн. Владиміромъ Рейнберна, еп. Колобрежскаго, прибывшаго въ Россію съ дочерью польскаго короля Болеслава, супругой Святополка. На той же стр. встрѣчается

¹⁾ См. Истор. русск. церкви Е. Голубинскаго. Т. I. Періодъ первый. Москва, 1880 г. стр. 186—7.

слѣдующая важная погрѣшность: по освобожденіи Галиціи отъ венгровъ и поляковъ вел. кн. Романомъ Давидовичемъ (вм. Романомъ Мстиславичемъ), папа Иннокентій IV (вм. III) приглашаетъ въ 1027 г. (вм. 1205 г.) Романа покориться римскому престолу¹⁾ и т. п.¹⁾. Мы не касаемся уже пропусковъ историческихъ по затронутому авторомъ вопросу, — какъ напр.: посланія папы Гонорія III отъ 1227 г. ко всѣмъ князьямъ русскимъ, — посланія къ вел. кн. Владимірскому Юрію Всеволодовичу отъ 1231 г. папы Григорія IX и нѣкоторыхъ другихъ сношеній папъ съ русскими князьями²⁾.

Всѣ эти и имъ подобные пропуски, недосмотры и погрѣшности объясняются въ значительной степени неразработанностью науки русской церковной исторіи во время писанія Авд. Востоковымъ своего труда, а также стремленіемъ автора охватить историческимъ кругозоромъ возможно большій періодъ времени, изобразивъ его хотя бы въ общихъ и сжатыхъ чертахъ.

Особенно интересно по содержанію является послѣдняя часть главы, въ которой авторъ старается оправдать русскую церковь и правительство отъ обвиненій въ разныхъ притѣсненіяхъ католичеству, приписываемыхъ богословомъ Перроне. Тутъ (на стр. 106—7) А. Востоковъ беретъ подъ свою защиту Стурдзу, Карамзина, Икономидоса и пр. Филарета, подвизавшихся въ борьбѣ за православіе и противъ католичества. Сильными и мѣткими доводами онъ поражаетъ противника на каждомъ пунктѣ нападокъ послѣдняго, — особенно вѣскоость эти доводы получаютъ оттого, что авторъ

¹⁾ На стр. 103, напр., вместо м. Исидора названъ Іовой Глезна вм. Іона святой.

²⁾ См. въ Истор. Голубинскаго главу подъ заглавіемъ: „Попытки папъ подчинить себѣ русскихъ и наши собственные обращенія къ папамъ“, стр. 482—495. Также: Истор. русск. церк. преосв. Макарія. т. I, 244—252 стр.; Т. V, 308—329 стр.

удачно сравниваетъ современное ему положеніе католиковъ въ Россіи съ положеніемъ православныхъ русскихъ подъ владычествомъ Польши во времена уни, а также и съ современнымъ состояніемъ католицизма на западѣ Европы. Разсмотрѣнная нами глава, не смотря на свой публицистическій характеръ, вполне пригодна, чтобы убѣдить непредвзятаго читателя въ несправедливости и тенденціозности нападокъ на православную церковь со стороны католич. писателей.

XXIII.

Въ главѣ 23-й (119—176) подъ заглавіемъ: „образъ распространенія въ мірѣ латинскаго вѣроисповѣданія“ содержится историческое обзорѣніе р.-католическихъ миссій (съ XIII в.) въ разныхъ странахъ Азіи, Африки и Америки. Согласно усвоенному приему писательства—начинать рѣчь свою издалека, авторъ трактуетъ въ началѣ главы о необходимости распространять слово Божіе между невѣрными сперва посредствомъ устной проповѣди, и затѣмъ уже въ письмени,—при чемъ образцомъ надлежащаго проповѣданія слова Божія онъ поставляетъ миссіонерскую дѣятельность св. апостоловъ и разныхъ благочестивыхъ мужей во времена послѣ-апостольскія, включая св. братьевъ Кирилла и Меодія ¹⁾. Показавъ истинный образъ распространенія христіанскаго вѣроученія въ лицѣ апостоловъ и ихъ преемниковъ, Авд. Востоковъ переходитъ затѣмъ къ изображенію миссіонерскихъ дѣйствій латинянъ, преслѣдовавшихъ зачастую чисто мір-

¹⁾ Говоря о св. Меодіи, Авд. Востоковъ приписываетъ ему обращеніе въ христіанство, на пути въ Моравію и Паннонію, болгарскаго цара Богориса (Бориса). Помимо того, что это извѣстіе не вполне согласуется съ сказаніемъ авторомъ ранѣе объ обращеніи въ христіанство болгаръ (Зап. Авд. Восток. I т. XII гл. стр. 195), оно, на нашъ взглядъ, и исторически не достоверно. Еще исторически недоказанный фактъ, что греческій инокъ, показывавшій Богорису картину страшнаго суда, былъ именно св. Меодій, братъ св. Кирилла.

скія цѣли, чуждыя истымъ проповѣдникамъ христіанства. Тутъ болѣе или менѣе подробно описаны нарочитыя и случайныя миссіи р.-католиковъ: въ Палестину (со времени крестовыхъ походовъ), Александрію, Марокко, Татарію (со временъ Батя), Арменію, Сенегамбію, Абиссинію и Америку (со времени открытія ея Христофоромъ Колумбомъ),—гдѣ подвизались францисканцы, доминиканцы и др. монашескіе ордена ¹⁾. Съ особеннымъ воодушевленіемъ и подробностями говоритъ авторъ о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ Америкѣ, Остѣ-Индіи, Японіи, Китаѣ и Парагваѣ (стр. 155—175). Въ рѣчи объ іезуитахъ и ихъ миссіонерской дѣятельности по преимуществу видны характеръ и цѣль латинской пропаганды,—это—распространеніе христіанства всевозможными, не оправдываемыми евангельскимъ ученіемъ, средствами—происками, подкупамъ, интригами, потворствомъ страстямъ, грѣховнымъ языческимъ обычаямъ и т. п. Вообще же характеръ и духъ латинской пропаганды не столько раскрыты авторомъ прямо, сколько слѣдуютъ въ формѣ неизбѣжныхъ выводовъ изъ представленныхъ имъ историческихъ фактовъ.

Разсматриваемая нами глава какъ по своему содержанию, такъ и источникамъ для составленія ея, имѣетъ самую тѣсную связь съ главою XVI, трактующей о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ латинянъ на востоѣ. Весьма умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ было бы, поэтому, соединить объ эти главы въ одну, придавъ имъ одно и то же заглавіе: тогда та и другая главы, представляя собою общую исторію миссіонерскихъ дѣйствій латинянъ съ XIII в., дали бы намъ цѣльный и законченный очеркъ католической пропаганды въ разныхъ странахъ свѣта. Въ то же время было бы сообщено 23-й главѣ больше сжатости и историч. послѣдовательности.

¹⁾ Историч. свѣдѣнія о р.-католич. миссіяхъ съ XIII в. почерпнуты авторомъ изъ сочиненія барона Генриена: „Histoire générale des missions catholiques“. Paris. 1844 г. том. I. II. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ іезуитахъ почерпаетъ онъ и изъ книги: Histoire des Iesuites par Adolphe Boucher. том. I.

Но и въ данномъ видѣ разсматриваемая нами глава сочиненія А. Востокова можетъ сообщить читателю не мало полезныхъ и даже интересныхъ по своимъ подробностямъ свѣдѣній какъ о характерѣ латинской пропаганды, такъ въ особенности по исторіи ея ¹⁾.

Въ дополненіе сказанному въ 23-й гл. о характерѣ латинской пропаганды авторъ продолжаетъ разсмотрѣніе того же вопроса и въ слѣдующей—XXIV главѣ, озаглавливающейся: „Дѣйствія и средства латинской іерархіи въ обращеніи въ латинство и въ унию жителей западныхъ русскихъ областей“. Къ обзорѣнію этой главы мы и перейдемъ.

XXIV.

Въ началѣ 24-й главы (177—228 стр.) Авд. Востоковъ дѣлаетъ краткое обзорѣніе состоянія православія подъ владычествомъ литовско-польскихъ королей—Ягайлы (Владислава), Витовта, Владислава III (Варнскаго), Казимира IV, Александра, Сигизмунда I и Сигизмунда II Августа. На основаніи свидѣтельствъ польско—литовскихъ историковъ (Крашевскаго, Нарбутты, Кулеша и др.) имъ отмѣчены по годамъ постановленія этихъ королей, большею частію стѣснительныя для православнаго населенія Литвы и Польши ²⁾.

¹⁾ Представленныя въ главѣ свѣдѣнія относительно латинскихъ миссій отличаются вообще историческою достовѣрностію и правдивостію. Такой результатъ полученъ нами при сравненіи разсматриваемой главы съ отдѣльными изслѣдованіями по затронутому вопросу, каковы: „Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи“. Ю. Самарина. Москва. 1868. См. стр. 150—153, а также—„Іезуиты Гринингера“ 2 ч. и нѣк. др. По мѣстамъ только въ главѣ попадаются неточности, какъ напр. на стр. 142—3, гдѣ идетъ рѣчь о францисканцахъ и доминиканцахъ, или на стр. 148—155, гдѣ говорится о миссіонер. дѣятельности Франциска Ксаверія.

²⁾ Въ датахъ именъ и годовъ допущены, впрочемъ, нѣкоторыя неточности: на стр. 179 сказано, что Витовтъ крестился три раза (см. двухъ); Сигизмунду I приписаны указы 1522, 29, 43 гг. (см. 1522, 29, 37 и 47 гг.) и нѣкот. др. См. истор. русск. церк. и. Макарія. т. IX. гл. I. II. III. Литовск. церк. униа. М. Колювача. т. I, гл. I.

Далѣ, въ разсматриваемой нами главѣ сообщаются свѣдѣнія о вызовѣ въ Польшу при Сигизмундѣ II Августѣ іезуитовъ (1569 г.) и ихъ враждебныхъ православію дѣйствіяхъ: заведеніи училищъ въ Вильнѣ, цензурѣ книгъ, перечисткѣ библіотекъ (порученной имъ папою Григоріемъ XIII) и что всего важнѣе—введеніи ими такъ называемой *унии*¹⁾.

Послѣдняя и составляетъ средоточный пунктъ всего содержанія главы. При этомъ, согласно съ намѣченною въ заглавіи главы задачей, авторъ обращаетъ преимущественное свое вниманіе не столько на выясненіе обстоятельствъ, предшествовавшихъ объявленію унии на Брестскомъ соборѣ (1596 г.), сколько тѣхъ разнообразныхъ средствъ (не исключая насильственныхъ), коими іезуиты пытались насадить унію въ Литвѣ и Польшѣ.

Въ виду этого весьма умѣстными въ главѣ являются приведенные на русскомъ (въ текстѣ) и польскомъ (подъ строкою) языкахъ документы: а) характерное письмо іезуитовъ уніатскому митрополиту Михаилу Рогозѣ, гдѣ первыми предначертанъ хитрый и коварный планъ дѣйствій для повсемѣстнаго введенія унии и б) проектъ (1717 г.) іезуитовъ объ уничтоженіи православной и уніатской вѣръ—въ литовско-русскихъ областяхъ съ замѣною ихъ чистымъ латинствомъ²⁾. Говоря о мѣрахъ ко введенію унии среди православныхъ западно-русскаго края, Авд. Востоковъ упоминаетъ вскользь и о борьбѣ послѣднихъ съ уніею и латинствомъ при посредствѣ братствъ и высшей силы—въ лицѣ казаковъ. Въ

¹⁾ Въ перечисленіи годовъ и именъ главныхъ дѣятелей унии допущены неточности: на стр. 186 объявленіе унии помѣчено 1595 г. вм. 1596 г., когда состоялся Брестскій соборъ; на стр. 187 поименованы дѣятели унии: Михаилъ Рогоза, полоцкій архіеп. Германъ, и епископы—Владимірскій Игнатій (вм. Ипатій) Подѣй, луцкій—Леонтій Пельчяцкій (вм. Кирилль Терлецкій).

²⁾ Послѣдній проектъ, въ виду его общарности (13 пунктовъ), могъ быть изложенъ не сполна, а въ сокращенномъ видѣ.

завлюченіе главы авторъ говорить о развообразныхъ словахъ, употребляемыхъ вообще латинами къ привлеченію иновѣрныхъ въ свое вѣроисповѣданіе (при помощи ксендзовъ, женщинъ и т. д.), о современныхъ усиліяхъ латинской пропаганды къ совращенію въ католицизмъ русскихъ семействъ, путешествующихъ за границую, о всемѣрномъ распространеніи миссіонерами величія папы и р. катол. церкви и — наконецъ — плодахъ, какіе привнесло народамъ р. католич. вѣроисповѣданіе.

Близко знакомый со всѣми происками іезуитовъ въ западно-русскомъ краѣ, авторъ не щадитъ красокъ для того, чтобы въ живыхъ и яркихъ чертахъ изобразить враждебныя православію дѣйствія послѣднихъ ¹⁾. Отсюда — подъ вліяніемъ понятнаго въ немъ чувства негодованія противъ враговъ православія — самое изложеніе этой главы является живымъ и увлекательнымъ. Это же чувство послужило невольной причиной того, что авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаетъ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ главнаго предмета рѣчи — уніи въ юго-западномъ краѣ. Такъ, на стр. 184, заговоривъ объ уніи, авторъ не совсѣмъ кстати коснулся религіозно-политическихъ происковъ іезуитовъ въ Велико-россіи, содѣйствія ихъ появленію въ Москвѣ извест-

¹⁾ Знакомъ былъ авторъ съ происками и дѣйствіями іезуитовъ не только прагматически, живя долго въ юго-западномъ краѣ, но и литературно. Последнее видно, между прочимъ, изъ пользованія авторомъ на польско-латинскомъ языкѣ многими источниками и пособіями, каковы: *Obraz Litwy, Iarozzewiczo. tom. II*; труды по исторіи Литвы и Польши Оссолинскаго (*Ossolinski. tom. I*), Мацшевскаго, Лузашевича, Вуйка, Меховиты, Мелетія Смотрицкаго и другихъ выдающихся историковъ и писателей — полемистовъ. Въ перечисленіи важнѣйшихъ польско-литовскихъ источниковъ по исторіи уніи М. Коляловичемъ упоминаются почти тѣ же, которыми пользовался и Авд. Востоковъ (кромя хроникъ Стрийковскаго, сочин. Стебельскаго, Коляловича (*Vilna. 1650 г.*) и иѣстр. др., отсутствующихъ у А. Востокова). У послѣдняго за то встрѣчаемъ и нѣкоторые иные источники, какъ напр.: *bellum sobaso-polonicum. Samuel de Grondski. Krakow. 1838г.*

Ср. „Унію“ Коляловича. т. I-й. Замѣч. объ источникахъ; стр. 205 — 238.

наго Гришки Отрепьева; или же на стр. 219—20 безъ особой надобности приводить письмо папы Юлія III въ Московскому вел. кн. Іоанну Васильевичу Грозному по поводу принатія имъ царскаго титула.

Вообще же отсутствіе строгаго единства и систематической послѣдовательности въ изложеніи авторомъ главнаго предмета составляетъ выдающійся недостатокъ XXIV главы

XXV.

25-я и въ то же время послѣдняя глава сочиненія А. Востокова (стр. 229—302) посвящена обзору „нововведеній, возникшихъ въ римской церкви, по отдѣленіи ея отъ вселенской“. Кромѣ ученія о главенствѣ папы, подробно разобраннаго въ первыхъ главахъ сочиненія (см. гл. II, III, IV и др.), въ настоящей (25-й) главѣ болѣе или менѣе обстоятельно разсмотрѣны авторомъ слѣдующія нововведенія р.-католической церкви: 1) ученіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына или—*Filioque* ¹⁾;—2) ученіе римской церкви о папѣ не только какъ верховномъ судіи въ дѣлахъ вѣры и церкви, но и какъ свѣтскомъ правителѣ народовъ ²⁾. Далѣе подѣ руб-

¹⁾ Тутъ мы находимъ историческія справки относительно происхожденія на западѣ догмата *Filioque*—появленія его сначала въ испанскихъ церквяхъ, въ V или VI в. в., по автору (хотя большинство историковъ относятъ къ концу VI в., къ Толедскому собору 589 г., скажемъ отъ себя), и затѣмъ Галльскихъ,—причемъ приведенъ отрывокъ изъ собесѣдованій папы Льва III съ послами Карла Вел. Опроверженіе догмата *Filioque* сдѣлано на основаніи отчасти св. Писанія, отчасти свято-отеческихъ твореній, но главнымъ образомъ—новѣйшихъ писателей изъ протестантовъ (Фрancisка Баадера) и католиковъ (Стефана Виста). Въ опроверженіи догмата *Filioque* видно основательное знакомство автора съ литературою этого предмета не только иностранною, но и нашей отечественною,—каковы труды: Адама Зерникава, Теофана Прокоповича и преосвященнаго Мазарія.

²⁾ Въ главѣ приведены правила св. апостоловъ (27) и соборовъ (9 пр. Констант. соб., 5-е аятох. соб. и др.) а равно мѣста изъ св. Писанія, коими запрещается клирикамъ мірское преобладаніе надъ вѣрными. Но объ этомъ ново-

риками 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 критически обозрѣваются нововведенія римско-католической церкви въ области таинствъ: крещенія, муропомазанія, покаянія и причащенія. На ряду съ историческими извѣстіями относительно каждой изъ особенностей римской церкви по совершенію таинствъ (напр. поливательнаго крещенія, евхаристіи на опрѣснокахъ и т. д.), въ главѣ показана и несостоятельность ихъ на основаніи ученія св. Писанія, практики древне-вселенской церкви и собственныхъ доводовъ автора. Наиболѣе обстоятельно разобраны авторомъ таинства муропомазанія и особенно евхаристіи: послѣдняя разсмотрѣна въ связи съ литургіею или *миссою* католиковъ, совершаемою обыкновенно на латинскомъ языкѣ. Что касается таинства крещенія, то относительно своеобразной практики его у латинявъ не приведено историческихъ данныхъ ¹⁾, хотя и сказано достаточно въ опроверженіе ея вообще,—въ изображеніи же особенностей у р.-католиковъ таинства покаянія нѣтъ упоминанія о смертныхъ грѣхахъ, конфессіоналахъ и казуистическомъ богословіи католиковъ ²⁾. Въ изложеніи ученія р.-католиковъ о таинствахъ у автора замѣчается пробѣлъ и въ томъ отношеніи, что ничего не сказано о таинствѣ брака и въ частности—безбрачій западнаго духовенства, а также елеосвященія съ католической точки зрѣнія. Упомянуть о послѣд-

введеніи р.-католич. церкви не разъ уже упоминалось раньше,—особенно въ главахъ „о главенствѣ папъ“, а потому разсмотрѣніе его здѣсь является, на нашъ взглядъ, лишнимъ.

¹⁾ Замѣчено только, что еще въ XIII в. на западѣ повсемѣстно совершали крещеніе чрезъ погруженіе въ водѣ, хотя извѣстно, что даже въ XV в. удержалась такая форма крещенія. Послѣднее видно изъ требниковъ латинской церкви и практики того времени. См. Д. Marténe, *des rites sacrés de l' Eglise*; также: „Изложеніе ученія правосл. католич. церкви съ указаніемъ различій, встрѣчающ. въ ученіи др. христ. церквей“. Соч. Вл. Геге. Пер. П. Бузурина 1869 г. стр. 69.

²⁾ Въ казуистич. духѣ, напр., написано „Нравственное Богословіе Лигоріо (Liguorio); таковы тайныя духовныя бесѣды молодымъ діаконамъ или діаконаліи (diaconales).

нихъ таинствахъ далеко было бы не лишне въ виду полноты и цѣльности обзорѣнія ихъ.

Послѣ разсмотрѣнія таинствъ слѣдуетъ въ главѣ собственно литургическая часть со стороны ученія и практики католич. церкви. Тутъ обзорѣваются: обыкновеніе латинявъ совершать шепотомъ нѣсколько литургій въ одномъ и томъ же храмѣ, въ одно и то же время, на нѣсколькихъ престолахъ, не отдѣленныхъ никакими преградами (рубр. 10),—обычай совершать миссы въ частныхъ домахъ, на обыкновенныхъ комнатныхъ столахъ (11),—обычай въ воскресные дни и во дни Пятидесятницы молиться въ храмахъ стоя на колѣняхъ (вопреки обычаю восточной церкви), поститься въ понедѣльникъ, вторникъ и среду предъ праздникомъ Вознесенія Господня, а также по субботамъ во вся дни (14),—установленіе новыхъ обрядовъ (освященія золотыхъ розъ) и праздника Божіаго тѣла (15),—отсутствіе въ богослужбныхъ книгахъ католич. церкви молитвъ за государей и начальствующихъ надъ народами (16),—особенности въ крестномъ знаменіи и положеніи храмовъ на западъ (17),—внутреннее украшеніе и иконное писаніе въ латинскихъ храмахъ ¹⁾.

Всѣ эти отступленія р.-католической церкви въ области литургической разсмотрѣны авторомъ въ связи съ ученіемъ и практикою по каждому вопросу восточной церкви,—отчего несостоятельность католическихъ обрядовъ выступаетъ съ особенною силою. Въ разсмотрѣніи послѣднихъ сказалось основательное знакомство составителя книги съ богослужбною практикою католической церкви, а также литературою по разнымъ литургическимъ вопросамъ ²⁾. Особенно

¹⁾ Въ литургич. собственно части главы помѣщенъ разборъ р.-католическаго ученія о чистилищѣ (подъ рубр. 13),—но объ этомъ умѣствѣе было бы сказать въ отдѣлѣ о таинствахъ (таин. покаянія).

²⁾ Въ изложеніи литургич. особенностей р.-католич. церкви авторомъ удачно приведены неблагопріятныя мнѣнія о нихъ самихъ р.-католич. писателей, какъ: Наталісъ Александръ, Флёръ, Белларминъ, Боссюэтъ (in Defens. declarat.

богаты фактами и выводами изъ нихъ не въ пользу католичества разборъ установленія праздника Божіаго тѣла и разностей р. католиковъ сравнительно съ нами въ крестномъ знаменіи ¹⁾).

Показавъ несостоятельность католичества въ отношеніи догматовъ, таинствъ и богослужебныхъ обрядовъ, Авдій Востоковъ, подобно архимандриту Иннокентію ²⁾), высказываетъ въ концѣ сочиненія свой взглядъ на соединеніе р. католической церкви съ православною. Подтвердивъ событіями прошлаго и настоящаго времени нежеланіе р. католической церкви истинно-христіанскаго единенія съ православною церковію, А. Востоковъ указываетъ затѣмъ „плоды, какіе принесло бы признаніе главенства папы христіанскими церквами, правительствами и народами“. Исторія уніи въ юго-западной Россіи даетъ ему на это чисто отрицательный отвѣтъ: изображеніемъ печальныхъ послѣдствій ея для уніатовъ и заканчивается историко-полемицескій трудъ Авд. Востокова ³⁾).

cleri gallic. tom. II) и др. Изъ русскихъ писателей почему то не видно пользование сочиненіями свящ. Тарасія Серединаскаго: „О богослуженіи въ западной церкви“. Спб. 1849 г. и „О богослужебномъ благочиніи западной церкви“. Спб. 1859 г., выясняющими духъ и характеръ р.-католическаго богослуженія.

¹⁾ Историч. сторона праздника Божіаго тѣла изложена по сочиненіямъ: *Histoire de la Papauté*. M. Leopold Ranke. Paris. 1838 an. tom. I. и *Gmein. Xaver. Epitome Hist. Eccles.* tom. II, — а обличительная преимущественно на основаніи „Исторіи христіанск. догматовъ“ Геуриха Клеа (*Manuel de l'hist. de Dogm. chrét.* Paris. 1848 an.). Относительно перстосложенія католиковъ, въ древности сходнаго съ нашими, А. Востоковъ пользуется свидѣтельствами Гильома Дюрандо (*Rational. Divin. officii.* col. 2), Дидрона (*L' iconographie chrétienne.* Paris. 1843 an.), аббата Гома (*Catéch. de persévér.* tom. VII, Bruxel. 1845 an.) и др.

²⁾ См. Богословіе обличительное ректора казанской духовн. семинаріи, архим. Иннокентія. Т. 2-й, 1859 г. §§ 220—21. стр. 428—432.

³⁾ Въ частностяхъ высказаннаго въ концѣ сочиненія взгляда на католицизмъ можно находить преувеличенія и даже несоотвѣтствіе съ историч. дан-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

На основаніи представленнаго нами разбора „Записокъ“ Авдія Востокова можно уже видѣть, насколько удачно авторъ выполнилъ принятую имъ на себя задачу.

Прежде всего разсмотрѣнное нами сочиненіе прессы. Анатолія имѣетъ за собою не мало чисто-научныхъ и общелитературныхъ заслугъ. Къ чисто-научнымъ достоинствамъ книги по справедливости должны быть отнесены: полнота и новизна а отчасти и оригинальность изслѣдованія автора. Въ книгѣ затронуты и болѣе или менѣе обстоятельно разсмотрѣны всѣ существенныя и многія второстепенныя стороны изъ жизни католичества и папства. Въ первыхъ главахъ сочиненія (I—VI) авторомъ сдѣланъ обстоятельный разборъ средоточнаго пункта всего католичества—ученія о главенствѣ папы. Въ опроверженіи послѣдняго сказались: основательное знакомство составителя книги съ первоисточниками христіанскаго вѣроученія—св. Писаніемъ и св. Преданіемъ, а также и съ ученіемъ о церкви православныхъ богослововъ и р.-католическихъ (Перроне, Либермана и др.).

Въ слѣдующихъ до самаго конца сочиненія главахъ (VI—XXV) исторически представлены внѣшняя и внутренняя стороны жизнедѣятельности католичества—или точнѣе—папства. Тутъ въ особенности видны: близкія и вѣрныя свѣдѣнія автора о римской церкви, добытыя тщательнымъ изученіемъ ея исторій, догматовъ и установленій, равно и глубокимъ проникновеніемъ въ самый духъ этой церкви.

Благодаря открытому доступу автора „Записокъ“ въ

ними. Такъ, напр., на стр. 286—7 проводится черезъ-чуръ пессимистическій взглядъ на близкое возобладаніе въ мірѣ католичества, напоминающее средніе вѣка. На стр. 293 (въ примѣч.) проводится примирительный взглядъ на дѣятельность въ санѣ митрополита униатовъ—Іосифа Рутскаго, будто бы противо-дѣйствовавшаго окатоличенію униатовъ,—тогда какъ большинство историковъ видитъ въ немъ приверженца частаго латинства. См. Литовск. униа. М. Колячевича. 1-й т. стр. 98—102.

богатыя книгохранилища польскихъ пановъ и бискуповъ (о чемъ уже было говорено раньше), мы видимъ всестороннее знакомство его и съ латино-польскою литературою по многимъ вопросамъ полемики и исторіи юго-западнаго края. Особенно обширное знакомство составителя книги видно съ обрядностію католической церкви, бослужебнымъ ритуаломъ ея и всѣмъ строемъ религіозно-обрядовыхъ установленій и дѣйствій. Разнообразныя свѣдѣнія въ области обрядовыхъ установленій католичества, пріобрѣтенныя авторомъ чрезъ чтеніе латино-польскихъ книгъ и брошюръ, онъ и предлагаетъ читателямъ — преимущественно во 2-й ч. своего сочиненія. Многія главы этой части, какъ — напр. „образъ избранія, посвященія въ епископа и вѣнчанія на царство римскаго папы“ (XIX), „средства къ удержанію въ подчиненіи латинской церкви царствъ и народовъ латинскаго вѣроисповѣданія“ (XXI), „дѣйствія и средства латинской іерархіи въ обращеніи въ латинство и въ унию жителей западныхъ русскихъ областей“ (XXIV), „нововведенія, возникшія въ римской церкви, по отдѣленіи ея отъ вселенской“ (XXV) — представляютъ собою обильный матеріалъ для сравнительнаго изученія католической литургіи и вообще обрядности. На ряду и какъ бы въ параллель съ внѣшне-обрядовою стороною католичества въ сочиненіи (во 2-й ч. преимущественно) предлагаются и глубоко вѣрныя свѣдѣнія о самомъ *духѣ* и *особенностяхъ* жизни католической церкви. Таковы, напр., главы въ сочиненіи: XIV, XX, XXII, XXIII. Тѣ и другія предлагаемыя авторомъ свѣдѣнія явно запечатлѣны характеромъ *новизны* и отчасти *оригинальности*, дѣлающими ихъ важными для людей науки и интересными для общества ¹⁾.

¹⁾ Нельзя не признать всей вѣрности взгляда самого Анатолія на помѣщенныя въ его „Запискахъ“ свѣдѣнія. „Въ моихъ „Запискахъ“, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 1856 г. авг. 30 къ преосв. Макарію (впосл. митр. Московскому), есть много такихъ свѣдѣній, которыя не только трудно было бы отыскать, но вѣрному даже на мысль не пришло бы искать ихъ тамъ, гдѣ я отыскалъ ихъ. Такимъ образомъ мои „Записки“ могутъ служить указаніемъ на источники матеріяла и свидѣтельствъ для будущаго защитника нашей церкви“. См. Письма Анатолія къ М. митр. Макарію въ Правосл. обозр. за 1888 г. стр. 701.

Оцѣнивая историко-полемиическій матеріалъ, заключающійся въ книгѣ, съ точки зрѣнія пользованія имъ, мы должны сказать, что и въ этомъ отношеніи авторъ проявилъ присущія ему опытность и умѣнье. Изъ богатаго запаса ученыхъ познаній онъ щедрою рукою почерпаетъ тѣ или другіе факты въ подтвержденіе собственныхъ мнѣній и положеній и въ опроверженіе доводовъ противниковъ. При этомъ, обличая латинство, нашъ авторъ, смотря по надобности, прибѣгаетъ къ разнымъ приемамъ, допускаемымъ наукою: то къ прямому доказыванію несостоятельности положеній католицизма (см., напр., первыя главы, гдѣ преобладаетъ таковой способъ изобличенія католицизма), то раскрытію слѣдствій, своею крайностью отрицающихъ самое положеніе (такой приемъ употребленъ, напр., при разсмотрѣніи вопроса: какую пользу принесло бы подчиненіе папѣ российской церкви?—слѣдуютъ слѣдствія и отрицаніе самого положенія, стр. 287. ч. 2-я). Самые аргументы автора въ полемикѣ его съ латинянами отличаются, обыкновенно, вѣскостью и убѣдительностью,—и при этомъ въ большей степени тѣ, которые строятся на данныхъ св. Писанія и святоотеческихъ твореній, и наименьшей—собственныхъ соображеній автора (см., напр., гл. V, VII). Будучи оцѣниваемо такимъ образомъ и съ точки зрѣнія примѣненія къ дѣлу историко-полемиического матеріала, данное сочиненіе отвѣчаетъ въ общемъ *требованіямъ исторической науки.*

Но главный научный интересъ сочиненія заключается, по нашему, въ томъ положеніи или мѣстѣ, какое оно занимаетъ въ ряду произведеній историко-полемиического характера. На основаніи представленнаго нами разбора сочиненія можно видѣть, что по содержанию и основному тону оно не примыкаетъ ни къ одному изъ перечисленныхъ въ предисловіи полемиическихъ сочиненій съ характеромъ то общности (Хомяковъ, Самаринъ и др.), то частностей (С. Гогоцкій, А. Муравьевъ и др.). „Записки“ А. Востокова представляютъ въ себѣ, напротивъ, попытку создать новое ва-

правление въ нашей полемической съ латинами литературѣ, состоящее въ соединеніи общихъ основъ католичества и отдѣльныхъ выдающихся моментовъ въ самой жизни или исторіи его. Въ сочиненіи потому съ достаточною полнотою и обстоятельностью раскрыты, какъ духъ и характеръ католичества, вытекающіе изъ общихъ началъ его, такъ и внѣшняя сторона жизнедѣятельности его на протяженіи всей исторіи христіанства. Такая постановка нашей полемики съ латинами въ сочиненіи А. Востокова неизбежно вызывалась временемъ и была до нѣкоторой степени исторически необходимою въ общемъ ходѣ нашей полемики съ латинами. Въ томъ, что авторъ „Записокъ“ о римской церкви первый, можно сказать, повялъ и надлежаше оцѣнилъ эту потребность времени, издавъ вышеназванное сочиненіе, и заключается, на нашъ взглядъ, историческая заслуга послѣдняго.

Къ внѣшне-литературнымъ достоинствамъ сочиненія слѣдуетъ отнести: живое и увлекательное изложеніе автора, бывшее слѣдствіемъ отчасти присущей ему склонности писать съ воодушевленіемъ, а отчасти сильной ревности о православіи, руководившей мыслями и перомъ автора, общедоступный и правильный въ общемъ слогъ, логически-стройное раскрытіе основной мысли сочиненія и удачное вообще выполненіе конечной цѣли его—убѣдить читателя въ истинности началъ восточно-православной церкви и ложности р. католической.

Но сказанныя достоинства сочиненія не скрываютъ отъ насъ и недостатковъ его. Большая часть ихъ была указана нами равьше, при самомъ разборѣ сочиненія,—теперь же мы постараемся отмѣтить только выдающіеся изъ нихъ. Какъ на одинъ изъ важныхъ и въ тоже время господствующихъ недостатковъ, слѣдуетъ указать на то, что авторъ не всегда сохраняетъ тонъ спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдователя истины. Это отчасти и понятно въ человѣкѣ, знакомомъ по сочиненіямъ и личнымъ наблюденіямъ со всякими клеветами, распускаемыми про нашу православную

Анатолій Маргнвовскій.

церковь. Но справедливость требуетъ сказать, что истина православія не нуждается ни въ какихъ натяжкахъ и тѣмъ становится очевиднѣе для всякаго. Далѣе—видные недостатки сочиненія составляютъ: встрѣчающіяся въ книгѣ, и нами не разъ отмѣчавшіяся, отступленія отъ главнаго предмета рѣчи, бывшія слѣдствіемъ увлеченія автора обиліемъ и разнообразіемъ историческаго матеріала, допущенныя неточности и даже невѣрности въ передачѣ и характеристикѣ историч. фактовъ. Послѣдній недостатокъ зависѣлъ въ значительной степени отъ того, что авторъ „Записокъ“ о многихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ говоритъ видимо по памяти, не справляясь съ точными датами историческихъ сочиненій, или не имѣя ихъ подъ руками. Въ общемъ намъ кажется, что большая строгость плана, большая сжатость въ изложеніи, менѣе уклоненій отъ намѣченной цѣли доставили бы разсмотрѣнному труду больше силы и значенія¹⁾.

Можно указать и еще на нѣкоторые недостатки сочиненія съ внѣшней стороны. Такъ, напр., по мѣстамъ въ сочиненіи встрѣчаются неправильныя слововыраженія, цѣлые обороты рѣчи, частыя повторенія однихъ и тѣхъ же мыслей и даже фразъ и др. недосмотры со стороны литературной обработки²⁾; но всѣ такіе и имъ подобныя недостатки, при всей ихъ нежелательности, не могутъ особенно много вредить цѣнности сочиненія и съ избыткомъ выкупаются вышеуказанными внутренними и внѣшними достоинствами его.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія историко-полемическаго труда А. Востокова скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ отнеслась къ нему въ свое время литературная критика.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ означеннаго сочиненія

¹⁾ Что касается неполноты обозрѣнія А. Востоковымъ нѣкоторыхъ отдѣловъ сочиненія—что не разъ было отмѣчено нами раньше—то она не можетъ быть поставлена въ особенную вину автору и потому, что, издавая въ свѣтъ свои „Записки“, онъ не имѣлъ въ виду всесторонне и возможно подробно разсмотрѣть каждый изъ затронутыхъ имъ вопросовъ, для чего потребовалось бы много специальныхъ изслѣдованій.

²⁾ Многое изъ погрѣшностей сочиненія должно быть отнесено несомнѣнно и на долю не вполне исправнаго изданія книги.

(1857 г.), оно обратило на себя вниманіе нашей духовной литературы. Въ нѣкоторыхъ нашихъ духовныхъ журналахъ (Духовная Бесѣда, 1858 г. № 26, Правосл. Собесѣдникъ 1858 г. 12-я кн., Странникъ 1865 г. № 1) появились рецензіи о достоинствахъ и недѣлностяхъ этого сочиненія. Какъ ви кратки и общи эти рецензіи о сочиненіи А. Востокова, все же онѣ единогласно свидѣтельствуютъ собою о важномъ значеніи этого труда, считая его виднымъ приобрѣтеніемъ нашей духовной письменности.

Какъ высоко въ свое время цѣнили означенное сочиненіе вполнѣ компетентныя лица, лучшимъ доказательствомъ этого служить слѣдующій отзывъ о немъ ректора Кіевской академіи, архим. Антонія, въ письмѣ его къ преосв. Анатолію отъ 17 марта 1858 г. „Тысячекратно благодарю ваше высокопреосвященство за книги ваши „Объ отношеніяхъ римской церкви“, пишетъ архим. преосв. Анатолію. Я получилъ вдвойнѣ—и отъ васъ и отъ о. Гречулевича (издателя). Напрасно изволите беспокоиться, будто сочиненіе это не довольно отдѣлаво: оно прекрасно и преполезно и вполнѣ достаточно для своей цѣли. А привязкамъ опѣживающихъ комаровъ ничто въ свѣтѣ не удовлетворитъ, ни даже ангельское совершенство. Желательно, чтобы книгу эту распространило само начальство какъ можно больше, и чтобы она и за границу перешла. Напр., можно бы послать въ Венгрію—въ Будинъ, гдѣ уніаты Австрійскіе обваруживаютъ сильное движеніе религіозно-литературное и издають журналъ—церковную газету въ духъ уніи, и въ этомъ журналѣ рѣзко стоятъ за свою самостоятельность и вызываютъ насъ на взаимное уясненіе разныхъ спорныхъ предметов“¹⁾).

¹⁾ Письмо это помѣщено на страницахъ Церковнаго Вѣстника, изд. при С-Петербургской духовн. Акад. 1863 г. № 48. 4 стр. ч. неоффиц.

Прекрасный отзывъ о литературной дѣятельности пр. Анатолія вообще далъ и митр. Московскій Филаретъ въ письмѣ къ об.-прок. Сын. гр. А. П. Толстому отъ 1857 г. Рекомендую Анатолія на отервшуюся каведру экзарха Грузіи, м. Филаретъ писалъ графу: „Его (Анат.) знаете по его сочиненіямъ. Онъ имѣеть усердіе назидать наставу, и не сущихъ отъ двора православія въ оный

IV.

Брошюра „объ иконописаніи“.

Въ ряду литературныхъ трудовъ преосв. Анатолія не послѣднее мѣсто занимаетъ его брошюра объ иконописаніи ¹⁾. Практически знакомый съ иконописнымъ искусствомъ, преосв. принималъ горячее участіе въ судьбѣ отечественнаго иконописанія. Ближайшимъ поводомъ къ изданію преосв. Анатоліемъ означенной брошюры (какъ видно изъ предисловія къ ней самого автора) служило отсутствіе на русскомъ языкѣ какого либо теоретическаго руководства для художниковъ — иконописцевъ. Сколь невыгодно отражалось на иконописномъ дѣлѣ такое отсутствіе теоріи иконописи, это наглядно показываетъ намъ самъ авторъ въ своемъ предисловіи къ брошюрѣ. „По украшеніи иконописаніемъ вновь устроенныхъ или обновленныхъ храмовъ нашей Церкви, говоритъ преосв. Анатолій, мѣстное начальство обыкновенно поручаетъ духовнымъ лицамъ обозрѣть произведенія иконописцевъ и представить о нихъ свое мнѣніе. Въ такихъ случаяхъ часто искуснѣйшіе художники испытываютъ ту непріятность, что написанныя ими иконы не одобряются—или потому, что онѣ дѣйствительно не соотвѣтствуютъ своему назначенію, или что лица, на которыхъ возлагается разсмотрѣніе произведеній живописи, сами не имѣютъ надлежащаго понятія о томъ, чего отъ иконописанія требуетъ Церковь“ (I предисл.).

Желая устранить означенныя неудобства какъ для иконописцевъ, такъ и духовенства, пр. Анатолій и предпринялъ изданіе брошюры „объ иконописаніи“.

Цѣль изданія, по словамъ автора, „не механическая сторона иконописнаго художества, а указаніе на то, къ чему оно должно стремиться“ (I предисл.). Насколько авторомъ

призывать... Полагаю, что онъ одинъ изъ способнѣйшихъ занять мѣсто, о которомъ говорю. См. Собр. мн. и отзыв. Фаларета, м. Москов. изд. Саввою, архіепа. Тверск. 1888 г. Т. IV, стр. 295.

¹⁾ Въ первый разъ она издава въ 1845 году, а второй—въ 1867 году. Въмѣстѣ съ публицистическими статьями включена въ извѣстный сборникъ „Досуги арх. Анатолія“. 1868 г. Спб.

достигнута эта цѣль, отчасти можно видѣть изъ содержанія этого сочиненія. Съ нимъ въ общихъ чертахъ мы и намѣрены познакомить читателя.

Кромѣ краткаго предисловія, все сочиненіе состоитъ изъ 15 отдѣльныхъ главъ, изъ которыхъ каждая носитъ особое наименованіе, указывающее на ея содержаніе. Авторъ не сразу приступаетъ къ изложенію главнаго предмета своего сочиненія; въ началѣ его онъ сообщаетъ читателю краткія историческія свѣдѣнія о происхожденіи и судьбѣ въ родѣ человѣческомъ живописи вообще и иконописанія—въ частности.

Первыя двѣ главы сочиненія посвящены авторомъ разсужденію о живописи вообще. Показавъ на основаніи свидѣтельствъ св. Писанія и отцевъ Церкви, что способность къ живописи есть даръ Божій (I гл.), онъ затѣмъ разсматриваетъ (во 2 гл.) первоначальное развитіе этой способности въ человѣческомъ родѣ. Въ сжатомъ очеркѣ авторъ знакомитъ читателя съ различными фазисами развитія живописи какъ у древнихъ іудеевъ, такъ и язычниковъ (египтявъ, грековъ, римлянъ).

Въ 3 й главѣ сочиненія онъ подробно говоритъ о происхожденіи и судьбѣ иконописанія. Тутъ мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи иконописанія во времена гоненій христіанъ въ первые три вѣка (памятникомъ иконописанія этого времени служатъ символическія изображенія, сохранившіяся въ катакомбахъ), о постепенномъ развитіи его съ IV вѣка, объ иконоборческихъ смутахъ, о судьбѣ иконописи на западѣ, гдѣ образовались впоследствии (въ 15 в.) извѣстныя школы живописи: римская, флорентійская, венеціанская, болонская и ломбардская или италіанская. Особенно подробно говоритъ авторъ о судьбѣ иконописанія на Руси: начиная со введенія христіанства въ Россію, онъ исторически слѣдитъ за всѣми фазисами развитія иконописи до самаго послѣдняго времени. При чемъ отмѣчаетъ слѣды вліянія на родное иконописное искусство какъ греческаго или византійскаго стиля, такъ и италіанскаго.

Пользуясь изысканіями нашего ученаго любителя русских древностей г. Снегирева и знакомствомъ съ нашими древними грамотами и лѣтописями, авторъ первый, можно сказать, во всей полнотѣ и послѣдовательности показалъ, въ какомъ состояніи было у насъ искусство иконописанія до вторженія къ намъ западнаго вліянія. Онъ указываетъ, хотя и коротко, самое различіе между *пошибами* (Московскій, Строгоновскій), того, что мы называемъ теперь „*стилемъ*“ иконописанія; въ концѣ главы критически разсматриваетъ иконописныя работы художниковъ текущаго столѣтія (Боровиковскій и др.).

Послѣ ознакомленія читателя съ происхожденіемъ и судьбою иконописанія на Востокѣ (Греціи), Западѣ и на Руси, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, составляющихъ главный предметъ его сочиненія. Такъ, въ 4-й гл. имъ обсуждается вопросъ о томъ, „для какихъ цѣлей св. Церковь ввела въ употребленіе св. иконы“?

По этому вопросу авторъ приходитъ къ слѣдующимъ, основывающимся на свидѣтельствахъ изъ св. Писанія и церковной исторіи, выводамъ: вводя въ употребленіе св. иконы, Церковь желаетъ, „чтобы онѣ были поучительны, возжигали въ насъ духъ благочестія, возбуждали къ подражанію добродѣтелямъ, какъ бы олицетвореннымъ въ жизни Спасителя и святыхъ, доставляли намъ подтвержденіе въ молитвѣ и были какъ бы проводниками нашего благоговѣнія къ Богу и общенія со святыми“ (стр. 36. гл. IV).

Гораздо важнѣе по своему содержанію слѣдующая—пятая глава. Въ ней авторъ говоритъ о характерѣ иконописанія, именуемаго греческимъ. Послѣ перечисленія недостатковъ иконъ византійской живописи (неправильность рисунка, незнаніе поверхностей анатоміи человѣческаго тѣла, единообразіе въ лицахъ и др.), авторъ переходитъ затѣмъ къ изображенію ихъ достоинствъ (каковы: скромность положенія изображаемыхъ ликовъ, отсутствіе въ ихъ тѣлѣ дебелости и красноты, историческая вѣрность костюмовъ и др.), которыя какъ бы извиняютъ недостатокъ въ нихъ искусства и болѣе,

по мнѣнію автора, приближаютъ эти иконы къ ихъ истинному назначенію.

Вслѣдъ за характеристикой иконописанія византійскаго стиля авторъ излагаетъ критическій взглядъ (въ 6-й гл.) на церковно-историческую живопись школъ италіанскихъ и вообще новѣйшую. Отмѣтивъ многія достоинства этой живописи, которыхъ лишена греческая живопись (какъ напр.: правильность и свобода рисунка, глубокое изученіе поверхностной анатоміи человѣческаго тѣла, искусное размѣщеніе свѣта и тѣни и др.), авторъ указываетъ и недостатки ея, какими являются: своеволие, скорбительное для истинно-христіанскаго чувства, историческая невѣрность одежды, излишнее обнаженіе различныхъ членовъ человѣческаго тѣла и т. п. Считая произведенія италіанской живописи не соответствующими духу истиннаго христіанства, авторъ въ доказательство своихъ мыслей дѣлаетъ критическій разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ произведеній италіанской живописи: извѣстныхъ картинъ Рафаэля Санціо, представляющихъ Преображеніе Господне и Богоматерь или Мадонну, картины Леонардо-де-Винчи „Тайная Вечера“, „Послѣдній день Помпей“ и др.

Разсмотрѣвъ эти и нѣкоторыя другія произведенія церковно-исторической италіанской живописи, авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о нихъ: „очевидно, что живописцы старались о соблюденіи одной естественности въ своихъ произведеніяхъ, нимало не думая о томъ, что изображали предметы духовнаго міра и такихъ людей, которые хотя жили въ настоящемъ мірѣ, но не были отъ міра сего“ (6 гл. 46 стр.). Высказавъ глубокое сожалѣніе по поводу того, что русскіе художники—иконописцы увлекаются образцами живописи италіанской школы, авторъ въ заключеніе главы совѣтуетъ имъ больше вникать въ духъ и требованія христіанской и, въ частности, Россійской Церкви.

Изъ представленнаго нами вкратцѣ содержанія 5-й и 6-й главъ брошюры „объ иконописаніи“ можно уже видѣть, что

авторъ этого сочиненія обладаетъ какъ обширными свѣдѣнiями по затронутому имъ вопросу, такъ и рѣдкою способностью критики художественныхъ произведенiй.

По этимъ двумъ главамъ, имѣющимъ тѣсную связь съ главною задачею предпринятаго авторомъ труда, можно безошибочно судить о глубокомъ пониманiи имъ иконописнаго дѣла. Но изъ этихъ же главъ проглядываетъ и важный недостатокъ автора, это именно, что онъ боится произнести проскальзывающее у него мѣстами убѣжденiе о совершенной раздѣльности между иконописью и живописью. Эта боязнь, или лучше сказать такая неопредѣленность и недоконченность сужденiя видна хотя бы изъ того, что на ряду съ иконами или образами онъ разсматриваетъ и картины историческаго характера. Указавъ, напр., на многiе анахронизмы и несообразности съ духомъ истиннаго христіанства извѣстной картины „Послѣдній день Помпеи“, авторъ восклицаетъ: „что сказали бы христіане, пострадавшіе за иконописаніе, взглянувъ на подобныя изображенiя? Не посрамляйте матери нашей Церкви, взывавъ въ свое время Іоаннъ Дамаскинъ къ иконоборцамъ, не лишайте ее украшенiя! Теперь бы онъ умолялъ нашихъ художниковъ не посрамлять Церкви такими изображенiями“ (стр. 50, 6 гл). Много вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчанiй найдетъ каждый въ разборѣ авторомъ упомянутой картины, еще болѣе въ заключенiи о ней; но это заключенiе нейдетъ къ разбираемой имъ картинѣ и именно потому, что она—картина, а не икона или образъ.

Всѣ остальные главы, кромѣ одной (10-й) (гдѣ доказывається, что отъ иконописи требуется въ высшей степени историческая вѣрность и вообще правдивость), относятся болѣе къ иконописцамъ, нежели къ иконописи. Въ нихъ авторъ разсуждаетъ о томъ, что отъ иконописца требуются образованіе и жизнь, соотвѣтствующія понятiямъ христіанскаго ученiя, что онъ долженъ устранять отъ себя предметы, враждебныя духу христіанства, что отъ него требуется соображеніе относительно расположенiя св. иконъ въ храмѣ и

ми. др. Считаая излишнимъ излагать содержаніе остальныхъ главъ, мы только замѣтимъ, что вездѣ въ нихъ видны обдуманность и полное знаніе авторомъ своего дѣла; можетъ быть онъ чрезчуръ увлекается тамъ, гдѣ—говоритъ, что иконописецъ долженъ устранить отъ себя предметы, враждебные духу христіанства, это именно изображенія языческихъ боговъ и богинь. Изгоняя изъ мастерской художника статуи, авторъ, вѣжеться, перешелъ предѣлы должнаго...

Въ концѣ сочиненія приложено заключеніе, въ которомъ авторъ старается защитить иконопись въ византійскомъ стилѣ отъ возможныхъ противъ нея возраженій со стороны нѣкоторыхъ приверженцевъ италіанской иконописи. Въ своей защитѣ иконописи въ византійскомъ стилѣ онъ, между прочимъ, доказываетъ, что она болѣе соответствуетъ требованіямъ отечественнаго вѣроисповѣданія, нежели иконопись во вкусѣ италіанскомъ (съ мірскимъ характеромъ), что напрасно считаютъ ее безжизненною, обреченною на неподвижность: какъ всякое искусство и иконописаніе въ византійскомъ стилѣ можетъ и будетъ совершенствоваться до безконечности. Много и другихъ доводовъ въ пользу иконописанія въ византійскомъ стилѣ содержитъ въ себѣ заключительная глава сочиненія пр. Анатолія.

Разсмотрѣнная нами брошюра „объ иконописаніи“ пр. Анатолія не осталась незамѣченною въ свое время: по выходѣ своемъ въ свѣтъ она встрѣтила весьма сочувственный пріемъ среди любителей и знатоковъ иконописнаго художества. Вотъ что пишетъ о ней нѣкій рецензентъ. „Намѣреніе и цѣль ея (брошюры) превосходны, въ исполненіи большая часть прекрасна, все проиякнуто самымъ благороднымъ, истинно русскимъ, истинно-религіознымъ направленіемъ“. Бросивъ укоръ автору въ неуважительномъ подчасъ отношеніи послѣдняго къ свѣтскимъ живописцамъ, о которыхъ говоритъ съ невниманіемъ, не заботясь объ именахъ, собираемыхъ имъ во едино, рецензентъ продолжаетъ: „видя въ небольшой книгѣ объ иконописаніи (136 стр. изд. 1845 г.) первое и самое главное—

самостоятельность, потомъ благородство, чистоту и знаніе дѣла, присоединяя къ этому то, что это первое явленіе въ своемъ родѣ, первое не только у насъ, но и вообще въ книжномъ мірѣ, мы не можемъ не поставить ее между русскими оригинальными сочиненіями. Ошибки и недостатки ея вызовутъ, можетъ быть, другія сочиненія и дѣло представится во всей полнотѣ; но и то сказать по русской поговоркѣ: лиха бѣда начать, — а когда начнется, продолжать уже легче. Самыя изысканія автора этой книги будутъ уже превосходными матеріалами“¹⁾).

Недѣзя не признать основательнымъ и заслуживающимъ довѣрія этотъ отзывъ о сочиненіи пр. Анатолія нѣкагого рецензента и въ особенности послѣднія его замѣчанія о сочиненіи.

V.

Публицистическія статьи пр. Анатолія.

Для полноты обзорѣнія литературныхъ трудовъ пр. Анатолія намъ остается разсмотрѣть еще публицистическія статьи его, печатавшіяся въ Странникъ и Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи. Статьи эти были собраны впоследствии (въ 1868 г.) въ одно цѣлое и вмѣстѣ съ брошюрою „Объ иконописаніи“ и повѣстью „Пereгривъ“ составили собою известную намъ книгу „Досуги Архіепископа Анатолія“. Сюда включены, между прочимъ, слѣдующія статьи пресвященнаго: Гербовецкая икона Божіей Матери (Странникъ, 1862 г., мартъ, I, 157 стр.), нѣсколько словъ о чудесахъ всемогущества и промысла Божія (Странникъ 1860 г., июнь, I,

¹⁾ См. Москвитянинъ 1846 г. № 7. отдѣлъ критики, стр. 123—124. Есть еще небольшая замѣтка объ этомъ сочиненіи П. Матѣевскаго въ журналѣ Странникъ за 1867 г. № 5 стр. 15. Въ ней рецензентъ предлагаетъ образованному художнику принять къ свѣдѣнію совѣты относительно иконописи, подаваемые авторомъ брошюры.

256 стр.), — науки (1863 г., окт., отдѣлъ II. 1 стр.), астрономія и человекъ (1866 г. августъ отдѣл. II. 43 стр.), о воспитаніи юношества (Стр. 1862 г., февр., II. 89 стр.), совѣсть (1868 г. II. 57 стр.), гласность (1862 г., февр., 12 стр.), мысли по случаю современныхъ толковъ о духовныхъ семинаріяхъ и духовенствѣ отечественной церкви (Стр. 1861 г., дек., III отдѣл., стр. 6), мысли по случаю учрежденія губернскихъ комитетовъ для изысканія средствъ къ улучшенію быта приходскаго православнаго духовенства (1865 г., ноябрь, отд. II, 45 стр., — дек., отд. II, 103 стр.), мысли по случаю учрежденнаго въ 1865 г. миссіонерскаго общества (Странникъ 1866 г., іюль, отд. II. 1 стр.), религіозная и общественная жизнь евреевъ въ западныхъ областяхъ Россіи (Странникъ 1862 г., іюль, II отд., 323 стр.; августъ, отд. II, 359 стр.), старческія воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ совершившихся въ западныхъ областяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, съ 1793 г. по настоящее время (Вѣстникъ Юго-западной Россіи—1864 г. стр. 45, февраль¹⁾).

Считая излишнимъ излагать содержаніе всѣхъ этихъ статей, мы остановимъ вниманіе только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, лучше по нашему мнѣнію выражающихъ собою воззрѣнія писателя—публициста.

Въ статьяхъ „Науки“ и „Астрономія и человекъ“ авторъ весьма краснорѣчиво показываетъ, какъ повсюду во вселенной видны слѣды премудрости и благодати Божіей. Всѣ

¹⁾ Кромѣ перечисленныхъ статей есть еще и другія статьи преосвщ., не вошедшія въ сборникъ „Досуги архіепа. Анатоліа“. Таковы—помѣщенныя въ Странникѣ: „Скорби и утѣшенія Богматери“ (1868 г. II. 157 стр.), „Письмо къ требовавшему хотя краткаго наставленія о томъ, какъ узнавать и опредѣлять пророческій смыслъ св. Писанія“ (1869 г., II. май, 63 стр.) и въ Вѣстникѣ Юго-запад. Россіи: „Еще о хохломаніи“. Малороссъ А. Восточенко (1864 г. іюль, т. I-й, стр. 10). „Главная дѣятельность іерархіи латинской церкви“ (1866 г., т. II, стр. 139) и „Наставленіе русскаго своему сыну предъ отправленіемъ его на службу въ юго-зап. русскія области“. А. Востоковъ (1865 г., 3 кн., 241 стр.).

естественныя науки—какъ то: физика, минералогія, зоологія, ботаника, медицина и др. невольно приводятъ каждого въ призванію первопричиной всего существующаго Премудрое и Всеблагое Существо. Въ частности, въ статьѣ „Астрономія и человѣкъ“ авторъ старается вывести величіе, премудрость и др. свойства Божія изъ необъятности, гармоніи и стройности планетной системы. Всѣ свои разсужденія объ этомъ предметѣ онъ направляетъ къ той основной мысли, что, при всѣхъ успѣхахъ астрономіи, послѣдняя не можетъ ни проникнуть за предѣлы физическаго міра въ міръ духовный, ни изъяснить тайнъ человѣческаго бытія. Вообще же въ обѣихъ статьяхъ авторъ признаетъ полезность и даже необходимость изученія естественныхъ наукъ, но только при свѣтѣ Божественнаго откровенія: иначе вмѣсто ожидаемой пользы будетъ громадный вредъ. По сему поводу онъ даже полемизируетъ съ извѣстнымъ ученымъ—Пироговымъ, доказывая послѣднему, что не анализъ и критика, внесенные будто бы университетскими студентами въ изученіе Богословія (какъ думалъ Пироговъ), довели ихъ до безвѣрія, а именно то, что сами профессора, преподающіе естественныя науки, опасались указывать во всемъ очевидные слѣды творческой мысли Божіей (стр. 140).

Въ тѣсной связи съ только что разсмотрѣнными статьями Анатолія о наукахъ находится статья его о „воспитаніи ювошества“ (Досуга арх. Анатолія, стр. 168—200). Какъ въ первыхъ статьяхъ онъ требуетъ изучать естественныя науки при свѣтѣ Божественнаго откровенія, такъ здѣсь краеугольнымъ камнемъ воспитанія ювошества онъ поставляетъ религію. Въ посвященной этому предмету пространной статьѣ авторъ развиваетъ ту мысль, что на воспитателяхъ лежитъ священныи долгъ руководить своихъ питомцевъ въ познаніи закона Божія и исполненіи ими правилъ христіанской нравственности. При этомъ авторъ высказываетъ немало дѣльных замѣчаній о современной ему постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, во многихъ отношеніяхъ крайне

неудовлетворительной. Вообще же автору весьма было бы желательно видѣть въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, поднятіе и усиленіе правильного религіознаго образованія юношества: только при этомъ условіи преосвященный ожидаетъ и благихъ плодовъ отъ образованія.

Пр. Анатолія интересовали и многіе другіе вопросы, выдвигавшіеся современною ему русскою жизнью. Пребываніе его на покой въ Гербовецкомъ монастырѣ совпало, какъ извѣстно, со временемъ либеральныхъ реформъ, ознаменовавшихъ собою прошлое царствованіе. Преосвященный Анатолій чутко прислушивался ко всему, что говорили и писали въ ту пору по поводу тѣхъ или другихъ перемѣнъ въ общественной жизни. Принимая участіе въ судьбахъ дорогаго отечества, онъ нерѣдко изъ своего уединенія подавалъ голосъ о многихъ волновавшихъ общество вопросахъ. Такъ, напр., поставленные въ ту пору на очередь вопросы о гласности суда, о преобразованіи семинарій и училищъ, учрежденіи губернскихъ комитетовъ для изысканія средствъ къ улучшенію быта приходскаго духовенства и др. были предметомъ обсужденія и нашего Анатолія. Какъ же отнесся преосвященный, напр., къ вопросу о гласности суда? Онъ рѣшалъ этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, по своему. Его занимаетъ въ этомъ вопросѣ не столько то, какому суду нужно отдать предпочтеніе—закрытому или гласному; нѣтъ, не это важно во мнѣніи Анатолія. Все его вниманіе сосредоточивается главнымъ образомъ на той мысли, что судьи должны быть прежде всего истинными христіанами. Христіанскія образованіе и жизнь представителей судебной власти—вотъ-то главное по нему, что требуется для правильного нелицемѣрнаго суда: сама же форма суда безъ этого условія не имѣетъ особенно важнаго значенія. Оцѣнивая суды съ этой точки зрѣнія, Анатолій доказываетъ даже безцѣльность и бесполезность введенія гласнаго суда примѣрами, взятыми изъ исторіи Вѣтхаго Заваѣта, греко-римскаго міра и

современной ему практикѣ западныхъ государствъ (гдѣ зачастую встрѣчаются неправильные приговоры гласнаго суда). Не смотря однако на такое принципиальное рѣшеніе затронутаго вопроса, онъ все же въ концѣ статьи склоняется на сторону гласныхъ судовъ, хотя при этомъ и замѣчаетъ, что ожидать на землѣ совершенной правды нѣтъ основанія, какимъ бы образомъ суды ни были устроены, потому-что міръ весь во злѣ лежитъ (1 Іоанн. 5, 19; 222 стр.).

Въ статьѣ, написанной „по случаю современныхъ толковъ о духовныхъ семинаріяхъ и духовенствѣ отечественной церкви“, Анатолій старательно опровергаетъ нападки свѣтскихъ лицъ на наши семинаріи за господствующіе въ нихъ педантизмъ и схоластику и на наше духовенство за кастичность и замкнутость его. При этомъ семинаріямъ онъ противопоставляетъ гимназіи, оставляющія желать много лучшаго, а упреки за кастичность и замкнутость духовенства обращаетъ на само общество. Въ статьѣ есть немало дѣльныхъ, а главное, правдивыхъ мыслей въ защиту нашихъ семинарій и духовенства.

Въ статьѣ „Мысли по случаю учрежденія губернскихъ Комитетовъ для изысканія средствъ къ улучшенію быта приходскаго православнаго духовенства“ Анатолій весьма обстоятельно трактуетъ о мѣрахъ къ поднятію матеріальнаго благосостоянія священниковъ. Главною изъ такихъ мѣръ онъ считаетъ надѣленіе церковнаго причта въ достаточномъ количествѣ (болѣе 33 десят.) пахатною и сѣнокосною землею. Отъ этой мѣры онъ ожидаетъ самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для священниковъ, а именно, сближенія ихъ съ крестьянами, дѣятельной жизни, большаго обезпеченія средствами, нежели при пользованіи опредѣленнымъ жалованьемъ отъ правительства. Авторъ не оставляетъ безъ опроверженія и могущихъ быть возраженій противъ занятія священниками сельскимъ хозяйствомъ, хотя въ своихъ сужденіяхъ по этому предмету онъ впадаетъ въ крайность, не въ мѣру восхваляя занятія сельскимъ хозяйствомъ. Кромѣ

этого онъ предлагаетъ проэктъ устройства эмеритуры, приюта для престарѣлыхъ священниковъ и другія мѣры, направленные къ улучшенію быта духовенства. Въ обширной статьѣ (243—285), посвященной этому предмету, Анатолій выказалъ близкое знакомство съ бытомъ нашего приходскаго духовенства, а также практическій взглядъ на дѣло¹⁾.

Пр. Анатолій принимался за обсужденіе и такихъ вопросовъ, какъ миссіонерскій. Въ статьѣ, написанной имъ „по случаю учрежденія въ 1865 году миссіонерскаго общества“, онъ предлагаетъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ желающимъ посвятить себя этому дѣлу. Указавъ на необходимость приготовиться къ проповѣданію слова Божія молитвой и постомъ, онъ требуетъ затѣмъ особенной подготовки къ этому званію: при всестороннемъ знаніи христіанскаго ученія, по нему, обязательно знаніе инородческихъ языковъ, а также обычаевъ, предразсудковъ и суевѣрій язычниковъ.

¹⁾ Тѣсную связь съ этой статьёй имѣтъ обнародованная на страницахъ Кіевской Старины (1887 г., февраль, стр. 313—338) „Записка преосв. Анатолія о сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края“. Записка относится къ 60-мъ гг., когда учрежденный въ 1858 г. Комитетъ по обезпеченію быта правосл. духовенства зап. края былъ расширенъ въ главное Присутствіе при Синодѣ по тому же предмету для всей Имперіи. Она была представлена покойному императору Александру II, собственноручно написавшему на ней: „Обсудить въ учрежденномъ Комитетѣ при Синодѣ“. Записка—памятникъ свѣтлаго и оригинальнаго взгляда по данному вопросу, памятникъ заботы святителя о своей паствѣ и авторитетнаго свидѣтельства его о положеніи духовенства данной мѣстности. Нерѣдкіе случаи соращеній въ латинство воссоединенныхъ отъ уни простиыхъ поселянъ происходятъ, по мнѣнію доблщника, отъ нравственнаго и матеріальнаго приниженія нашего сельскаго духовенства. Мѣры же къ поднятію того и другаго положенія рекомендуетъ онъ слѣдующія: ограниченіе числа сельскихъ приходовъ, наемъ причетниковъ, дозволеніе рукополагать (въ видахъ уменьшенія духовной касты) въ священно-служители безъ обязательности условія брака, реформа семинарій, учрежденіе женскихъ школъ, увеличеніе содержанія священникамъ до 500 р., устройство для нихъ приличныхъ помѣщеній, образованіе приходскихъ совѣтовъ и открытіе при церквяхъ поселянскихъ училищъ. Многія изъ этихъ мѣръ отличаются своею практичностью и Высочайшимъ положеніемъ приведены въ дѣйствіе.

Вооружаясь противъ полицейскихъ мѣръ, онъ рекомендуетъ въ дѣлѣ проповѣди однѣ только кроткія христіанскія мѣры, которыми притомъ нужно пользоваться со всею осмотрительностью и терпѣніемъ. Въ общихъ чертахъ излагаетъ методъ проповѣди христіанскаго ученія среди язычниковъ и желательную постановку миссій. Для содѣйствія миссіонерскому дѣлу совѣтуетъ устроить женскія общины. Изъ этой статьи, общій ходъ мыслей которой нами представленъ, видно близкое знакомство автора съ положеніемъ у насъ миссіонерскаго дѣла, а также горячая преданность его интересамъ православія и отечества.

Въ разсмотрѣнныхъ нами доселѣ статьяхъ пр. Анатолий заявилъ себя, главнымъ образомъ, какъ высокообразованный архипастырь, которому дорога судьба отечественнаго просвѣщенія, а также интересы духовенства. Въ слѣдующихъ же статьяхъ политическаго характера Анатолий выступаетъ горячимъ патріотомъ—консерваторомъ, отстаивающимъ интересы русскаго государства. Какъ уроженецъ Малороссіи и дѣятель юго-западнаго края, онъ, безъ сомнѣнія, прекрасно зналъ исторію и современную жизнь малороссовъ, поляковъ и евреевъ. Плодомъ тщательнаго изученія пр. Анатолиемъ этихъ народностей явились его статьи: „Религіозная и общественная жизнь евреевъ“, „Еще о хохломани“ и „Старческія воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ, совершившихся въ западныхъ областяхъ Россіи и Царствѣ Польскомъ, съ 1793 года по настоящее время“. Въ первой изъ этихъ статей пр. Анатолий знакомитъ читателя съ особенностями религіозной жизни западныхъ евреевъ, раздѣляющихся на двѣ секты: мишнагимъ (отъ Мишны) и Хассидимъ (мелкообрядцевъ). Описываетъ семейную жизнь западныхъ евреевъ, ихъ кагалное устройство; раввиновъ и ихъ значеніе для евреевъ; приводитъ много примѣровъ обмана и всякихъ плутней евреевъ въ отношеніи христіанъ. Въ заключеніе статьи авторъ совѣтуетъ жителямъ западныхъ областей, не питая

вражды къ евреямъ, своситься съ ними крайне осторожно и осмотрительно.

Въ статьѣ „Еще о хохломаніи“ (подъ псевдонимомъ Восточенко), помѣщенной въ Вѣстникъ юго-западной Россіи, авторъ является истымъ патриотомъ Россіи, рѣзко осуждающимъ затѣи малороссовъ-хохломановъ отдѣлится какъ литературу, такъ и самую страну отъ вліянія и власти Великороссіи. Восточенко историческимъ путемъ старается доказать, что присоединеніе Малороссіи къ Великороссіи всегда представлялось дѣломъ необходимости: иначе Малороссіи грозило едва ли желательное для нея подчиненіе Польшѣ или Турціи. Посему бывшія раньше и современныя ему попытки хохломановъ отдѣлиться отъ Великороссіи авторъ называетъ безумными утопіями, ведущими къ гибели Малороссіи. Весьма интересны заключительныя слова автора, остроумно осмѣивающія пѣсню одного студента хохломана, начинающуюся словами: „Ой зъ-загоры, изъ-за кручи да скрыплять возы идучи, а по переду козаченько такъ выгукую йдучи: Украйно, Украйно, моя ридна маты: чи довго ще надъ тобою будуть пановаты“ и т. д. Эта статья, главнымъ образомъ, обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней возвышаетъ свой голосъ въ пользу Великороссіи одинъ изъ среды самихъ же малороссовъ, при томъ человѣкъ высокообразованный и вполне понимающій истинныя нужды родной Украйны.

Видное мѣсто въ ряду статей, помѣщенныхъ „въ Досугахъ пр. Анатолія“ занимаютъ его „Старческія воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и читаннаго о происшествіяхъ, совершившихся въ западныхъ областяхъ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, съ 1793 года по настоящее время“. Въ этой, весьма обширной по объему статьѣ (362—423 стр.), авторъ дѣлаетъ историческій обзоръ революціонныхъ проявленій въ Польшѣ въ разные періоды ея существованія. При этомъ онъ изображаетъ паденіе Польши въ концѣ 18 вѣка и положеніе поляковъ подъ русскимъ владычествомъ при импер. Екатеринѣ II, Павлѣ, Александрѣ I и т. д. Съ Анатолій Мартыновскій.

весьма интересными подробностями описывает бунты поляков въ 1830 и 1863 гг. Такъ какъ статья эта написана вскорѣ послѣ послѣдняго бунта поляковъ, очевидцемъ котораго былъ и самъ авторъ, то естественно въ ней нельзя искать спокойнаго и по возможности безпристрастнаго сужденія по затронутому имъ вопросу. Къ сильному патриотическому чувству его невольно примѣшались чувства раздраженія и негодованія противъ поляковъ. При всемъ томъ, въ виду близкаго знакомства автора со многими польскими первоисточниками, читатель найдетъ въ этой статьѣ немало интересныхъ указаній о жизни польской націи.

Не можемъ пройти молчаніемъ еще одного произведенія пера Анатолія, это именно аллегорической повѣсти его „Перегривъ“. Хотя оно и не относится въ разрядъ публицистическихъ, но, будучи включено наряду съ послѣдними въ „Досуги арх. Анатолія“, заслуживаетъ упоминанія о немъ. Повѣсть „Перегривъ“ въ цѣломъ рядѣ картинъ природы аллегорически изображаетъ вступленіе человѣка въ жизнь, происходящую въ немъ борьбу разнообразныхъ пожеланій и склонностей и, наконецъ, торжество добродѣтели и соотвѣтственную ей награду (восходъ на вершину горы съ возвышающимся на ней крестомъ). Въ этой повѣсти Анатолія весьма замѣтно сказалось художественное чувство автора, съумѣвшаго найти и въ видимой природѣ черты, аналогичныя съ духовною жизнью человѣка.

„Досугами архіеп. Анатолія“ мы и заканчиваемъ обзоръ и характеристику его учено-литературныхъ трудовъ. Оставляя въ сторонѣ, какъ уже разсмотрѣнное нами, то или другое значеніе ихъ въ ряду произведеній нашей духовной письменности, мы только замѣтимъ здѣсь, что въ общемъ эти труды служатъ дополненіемъ и подтвержденіемъ представленной нами въ біографіи характеристики личности и дѣятельности преосвященнаго. Они наглядно показываютъ

намъ, что печатное слово преосвященнаго шло въ неразрывной связи и полномъ соотвѣтствіи съ его практической жизнедѣятельностью, служа наиболѣе рельефнымъ и въ то же время плодотворнымъ выраженіемъ его жизненныхъ интересовъ и стремленій. Такъ—пастьерская попечительность преосвященнаго о пасомыхъ нашла себѣ живое отображеніе въ его проповѣдническихъ трудахъ,—ревность о православіи въ борьбѣ съ католицизмомъ—въ его сочиненіяхъ: „Вѣра, надежда и любовь“ и „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду“,—его художественная натура и способность къ живописи—въ брошюрѣ „Объ иконописаніи“, и, наконецъ, его любовь къ отечеству и родному сословію—въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ статей.

Надъ всѣми же частными чертами и сторонами жизнедѣятельности преосвященнаго въ его учено-литературныхъ трудахъ неизмѣримо возвышается слѣдующая важная черта—беззавѣтное служеніе интересамъ церкви и отечества, ставящее имя преосв. Анатолія на ряду со многими другими видными именами нашей іерархіи.

Къ рисункамъ преосвящ. Анатолія (гравюрамъ), помѣщеннымъ въ книгѣ: „Вѣра, надежда и любовь, излож. въ бѣсѣдахъ и размышленіяхъ“. Ч. I. II. С.—Петербургъ. 1854 г.

Изъ помѣщенныхъ въ означенной книгѣ десяти гравюръ 1-я гравюра изображаетъ собою Церковь Христову подъ образомъ вещественнаго храма. Въ основаніи храма согласно словамъ ап. Павла: *наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краугольному самому Иисусу Христу* (Ефес. 2, 20)—распростертъ громадный камень, посреди котораго положенъ Самъ Спаситель, а по сторонамъ Его—12 апостоловъ. Въ устройствѣ зданія храма какъ въ цѣломъ, такъ и частяхъ ясно сказывается идея Церкви Христовой, начертанной въ Писаніи. Оно сложено изъ множества ликовъ вѣрныхъ, живущихъ на землѣ, и нѣсколькихъ ангельскихъ, разсвѣнныхъ по гравюрѣ.

Надъ дверью въ храмъ начертана надпись: *азъ есмь дверь: Мною аще кто внидетъ, спасется* (Іоанн. 10, 7). Надъ столбами храма написано: *побѣждающаго сотворю столпа въ церкви Бога моего*. (Апок. 3, 12).

Надъ остальными частями храма сдѣланы тоже соответственныя надписи; такъ, подъ сводами храма начертано: *къ Нему же (І. Христу) приходяще... зиждитесь въ храмъ духовенъ* (1 Петр. 2, 4-5) и еще: *позна Господь сущия своя* (2 Тимое. 2, 19). На верху купола, увѣнчивающаго собою

храмъ, изображенъ съ распрóстертыми руками Тотъ, Кого Отець Небесный *даде главу выше встьхъ церкви, яже есть тѣло Ею* (Еф. 1, 22, 23), какъ гласить сдѣланная кругомъ полу надпись. По сторонамъ всего зданія храма написано: *да увѣси, како подобаетъ въ дому Божию жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утверждение истины* (1 Тимое. 3, 15).

Всѣ приведенныя нами надписи и нѣкоторыя другія своимъ краснымъ цвѣтомъ рельефно выдѣляются изъ темнаго фона цѣлой гравюры.

Общее впечатлѣнiе отъ гравюры получается такое, что художникъ старался навести върующихъ христіанъ на мысль о небесномъ отечествѣ, обративъ взоры ихъ отъ земнаго къ небесному.

Смотря на эту гравюру, каждый, въ простотѣ сердца върующій, невольно, кажется, перенесется мыслию въ горнее отечество, въ жилище Бога живаго. Съ художественной стороны гравюра представляется выполненною весьма удачно: особенно отчетливо сдѣланы миниатюры человѣческихъ головъ. Гравюра предшествуетъ трактату о крестномъ знаменіи.

2-я гравюра изображаетъ собою Пресвятую Троицу (см. прилож. I). На гравюрѣ изображенъ Ветхій деньми съ десною рукой благословляющей и шуйцой, держащей свитокъ книжный, рядомъ съ Нимъ сидящимъ—Предвѣчный Сынъ Его съ язвами на рукахъ и персяхъ и Св. Духъ въ видѣ парящаго голубя. Посреди св. Троицы Евангеліе, а по сторонамъ и у подножія—сонмы ангеловъ, въ видѣ миниатюрныхъ крылатыхъ существъ. По четыремъ угламъ картины видѣются 4 спутника евангелистовъ: ангелъ, орелъ, левъ и телець—всѣ съ хартіями. Въ промежуткахъ между ними разсыяны звѣзды. Въ общемъ гравюра представляетъ ясное обваруженіе идеи Божественнаго домостроительства нашего спасенія или—что тоже—милующую людей безконечную любовь Божию...

Гравюра предшествует трактату: Молитвенныя воздыханія къ Богу, внушенныя молитвою Господнею.

3-я гравюра изображаетъ Божию Матеръ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Выраженіе лица Пр. Дѣвы кротко-задумчивое. Предшествуетъ трактату: возношеніе мыслей и сердца къ Матери Божіей, при чтеніи молитвы: Богородице Дѣво.

4-я гравюра изображаетъ Господа Нашего І. Христа, сидящаго на тронѣ и благословляющаго обѣими руками. Въ фигурѣ Христа Спасителя, равно какъ и Богоматери (3-я грав.) замѣчается свободный рисунокъ, приближающій ихъ отчасти къ западнымъ образцамъ иконописи. За то въ изображеніи Христа Спасителя прилагаемомъ нами (2 е прил.) со словами: „прійдите ко Мнѣ вси труждающіися“ и т. д.—видво обдуманно—строгое слѣдованіе образцамъ восточнаго иконописанія. І. Христосъ на послѣднемъ рисункѣ представленъ въ положеніи стоячемъ съ благословляющею рукою. Части тѣла, а равно черты лица у него строго соразмѣрны и свомны, хотя и естественны. Выраженіе лица Спасителя умиротворяющее, разливающее вокругъ себя неземныя миръ и любовь... Удачное сіяніе кругомъ картины дополняетъ общее впечатлѣніе отъ нея.

Вышеуказанное изображеніе Христа Спасителя предшествуетъ трактату: возношеніе мыслей и сердца къ Богу, при слушаніи божественной литургіи.

5-я гравюра изображаетъ св. мученицу и равноапостольную Марію Магдалину колѣнопреклоненною и въ молитвенномъ состояніи (см. прил. 8-е). Во всей фигурѣ и на лицѣ ея видны сердечное сокрушеніе о грѣхахъ и глубокая скорбь объ утраченномъ Іисусѣ, любимомъ всѣми Учителѣ... Въ душу ея, одержимую скорбію и болѣзнями (извѣстно, что Спаситель изгналъ изъ Маріи Магдалины семь бѣсовъ — Марк. 16, 9), успѣлъ уже проникнуть и радостный лучъ

надежды съ явленіемъ Воскресшаго, обозначаемый на картинѣ дѣлымъ потокомъ свѣта въ видѣ сіянія, освѣтившемъ мрачную обстановку молящейся. Скала или точнѣе пещера съ высѣченнымъ каменнымъ гробомъ, крестъ и развернутая книга, а у подножія—сосудъ съ благовонными мастиками придають всей обстановкѣ молящейся видъ особенно трогательный съ отбѣвомъ таинственности.

Гравюра предшествуетъ трактату: покаянныя воздыханія готовящагося къ таинству покаянія.

6-я гравюра представляетъ собою Спасителя, изрекающаго надъ чашею и хлѣбомъ: „примите, ядите“ и т. д. (см. прилож. 3-е).

Особенною выразительностью въ этой гравюрѣ отличается ликъ І. Христа, на которомъ ясно отпечатлѣлась близость страдальческой кончины Его...

Предшествуетъ трактату: покаянныя воздыханія готовящагося къ принятію святыхъ и животворящихъ таинъ Христовыхъ.

7-я представляетъ распятіе І. Христа или Голгоѳу (см. прил. 4-е). На самомъ верху высокой и скалистой горы изображенъ распятымъ Христомъ Спасителемъ, имѣя по правую сторону себя Богоматерь, а по лѣвую любимаго ученика Іоанна. Распятьхъ вмѣстѣ со Христомъ разбойниковъ мы не видимъ въ этой гравюрѣ; вѣроятно художникъ желалъ изобразить одинъ только моментъ въ исторіи распятія, когда Іисусъ, обратившись къ Матери Своей, сказалъ: „Жено, се, сынъ твой!“—а къ ученику Іоанну: „се Мати твоя“. Объявшаея землю (съ 6-го до 9-го часа) тѣма и померяшее солнце дополняютъ собою знаменательный по своей важности и торжественности моментъ Распятія.

Предшествуетъ трактату: крестное шествіе І. Христа на Голгоѳу.

Особенно оригинальною по своей идеѣ и удачною по выполнению ея является 8-я гравюра. Она изображаетъ собою Ангела—Хранителя, спасающаго человѣка отъ окружающихъ его бѣдъ.

На картинѣ представлены: пустынная скалистая гора и на ней—на краю пропасти младенецъ, окруженный съ одной стороны—львомъ, готовымъ ежеминутно поглотить его, а съ другой—змѣей, извивающейся среди зелени и простирающей къ нему свое смертоносное жало. Въ виду, такихъ то опасныхъ сосѣдей беззащитнаго младенца схватываетъ за руку незримый стражъ—Ангелъ Хранитель, который увлекаетъ его за собою по извилистому и узкому пути на самый верхъ горы, гдѣ виднѣется крестъ въ снѣгѣ.

Такое удачное выраженіе идеи спасенія человѣка отъ окружающихъ его опасностей не оставляетъ, кажется, желать ничего лучшаго и въ художественномъ отношеніи.

Предшествуетъ трактату: молитвенное обращеніе къ Ангелу—Хранителю.

9-я гравюра представляетъ собою соборъ всѣхъ святыхъ, окружающихъ престолъ Всевышняго (см. прилож. 6-е). Тутъ изображены: Пресвятая Троица съ ликами ангеловъ и около Нея сонмы святыхъ, ближе—лики Пресв. Богородицы, Іоанна Предтечи, апостоловъ, жень муровосидъ и др.; далѣе отъ Престола—лики ветхозав. праведниковъ: Моисей, Аарона, Давида, Соломона и др.; еще далѣе—лики новозав. праведниковъ: мучениковъ, пустынниковъ, черноризцевъ, пастырей и учителей церкви. Изображенія святыхъ достаточно отчетливы и выразительны: большая часть ихъ нарисована съ атрибутами, отличающими каждаго изъ нихъ (Моисей съ десясословіемъ, Давидъ съ арфою и т. д.). Смотрящій на гравюру проходитъ мысленно—при томъ въ лицахъ—всю исторію ветхозав. и новозав. церкви,—что указываетъ на удачную группировку святыхъ.

Предшествуетъ трактату: молитвенное общеніе со святыми.

10-я гравюра изображаетъ собою сошествіе Иисуса Христа во адъ (прилож. 5-е). На гравюрѣ видны: ветхозавѣтные праведники, съ восторгомъ и радостію встрѣчающіе сошедшаго къ нимъ І. Христа, и самъ Спаситель, одною рукою держащій хоругвь—символь воскресенія, а другою—извлекающій праведниковъ изъ ада. Вокругъ Спасителя—сіяніе; вверху Его видѣются три миниатюрныхъ креста. Особенно хороши на гравюрѣ лики ветхозав. праведниковъ, призванныхъ къ новой жизни съ явленіемъ Спасителя...

Предшествуетъ трактату: молитвенныя воздыханія о усопшихъ.

Сверхъ указанныхъ гравюръ кисти преосв. Анатолія принадлежитъ еще прилагаемая нами гравюра (7-е прилож.)—св. Іоаннъ Богословъ, которой мы не встрѣчали въ книгѣ „Вѣра, надежда и любовь“.

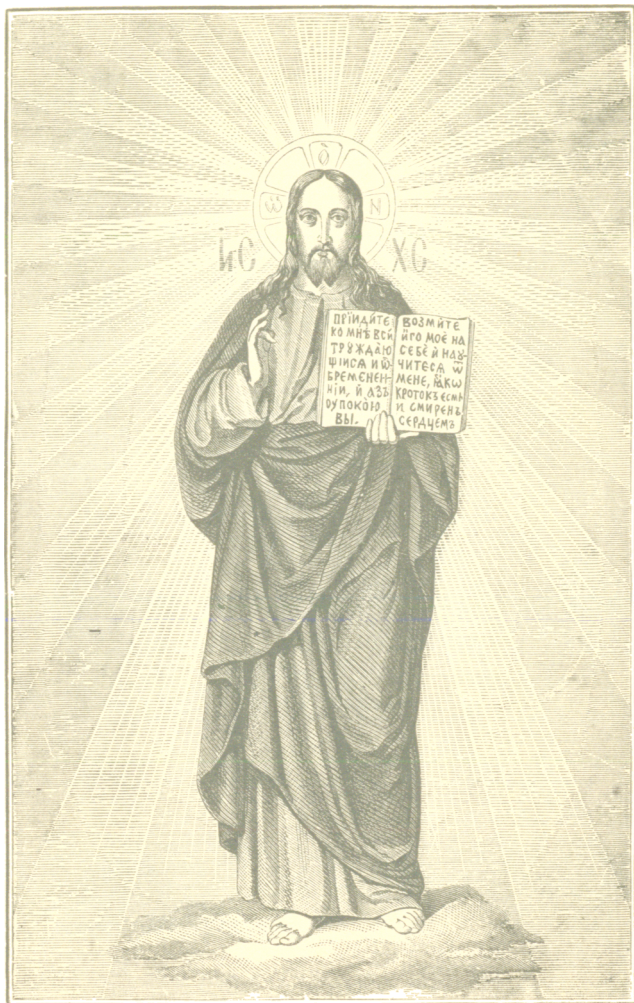
Рисунокъ представляетъ наперсника и собесѣдника, судьбъ грядущихъ проповѣдника—Христовъ апостола Іоанна съ неизмѣннымъ спутникомъ его—орломъ. Лучшимъ комментариемъ къ этой картинѣ служитъ извѣстное стихотвореніе А. Мартынова: „Орелъ, на Солнце правды зрящій, Свѣтильникъ ревности святой, Огнемъ премудрости горящій и благодати полнотой; Высокихъ тайнъ благовѣститель, небесной истины языкъ; Вселенной доблестный учитель и Бога—Слова ученикъ... Христовъ Апостолъ Іоаннъ! (изъ стихотвор. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову).

Замѣчен. недосмотры и опечатки.

Стран.	Строк.		Написано.	Читай.
7-я	2-я	1-го примѣч.	имѣ	недавно умершаго
9	2	1 прим.	соотвѣтствуетъ	соотвѣтствуетъ
17	12	сверху	Евгенія	Евгеній
17	11	снизу	улаждаете	улаждайте
39		примѣч. 1-е совсѣмъ не нужно.		
42	1	снизу	западныхъ	западныхъ
59	4	сверху	служенію	служенія
63	8	примѣч. 2-го	великому	великомученику
64	3	сверху	благословіе	благосостояніе
69	7	примѣч.	благочестія	благодѣствія
86	6	—	митавскаго	митавскаго
86	2	примѣч. 1-го	Анатолію	Антонію
111	3	сверху	что	чтобы
140	2	примѣч. 1 го	у Л. С. Мацѣевича	въ музей Кіев. акад.
141	1	снизу	благословініи	благосостояніи
144	2	примѣч. 1-го	394	39
148	9	снизу	интересы	вопросы
173	11	—	безумца	безумца
174	12	—	состояніемъ	состояніамъ
175	11	—	придаеть	придаютъ
178	6	—	упоминаеть	упоминаемъ

Пресвятая Троица.

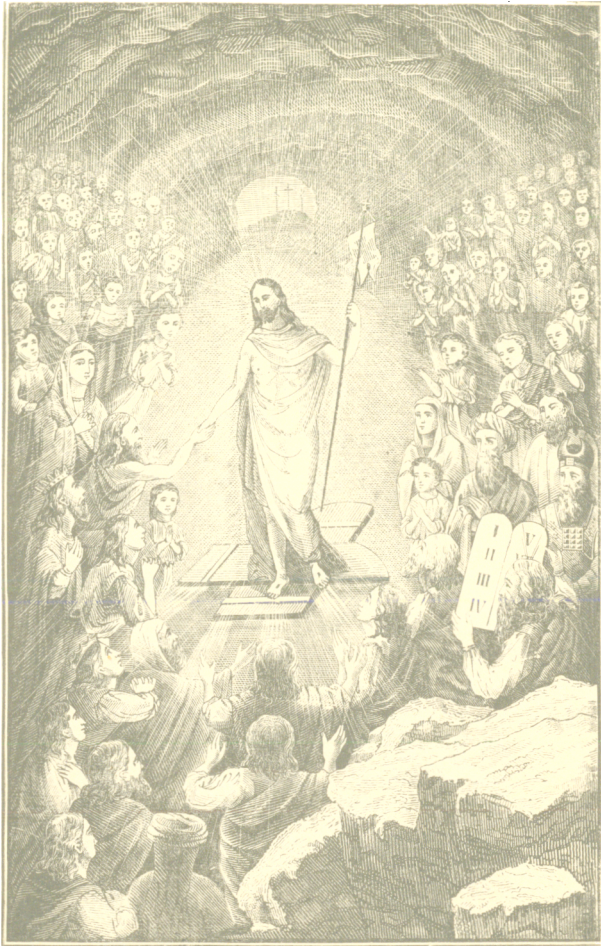

Христосъ Спаситель.

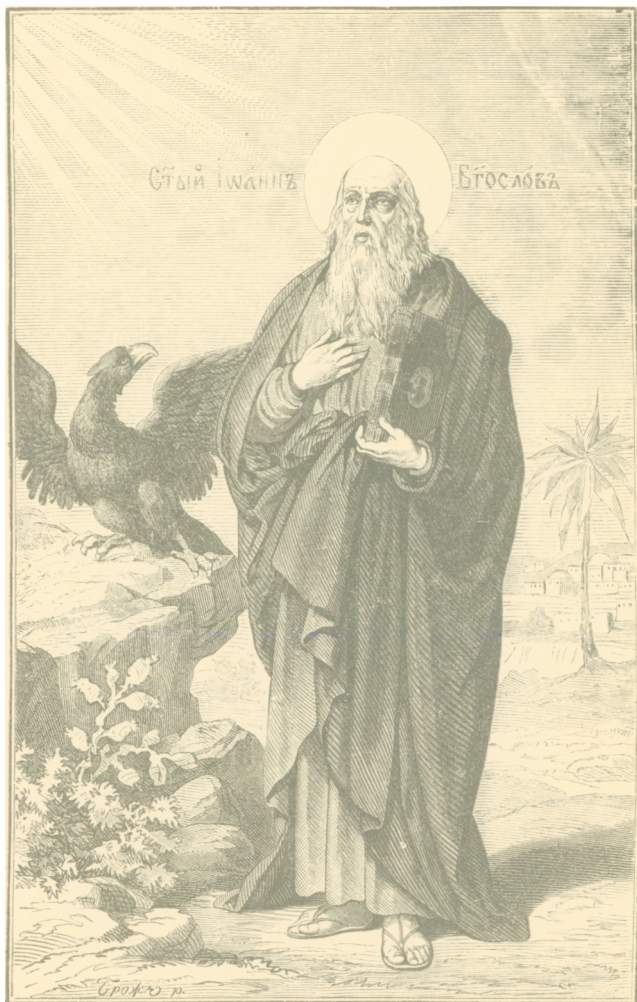
Голгофа.

Сшествіе Христа во адъ.

Собръе вѣхъ Святыхъ.

Св. Іоаннѣ Богословъ.

Св. Марія Магдалина.